

Содержание

Предисловие	7
Введение	10
ГЛАВА I. Методологические основы лингвистического изучения интероцепции	18
1.1. Сфера интероцептивных ощущений как объект междисциплинарного исследования	18
1.2. Внутреннее тело и интероцепция как объект изучения в современных гуманитарных науках	21
1.2.1. Философская рефлексия внутреннего тела и перцептивных процессов	22
1.2.2. Внутреннее тело в современной психологии	28
1.2.3. Телесная проблематика в культурологических исследованиях	32
1.2.4. Лингвистический потенциал теории интероцепции	37
1.3. Теория воплощенного значения как методологическая база исследования	40
1.4. Терминологический аппарат телесно-ориентированных исследований и возможности его использования в лингвистике	48
1.4.1. Тело и телесность	48
1.4.2. Схема и образ тела	51
1.4.3. Телесный опыт, экспериенцер и перципиент	55
Выводы	57
ГЛАВА II. Когнитивное моделирование интероцептивных ощущений	60
2.1. Понятие субъективной реальности	61
2.2. Внутреннее тело и интероцептивные ощущения как часть субъективной реальности. Феноменологические свойства интероцептивных ощущений	63

2.2.1. Перманентный характер восприятия	64
2.2.2. Специфичность канала восприятия	66
2.2.3. Внесоциальность и принципиальная неверифицируемость	68
2.2.4. Изменчивость и неконтролируемость	71
2.3. Интероцептивное ощущение как объект познания	73
2.4. Общие принципы когнитивного моделирования интероцептивных процессов	76
2.4.1. Понятие когнитивного пространства. Свойства когнитивного пространства внутреннего тела и интероцепции	77
2.4.2. Индивидуальное и коллективное когнитивное пространство	81
2.4.3. Конституенты когнитивного пространства интероцепции	82
2.4.3.1. Понятие когнитивной модели	83
2.4.3.2. Типология когнитивных моделей	85
2.4.3.2.1. Пространственная интерпретация интероцептивных ощущений	87
2.4.3.2.2. Соотносительные модели внутреннего тела и интероцептивных ощущений	95
2.4.3.2.2.1. Когнитивная модель «тело — дом»	96
2.4.3.2.2.2. Когнитивная модель «тело — машина»	102
2.4.3.2.2.3. Когнитивная модель «тело — биологический организм»	107
2.4.3.2.2.4. Когнитивная модель «тело — социум»	109
2.4.3.2.2.5. Когнитивная модель «тело — компаньон»	111
2.4.3.2.3. Кинематическая и каузативная модели интероцептивных ощущений	112
2.4.3.2.4. Когнитивные образы интероцептивных ощущений	121
2.4.3.2.4.1. Образы тактильной модальности	123
2.4.3.2.4.2. Образы зрительной модальности	129
2.4.3.2.4.3. Образы слуховой модальности	133
2.4.3.2.4.4. Образы вкусовой и обонятельной модальности	137
2.5. Конфигурация когнитивного пространства интероцепции	140
Выводы	144

ГЛАВА III. Словарь интероцептивных ощущений	147
3.1. Феномен «невыразимости ощущения» и его лингвокогнитивная интерпретация	149
3.2. Опыт систематизации словаря ощущений.....	152
3.3. Метафоричность как базовое свойство словаря интероцептивных ощущений	156
3.4. Экспериенциальный домен «экстероцептивное взаимодействие с окружающей средой».....	160
3.4.1. Субдомен «орудия»	161
3.4.2. Субдомен «живые существа»	168
3.4.3. Субдомен «природные явления»	174
3.5. Экспериенциальный домен «движение»	180
3.5.1. Пространственность как характеристика глаголов движения	181
3.5.2. Событийная схема движения. Фигура/траектор	184
3.5.3. Направление движения	187
3.5.4. Глаголы, кодирующие способ движения	192
3.5.4.1. Траектория движения	194
3.5.4.2. Скорость движения.....	201
3.5.4.3. Параметр «вес»	206
3.5.4.4. Другие глаголы движения	209
3.6. Домен «телесные ощущения».....	214
3.7. Словарь интероцептивных ощущений как динамически развивающаяся система	219
3.7.1. Историческая изменчивость словаря интероцептивных ощущений.....	219
3.7.2. Индивидуальная вариативность словаря интероцептивных ощущений.....	225
3.7.2.1. Интероцептивный идиолект С. Кинга	230
3.7.2.2. Интероцептивный идиолект У. Стайрона	234
Выводы	239

ГЛАВА IV. Роль процессов синтаксирования в вербализации интроцептивных ощущений	241
4.1. Синтаксическая структура высказывания как средство объективации личностных смыслов говорящего.....	241
4.2. Синтаксическая структура высказывания как репрезентация модуса переживания телесности	243
4.2.1. Философская контроверза «быть телом» и «иметь тело»	243
4.2.1.1. Модус «Я есть тело».....	247
4.2.1.2. Интермодусные образования.....	253
4.2.1.3. Модус «У меня есть тело»	256
4.3. Синтаксическая структура высказывания как отражение субъективного характера интроцептивного опыта.....	265
4.3.1. Субъектный инфинитивный оборот при предикате <i>seem</i>	267
4.3.2. Конструкции с предикатом <i>feel</i>	270
4.4. Когнитивно-релевантные различия между синтаксическими структурами тождества и сравнения при вербализации интроцептивных ощущений.....	274
4.5. Синтаксическая конструкция как средство репрезентации когнитивной модели внутреннего тела и интроцептивного ощущения	280
4.5.1. Соотносительная модель.....	280
4.5.2. Каузативная модель	282
Выводы.....	292
Заключение.....	295
Литература.....	298
Список принятых в работе сокращений	316

Предисловие

Эту книгу я посвящаю моей дорогой бабушке, Марии Сергеевне Пахалиной. Она была человеком неисчислимых достоинств и добродетелей, оставившим о себе добрую память в сердцах всех, кто имел счастье ее знать. Но память не единственное, что объединяет нас — ее близких и дальних родственников, друзей и просто знакомых. Все мы в определенном смысле оказались ее наследниками. Богатство наше — не фамильные драгоценности, а невообразимая роскошь ее необыкновенного языка, который, услышанный однажды, тут же и навсегда становился своим.

Как она говорила! Вкусно, колоритно, вворачивая словечки и фразочки непонятные, но смешные до невозможности, да еще с уютным оканьем и неподражаемым твердоватым «ч». Вспыльчивого и обидчивого человека она называла «пырском», скандального — «надолбой», невоспитанного — «шишигой сыромолотной», лицемерного — «облизерником», а навязчивого — «плеснитью». Угощая своими сказочными пирогами, приговаривала «Ешь а ты» и «пирживала», когда «чикварились», то есть привередничали. За неопрятный внешний вид критиковала и спрашивала «Что ты ходишь, как отымалка?». А то и припечатывала «Лузой Дудоровой» — жила у них в Конной Слободе такая «охрёма», имя которой стало для бабушки-аккуратистки нарицательным. Если случалось кому проявить нерасторопность, говорила: «Что ты замер, как статуя алебастренный?». За неподобающую длину юбки осуждала и язвительно предупреждала «Смотри, подол-то не оттопчи!». Входящие в моду шорты называла «трусисьшами» и носить запрещала, потому что «ты ж не стрекулистка какая». Если внуки начинали капризничать, огорчалась: «Ну все извиньгались». Если шалили — грозила «навешать шамбалушек», чего никогда на самом деле не делала, и сетовала: «Дух с вами не дышит». Учила порядку: «Ты, дочк, приучайса так: чайку попила, чашечку скатила, насухо вытерла и на мисто». Велела «почитать родителей» и дорожить ими, потому что «нет милей дружка, чем родная матушка». Дружила с соседкой Шурой «с читьвёртого» и сильно ее уважала, потому что Шура была (да и до сих пор есть) «женщина самостоятельна и культурна», а не какая-нибудь «сбрёха» или «пёрла деревенска». Исполняла на заказ шлягер: страшную до жути и совершенно алогичную сказку про «ведмия», которую полагалось рассказывать нараспев с заунывными интонациями (Все деревеевни-ти спят, деревуушки-ти спят...). В последние годы жизни, уже оставшись вдовой,

пристрастилась к мексиканским сериалам и со смехом признавалась: «Смотрю, пирживаю, плачу, а как телевизор выключу — ни грамминки не помню».

В редкие для него сентиментальные моменты дедушка, старообрядец, человек суровый и не терпящий «глупостей», называл ее «куколкой». Она и правда была нашей куколкой: маленькая, «грузненькая», уютная, с прямым пробором и аккуратной «корзиночкой», в беленьком ситцевом платочке в мелкий рисуночек и неизменной улыбкой на лице.

Мы родились с ней в один день, 22 ноября, с разницей в 57 лет. Я за версту узнавала ее по тяжеловатой походке, всегда чувствовала момент, когда она вот-вот позвонит, обожала, когда она оставалась ночевать, и, угнездившись под ее мягким боком, слушала ее незамысловатые житейские истории, которые давно знала наизусть («Дочк, я, чать, сто раз рассказывала?» — «Да нет, бабуль, не помню». — «Ну ладно, слушай, коли так»). Ей было что рассказать. Бабушка прожила тяжелую жизнь: полугодное революционное детство, молодость, которая пришлась на годы войны, предательство первого мужа, похороны троих из рожденных ею восьми детей, голод и олады из гнилой картошки для старших девочек, изнурительный физический труд, огромная послевоенная семья, где ребятишки «мои, твои и наши», но все одинаково дорогие и любимые, проблемы выросших детей, о которых «душа прямо гниет», заботы по воспитанию многочисленных внуков. Рассказывала спокойно, эпически, повествовательно. Никого не осуждала и ни на что не жаловалась.

Всю жизнь была певуньей и плясуньей. Она еще успела «повыбивать дробцы» на моей свадьбе и залиvisto попеть частушки, «потютюшкать» моих близнецов, попеть им «ан-тинь-тирли-лилин», полюбоваться, как они сосут «соски с кольчиками», поумиляться, как «шишолят» с игрушками в своих кроватках, исполнить шлягер про «ведмидя» и «повыбразжать» правнуками перед соседями.

А потом вдруг случился инсульт, и через три дня ее не стало. Она постаралась уйти быстро, потому что ничего в своей жизни не боялась больше, чем причинить «людям» хлопоты и стать обузой. На старости навалились на нее всякие хвори: глаза мутнели и видели все хуже, ломило все «тулбище», особенно «стамовик», в голове «черви копошились» и «сердце золой ело», но больше всего беспокоили ее «ноженьки», испещренные страшными варикозными узлами, которые все время «тосковали» и «стонали» так, что «инда брызги из глаз».

Вот эти «тоскующие ноженьки» и «съедаемое золой сердце» и стали много лет спустя предметом моего научно-лингвистического интереса.

Эта книга не о ней, но для нее. В память о самом добром и светлом человеке. В этом году ей исполнилось бы сто лет. Я не люблю ездить к ней на кладбище. Кладбище для мертвых, а для меня она всегда будет

живой. Нет-нет, да и проскользнет у меня ее словечко, и собеседник мой улыбнется, удивленно вскинет брови и переспросит: «Как-как? Надо запомнить...»; нет-нет да и вставится вдруг в лекцию «А вот моя бабушка в таких случаях говорила...», и студенты, радостно хихикая, кинутся записывать. Я не буду устраивать ей поминок. Лучше я помяну ее книгой. Попробую-ка я разобраться, почему ноженьки «тоскуют», а сердце «ест золой».

Введение

Более тысячи лет назад великий врач, ученый и философ Авиценна предложил универсальную формулу, очерчивающую границы человеческих перцептивных возможностей. Звучит она так:

*Слух, зрение, нюх и вкус и осязая нить
Охватывают все, что можно ощутить.*

На первый взгляд добавить здесь совершенно нечего. Действительно, окружающий нас мир предстает перед нами как совокупность предметов и явлений, которые можно потрогать, рассмотреть, понюхать, услышать и попробовать на вкус, причем некоторые объекты позволяют нам проделать с ними *все* эти процедуры, одновременно или по очереди. Но есть одно обстоятельство, которое Авиценна по какой-то причине не учел: мир человека не исчерпывается тем, что находится вокруг него. Он и сам есть целый мир, причем не в метафорическом, метафизическом смысле, а в прямом: внутри него, сокрытое кожей, существует небольшое по размеру, но огромное по своей значимости пространство, которое он не может ощутить ни одним из описанных Авиценой чувством. И это пространство время от времени напоминает о своем существовании, посылая нашему сознанию сообщения о происходящих в нем событиях. Мы чувствуем, как внутри что-то перемещается, меняет форму и размер, доставляет нам неудобство или удовольствие. Мы, действительно, все это ощущаем, но с помощью чего? Что это за «шестое чувство, которое позволяет нам воспринимать наши внутренние телесные состояния — быстро бьющееся сердце, которое сигнализирует нам о том, что бы напуганы иди взволнованы, ощущение бабочек в желудке, боль, которая требует нашего внимания» [Siegel 2010, с. 5]?

Ответ на этот вопрос был получен чуть более ста лет назад, когда физиологи приступили к изучению феномена внутренней чувствительности. Было установлено, что у человека есть не только **экстероцепторы** — нервные окончания, воспринимающие раздражения внешней среды, но и **интероцепторы**, которые расположены во внутренних органах и реагируют на изменения внутренней среды организма, воспринимая поступающие из нее стимулы. Интероцепторы составляют физиологическую основу **интероцепции** — восприятия внутрителесных стимулов.

Сам термин «интероцепция» был введен в научный обиход в 1906 г. английским физиологом Чарльзом Шеррингтоном, который использовал его для описания рецепторов слизистой оболочки пищеварительного тракта [Sherrington 1906]. Следует отметить, однако, что и до Шеррингтона этот вид чувствительности привлекал внимание физиологов, не получая, однако, точного терминологического обозначения. Так, например, русский ученый И. М. Сеченов указывал на существование «системных» чувств, «темных» ощущений, которые он относил «к разряду явлений самосознания», поясняя, что «разбираемые ощущения всегда присущи человеку, повторяются, стало быть, чаще, чем все остальные, и представляют, таким образом, один из самых могучих двигателей в деле психического развития». К «темным ощущениям» ученый относил неопределенное или тягучее мышечное чувство, неопределенные ощущения, исходящие из полостных органов груди и живота, более отчетливые ощущения, исходным пунктом для которых являются позывы, связанные с деятельностью мочевого пузыря и конечных отделов кишечника, и, наконец, некое валовое системное чувство общего благосостояния, исходящее «вероятно, из всех органов тела, снабженных чувствующими нервами», то, что представители старой школы именовали латинским термином “*vigor vitalis*” [Сеченов 1952, с. 77].

Системное исследование феномена интероцепции в нашей стране связано с деятельностью академиков В. Н. Черниговского и К. М. Быкова, которые посвятили значительную часть своих трудов изучению физиологических свойств интероцепторов. Благодаря усилиям этих выдающихся советских физиологов были систематизированы отдельные разрозненные научные данные, описана специфика интероцепции, определены виды интероцепторов, описаны интероцептивные безусловные рефлексy, изучены механизмы внутренней чувствительности и установлена ее роль в поведении организма. Примечательно, что В. Н. Черниговским была высказана мысль об особом субъективном характере восприятия интероцептивных ощущений [Черниговский 2007, с. 32]. Тем самым была намечена психологическая перспектива в изучении интероцепции и предложена, пусть и в имплицитной форме, идея диалога с гуманитарными науками в решении исследовательских задач.

Эта идея, однако, долгое время оставалась нереализованной, поскольку на протяжении большей части своей официальной истории гуманитарные науки проявляли мало интереса к «повседневной драме тела» [Woolf 2012, с. 5], предпочитая изучать глобальные проблемы интеллектуальной и духовной жизни человечества. Тело было элиминировано из разряда существенных атрибутов человеческого бытия и оставалось «концептуальным слепым пятном» [Grosz 1994] даже для самых антропоцентричных дисциплин, таких как психология, культурология и лингвистика.

В конце XX века, однако, практика «телесного негативизма» [Быховская 2000, с. 9] изжила себя, и естественные динамики телесности переместились с периферии научных дискурсов в их эпицентр. Эта соматическая революция была обусловлена сложным взаимодействием многочисленных и многообразных факторов, среди которых и социальный заказ на реабилитацию тела и телесности, и общая тенденция к гуманизации науки с провозглашением антропоцентризма основополагающим принципом современных исследований, и появление конкретных эпистемологических инструментов, позволяющих изучать телесные явления последовательно и системно. Основным из таких инструментов стала когнитивная парадигма, которая дала исследователям прочный базис, позволяющий свести воедино непосредственный телесный опыт, мыслительные процессы, связанные с его интерпретацией, и речевые практики, позволяющие вывести продукты этой сложной деятельности в дискурс. И именно эта парадигма позволила, наконец, обратиться к изучению interoцепции, обеспечив возможность конструктивного диалога между представителями различных гуманитарных дисциплин для выяснения того, как «как тело разговаривает с мозгом» (How the body talks to the brain) [Cameron 2001, с. 698].

Полноценное исследование interoцепции силами одной науки представляется непосильной, утопической задачей в силу специфики самого объекта изучения. «Смутный хаос» [Бахтин 1986, с. 50] interoцептивных ощущений — это скорее антиобъект, свойства которого могут быть описаны как единство пяти «не»: *ненаблюдаемость* (принципиальная невозможность зрительного восприятия), *нестабильность* (постоянные изменения в локализации и интенсивности сигналов), *неконтролируемость* (невозможность осуществления сознательного контроля со стороны перцепиента), *неверифицируемость* (невозможность проверки «истинности» interoцептивного опыта), *неразделимость* (принципиальная невозможность предоставить часть своего interoцептивного опыта для переживания Другому). Interoцептивные ощущения активно сопротивляются всем нашим попыткам «познать» и «понять» их, исключая возможность использования привычных для нас процедур, описанных Авиценной. Кроме того, субъективный характер переживания interoцептивных ощущений, о котором писал В. Н. Черниговский, крайне затрудняет аналитическую обобщающую деятельность, разбивая общее пространство interoцепции на множество отдельных, индивидуальных жизненных миров. И вот здесь и становится очевидной та роль, которую может сыграть в изучении interoцепции лингвистика, ибо доступ к этим мирам осуществляется главным образом в Слове, и именно Слово связывает воедино отдельные «мозаики ощущений» [Мерло-Понти 1989, с. 320] в сложную, пеструю, сюрреалистическую, но все же целостную картину — ту картину, которую мы называем в данной работе interoцептивным дискурсом.

Интероцептивный дискурс — это поле коммуникативных практик, формирование которого сопряжено со значительными трудностями. Эти трудности связаны, в первую очередь, с необходимостью перевода глобального, нерасчлененного, плохо осознаваемого внутрителесного опыта в дискретный и линейный словесный формат. Сложность этого процесса, его мучительность как нельзя более точно выразила Джудит Батлер: «Тело зависит от языка, если оно хочет быть признанным. Тем не менее, тело отвергает все возможные попытки языка ухватить его суть» [Butler 2001, с. 258]. Дискурс интероцептивных ощущений становится дискурсом невыразимого, и любая попытка интерпретировать внутрителесные события и вывести их в речь превращаются в акт сложного лингвокогнитивного творчества.

Этот творческий процесс в значительной степени регулируется социокультурной средой, которой принадлежит конкретный человек. Среда предлагает, фактически навязывает, определенный стандартный набор готовых, апробированных, универсальных языковых решений, за которыми стоят сформировавшиеся в коллективном когнитивном пространстве структуры. Такой набор лингвокогнитивных инструментов, позволяющих препарировать интероцептивный опыт, как правило, весьма немногочислен и не отличается большим разнообразием, сводясь к десятку наиболее общих и потому наименее информативных дескрипторов. И даже эти немногочисленные средства человек осваивает неравномерно и непоследовательно, поскольку практика специального словарного обучения распространяется, как правило, лишь на сферу экстероцептивного опыта, интероцепция же остается на периферии перцептивных дискурсов. Тем не менее, эти готовые средства словесного выражения предоставляют человеку определенные ориентиры в пространстве его ощущений и направляют его лингвокогнитивный поиск в определенное русло. Вспомним в этой связи Л. В. Щербу, который писал о том, что «язык часто заставляет нас отливать наши мысли в формы, им заранее заготовленные, <...> он иногда шаблонизирует нашу мысль; но дальше оказывается, что он же дает материал для преодоления этих форм, для движения вперед» [Щерба 1957, с. 113].

Действительно, слово *сказанное* всегда оказывается и словом *говорящим*: оно сообщает нам о том, как в данном сообществе принято интерпретировать внутрителесные ощущения. Оно обеспечивает нам доступ к тем «устойчивым ментальным привычкам» [Benthien 2002, p. 10], которые выработались, выкристаллизовались в нашей культуре в результате многовековых попыток понять, что происходит в том бесконечно близком и столько же бесконечно далеком от нас пространстве, которое мы называем своим телом. Усвоив эту привычку, сделав ее своей, мы обретаем способность к словотворчеству, получая возможность варьировать способ сло-

весного обозначения ощущения, не рискуя быть непонятыми нашим собеседником. Вот этот сложный лингвокогнитивный эквilibр, в котором уравнивается концептуальное и словесное, общее и индивидуальное и стал объектом нашего научного интереса.

Мы обращаемся к проблеме осмысления и вербализации interoцептивных ощущений в современной англофонной культуре. По нашему глубокому убеждению, изучение interoцептивных ощущений вообще — крайне сомнительное, бесперспективное в научном плане мероприятие. Дискурс ощущений — это неизменно дискурс определенной культуры в определенную историческую эпоху, сформировавшийся под влиянием строго определенных факторов. Говоря словами Дж. Бурк, которая занимается исследованием феномена боли, ощущение — это процесс, в котором переплетаются тело, разум и культура [Bourke 2014, с. 5].

Мы рассматриваем исключительно современные англоязычные литературные источники, датируемые последней третью XX – началом XXI века. Выбор современного материала дает нам ряд преимуществ. Во-первых, эта та дискурсивная среда, которая хронологически близка нам и которой в силу специфики своей профессии мы сопричастны культурно и лингвистически. Эта хронологическая и культурная сопричастность позволяет минимизировать искусственное «вчитывание» в текст смыслов, которые в нем изначально не были заложены, а также при необходимости обращаться к носителям языка с целью проверки правильности выдвигаемых предположений. В то же время, эта среда не является для нас родной, что позволяет выстроить необходимую для «объективного» анализа дистанцию. Последнее особенно важно потому, что interoцептивный дискурс фундаментально метафоричен, и стершийся характер многих метафор, их привычность мешают носителю языка увидеть регулярность многих моделей, навязывая представление о бессистемности и разрозненности.

При выборе источников мы сознательно отдавали предпочтение «низкой» литературе, полагая, что она в большей степени отражает сложившиеся практики коммуникации interoцептивного опыта. Мы активно используем текстовый материал таких популярных авторов, как С. Кинг, Д. Кунц, С. Кинселла, Р. Кук, руководствуясь не столько своими литературными пристрастиями, сколько представленностью соответствующей тематики в произведениях. Мы исповедуем исследовательские принципы, которые члены группы *Pragglejaz* называют *“real-world approach”* [Pragglejaz group 2007; Steen 2010]. Мы не конструируем искусственные фразы, основываясь на словарных дефинициях; мы работаем исключительно с фактами речевой практики, не отбраковывая никакой материал, какие бы устоявшиеся дискурсивные традиции он ни нарушал. Весь материал собирается «вручную» при чтении литературы. Корпусные исследования в данном случае возможны, но они способны предоставить лишь

весьма упрощенную модель интероцептивного дискурса. Дело в том, что субъективный внутрителесный опыт может отливаться в весьма необычные, нестандартные речевые формы, и предсказать, какие ощущения и с помощью какого репертуара средств будут выведены в речь, не представляется возможным. Лишь тщательная «ручная» выборка способна показать возможности лингвокреативного мышления современных англофонов и смоделировать процессы, происходящие в коллективном когнитивном пространстве современного англоязычного сообщества. Корпусные данные привлекаются нами лишь для того, чтобы отследить степень распространенности той или иной лексической или синтаксической модели в общем «муравейнике словесных следов» (М. Фуко).

Возможно, полевые исследования, построенные на опросах значительного количества информантов, могли бы дать более реалистичную картину современного интероцептивного дискурса. Однако в этом случае, как нам представляется, мы не получили бы столь разнообразного, лексически богатого материала. Кроме того, работа с письменным текстом позволяет нам отследить вариативность в использовании средств выражения интероцептивного опыта как в глобальном тексте одного писателя на протяжении длительных периодов его творчества, так и в работах разных авторов, получив тем самым картину диахронических и синхронических динамик. Возможность опоры на литературные произведения при исследовании подобных феноменов была убедительно обоснована в работах В. А. Подороги, А. Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья. В. А. Подорога называет литературу «документом телесного опыта» [Подорога 1995]. А. Ж. Греймас и Ж. Фонтанья, описывая «мир страстей», говорят о том, что он «участвует в построении “глобального текста”» произведений писателя [Греймас, Фонтанья 2007, с. 109] и предлагают видеть за отдельными индивидуальными, изолированными операциями проявление тех возможностей, которые заложены — «виртуализированы» — в языке [Там же, с. 97]. Литературные произведения изучаются и В. К. Харченко в рамках ее исследования по лингвосенсорике [Харченко 2011]. Обширный материал из литературных источников разных лет приводится в монографии Дж. Бурк [Bourke 2014].

Мы хотели бы подчеркнуть, что хотя исследование проводится на материале одного конкретного языка и представленные выводы действительны лишь в отношении этого языка, общие принципы анализа материала могут быть применены и к исследованию других лингвокультур.

Работа состоит из четырех глав.

В первой главе описываются методологические основы лингвистического изучения интероцепции. Обосновывается необходимость междисциплинарного подхода к изучению феномена, изучается тот культурно-исторический контекст, который способствовал возведению интеро-

цепции в ранг научной проблемы, определяются методологические подходы к лингвистическому изучению интероцепции и раскрывается потенциал теории воплощенного значения. Отдельный раздел посвящен терминологии телесно-ориентированных исследований, в котором представлено толкование базовых терминов и освещены спорные моменты в их употреблении.

Глава вторая посвящена проблеме когнитивного моделирования интероцептивных ощущений. Описываются феноменологические свойства интероцептивных ощущений, определяется степень их релевантности для их осмысления и вербальной репрезентации, вводится понятие когнитивного пространства интероцепции, рассматриваются основные типы когнитивных структур, в которых закрепляются результаты интероцептивного опыта, описывается конфигурация когнитивного пространства, вводится понятие интероцептивного концептуария, обсуждается возможность репрезентации ощущений в разных дискурсивных форматах.

В главе третьей описываются основные лексические средства, используемые при артикуляции интероцептивного опыта. Обосновывается метафоричность интероцептивного словаря, описываются функции метафоры, определяются основные доменные области, служащие источником метафорической проекции на область интероцептивных ощущений, анализируются основные тематические группы метафор и возможность варьирования их лексических репрезентантов, описываются функции других когнитивных и языковых механизмов (метонимия и метафтонимия), обсуждается возможность создания смешанных метафор. В заключительном разделе главы описываются динамические процессы, наблюдаемые в интероцептивном дискурсе. Исследуется историческая изменчивость словаря интероцептивных ощущений и его индивидуальная вариативность.

Глава четвертая посвящена описанию синтаксических конструкций, используемых для коммуникации интероцептивного опыта. Рассматривается их роль в дискурсе ощущений, определяются их основные функции, демонстрируется взаимозависимость между модальной рамкой высказывания и его лексическим наполнением.

Разумеется, в рамках одной работы невозможно представить столь сложное и многообразное явление, как интероцептивный дискурс, уделив должное внимание каждому его компоненту. Мы и не ставили перед собой столь амбициозную задачу. Наш подход сродни тому, который П. Гэрденфорс назвал «прогулкой жирафа по научной саванне»: мы пытаемся увидеть весь ландшафт проблемы, и нам не всегда удается спуститься до эмпирической «земли», в которой копошатся научные же «жуки-навозники», «бесконечно переворачивающие один и тот же материал, пока не извлекут из него все возможное содержимое» [Gärdenfors 2014, с. xi]. Мы хотели бы присоединиться к последним, поскольку многие рассматриваемые нами

аспекты проблемы обозначены лишь пунктиром и требуют дополнительной тщательной проработки. Но пока мы вынуждены пожертвовать глубиной проработки в пользу широты охвата проблемы. Перспективу дальнейшего исследования могут составить: сравнительно-сопоставительное изучение интероцептивных дискурсов с привлечением данных разносистемных языков и культур разных типов, диахроническое исследование с целью выявления внутренней динамики развития словаря и синтаксиса интероцептивных ощущений, переводоведческие исследования и многое другое.

Мы надеемся, что наша работа позволит в полной мере оценить научный потенциал проблемы и почувствовать притягательность материала, с которым мы работаем.

Глава I

Методологические основы лингвистического изучения интероцепции

1.1. Сфера интероцептивных ощущений как объект междисциплинарного исследования

*We are approaching a new age of synthesis.
Knowledge cannot be merely a degree of a skill...
it demands a broader vision, capabilities
in critical thinking and logical deduction
without which we cannot have constructive progress.*

Li Ka-shing

Сфера интероцептивных ощущений является принципиально новым объектом исследования в лингвистике и в качестве такового требует определения своего места и статуса в более широком научном контексте.

Поиск такого контекста в рамках самой лингвистики может осуществляться исходя как из тематики работы, так и из того специфического исследовательского ракурса, в котором заявленная тема рассматривается. Тематически наше исследование сопрягается с набирающим популярность направлением, в рамках которого изучается так называемая корпоральная семантика, или — шире — семантика телесности. Данное направление представлено работами А. А. Залевской [Залевская 2004], Д. Б. Гудкова и М. Л. Ковшовой [Гудков, Ковшова 2007], А. А. Романова и Ю. А. Сорокина [Романов, Сорокин 2004; 2008], а также рядом диссертационных исследований [Масалева 2010; Савченко 2010; Жадейко 2008; Бердникова 2000; Богус 2006 и др.]. Среди последних заслуживает особого внимания работа Л. В. Лаенко, посвященная описанию номинативных аспектов экстрацептивного восприятия [Лаенко 2005]. Эта работа представляет собой первый серьезный опыт системного «лингвоскопического» исследования перцептивных феноменов и знаменует собой качественно новый этап в развитии телесной проблематики в современной лингвистике. В фокус лингвистического интереса впервые попадают динамические телесные процессы, изучение и описание которых производится с учетом данных смежных гуманитарных дисциплин, а именно психологии. Перцептивные процессы стали объектом научного интереса и В. К. Харченко [Харченко

2011], которая занимается систематизацией сенсорной лексики, выявляет и описывает приемы усиления перцептивных образов, изучает влияние возраста, гендера и жанра художественного произведения на использование лексических единиц сенсорной семантики.

Идея сотрудничества различных гуманитарных наук в деле изучения феноменов человеческой телесности неоднократно высказывалась в научной литературе (см., например [Sielke 2007]), но до сих пор не нашла широкой поддержки в лингвистических кругах. Лингвисты в основном предпочитают не «размывать» границы своей дисциплины и стараются работать в рамках той или иной сугубо языковедческой парадигмы, воздерживаясь от участия в междисциплинарном диалоге. Данная практика, однако, доказывает свою ущербность при исследовании тех предметных областей, которые по определению не могут быть «узурпированы» одной-единственной наукой. К числу таких сложных областей принадлежит и телесность с ее «нередуцируемой многомерностью» [Киященко 2009, с. 11]. Необходимость междисциплинарного подхода диктуется самой спецификой тела как феномена, находящегося на пересечении материального и нематериального, частного и общего, индивидуального и коллективного, бытия и не-бытия. «Помещая тело на пересечение широкого спектра курсов гуманитарных, социальных и естественных наук» [Sielke 2007, *preface*], мы реализуем принципы системности, преемственности и непротиворечивости в описании телесных феноменов и обеспечиваем большую степень верифицируемости данных, получаемых в ходе специализированных узкодисциплинарных исследований. Кроме того, открытость для взаимодействия с другими гуманитарными науками является необходимым условием для развития и обогащения самой лингвистики, поскольку в ходе междисциплинарного сотрудничества обнаруживаются новые, нетривиальные, эвристически перспективные проблемные области, требующие лингвистической разработки. Одной из таких областей, несомненно, является интероцепция.

Необходимо уточнить, однако, в чем именно состоит междисциплинарный подход при лингвистическом изучении интероцепции. Как известно, в современной науке наметились две основные линии междисциплинарных исследований: концептуальная (или синтетическая) и инструментальная [Salter & Hearn 1996]. Концептуальный подход стремится к реализации платоновского идеала синтеза знаний. Предпринимается попытка создания относительно самостоятельной области знания, которая располагается между разными дисциплинами, не обнаруживая выраженного тяготения к какой-либо одной из них. Этот процесс предполагает достижение некоторого интегративного синтеза, достигаемого посредством развития новых понятийных категорий и методологической унификации. Концептуальная междисциплинарность реализуется лишь посредством объедине-

ния усилий представителей многих отраслей, которые выходят за рамки существующих корпоративных конвенций и вырабатывают принципиально новое знание. Инструментальный подход гораздо менее амбициозен. Исповедующие его исследователи заимствуют идеи из других дисциплин и применяют их понятийный аппарат и методики, не претендуя на создание непосредственного синтеза знаний и оставляя существующие границы дисциплин неизменными. Дж. Кляйн остроумно назвала такой подход «перекрестным опылением» (cross fertilization) [Klein 1990]. Инструментальный подход применяется в тех случаях, когда изучаемая проблема явно «просачивается» сквозь дисциплинарные границы, однако не требует для своего решения существенной ревизии методологических установок дисциплины. Этот подход оказывается особо продуктивным при разработке проблемно-ориентированных исследовательских проектов [Salter & Hearn 1996, с. 8]. Определенная научная проблема, как пишет Л. П. Киященко, «фокусирует на себе расходящиеся в обычных условиях исследовательские перспективы» [Киященко 2009, с. 13]. Инструментальный подход позволяет сохранить четкие, определенные рамки исследования (в нашем случае лингвистического) и при этом более основательно фундировать его, максимально логично и непротиворечиво вписав его в общий научный контекст. Лингвистам, использующим инструментальный подход, должно особенно импонировать предложение Л. Хатчин о замене термина «междисциплинарность» термином «междискурсивность», ибо, как пишет сама исследовательница, общение с выходом за пределы определенной дисциплины подобно «обучению дискурсу, тому, как следует говорить о своей деятельности» [Sielke 2007, *preface*].

Позиционируя свое исследование как междисциплинарное, мы придерживаемся именно инструментального подхода. Мы привлекаем данные философии, психологии, а также культурологии и отчасти нейрологии для того, чтобы выявить природу исследуемого феномена, определить его границы и структуру, найти оптимальный ракурс исследования, уточнить значение используемых в гуманитарных науках «телесных» терминов и определить степень их релевантности для лингвистического анализа, проверить валидность приводимых в работе предположений и обобщений.

Таким образом, междисциплинарный подход, используемый в настоящей работе, не является данью «интеллектуальной моде» и не продиктован стремлением соответствовать современным представлениям о «креативности и прогрессе» [Stehr & Weingart 2000, с. 1]. Он является необходимым условием, позволяющим 1) координировать лингвистическое исследование с теми традициями изучения телесных феноменов, которые уже сложились в гуманитарных науках, 2) учесть современные тенденции в разработке и интерпретации телесных феноменов, 3) обеспечить планомерность и поступательность в разработке телесной проблематики, спо-

способствовать качественному приращению знания, избегая повторной проблематизации того, что уже изучено и описано в гуманитарных исследованиях.

1.2. Внутреннее тело и интероцепция как объект изучения в современных гуманитарных науках

The inner body is your link with the Unmanifested, and in its deepest aspect is the Unmanifested: the source from which consciousness emanates as light emanates from the sun. Awareness of the inner body is consciousness remembering its origin and returning to the Source.

Eckhart Tolle

Формирование соматической парадигмы в современных гуманитарных науках — это весьма сложный, нелинейный процесс. Эпистемологическое освоение человеческого тела осуществляется скачкообразно и во многом непредсказуемо. Это связано в первую очередь с тем, что сам объект изучения не определен окончательно. Дискуссионными остаются наиболее базовые вопросы, определяющие исследовательскую перспективу и выбор методологического инструментария: что есть тело, что считать его границей, в какой мере гуманитарное исследование может и должно учитывать анатомо-физиологические характеристики тела, считать ли психические процессы частью телесной реальности и множество других. Фокус исследовательского внимания распределяется весьма неравномерно, и в эпицентре научных дискуссий оказываются, как правило, те стороны и сферы телесного существования, которые наиболее видимы и ощутимы в социокультурном взаимодействии и связаны главным образом с бытием внешнего тела. Тело внутреннее оказывается сокрытым от глаз как в прямом, так и в переносном смысле. Оно нечасто привлекает внимание исследователей-гуманитариев, и рассматриваемые в данной работе интероцептивные феномены, связанные с жизнью внутреннего тела, никоим образом не могут быть отнесены к числу активно разрабатываемых проблем. Тем не менее, предпосылки для такого рода исследования существуют, что мы и намерены показать в данном разделе работы, осветив те аспекты философских, психологических и культурологических концепций, которые в той или иной мере затрагивают внутреннее тело и могут послужить базой для исследования интероцептивных феноменов в лингвистике. Кроме того, обращение к философским теориям тела необходимо для того, чтобы

проследить генезис теории воплощенного значения, являющейся методологической базой настоящего исследования.

1.2.1. Философская рефлексия внутреннего тела и перцептивных процессов

*There is more wisdom in your body
than in your deepest philosophies.*

Friedrich Nietzsche

Человеческое тело как таковое не является принципиально новым объектом философской рефлексии и открытием исключительно современной науки. Интерес к телесной проблематике отмечается в трудах античных философов (Аристотель, Платон), раннехристианских теологов (Блаженный Августин, Плотин), а также философов Нового времени (Р. Декарт, Т. Гоббс, Ж. О. де Ламетри, И. Г. Гердер, И. Г. Фихте). Таким образом, как остроумно замечает Д. Г. Иоффе, современные изыскания в данной области не могут быть описаны «в терминах какого-то особого интеллектуального “первопроходчества”» [Иоффе 2008, с. 3].

Новаторство современной философии заключается главным образом в смещении фокуса внимания и смене аксиологических установок. Тело не рассматривается более как атрибут или антитеза души; оно приобретает статус самостоятельного и самоценного объекта анализа. Расширяется спектр изучаемых телесных манифестаций — в поле зрения философов попадает не только телесная оболочка как локус самоидентификации субъекта, но и область внутреннего тела — сфера чувств и ощущений.

Научный приоритет в освоении телесной проблематики в XX веке традиционно признается за философией экзистенциализма.

Проблематизация тела и возведение его в ранг полноценного объекта познания обычно связывают с деятельностью Г. Марселя. В своем «Метафизическом дневнике» (1927 г.) Г. Марсель рассматривает тело как экзистенциальную опору индивида в мире, показатель его причастности миру. За телом, пишет он, «стоит единственная и неоспоримая реальность» [Марсель 2007, с. 127].

Важно подчеркнуть, что человек во плоти для Марселя — это не просто банальная очевидность физического телесного существования; тело несводимо к «фигуре, которую оно представляет в данную минуту» [Там же, с. 128]. Тело — это «определенный способ дления», «резерв будущего», обеспечивающий «нахождение» в этой жизни. Тело — это «моё всё» в том смысле, что оно представляет собой «абсолютное условие любого возможного инструментального отношения и также любого возможного наслаждения» [Там же, с. 126]. Весь онтологический мир, противопостав-

ленный миру трансцендентному, образуется связями, ощущениями и чувствами человеческого тела, а также базирующимся на них сознанием. Тело выступает в качестве абсолютного посредника, единственного источника и проводника информации об окружающем нас мире.

В сходном ключе рассуждал Ж. П. Сартр, который рассматривал тело как способ и средство «включенности» [Сартр 2011, с. 330] человека в мир. «Мое тело, — пишет Ж. П. Сартр в трактате «Бытие и ничто», — одновременно равнообъемно миру, охватывает все вещи и объединено в единственную точку, на которую все они указывают и которой являюсь я без возможности ее познать» [Там же, с. 338]. Последнее свойство — принципиальная непознаваемость тела — нуждается в дополнительных комментариях. Тело человека признается непостижимым на том основании, что оно не является объектом в строгом смысле этого слова. К нему неприменимы все те привычные процедуры, которыми мы пользуемся для познания окружающих нас предметов. Тело не *познается*, а *переживается* [Там же, с. 344]. В романе «Тошнота» Ж. П. Сартр пишет о том, что ощущает свое тело «каким-то подспудным органическим чувством» [Сартр 1992]. Это мнение, пусть и выраженное средствами художественного произведения, подтверждается данными современной физиологии и психологии, ясно указывающими на то, что синтез тела не достигается посредством интеллектуальных усилий. Данный процесс обеспечивается специфическим типом перцепции (проприоцепции) и наличием сформированной с его помощью схемы тела. Одним из важных методологических и лингвистически релевантных следствий данного обстоятельства является то, что тело вообще и внутреннее тело в частности представляет собой уникальный объект познания, когнитивное освоение которого требует специфического комплекса ментальных процедур.

Для нас немаловажен тот факт, что Сартр обращает внимание на важность перцептивных процессов в обретении телесного опыта. Его описание «подспудного органического чувства» явно перекликается с формулировкой «темные ощущения», предложенной И. С. Сеченовым для обозначения интероцептивных процессов [Сеченов 1952, с. 77] и заставляет читателя задуматься о специфике тех перцептивных процедур, которые связаны с переживанием именно *внутреннего* тела.

Сартр последовательно проводит мысль о том, что постижение собственного тела возможно лишь в образе тела *другого* — того, кто представляется нам полноценным объектом познания. Решающую роль в этом постижении играет язык, который является единственным средством объективации «невыразимого» тела: «Мы смиряемся с тем, чтобы нас видели глазами другого; это значит, что мы пытаемся узнать наше бытие посредством открытий языка. Таким образом, появляется вся система языковых соответствий, которыми мы обозначаем наше тело, каким оно является

для другого, используя эти обозначения для наименования нашего тела, каково оно есть для нас. Именно на этом уровне происходит аналогичное уподобление тела другого и моего тела» [Сартр 2011, с. 371]. Язык, таким образом, служит средством упорядочивания и, в определенной степени, унификации телесного опыта.

В этой части идеи Ж.-П. Сартра обнаруживают отчетливые корреляции с концепцией внутреннего тела М. М. Бахтина. Как известно, М. М. Бахтин различает два телесных канона: тело внешнее и тело внутреннее. Внешнее тело пространственно очерчено, «территориально» определено в рамках тех линейных границ, которые зрительно воспринимаются другим. Целостный образ собственного внешнего тела недоступен сознанию. В своей полноте и завершенности оно предстает лишь другому: «во внешне-едином видимом, слышимом и осязаемом мною мире я не встречаю своей внешней выраженности как внешний же единый предмет рядом с другими предметами, я нахожусь как бы на границе видимого мною мира, пластически-живописно не соприроден ему» [Бахтин 1986, с. 30]. В этом смысле можно говорить о принципиальной несамодостаточности внешнего тела, его зависимости от формирующей деятельности другого. В противоположность ему, внутреннее тело — «тяжелая плоть» — «восчувствовано, переживаемо изнутри» [Там же, с. 43]. Заметим, что данное свойство внутреннего тела, придавая ему завершенность и самодостаточность, одновременно изолирует, «радикально изымает» (Х. Арендт) человека из мира. «Восчувствовано» внутреннее тело может быть только самим человеком, который оказывается не в состоянии разделить этот перцептивный опыт с кем-либо другим и вынужден прибегать к посредству языка, для того чтобы придать ему свойство реальности.

Восчувствованная «тяжелая плоть» стала объектом более пристально-го внимания в феноменологической традиции. Наиболее ценными для нашего исследования являются идеи, изложенные в работах М. Мерло-Понти, в частности, в «Феноменологии восприятия» (1945 г.), где не только изложено феноменологическое понимание тела, но и представлены философские основы теории перцепции.

В философской концепции Мерло-Понти телу отводится роль субъекта в «первичном открытии мира». Философ описывает тело как «часового», стоящего у основания слов и действий человека, «проводника бытия в мир», «ось мира». Тело, по мнению Мерло-Понти, выполняет в этом мире специфическую функцию: являясь его продолжением и будучи вплетенным в его ткань, оно в то же время представляет собой «универсальный измеритель», «меру всего» [Мерло-Понти 1999, с. 261].

Философская концепция М. Мерло-Понти является опытом холистической трактовки человека, предполагающей рассмотрение телесных и психических его проявлений в их естественном единстве. Тело и душа

изначально нераздельны и не могут быть противопоставлены друг другу. Традиционный для восточной философии, этот подход во многом явился революционным для философии западной. «Отдельно взятый конкретный человек, — пишет Мерло-Понти, — это не психика в соединении с организмом, это хождение существования взад-вперед между телесностью и личностными поступками. Психологические мотивы и телесные причины зачастую переплетаются, ибо в живом теле нет такого движения, которое было бы совершенной случайностью с точки зрения психических интенций, и нет такого психического акта, зерно или общая схема которого не содержалась бы в физиологических механизмах» [Там же, с. 126].

М. Мерло-Понти выступает с критикой объективирующей рефлексии в традициях картезианской философии. Тело для него не является объектом, подобным тем, которые обнаруживаются в окружающем мире. Традиционный рефлексивный подход, четко противопоставляющий субъект и объект, способен дать нам лишь «тело в идее», но не «тело в реальности». Реально познать тело можно лишь живя им, «беря на себя драму, которую оно переживает, смешиваясь с ним» [Там же, с. 257]. Тело есть «естественный субъект», «предварительный набросок моего целостного бытия». Данная мысль поддерживается и представителями других философских направлений, утверждающими, что живое тело существует лишь вне рамок объективирующего дискурса, и неизбежная в процессе познания объективация тела — это его умерщвление [Подорога 1995, с. 21].

Тело определяется Мерло-Понти как «совокупность проживаемых значений, которая ищет равновесия» [Мерло-Понти 1999, с. 205]. Тело — это не *вещь*, а *отношение* к миру. Философ называет тело «синергетической системой, все функции которой взаимосвязаны и воспроизводятся в общем движении от бытия к миру» [Там же, с. 301]. Обладать телом — это не значит замкнуться в некоей четко отграниченной от мира пространственной структуре. Напротив, это «означает для живущего срачиваться с определенной средой, сливаться воедино с определенными проектами и непрерывно в них уллубляться» [Там же, с. 118]. Следовательно, познание окружающего мира — это не акт произвольной рефлексии, осуществляемой бесплотным сознанием. Этот процесс происходит при участии всего тела и обеспечивается единством и согласованностью объективных телесных механизмов, благодаря взаимодействию которых предмет схватывается во всей его целостности. Интересна в этой связи мысль, высказанная представителем психосоматической медицины О. Г. Камероном, который пишет о том, что современные философские и околофилософские споры о физической или психической природе мышления отчасти спровоцированы изначально заложенной в языке категориальной ошибкой: «разум» считается существительным, хотя по сути своей он является глаголом [Cameron 2001, с. 697]. В рамках феноменологической концепции Мерло-Понти таким

«глаголом» является тело, активность которого является не только его сущностным атрибутом, но и самым способом существования и взаимодействия с миром.

В то же время тело — это не только область взаимодействий с окружающим миром и средство «включенности» в этот мир. Тело одновременно является пространством, в котором человек в любое мгновение своей жизни может «укрыться», отгородившись от внешнего мира и сосредоточившись на своих внутрителесных ощущениях и эмоциях [Мерло-Понти 1999, с. 218]. Наличие этого телесного пространства и происходящие там процессы, неведомые для окружающих, составляют основу для существования «личной жизни» [Там же, с. 218]. Это область «феноменального тела», принадлежащего порядку «для меня», в противоположность «телу объективному», принадлежащему порядку «для другого». Восприятие простирается не только вовне, но и внутрь; восприятие телесного пространства — процесс не менее сложный, противоречивый и многоступенчатый, чем восприятие окружающего мира во всем многообразии его проявлений. Внутреннее восприятие «окутывает бесконечность», оно — «никогда не завершённый синтез, который вместе с тем утверждает себя, не смотря на то, что незавершён» [Там же, с. 485].

Описанную Мерло-Понти внесоциальность внутреннего тела следует признать одним из наиболее базовых его свойств, предопределяющих специфику его познания и вывода в дискурсе, а мысль о сложности когнитивного освоения внутреннего тела разделяется всеми телесно-ориентированными исследователями (см., например [Тхостов 2002]).

В контексте нашего исследования весьма значима мысль, высказанная М. Мерло-Понти относительно роли перцептивных процессов в формировании субъективного опыта человека: «даже периферийное физиологическое впечатление включено в отношения, которые когда-то считались центральными» [Мерло-Понти 1999, с. 33–34]. Интероцептивные ощущения, которые, несомненно, относятся к разряду «физиологических впечатлений», являются неотъемлемой частью того перцептивного материала, который формирует сложную ткань когнитивных процессов.

В настоящее время феноменологическая концепция М. Мерло-Понти переживает по сути второе рождение после нескольких десятилетий активного интеллектуального экспериментирования в сфере осмысления человеческого тела. Постмодернизм, формально провозгласивший тело «системообразующим центром современной культуры» [Тульчинский 1999], на деле способствовал его «исчезновению в облаке языка» [Twigg 2006, с. 13]. Тело, как афористично замечает А.-М. Боннет, потеряло свои естественные очертания и оказалось «заражено теоретическим дискурсом и графической беллетризацией» [Sielke 2007, с. 67]. Критический реализм (Д. Дрейк, Дж. Сантаяна, Р. В. Селлерс, Ч. Стронг), признающий наличие

чувствующей, ощущающей плоти, которая интерпретируется, опосредуется и отчасти конституируется в социальных и культурных значениях [Twigg 2006, с. 25], не привнес ничего принципиально нового в наше понимание тела.

Интеллектуальная неудовлетворенность новыми философскими теориями привела многих исследователей к необходимости возврата к принципам феноменологического анализа тела в традициях М. Мерло-Понти [Быховская 2000; Круткин 1993; Johnson 2007]. Феноменологическая традиция в большей степени, чем все другие, отвечает требованиям системности анализа, обнаруживает необходимую гибкость в плане практического применения, открыта для диалога с естественнонаучными и гуманитарными дисциплинами и обладает значительным интегративным потенциалом для объединения всех научных достижений в области изучения тела в единое проблемное поле. Кроме того, феноменологический подход, как пишет И. М. Быховская, — это «гуманистически ориентированная методология» [Быховская 2000, с. 36]. Он утверждает принцип самоценности тела как объекта исследования во всей совокупности его естественных проявлений и рассматривает тело как «эпицентр взаимодействия человека с миром» [Там же].

Следует отметить, однако, что со времен М. Мерло-Понти общие методологические установки по отношению к телу, сохранив тональность, претерпели некоторые содержательные изменения, поскольку философия в той или иной степени и в той или иной форме впитала идеи, высказанные мыслителями более позднего периода. Кроме того, современная философия имеет в своем распоряжении обширный эмпирический материал, накопленный в науках, занимающихся проблемами человеческого сознания.

Так, значительное влияние на современное понимание тела оказала теория аутопоза (или автопоза) У. Матураны и Ф. Варелы [Матурана, Варела 2001]. Обращаясь к вопросам познавательной деятельности, чилийские ученые последовательно проводят мысль о том, что весь когнитивный опыт человека коренится в его биологической структуре [Матурана, Варела 2001, с. 14]. Смысл этого тезиса не сводится к банальному признанию зависимости структур сознания от строения человеческого мозга. Человек — это биологически целостная структура, в которой особым образом утверждаются полученные из опыта данные о мире [Там же, с. 23]. Весь человеческий организм выступает как единый, целостный когнитивный агент. Сознание и разум соотносятся не только с телом, но и со средой активности этого тела, они «лежат в области социального сопряжения» [Там же, с. 206], являющейся источником их динамики. Таким образом, как пишет Е. Князева, «тело и сознание, а также познающее тело и среда его активности, связаны друг с другом петлями круговой, циклической причинности» [Князева 2009, с. 31].

Идея о том, что человеческое тело и окружающая среда представляют собой сложное синэргетическое единство, является логическим развитием принципов, сформулированных ранее М. Мерло-Понти: «именно сам организм — в соответствии с собственной природой своих рецепторов, порогами восприятия своих нервных центров и движениями органов — отбирает те стимулы в физическом мире, к которым он будет чувствителен» [Merleau-Ponty 1963, с. 13]. Данное положение позволяет включить внутреннее тело в сложную структуру познавательных процессов, отведя ему двоякую роль: внутреннее тело не только познается человеком, но и участвует в познании внешнего мира, во многом предопределяя специфику протекания когнитивной деятельности.

Развивая идею структурного сопряжения познающего разума и среды его активности, теория аутопоза вводит понятие энактивации, под которым понимается принцип вдействия живого организма в мир. Суть феномена энактивации заключается в том, что человек способен к познанию только через действие, благодаря которому и становится возможным развитие познавательных способностей [Князева 2009, с. 49].

Предложенные в теории аутопоза принципы, подкрепив и разлив ранее высказанную мысль об основополагающей роли тела в процессе познания, послужили мощным толчком к созданию качественно новой теории сознания и базирующейся на ней теории значения, речь о которой пойдет в разделе 3 настоящей Главы.

1.2.2. Внутреннее тело в современной психологии

The inner body lies at the threshold between your form identity and your essence identity, your true nature. Never lose touch with it.

Eckhart Tolle

Феноменологическое направление в философии оказало решающее влияние на становление современной психологической концепции тела.

Интерес к телу в психологии выглядит как явление отчасти парадоксальное, поскольку она воспринимается в первую очередь как наука о душе и ассоциируется с изучением исключительно психических процессов. Уместно вспомнить, однако, что на заре своего существования психология как отдельная дисциплина строилась с опорой на методологию естественных наук, и одним из основных ее направлений было изучение психофизиологии органов чувств и психомоторной активности человека [Агафонов 2007, с. 19] — явлений, принадлежащих сфере телесности. На протяжении XX столетия телесная проблематика постепенно вытеснялась более актуальной психической, но так или иначе, в той или иной форме присут-

ствовала в психологических дискурсах в течение всего этого периода. Конец XX века знаменуется «соматическим переворотом» в психологии, которая восприняла идеи феноменологической философии и открыто провозгласила тело локусом человеческой самоидентичности и главным способом и инструментом взаимодействия с миром. «Нет я без тела», — писал в 1980 г. В. С. Дерябин [Дерябин 1980, с. 65]. Возникло понимание того, что опыт переживания собственного тела составляет важную, если не главную, часть субъективного мира человека. Телесность перестала быть «теоретически невидимой» [Тхостов 2002, с. 4] для психологии и приобрела статус приоритетного направления исследований.

Соматический переворот в психологии не был простым откликом на эпистемологическую реабилитацию тела в философии. Он был подготовлен и самим ходом развития этой науки в XX веке. Существенную роль в этом процессе сыграло становление так называемой гуманистической психологии, связанное с деятельностью А. Маслоу, В. Франкла, С. Реншоуна, Р. Ингхарта. Основным постулатом новой концепции явилась необходимость комплексного изучения человека в совокупности его телесных и психических свойств и проявлений. Знаковым событием стала разработка концепции телесно-ориентированной терапии В. Райха [Райх 1999]. Суть ее сводится к идее о том, что человек способен воспринимать реальность только через собственное тело, и чрезмерное развитие ментальной активности в ущерб активности физической может нанести ему непоправимый вред. А. Лоуэн пишет о том, что «человек, идентифицирующий себя со своим эго и отрицающий важность своего тела, в сущности, не имеет тела» [Лоуэн 2002, с. 25], а потеря чувства тела «эквивалентна ощущению себя «никем» [Там же, с. 26] и порождает расщепление личности. Другим немаловажным фактором явилось развитие таких направлений, как психоанализ и психосоматика. И если психоанализ в классическом своем варианте еще отталкивается от идеи противопоставления физического и психического (З. Фрейд), психосоматика отказывается от такой искусственной фрагментации и постулирует наличие сложной взаимной причинности между явлениями телесной и эмоциональной (или шире — психической) сферы.

В течение последнего десятилетия XX века психология вышла на качественно новый этап в изучении тела, осуществив переход от психосоматического направления исследований к психологии телесности. Суть данного перехода заключается в смещении фокуса исследования с единства «тело-душа» на тело как таковое. Данное направление в российской психологии представлено трудами А. Ш. Тхостова [Тхостов 2002], С. П. Елшанского [Елшанский 1999, 2005], Г. Е. Рупчева [Рупчев 2001], Г. А. Ариной [Арина 1999] и др. Именно в рамках данного направления разрабатывается тот круг проблем, который имеет непосредственное отношение к

теме настоящего диссертационного исследования и во многом определяет его структуру и содержание.

Принципиальным для психологии телесности является положение о том, что объектом исследования является феноменологическое, а не анатомическое тело. Для психолога тело — это особая субъективная реальность, соотносящаяся с организменным субстратом, но не тождественная ему. Как пишет А. Ш. Тхостов, «субъективное тело имеет весьма приближительное сходство с организмом» [Тхостов 2002, с. 75]. Оно может включать в себя неорганические компоненты, такие как протез или зонд, а может, напротив, не включать отдельные органы и части, деятельность которых не воспринимается сознанием.

Важнейшей частью этой субъективной реальности является так называемое внутреннее тело, определяемое как некоторое топологическое пространство, «погруженное внутрь анатомического тела человека» [Тхостов 2002, с. 72]. Это не просто совокупность внутренних органов, тканей и систем, которые составляют часть тела человека и могут оказывать влияние на его физическую и ментальную активность. Внутреннее тело — это сложная, специфическая область, изучение которой должно осуществляться с позиций феноменологического подхода.

Феноменологический подход к телу в корне отличается от традиционного анатомо-физиологического. Можно сформулировать, по меньшей мере, три основных, сущностных отличия. Во-первых, анатомический подход ориентирован, главным образом, на анализ строения внутреннего тела и предполагает изучение его структурных частей и их функций, в то время как подход феноменологический нацелен на рассмотрение реальных живых динамик внутреннего тела в той форме, в которой они воспринимаются и переживаются индивидом. Во-вторых, анатомический подход унифицирует внутреннее тело, лишает его индивидуальности и превращает его в некую общую форму, которая, парадоксальным образом, является одновременно предельно конкретной и предельно абстрактной. Превращаясь в «тело каждого» анатомическое внутреннее тело становится «телом ничьим». Феноменологический подход, напротив, обеспечивает высокую индивидуализацию, подчеркивая уникальность каждого тела и его несводимость к единому стандарту. И в-третьих, анатомический подход строго регламентирован в том смысле, что он должен подчиняться принципу «правильности» и соответствовать некоторой системе постулатов, составляющих признанную на данный момент «анатомическую истину». Феноменологическая позиция предоставляет индивиду несравнимо большую степень эпистемологической свободы в интерпретации внутрителесных феноменов. Внутреннее тело может рассматриваться в индивидуально выработанной системе концептуальных, аксиологических, прагматических и других координат с использованием тех интерпретативных моделей

и модусов, которые позволяют индивиду максимально эффективно осмыслить происходящие интероцептивные процессы.

Та субъективная реальность, которой является феноменологическое тело, по убеждению многих психологов, имеет собственную онтологию [Мотрошилова 1989; Рубенис 1989]. «Субъективность входит в реальность, в ту реальность, которая является объективной, каузально организованной по отношению к миру сознания», — пишет А. Ш. Тхостов [Тхостов 2002, с. 36]. В связи с этим формулируется задача комплексного исследования познавательной активности сознания и его бытия.

Внутреннее тело открывается сознанию и становится частью субъективной реальности через многообразные ощущения, локализуемые в его среде. Именно этим объясняется преимущественная сфокусированность психологии телесности на изучении интероцептивных ощущений, а точнее — восприятии этих ощущений. Интероцептивные ощущения признаются важным фактором психического развития, способствующим формированию чувства собственной идентичности и оказывающим существенное влияние на поведенческую и интеллектуальную сферу личности. Примечательно, что их роль в формировании субъективного мира человека стала очевидной лишь на современном этапе развития психологии, хотя факт их существования был установлен более ста лет назад.

Собственно психологическая трактовка интероцепции не предлагалась вплоть до конца XX века, хотя упоминание о ней традиционно встречается во всех «канонических» учебниках по психологии. В то время как экстероцептивные ощущения единогласно признавались важным объектом психологических исследований и подвергались детальному анализу, интероцепция воспринималась как психологически нерелевантная и описывалась конспективно и исключительно в физиологических терминах.

Психологический потенциал теории интероцепции оказался востребованным лишь в 80–90-х годах прошлого века. Принципиально важную роль в этом процессе сыграло становление и развитие когнитивной психологии [Дружинин 2002], которая предложила новый методологический инструментарий исследования, позволяющий анализировать и описывать феномены телесности на качественно новом уровне. Именно когнитивный подход оказался наиболее эффективным инструментом исследования того, «как тело разговаривает с мозгом» (How the body talks to the brain) [Cameron 2001, с. 698].

В современной психологической литературе предлагаются «дисциплинарно-адаптированные» определения интероцепции, формулируемые в подчеркнуто нефизиологических терминах. Интероцепция трактуется как «восприятие событий, происходящих внутри тела» [Ребер 2002]. Легко заметить, что подобная формулировка отражает существенный сдвиг в исследовательских установках. Психология изучает не интероцепторы,

а те когнитивные процессы, которые связаны с обработкой стимулов, поступающих из внутренней среды организма. Эти процессы называются в монографии А. Ш. Тхостова «когнитивной интерпретацией» интероцептивных феноменов [Тхостов 2002, с. 22], чем подчеркивается их принципиальная нередуцируемость к свойствам соответствующих рецепторов и принадлежность к сфере не только физического, но и ментального. В ходе многочисленных клинических исследований было установлено, что интероцептивное восприятие «не может быть однозначно определено свойствами раздражения, а зависит от оценки ситуации, значения телесного ощущения, его смысла, мотивации человека, принадлежности к определенной культуре, индивидуального опыта и других психологических факторов» [Тхостов 2002, с. 5]. Тем самым был очерчен круг вопросов, разработка которых позволила бы представить системную психологическую концепцию интероцептивных ощущений. Примечательно, что в число факторов, формирующих интероцептивное восприятие, включена и культурная среда. Полностью разделяя мнение автора о релевантности данного фактора, мы все же не склонны считать мотивацию, индивидуальный опыт и влияние культурной среды явлениями рядоположенными. Мы скорее согласимся с мнением о том, что «культура — это особая 'ментальная экипировка'» [Режабек, Филатова 2010, с. 13], без которой невозможно обретение ни смысла, ни мотивации. Роль культурной среды в формировании субъективного опыта — это отдельная проблема, требующая особой проработки, что мы и попытаемся показать в следующем разделе работы.

1.2.3. Телесная проблематика в культурологических исследованиях

The body is part of our living human heritage
Maxine Sheets-Johnstone

Название данного раздела достаточно условно, поскольку в нем освещены идеи и концепции, авторство которых не всегда принадлежит специалистам в области культурологии. Не придерживаясь строгих дисциплинарных рамок, мы стремились собрать и систематизировать те наработки, которые позволяют проследить роль социокультурной среды в формировании субъективного телесного опыта.

Исходные предпосылки исследований в данной области достаточно унифицированы. Они заключаются в том, что тело каждого конкретного индивидуума является уникальным перцептивным объектом, а опыт восприятия людьми своей физиологии носит глубоко субъективный характер. Тем не менее, этот «квинтэссенциально частный опыт» [Віго 2010, с. 19] определенным образом медируется и направляется той социокультурной

средой, в которой существует индивид. Человек, как замечает М. Мерло-Понти, обладает не только средой, но и миром [Мерло-Понти 1999, с. 123], и его включенность в принятые в этом мире культурные практики заставляет его соотносить то или иное телесное ощущение с предлагаемыми объяснительными схемами, образами и моделями. Мы как представители того или иного культурного сообщества неизбежно наследуем определенную перцептивную традицию, «оговаривающую» объем и содержание приобретаемого нами телесного опыта. «Мы не открываем наше тело и его внутренний мир *de novo*, — пишет А. Кляйнман. — Все люди обучаются методам мониторинга телесных процессов и осваивают риторическую идиоматику (вербальную и невербальную), чтобы сообщать о телесных состояниях» [Kleinman 1988, с. 13]. Эта идея согласуется с постулатами так называемой когнитивной культурологии, утверждающей, что культура играет определяющую роль в процессе познания и предстает как «своеобразный депозитарий когнитивных форм» [Режабек, Филатова 2010, с. 5]. Культура называется «системой когнитивного опознания мира, которая вплетена во все виды человеческой деятельности» [Там же, с. 13].

Влияние социокультурной среды многообразно (см., например, [Forth & Crozier 2005; Turner 1992; Александров, Александрова 2009]). Оно проявляется прежде всего в регламентации того объема интереса, который позволительно проявлять к собственному телу, в том числе и внутреннему. Отмечено, что культура западного типа служит скорее не фасилитатором, а фрустратором процесса приобретения телесного опыта. Имея преимущественно урбанистический характер, она существенно ограничивает телесный опыт человека, предписывая ему ориентацию на новейшие технические достижения и минимизируя его контакт с естественной природной средой. В мире «техно-научного фетишизма» [Sielke 2007] тело изолировано от окружающей среды многочисленными слоями одежды, ноги обуты в толстую кожу и не соприкасаются с землей, очки служат преградой для солнечного света. Как отмечает С. Фишер, «человеческое тело практически не получает новых ощущений извне, что ведет к ощущению скуки. Поток жизненного опыта выдыхается (The flow of body experience is flat)» [Fisher 1973, с. 103]. Что касается внутрителесных ощущений, то принятые в западной культуре философско-аксиологические, религиозные и воспитательно-образовательные установки активно препятствуют сознательной фокусировке на них. Человеку предписывается подчиняться разуму, а не телесным позывам и ощущениям. Внутреннее тело, ненаблюдаемое и неподконтрольное разуму, является своеобразным воплощением столь чуждой западному человеку идеи хаоса и воспринимается как нечто бессистемное и принципиально несистематизируемое, являясь, таким образом, прямой антитезой высоко ценимой рациональности (см. [Fisher 1973, с. 139]).

Принятые в западной культуре поведенческие каноны строго регламентируют ситуации, в которых человеку позволяет обнаруживать собственную биологическую природу. Открытое и эксплицированное обсуждение «телесных невзгод» [Блок 2003] позволительно лишь в рамках медицинского, а точнее, анамнестического дискурса. В условиях повседневного бытового общения нарратив внутрителесных ощущений предельно лаконичен и строится преимущественно из лексических единиц эмоционально-оценочной семантики (хорошо / плохо / нехорошо / неважно и т. п.).

Обнаруживается явная гендерная и возрастная асимметрия: женщины и люди пожилого возраста менее связаны культурными ограничениями и могут позволить себе чаще, подробнее и откровеннее обсуждать события, происходящие в их телесной сфере. С. Фишер делится интересным социокультурным наблюдением: в то время как женщина, способная четко артикулировать телесный опыт, воспринимается как активная личность с четко сформированным образом *Я*, соматически грамотный мужчина воспринимается как индивид, склонный к пассивности и зависимости [Fisher 1973, с. 44–45].

Культура оказывает существенное влияние и на процесс формирования специфической субъективной матрицы interoцептивных значений. Наиболее проработанной проблемой в этой области является влияние культуры на способы интерпретации болевых ощущений. Боль, по признанию исследователей, не редуцируется до специфически физиологической реакции организма; это сложная комбинация органического и аффективного, причем аффективное ее измерение приобретает в результате усвоения и «присвоения» индивидом культуры, в которой он воспитывается [Greenwald 1991]. Приведем несколько цитат: Р. Рэй описывает боль как комбинацию культурных и социальных факторов [Rey 1995]; В. Л. Лехциер выявляет «социокультурный характер опыта боли» [Лехциер 2009, с. 85], Д. Моррис открыто провозглашает боль культурной производной [Morris 1993]. О влиянии «культурного научения» и «культурных ценностей» пишут Р. Мелзак и Д. Уолл [Melzack & Wall 1996, с. 15]. О «медицинских мифах», которые «задают пациентам некоторые рамки, в которые «должны» вписываться проявления их заболеваний» пишет М. Агеносов [Агеносов 2006].

Мы полагаем, что эти наблюдения действительны и в отношении других внутрителесных ощущений, которые нельзя отнести к разряду болевых. Любое interoцептивное ощущение представляет собой комбинацию физического и психического и, говоря словами Д. Морриса, является результатом «сложного взаимодействия тела и разума» [Morris 1993, с. 27], а разум отнюдь не свободен от формирующего влияния социокультурной среды. К числу наиболее важных компонентов этой среды могут быть от-

несены бытующие в ней фольклорные представления о телесных феноменах, актуальные и воспринимающиеся как аксиоматические научные знания, доминирующие аксиологические установки, религиозные воззрения и др. Влияние этих факторов подтверждается рядом этнографических и антропологических исследований, в которых приводятся интересные данные о способах переживания ощущения, его интерпретации и семиотизации, а также специфических формах болевого поведения (см., например, [Thoor 2010, с. 177], а также раздел 2 Главы III настоящей работы). Показательны в этой связи и исследования в области культурно-исторического патоморфоза симптомов [Лехциер 2007], а также исторически-специфичных представлений о природе и смысле болевого ощущения и болезни в целом [Арнаутова 2004]. Небезынтересны и предлагаемые рядом ученых концепции этномедицины, базирующиеся на учете этно-культурных особенностей пациентов, по-разному воспринимающих и репрезентирующих свой внутрителесный опыт (Greenwald, Wolff, Zborowski и др.).

Перечисленные выше факторы обнаруживают не только культурную специфичность, но и историческую изменчивость. С течением времени может изменяться как степень их влияния на способы интерпретации interoцептивного ощущения, так и их специфическое смысловое содержание. В этом смысле можно сказать, что interoцептивный опыт является категорией не только культурной, но и исторической. В связи с этим представляется некорректным говорить о дискурсе interoцептивных ощущений вообще; это всегда дискурс определенной эпохи и определенной социокультурной среды. Именно поэтому в данной работе специально оговаривается датировка исследуемого материала. Мы рассматриваем исключительно современные англоязычные нарративы ощущения, анализируя источники, датируемые последней третью XX и началом XXI века. Это та дискурсивная среда, которая хронологически близка автору и которой в силу специфики своей профессии он сопричастен культурно и лингвистически. Эта хронологическая и культурная сопричастность позволяет минимизировать искусственное «вчитывание» в текст смыслов, которые в нем изначально не были заложены, а также при необходимости обращаться к носителям языка с целью проверки валидности выдвигаемых предположений. В то же время, эта среда не является для автора родной, что позволяет выстроить необходимую для «объективного» анализа дистанцию.

Возвращаясь непосредственно к процессу социокультурной медиации interoцептивного опыта, необходимо особо подчеркнуть его сложный динамический характер. Социокультурная среда — это не просто некий фон, который определенным образом окрашивает весь совокупный индивидуальный interoцептивный опыт. Она в той или иной мере «форматирует» каждый отдельный акт этого опыта, предлагая для него некоторую

форму, которая представляется оптимальной в сложившихся на момент переживания ощущений условиях, но не всегда воспринимается как таковая носителем этого опыта.

Этот процесс с наибольшей наглядностью иллюстрируется ситуацией анамнестического дискурса. Данный вид дискурса снимает социальное табу на артикуляцию телесного опыта и создает для человека ситуацию наибольшего благоприятствования для активного осмысления его внутрителесных состояний и ощущений и их вывода в речь. Однако парадоксальным образом, этот вид дискурса не «открывает» индивидуальное внутреннее тело, а обезличивает его, предлагая втиснуть богатство субъективных ощущений в прокрустово ложе уже существующих анамнестических клише. Как отмечает Й. М. Брокман, задача врача заключается в том, чтобы осуществить фильтрацию речевых структур так, чтобы оставшиеся передавали сугубо медицинское значение. Врач, по сути, осуществляет семантическую трансформацию, переводя язык тела на язык медицинских значений. «Медицинские понятия, — пишет Брокман, — трансформируют реальность, *они порождают другое тело!* <...>. В медицинской беседе тело ежедневного опыта преобразуется в медицинское тело. Рисунок болезни, который в результате возникает в анамнезе <...>, принадлежит медицине, но не пациенту» [Broekman 1996, с. 144]. Унифицируя телесный опыт, анамнестический дискурс разрушает индивидуальную телесную биографию пациента и порождает некую абстрактную биографию тела вообще. Итогом социальной интеракции врача и пациента становится превращение индивидуального тела в тело социальное.

Интересная трактовка этой специфической социальной медиации телесного опыта была предложена А. Кляйнманом [Kleinman 1988]. Кляйнман производит дифференциацию *illness* и *disease*, называя их фундаментально разными понятиями. *Illness*, по Кляйнману, — это сугубо человеческий опыт симптомов и страданий. Данный термин относится к тому, как больной и члены его семьи либо более широкого сообщества, к которому он принадлежит, воспринимают ощущение (симптом) и реагируют на него. Опыт *illness* включает акты категоризации и вербализации в тех терминах, которые доступны всем обывателям в пределах определенной социальной группы. Обращаясь к врачу, пациент и его семейство рассказывают ему именно об *illness*. Поскольку врач также социализирован в определенный коллективный опыт *illness*, он с легкостью понимает своего пациента. Но, действуя в пределах принятых в его профессиональной среде конвенций, он начинает облекать *illness* в теоретические термины заболевания, создавая тем самым *disease*. *Disease* — это «то, что врачей учат видеть сквозь теоретические линзы их особой формы практики» [Ibid., с. 5]. *Disease* — это врачебный взгляд на проблему, *illness* — это взгляд пациента. Отражая «экзистенциальный опыт страдания» [Ibid., с. 10], *illness* «поли-

семантически и мультивокально» [Ibid., с. 8]. Результатом взаимодействия врач — пациент является нейтрализация исходной многозначности. Пациенту фактически навязывается определенный модус восприятия внутрителесных ощущений, и, пройдя полный цикл «медиализации» (М. Фуко), он начинает иначе интерпретировать свой внутрителесный опыт и облекать его в другие словесные формулировки. Иными словами, он присваивает себе *disease*, не рефлексировав ту семантическую пропасть, которая существует между его начальным опытом и конечным продуктом социальной медиации.

Наблюдаемая зависимость способов переживания и ословливания interoцептивных феноменов от той социокультурной среды, в которой существует индивид, дает определенные основания для того, чтобы считать ощущение культурным и социальным артефактом [Лехциер 2009]. Мы, однако, не склонны абсолютизировать артефактичность данного феномена, с тем чтобы не впасть в «социально-культурологический редукционизм» и полностью отрезать дискурс ощущения от его биологической основы. Мы склонны рассматривать ощущение как комбинацию биологических и психологических факторов, а его восприятие — как сложный когнитивный процесс, протекание которого в значительной степени обусловлено влиянием социокультурной среды.

1.2.4. Лингвистический потенциал теории interoцепции

The body says what words cannot.

Martha Graham

Внутреннее тело и interoцептивные ощущения — объект, не освоенный современной лингвистикой. Однако предпосылки для такого освоения существуют, тем более что лингвистические аспекты проблемы так или иначе затрагиваются в работах многих исследователей, занимающихся изучением феномена человеческой телесности.

Лингвистическая перспектива была пунктиром намечена в работах Ж.-П. Сартра, который пишет о роли языка в формировании телесного опыта (см. раздел 1.2. настоящей Главы). Достойны упоминания и труды американского философа и психолога У. Джеймса, часть которых посвящена описанию перцептивной деятельности. Вводя понятия «перцепт» и «концепт», Джеймс фактически предлагает схему, которая вписывается в парадигму когнитивных наук вообще и когнитивной лингвистики в частности. Данные чувственного порядка, представляющие собой изначальный «эмпирический материал», проходят процесс, который мы назвали бы сейчас когнитивной обработкой, и замещаются данными «интеллектуаль-

ного порядка» [Джеймс 2000, с. 39]. Перцепт преобразуется в концепт, при этом данные сущности неотделимы друг от друга, «наполняют и оплодотворяют друг друга» [Там же, с. 40].

Открытость для междисциплинарного диалога недвусмысленно демонстрируют психологи. С самого начала психологического изучения внутреннего тела и интероцепции было очевидно, что феноменология данной области исключает возможность применения традиционных «объективных» методов анализа, и основным материалом исследования всегда служили вербальные репрезентации интероцептивных ощущений, предоставляемые участниками экспериментальных исследований. Признавая роль вербальной составляющей в понимании «темных» органических ощущений, психологи так или иначе сталкиваются с необходимостью семантического анализа единиц «интероцептивного словаря», тем самым пересекая собственные дисциплинарные границы и вступая в сферу компетенции лингвистики. Такой анализ преследует вполне определенные узкодисциплинарные цели. Так, например, он позволяет разграничить истинную соматическую патологию, ипохондрические расстройства, сенестопатии и шизофренический бред [Тхостов 2002; Рупчев 2001]. Однако при смене исходных исследовательских установок анализ семантики интероцептивного словаря мог бы дать качественно иные данные, представляющие интерес не только для психологов, но и для лингвистов. Мы полагаем, что анализ интероцептивного словаря способен дать ключ к пониманию общих принципов когнитивного моделирования сферы внутренней телесности и реконструировать когнитивные процессы, задействованные в создании той или иной когнитивной модели внутреннего тела. Такой анализ мог бы выявить общие принципы когнитивного конструирования неочевидных или квазиочевидных объектов, к разряду которых относится внутреннее тело. Было бы небезынтересно проследить процесс формирования интероцептивного идиолекта, выявить специфику его основных этапов и определить спектр формирующих их факторов. Перспективным представляется и направление, связанное с осмыслением и концептуализацией перцептивных феноменов вообще. Существует и спектр более узких, собственно лингвистических, проблем, таких как принципы номинации интероцептивных феноменов, источники интероцептивного словаря, метафорические модели, задействованные в вербализации внутрителесных феноменов, типология синтаксических моделей, используемых для обозначения телесных феноменов, и множество других.

Таким образом, конструктивный междисциплинарный диалог в области изучения интероцепции представляется эвристически перспективным и взаимовыгодным как для психологии, так и для лингвистики. Лингвистика может предоставить психологии адекватные и эффективные ме-

тоды семантического анализа вербальных репрезентаций interoцепции, позволяющие более последовательно и квалифицированно интерпретировать определенные явления. Психология, со своей стороны, способна обогатить лингвистику новым, нетривиальным материалом исследования, способствуя тем самым более полному и системному лингвистическому изучению феноменов телесности. Осмелимся предположить, что сама новизна и оригинальность предоставляемого материала может послужить толчком к созданию новых методов исследования «телесных значений» и новых объяснительных моделей. Немаловажно и то, что именно благодаря такому сотрудничеству возможно упорядочение используемой в лингвистике «телесной» терминологии и создание более последовательной и непротиворечивой методологии анализа, учитывающей достижения смежных научных дисциплин.

Несмотря на то, что идея такого сотрудничества не высказывалась эксплицитно, элементы лингвистического (семантического) анализа присутствуют во многих психологических работах, начиная с 1980-х гг. Так, например, в монографии Е. Ю. Артемьевой, посвященной изучению процесса формирования субъективного телесного опыта [Артемьева 1980], приводится описание эксперимента с использованием методики семантического дифференциала Ч. Осгуда [Осгуд 1957]. Предложив испытуемым модифицированный вариант разработанных Осгудом шкал и изучив полученные комбинации семантических признаков, Е. Ю. Артемьева выстроила фрагмент общей психологической концепции «субъективной семантики». Внутренний блок лингвистической проблематики содержится в диссертационном исследовании Г. Е. Рупчева, который описал «метафоричность семантики внутренней телесности» [Рупчев 2001, с. 6], но не учел особенностей нового, современного лингвистического взгляда на природу и сущность метафоры. Лингвистически ориентированными являются многие части работы А. Ш. Тхостова, в которых он исследует способность к вербализации эмоционального и телесного опыта и, по сути, оперирует категориями когнитивной лингвистики [Тхостов 2002]. Четкая лингвистическая перспектива задана в направлении исследований, получившем известность как «психосемиотика телесности» и представленном, в том числе, и работами известных российских языковедов Ю. А. Сорокина и А. А. Романова [Сорокин, Романов 2009].

В значительной мере лингвистическими являются и культурологические работы, посвященные исследованию феномена боли и активно оперирующие такими сугубо лингвистическими терминами, как «метафора», «семантическая проекция», «катахреза» и т. п. [Biro 2010; Scarry 1985 и др.].

Мы полагаем, что лингвистика должна принять активное участие в разработке проблем interoцепции. О ее готовности к такому междисципли-

линаруму сотрудничеству свидетельствует растущий интерес к изучению телесных феноменов и экспоненциально увеличивающееся число работ по соматической проблематике [Крейдлин, Переверзева 2010; Бонч-Осмоловская 2007; Брицын 2009 и др.]. Немаловажно и то, что лингвистика располагает необходимым методологическим инструментарием для исследования сложных когнитивных процессов, к числу которых относится и interoцепция.

В данном разделе работы мы никоим образом не претендовали на исчерпывающую полноту описания всех возможных теорий и концепций тела, существующих в современных гуманитарных науках. Мы преследовали гораздо более скромную цель: показать основные тенденции в развитии современных гуманитарных дискурсов о теле, определить ту роль и место, которые отводятся внутреннему телу, выявить сформировавшиеся в отношении него исследовательские установки, проанализировать степень проработанности интересующей нас проблематики, наметить перспективы широкого междисциплинарного диалога, в который могла бы быть вовлечена лингвистика. Мы стремились обосновать необходимость комплексного подхода к изучаемой нами проблеме, продемонстрировать недостаточность и ущербность узкодисциплинарного исследования, не учитывающего «нередуцируемой многомерности» [Киященко 2009, с. 11] изучаемого явления. Лингвистический анализ interoцепции невозможен без учета данных других гуманитарных наук. Принципиальную важность приобретает проблема выработки такой методологии исследования, которая обладала бы необходимым интегративным потенциалом, позволяя пересекать дисциплинарные границы и при этом оставаться в рамках лингвистической парадигмы. Наиболее полно этим требованиям отвечает теория воплощенного, или телесно-детерминированного, значения, которой посвящен следующий раздел работы.

1.3. Теория воплощенного значения как методологическая база исследования

*We are social, moral, political,
economic, and religious animals.*

George Lakoff
and Mark Johnson

Теория воплощенного значения представляет собой систему философских взглядов, которая возникла и получила развитие в контексте так называемой теории воплощенного мышления. Представляется целесооб-

разным осветить основные положения последней, так как обе теории генетически связаны и в целом базируются на одних и тех же общих постулатах.

Теория воплощенного разума, «возвращающая тело в процесс мышления» [Johnson 1987], базируется на идее о том, что мыслительные процессы всегда телесно детерминированы. Ее исходной предпосылкой является тезис о признании человека целостным существом, наделенным и плотью, и разумом [Damasio 2005; Shapiro 2010; Varela 1992; Tucker 2007; Clark 2011]. Эта глобальная сущность не имеет адекватного словесного обозначения, поскольку никакими языковыми средствами нельзя обозначить то сложное, синкретичное, не поддающееся сознательной рефлексии единство, которое представляет собой человек в совокупности его телесных и духовных манифестаций. Поиск соответствующей номинативной единицы привел к появлению множества альтернативных формулировок: «тело-разум» (Dewey), «разум во плоти», «воплощенный разум», «отелесненное сознание», «одухотворенное тело» [Бескова 2009], — ни одна из которых не схватывает в полной мере сути изучаемого феномена.

Не имея возможности подробно останавливаться на всех аспектах теории воплощенного разума, суммируем лишь наиболее существенные ее положения.

Во-первых, воплощенный разум как феномен признается результатом эволюционного процесса, в ходе которого осуществлялись вариативность и отбор. Абстрактное мышление как специфически человеческий феномен надстраивается над формами перцептивной и моторной деятельности, присущей животным, и использует эти формы. Мышление — это сущность, которая не отделяет нас от других животных а, напротив, помещает нас в один континуум с ними [Lakoff & Johnson 1999, с. 4].

Во-вторых, воплощенный разум рассматривается как феномен, находящийся в центре динамичного, непрерывного взаимодействия организма и среды его обитания [Clark 2011]. Центральную роль в этом взаимодействии играет движение. Именно через движение мы обнаруживаем особенности и способности наших тел. Движение происходит в среде и предполагает постоянное взаимодействие с определенными аспектами этой среды. Данное обстоятельство М. Джонсон называет «фактом монументальной важности» [Johnson 2007, с. 20], поясняя, что с самого начала нашей жизни и до момента смерти благодаря движению поддерживается связь с миром самым глубоким и интимным образом. В нашем движении отсутствует радикальное разделение между «Я» и миром. То, что философы называют объектом и субъектом — это абстракции, производные от процессов нашего взаимодействия в «я-в-мире» (*self-in-a-world*). «Мы не отчуждены от вещей как субъекты, противопоставленные объектам. Не существ-

ует движения без пространства, в котором мы движемся, вещей, которые мы передвигаем, и качеств этого движения, которые являются одновременно и качествами мира, которые мы испытываем, и качествами нас самих как деятелей и экспериенцеров» [Johnson 2007, с. 20].

Сущностной чертой воплощенного разума признается его проблемная ориентированность. Данное свойство заключается в том, что он действует в соответствии с потребностями, интересами и ценностями организма.

За воплощенным разумом постулируется стремление к гибкому и адаптивному поведению. Как пишет М. Джонсон, он «ищет не идеальных решений, а тех, которые достаточно адекватны сложившейся ситуации» [Johnson 2007, с. 119].

И наконец, воплощенный разум признается феноменом социально и культурно детерминированным. Общество, в котором мы живем, помогает нам интерпретировать и кодифицировать приобретаемые нами в общении с миром ощущения. Они становятся общими для всех культурными модулями опыта и помогают определить природу нашего значимого, связанного понимания мира. В качестве примера М. Джонсон приводит развивающееся у каждого индивидуума представление о сексуальности, которое «будет представлять собой некий бленд личностных переживаний телесных ритмов, ориентаций, настроений, желаний, ответных реакций, подавляемых импульсов, принятых в данной культуре отношений, мифологических воззрений, языковых структур, жизненных обстоятельств и т. д.» [Johnson 1987, с. 14].

Познание и возникающее в его результате понимание окружающего нас мира — это не только продукт сознательной рефлексии. В первую очередь это способ, которым мы «имеем мир», это то, как мы взаимодействуем с миром как с принципиально познаваемой реальностью. Такое понимание задействует все наше существо — телесные свойства и навыки, ценности, эмоциональный настрой, культурную традицию, способ, которым мы связаны с нашим языковым окружением, наши эстетические пристрастия и т. д. Другими словами, наше понимание — это наш модус «пробывания в мире». Это тот способ, которым мы расположены в мире через посредство наших телесных взаимодействий, культурных институтов, языковой традиции и исторического контекста. Абстрактные рефлексивные акты понимания (под которыми может подразумеваться схватывание пропозиций) — это не более чем расширение нашего понимания в этом более базовом смысле «обладания миром» [Johnson 1987, с. 102].

Центрация на феномене понимания мира естественным образом способствовала включению в круг рассматриваемых вопросов проблем лингвистического свойства, что привело к формированию так называемой теории воплощенного значения, послужившей методологической базой настоящего исследования.

В основе данной теории лежит гипотеза о том, что значение формируется под воздействием органических процессов, происходящих в нашем теле, и в значительной степени обусловлено нашими сенсомоторными возможностями и способностью испытывать чувства и эмоции [Johnson 2007, с. 9]. Все то, что мы традиционно приписываем разуму, — восприятие, концептуализация, воображение, мышление, желание, — возникло и продолжает развиваться как часть процесса, в котором организм стремится к выживанию, росту и успешному функционированию в различных средовых условиях.

М. Джонсон пишет, что теория воплощенного значения является натуралистической по своей сути, поскольку она располагает значение в потоке телесного опыта, который был бы невозможен без организма определенного типа, действующего в условиях определенной среды. Значение не является конструктом внетелесного разума, а формируется в направлении «снизу-вверх» сквозь все более сложные уровни органической деятельности. В своих выкладках Джонсон основывается на «принципе непрерывности», сформулированном Дж. Дьюи. Суть его заключается в наличии непрерывной связи между низшими (менее сложными) и высшими (более сложными) органическими формами и видами деятельности [Dewey 1931]. Значение и все высшие формы деятельности выводятся из присущей человеку способности воспринимать окружающий мир, манипулировать с объектами, перемещать тело в пространстве и оценивать ситуацию. Высшее развивается из низшего без участия каких-либо внешних метафизических сущностей.

Центральную роль в процессе созидания значения М. Джонсон отводит движению, в котором человек выявляет особенности и спектр возможностей своего тела и познает законы физической каузации [Johnson 2007]. Джонсон подчеркивает, что это обучение происходит главным образом на бессознательном уровне. Высказанная им мысль переключается с идеями М. Шитс-Джонстон: «В первую очередь мы учимся извлекать смысл из своего тела. Этот смысл приходит к нам в движении и через движение. Мы делаем это без слов. Это первичное смысловозначение является той точкой отсчета, от которой начинается наше осмысление мира» [Sheets-Johnstone 1999, с. 148]. Данное умозаключение подтверждается многочисленными экспериментальными данными из области нейрологии, свидетельствующими о том, что освоение окружающего пространства посредством движения начинается еще в утробе матери и продолжается в течение всей жизни, даже тогда, когда человек в полной мере овладевает операциями с абстрактными символами [Van Dantzig 2009]. Как пишет М. Шитс-Джонстон, «мы обладаем врожденной способностью мыслить в терминах движения» [Sheets-Johnstone 2013, с. 19], «движение — это наш родной язык» [Там же, с. 20]. В этом смысле, вслед

за Э. Гуссерлем, можно сказать, что движение — это мать любого познания [Husserl 1980, с. 69].

Существует, однако, важный вопрос, который принципиально не допускает возможности чисто умозрительного решения. Он заключается в том, какую роль играет наше тело в процессе мышления в режиме «оффлайн», т. е. в отсутствие реального кинестетического взаимодействия со средой. Было высказано предположение, что мышление в режиме оффлайн также включает обработку сенсомоторных стимулов: в отсутствие реального стимула со стороны объекта, сенсомоторная система *симулирует* взаимодействие с ним [Barsalou 1999; Grush 2004].

Для объяснения этого феномена была предложена теория перцептивных символов (Perceptual Symbol Theory), основанная на идее внутренней репрезентации. В соответствии с ней, для решения когнитивных задач в режиме оффлайн используются когнитивные репрезентации, основанные на работе сенсомоторной системы. Строительным материалом для них служат перцептивные символы (perceptual symbols) — частично восстановленные перцептивные, моторные и интероцептивные паттерны, которые сформировались в ходе реального опыта и взаимодействия со средой. Перцептивные символы организуются в симуляторы — наборы взаимосвязанных перцептивных символов, которые представляют определенные понятия. Перцептивные символы могут динамически комбинироваться, создавая симуляцию, которая представляет частный случай определенного понятия. Поскольку симуляции состоят из перцептивных символов, они аналогичны реальным ощущениям и действиям. Так, они сохраняют весь тот спектр возможных манипуляций (аффордансов — affordances) с объектом, к которому они относятся. Во время когнитивной симуляции умозаключения относительно репрезентируемых объектов автоматически выстраиваются в соответствии с этими потенциально возможными манипуляциями [Barsalou 1999; Van Dantzig 2009]. Эти теоретические выкладки подтверждаются значительным количеством эмпирических исследований. На сегодняшний день существуют четко проработанные экспериментальные методики, позволяющие убедиться в реальности действия механизма сенсомоторной симуляции (см., например, [Narayanan 1997; Bergen 2012]). Эксперименты такого рода широко применяются в лингвистике и являются одним из приоритетных направлений в развитии западной когнитивистики (см., например, [Bergen 2007]).

Именно благодаря действию механизма симуляции возможно формирование абстрактных понятий. Значение тем самым коренится в корпоральной среде, в сфере нашей телесности. Сам термин «значение» приобретает расширительное толкование: это не только то, чем мы сознательно оперируем в мыслительных актах; значение строится с учетом динамик телесности. Это расширительное толкование значения — единственный

способ сохранить непрерывность между так называемыми высшими и низшими когнитивными процессами. Бессознательные интерактивные процессы не только создают условия для формирования значения, но и сопровождают все наши операции со значением на сознательном уровне. В какой-то момент эти формирующиеся значения («прото-значения» или «имманентные значения», как называет их М. Джонсон) могут быть освоены сознанием, и только тогда мы воспринимаем нечто как значимое для нас. Эти значения не могут возникнуть из ничего и ниоткуда. Напротив, они должны основываться на прочном фундаменте наших телесных связей с миром и постоянно находиться в процессе формирования через деятельность нашей сенсомоторной системы.

Существует непрерывность между этими имманентными значениями и нашим сознательным оперированием ими. Например, значение слова *напряжение* основано на специфическом мышечном ощущении. *Линейность* осмысливается через перемещение нашего тела в пространстве в определенном направлении. Значение слова *амплитуда* заключено в нашей способности расширять и сужать пространственные границы тела при разного типа движениях. *Проекция* сначала усваивается как некоторое векторное качество динамичных телесных действий.

Мы знаем о различиях в значениях этих слов, потому что они основаны на опыте, полученном в качественно разных жизненных ситуациях, но это значение формируется и развивается в наших бессознательных телесных ощущениях и движениях. В этих качественно различных переживаниях организм и среда слиты воедино.

Самые сложные понятия, такие как *изогнутый*, *диагональный*, *вертикальный*, *зигзагообразный*, *прямой* и *круговой*, первоначально осмысливаются через положение наших тел, телесное движение и логику этого движения. М. Джонсон иллюстрирует это положение следующими примерами. Мы понимаем, что означает слово *twisted* ('перекрученный') непосредственно через телесный опыт. Мы получаем это знание через ощущение сильного напряжения и особые кинестетические ощущения в акте перекручивания собственного тела или какого-либо предмета. В дальнейшем это телесное значение актуализируется, даже когда слово *twisted* используется в переносном значении для обозначения некоего морально-этического понятия (*twisted personality*, *twisted misdeeds*). Мы знаем телом, что означает выражение *to stand straight and tall* и актуализируем это значение в нашем восприятии моральной непогрешимости. Мы познаем корпоральную логику круговых движений своими глазами, ступнями, руками, и это телесное знание дает нам понимание круговых процессов, временной цикличности и порочных логических кругов [Lakoff & Johnson 1999]. Многие из наших наиболее фундаментальных понятий, включая те, которые формируют нашу этику, политику и философию, уходят корнями

в движение и другие телесные переживания на дорефлексивном уровне [Johnson 2007, с. 26].

Наряду с движением, важнейшую роль в формировании значения играют также чувства и эмоции, поскольку человеческое мышление — это «непрерывный процесс чувствования-думания, который навсегда привязан к тому, как наше тело управляет своими собственными состояниями» [Johnson 2007, с. 98]. Большой ошибкой было бы рассматривать эмоции и чувства как эпифеномен — некий нематериальный довесок к нашим органам чувств — и чрезмерно интеллектуализировать познание.

Данное положение резонирует с современной психологической трактовкой эмоций. Отмечается тенденция к «физикализации» чувств и эмоций и признанию их особым видом интероцептивных ощущений. Эмоции, как пишет С. Э. Поляков, «моделируют происходящие в организме изменения и сигнализируют об их значимости для него» [Поляков 2008, с. 271]. В ходе филогенеза эмоции стали появляться не только при физическом взаимодействии со средой, но и при «мысленных манипуляциях с моделями значимых внешних объектов» [Там же, с. 273]. Подробно описываемый С. Э. Поляковым механизм обнаруживает значительное сходство с упомянутым выше процессом сенсомоторной симуляции.

Признавая важность движения и чувствования в процессе созидания значения, не следует в то же время их абсолютизировать. В противном случае мы вынуждены будем сделать вывод о принципиальной несовместимости используемых разными людьми значений, поскольку каждый индивидуальный совокупный опыт движения и чувствования абсолютно уникален, несмотря на общность нашего органического устройства и совпадающие физические характеристики среды. «Весь когнитивный опыт включает познающего на личностном уровне, коренится в его биологической структуре», «этот опыт слеп к когнитивным актам других индивидуумов» [Матурана, Варела 2001, с. 14].

В связи с этим возникает необходимость введения в описание фактора социокультурного взаимодействия. М. Джонсон пишет о телесно-детерминированной интерсубъективности, поясняя, что наше пребывание с другими через телесное выражение, жестикуляцию, имитацию и взаимодействие составляет нашу суть с момента появления на свет и является местом рождения значения [Johnson 2007, с. 51]. Мое понимание телесных действий, производимых другим человеком, основывается на активации моих собственных ощущений от выполнения подобных действий. Тем самым любое событие нашей жизни превращается в со-бытие: совместное, взаимосвязанное и взаимообусловленное бытие феноменологических тел в условиях динамично изменяющейся физической и социальной среды.

Адаптация в человеческой среде предполагает приобретение определенного перцептивного и понятийного опыта. Наиболее существенными для успешного функционирования в нашей физической и социальной среде являются три вида умений: 1) общение 2) восприятие объектов и манипулирование ими и 3) телесное движение [Lakoff & Johnson 1999]. Все эти умения естественным образом предполагают участие тела — его перцептивные качества, моторные функции, пространственное положение и способность испытывать желания и эмоции. Эти способности одновременно телесны, аффективны и социальны. Они не требуют использования языка в полном смысле этого слова, и все же являются средством создания значения и осмысления всего наличного опыта. По мере того, как мы взрослеем, мы не отказываемся от этого способа восприятия мира. Напротив, эти телесно-детерминированные структуры значения формируют основу для мышления и концептуализации, включая даже самые абстрактные модусы мышления.

Весьма интересны в этой связи исследования Д. Б. Никуличевой о способах концептуализации времени в разных языковых культурах. Время, как известно, представляет собой абстрактное понятие; у него отсутствует тот физический субстрат, который человек мог бы воспринимать посредством определенных органов. Не имея возможности воспринять время телесно, человек концептуализирует его, в том числе, в терминах телесно-восчувствованных динамик движения (*time flies, время бежит*) [Никуличева 2004, с. 175] (Ср. примеры М. Джонсона: *Tuesday went by in a flash, our meeting dragged along at a snail's pace, the lazy days of summer roll by, pass a deadline, reach Sunday, be halfway through the month* [Johnson 2007]). Абстрактная, трудноуловимая сущность обретает определенность и некоторую понятную структуру, вписываясь в концептосферу человека.

Заметим, что работы Д. Б. Никуличевой — это достаточно редкий для отечественной лингвистики опыт практического применения теории воплощенного значения, потенциал которой оказался не оцененным в должной мере. Мы намерены показать, что именно данная теория является наиболее адекватным и эффективным методологическим инструментом исследования сферы интероцептивных ощущений. Последовательное применение ее постулатов позволяет системно представить процесс осмысления и словесного означивания интероцептивных феноменов. В строгом соответствии с теорией, мы рассматриваем процесс когнитивного моделирования и вербальной репрезентации интероцептивных ощущений как сложный речемыслительный акт, основанный на телесном опыте движения, перцептивного взаимодействия с объектами окружающего мира, социокультурной интеракции и эмоциональных переживаний.

1.4. Терминологический аппарат телесно-ориентированных исследований и возможности его использования в лингвистике

*Scientific terminology is the Scylla's cave
which men of science are preparing for themselves
to be able to pounce out upon us from it,
and into which we cannot penetrate*

Samuel Butler

Руководствуясь стремлением как можно более последовательно вписать наше исследование в общий телесно-ориентированный научный контекст, мы сочли необходимым изучить традиции употребления базовых терминов, сложившиеся в смежных науках, и проанализировать степень их релевантности для «лингвостопического» изучения интероцепции. Необходимость такой подготовительной работы обусловлена также особенностями современного лингвистического дискурса о теле. Проблема заключается в том, что с энтузиазмом взявшись за освоение этой интересной, актуальной и востребованной темы, лингвисты зачастую весьма вольно трактуют некоторые научные понятия либо не проводят разграничений между ними, что существенно ограничивает возможности не только междисциплинарного взаимодействия, но и сопоставления результатов разных исследований в рамках самой лингвистики. Необходимость «терминологической ортопедии» особенно очевидна при употреблении таких пар базовых терминов, как «тело» — «телесность» и «схема тела» — «образ тела», рассмотрением которых открывается данный раздел. Кроме того, в данном разделе эксплицируется содержание терминов «телесный опыт» и «экспериментер», используемых в работе для описания процесса переживания, проживания собственного тела.

1.4.1. Тело и телесность

Холистический подход к человеку стал основополагающим и в современной философской рефлексии тела, и в психологии. Однако, отказавшись от картезианского противопоставления тела душе, «человековедческие» науки не спешат порывать с традициями дихотомического мышления при решении многих других методологических проблем. Так, одной из центральных в современных философских концепциях тела является дихотомия «тело — телесность». Введение данной оппозиции в качестве обязательной для рассмотрения в философском дискурсе о теле, по видимому, продиктовано желанием упорядочить рассуждения о предмете,

задав четкие концептуальные ориентиры для анализа данного сложного феномена и очертив границы этого анализа. Позволим себе напомнить, что четкое разведение понятий «тело» и «телесность» является одним из ключевых моментов во многих постмодернистских концепциях тела (Ж. Делёза, например).

В качестве аксиоматического принимается положение о том, что тело не равно телесности, однако содержательное наполнение этого математического неравенства существенно разнится от автора к автору.

Большее единодушие обнаруживается при попытке определения тела. Под «телом» обычно понимается организменный субстрат — определенным образом организованная биологическая структура, которая может быть исследована методами точных наук. Подчеркнем, что такая трактовка является преобладающей, но не единственно возможной. В постмодернизме, например, «тело» является по сути пакетным понятием, объединяющим в себе множество смыслов [Грицанов 2007, с. 650]. Следует учесть и тот факт, что органическое тело проявляет себя как комплекс сложных и разнородных феноменов: это не только совокупность частей, органов и органических процессов, но и источник энергии и активности, носитель эмоциональных состояний и т. д. Таким образом, тело предстает как ансамбль свойств и связей, сложность которого не стоит недооценивать. Кроме того, следует учесть и наличие разных модусов бытия органического тела, которое может выступать либо как **живая плоть** (body), либо как **вещь** (corpse, cadaver) (см., например, [Kastenbaum 2004]). Совершенно очевидно, что к разным телесным модусам не приложимы одинаковые интерпретационные процедуры. Тем самым тело, при всей своей «эмпирической очевидности» [Круткин 1993], является весьма сложным для определения феноменом.

Телесность признается субъективной феноменологической реальностью, которая не отождествляется ни с телом, ни с духом [Николаева 1991, с. 59]. Она рассматривается как более широкое понятие, включающее в себя совокупность психических процессов, а также свойств и качеств, порожденных спецификой социокультурной среды. Некоторые ученые склонны акцентироваться исключительно на социальном аспекте проблемы. Так, например, Л. В. Жаров определяет телесность человека как «способ выражения его [человека] социальной сущностной характеристики, связанный с природной формой его бытия и телесной организацией как субстратом деятельности в мире общественных отношений» [Жаров 1988, с. 5]. В том же ключе, но гораздо менее категорично, высказывается Б. Г. Акчурин, который пишет, что человеческое тело, «помимо действия общих законов жизни, подвержено влиянию закономерностей социальной жизни, которые, не отменяя первых, существенным образом модифицируют их проявление» [Акчурин 2005, с. 11]. Вне социальной жизни телес-

ность представляет собой лишь «аморфный органический потенциал, который требует социокультурной доработки, упорядочивания и долгосрочного администрирования в каждой конкретной исторической эпохе и культурном пространстве посредством разнообразных инструментов знания, власти, техники и пр.» [Там же, с. 9].

Некоторые ученые высказываются о необходимости элиминировать органические атрибуты тела, что приводит к пониманию телесности как «тела, лишённого органов» [Чеснов 2007, с. 19]. Такая неорганическая телесность рассматривается как носитель символических значений, приписываемых телу (см., например, [Журавлев 2009, с. 59]).

Рассмотрение вопроса о теле и телесности обычно предполагает обсуждение проблемы их границ. Тело идентифицируется как пространственно определенный объект, границей которого служит кожа. В отличие от него, телесность пространственно изменчива, способна менять «границы и очертания, качества и масштабы» [Плохова 2009, с. 73]. Она простирается далеко за пределы тела-организма и включает в свое пространство явления сознания — «его традиции, предрассудки, планы, желания, потребности и т. п.» [Киященко 1991, с. 7]. Кроме того, телесность часто рассматривается как феномен, имеющий временное измерение и объединяющий в себе прошлое, настоящее и будущее [Там же, с. 7].

Принимая постулат об отсутствии тождества между телом и телесностью, исследователи по-разному решают вопрос об их отношении друг к другу. Разброс мнений достаточно широк: от утверждения их полной противоположности (Ж. Делёз) до признания их взаимозависимости и взаимообусловленности. Так, например, Л. П. Киященко признает тело ядром телесности (правда, с некоторой осторожностью — «как бы ядро») [Киященко 1991, с. 7]. Е. Э. Газарова, рассматривая телесность как самостоятельный феномен, заявляет, что «изучение признаков телесности как феномена невозможно вне изучения биологических и физиологических механизмов жизнедеятельности тела (организма)» [Газарова 2002, с. 10].

Мы полагаем, что полное противопоставление тела телесности теоретически неоправданно и эпистемологически бесперспективно. Абсолютизируя разрыв между ними, исследователь лишает себя возможности системного описания телесного мира человека и рискует создать новую дихотомическую модель в духе декартовского противопоставления тела и души. Кроме того, в результате такой сепаратизации искусственно ограничивается круг потенциально возможных объектов анализа и существенно усложняется метаязык описания. Дело в том, что «тело» и «телесность» являются словами однокоренными, и термином «телесный» могут обозначаться феномены, относящиеся как к первому, так и ко второму. Последовательное применение принципа разграничения тела и телесности требует усложнения терминологического аппарата описания, что, в свою оче-

редь, окончательно закрепит традиции сепаратизации данных феноменов. В силу вышеизложенных причин мы солидарны с В. Л. Круткиным, который, предостерегая нас от соблазна развести тело и телесность, предлагает считать телесность модусом тела, «а не просто состоянием сознания или переживания» [Круткин 1993, с. 15]. Преимущества такого диалектического подхода очевидны. С одной стороны, он резонирует с современной холистической парадигмой человека и позволяет анализировать его в совокупности разнообразных соматических, психических, социальных, культурных и других манифестаций. С другой стороны, он позволяет реализовать принцип системности при описании телесных феноменов, показать взаимосвязь и взаимообусловленность органического, социально-культурного и дискурсивного бытия тела. И, наконец, именно такой подход в наибольшей степени соответствует целям лингвистического исследования тела, позволяя создать удобный и компактный терминологический аппарат для описания как «феноменологического», так и «семиотического» тела, как его органов и частей, так и его процессов и состояний.

1.4.2. Схема и образ тела

Еще одной важной частью терминологического аппарата телесно-ориентированных исследований являются понятия «схема тела» и «образ тела».

Следует отметить, что термины «схема тела» и «образ тела» активно используются лингвистами при описании телесной лексики («соматизмов»). Теоретически, такая терминологическая осведомленность должна была бы свидетельствовать о близком знакомстве с традициями изучения тела, сложившимися в смежных гуманитарных науках. На практике, однако, обнаруживается явная непоследовательность в их употреблении и тенденция к их использованию в качестве синонимов. В связи с этим возникает необходимость в прояснении сути феноменов, обозначаемых данными терминами, определении степени их близости, а также в уяснении степени их релевантности для лингвистического описания сферы телесного.

Обратимся к вопросу о происхождении данных терминов. Оба они имеют практически вековую традицию употребления в философии и нейрологии.

Историческое первенство в изучении схемы и образа тела принадлежит нейрологам. В ходе многочисленных наблюдений было установлено, что поражение мозга, в особенности его теменных долей, способно изменять восприятие человеком собственного тела [Torsten 1989; Gallagher 2005]. Накопленный эмпирический материал требовал теоретического обоснования и описания. В качестве теоретической базы для дальнейших исследований была предложена концепция схемы тела (*body scheme*). Пер-

вое появление данного термина датируется 1911 годом, и терминологическое авторство, по мнению большинства исследователей, принадлежит Г. Хэду и Г. Холмсу [Torsten 1989]. Именно Г. Хэд выдвинул теорию, согласно которой каждый человек создает некую модель собственного тела. Эта модель составляет эталон, относительно которого интерпретируются все телесные движения и позы [Fisher 1973].

В 20-х годах XX века проблема вызвала интерес у психологов. В 1935 г. вышла монография П. Шилдера «Образ и внешний вид человеческого тела» (“The Image and Appearance of the Human Body”). И в названии, и в тексте работы употребляется терминологическое сочетание «образ тела» (*body image*). Работая в психоаналитической парадигме, Шилдер предположил, что образ тела складывается в результате взаимодействия с другими людьми и настолько зависит от этого взаимодействия, что если оно осуществляется неверно, образ тела будет сформирован неадекватно. Шилдер продемонстрировал влияние разнообразных факторов на формирование образа тела, проанализировав телесный опыт в ситуациях пробуждения, засыпания, принятия необычных поз, приема наркотических средств и т. д. [Shilder 1935]. Образ тела рассматривался как важнейшее связующее звено между индивидуальной психикой и окружающим миром, находящимся за пределами индивидуального телесного пространства [Fisher 1978].

На протяжении длительного времени эти термины употреблялись недифференцированно и рассматривались как синонимичные. Весьма симптоматично в этой связи утверждение, содержащееся в коллективной монографии «Социальные аспекты человеческого тела» [Polheums 1978]: «“Образ тела” можно рассматривать как синоним к терминам “концепция тела” и “схема тела” (“Body image’ can be considered synonymous with such terms as ‘body concept’ and ‘body scheme’»)). Выбор того или иного термина был вопросом индивидуальных авторских предпочтений.

Тем не менее, начиная с 1970-х годов отчетливо прослеживается тенденция к дифференциации данных понятий.

Ученые тяготели к употреблению термина «схема тела», когда речь шла о некотором «физиологическом базисе» [Тхостов 2002, с. 29]. Так, Ш. Галлахер определяет схему тела как «систему сенсорно-моторных функций, которые осуществляются неосознанно и не нуждаются в контроле со стороны органов чувств» [Gallagher 2005, с. 24]. Эта структура лишена интенциональности и недоступна непосредственному наблюдению. Схема тела — это совокупность «досознательных, субличностных процессов, которые играют динамическую роль в управлении положением тела и движением» [Ibid., с. 26]. Этот процесс «осознания телесного пространства» [Мерло-Понти 1999] носит дорефлективный и принципиально невербализуемый характер. Формирование схемы тела никоим образом не

связано с получением научных знаний анатомического характера. В основе этого процесса лежит синтез телесного опыта, получаемого в разнообразных жизненных ситуациях: переживании телесных ощущений, движении, взаимодействии с другими телами, визуальном и тактильном исследовании собственного тела и т. д.

Схема тела играет исключительно важную роль в жизни индивида. Она является условием успешной самоидентификации и средством интерпретации перцептивных образов, поступающих как из внешней, так и из внутренней среды организма [Тхостов 2002].

Термином «образ тела» описывается гораздо более сложное и многоаспектное явление. Сама логика языка заставляет нас противопоставлять «схему» как нечто конкретное, определенное и в известной степени упрощенное «образу», который носит более абстрактный и многоплановый характер. Схема всегда утилитарна, в то время как образ не функционален и не обладает орудийностью. Схема привязана к материальному миру, образ же отсылает нас в сферу субъективного. В то время как «схема тела» относится скорее к телесной географии, «образ тела» вписывает индивида в широкое социокультурное поле, где разворачиваются «социальные и дискурсивные коды» [Никитин 2006, с. 83]. «Схема» коррелятивна с собственно анатомическим телом, «образ» же соотносится с более широким понятием телесности. По словам В. Н. Никитина, «в образе тела интегрированы представления о теле как плоти и о теле как телесности» [Там же, с. 90].

Несмотря на очевидные различия в объеме и содержании понятий «схема» и «образ» тела и их далеко не синонимичное употребление в специальной литературе, четкое терминологическое разделение началось лишь в середине 90-х годов прошлого века. Весьма убедительно различие между ними было продемонстрировано В. А. Подорогой. Он противопоставил схему и образ тела по целому ряду признаков.

Схема едина для всех людей, поскольку она коррелирует с физическими параметрами мира. Образ тела сугубо индивидуален, образы «уникальны, единственны и удерживаются в индивидуальных историях жизни, воспоминаниях» [Подорога 1995, с. 26]. Схема и образ тела противопоставлены также по признаку «стабильность — динамичность». Схема тела, как пишет В. А. Подорога, обладает «четкими пространственными характеристиками, неизменными и повторяемыми, она трехмерна, имеет внутреннее и внешнее, набор конечных движений, гибкости, плотности, она иерархизована по различным анатомическим и физиологическим функциям» [Там же, с. 25]. Образ тела изменчив; он «не реферируется к реальности телесной схемы» и противопоставляется ей. В образе тела «границы реального присутствия нашего тела в мире начинают смещаться. Образ тела трансгрессивен по отношению к тому телу, которым мы реально наделены», он «гипердинамичен и не соотносим с реальностью, ибо совме-

щает в себе некие неясные и «неточные» переживания наличного телесного опыта» [Там же, с. 25].

Как явствует из вышеприведенных теоретических выкладок, образ тела, в отличие от схемы тела, связан с ментальной сферой. Он формируется в результате познания телесной реальности, носит отчасти рефлексивный характер и может быть представлен в вербализованном виде.

Важнейшей, сущностной чертой образа тела является его социальная и культурная детерминированность. Трудно не согласиться с В. Н. Никитиным в том, что он формируется под влиянием культурных стереотипов и предрассудков [Никитин 2006, с. 91].

Культурная опосредованность привносит в образ тела аксиологический компонент, совершенно нерелевантный для схемы тела. Различные внешние и внутренние части и органы тела получают определенную ценностную интерпретацию и обнаруживают тенденцию к созданию сложных иерархических систем. Некоторые из них интерпретируются как более ценные или более «респектабельные», чем другие, что оказывает огромное влияние на процесс их идентификации и концептуализации [Fisher 1973]. Фокус внимания оказывается распределенным весьма неравномерно, и процесс вербализации телесного «экстерьера» и «интерьера» обнаруживает избирательность: одни части тела обозначаются в языке с большей степенью эксплицитности, чем другие. Безусловными лидерами аксиологической классификации в культурах западного типа являются голова и сердце (см., например, [Ле Гофф 2001]). Их привилегированный статус манифестируется в языке обширным вербальным, в том числе и метафорическим оформлением.

Влияние культуры на конструирование образа тела осуществляется и посредством «навязывания» человеку представлений о его структурных и функциональных особенностях. Эти устойчивые представления фиксируются языком и усваиваются человеком наряду с другими языковыми формами и речевыми штампами. В монографии Я. В. Чеснова приводятся интересные этнографические данные: «у абхазов считается, что у сухопарого человека нет селезенки и поэтому он быстро бегают; у чеченцев считается, что быстро бегущий человек не имеет коленной чашечки, зато полностью здоровый человек у последних, считается, имеет два сердца» [Чеснов 2007, с. 157]. К сожалению, автор не поясняет, осознают ли представители этих этносов метафоричность подобных образов или они действительно допускают возможность соматической вариативности. По-видимому, правомерно говорить лишь о сознательно конструируемых метафорах, ведь и у носителей других культурных традиций есть номинации, построенные по тому же принципу (ср. **рус.** «стальные нервы», «луженое горло», «толстая кожа»; **англ.** *to be all thumbs, to have itchy feet, to have a sweet tooth*).

Следует подчеркнуть, что «образ тела» — это не некая законченная, сформированная и хорошо осознаваемая человеком система взглядов, которая может быть отчетливо и системно вербализована им. «Образ тела» — это всего лишь специфический конструкт, введенный в науку для описания процесса аккумулирования и организации телесного опыта. Этот конструкт представляется особенно полезным для описания сферы внутренней телесности, поскольку он акцентирует момент субъективности в переживании тела.

Образ тела может быть представлен как многокомпонентное единство. Одним из основных его конституентов, по-видимому, являются представления о внутреннем устройстве тела.

Кроме того, образ тела включает динамические аспекты функционирования телесной реальности. Одной из его составных частей являются представления о фазах жизни (рождении, взрослении, старении и смерти), а также о физиологических процессах, происходящих в организме (болезни, беременности и родах, выделительных процессах и т. д.). К числу таких динамических процессов могут быть отнесены и интероцептивные ощущения, составляющие объект настоящего исследования.

Разумеется, представленный здесь список является далеко не исчерпывающим. Но даже такой конспективный набросок позволяет убедиться в сложности феномена, обозначаемого термином «образ тела» и понять его сущностное отличие от «схемы тела». Схема тела — это лишь функционально-анатомический эскиз, в то время как образ тела — это социально и культурно детерминированные представления индивида о своем теле, которые могут быть выведены в дискурс. Совершенно очевидно, что лингвистическое исследование предполагает адресацию исключительно к образу тела, оставляя изучение схемы тела прерогативой неврологов и отчасти психологов. Мы убеждены, что употребление термина «схема тела» в работах лингвистической направленности некорректно. Оно является нарушением терминологических традиций, сложившихся в смежных науках, и препятствует плодотворному сотрудничеству в области изучения телесности.

1.4.3. Телесный опыт, экспериенсер и перципиент

В целях создания лингвистической модели интероцепции представляется целесообразным ввести в исследование ряд дополнительных, менее специальных и противоречиво трактуемых, терминов, позволяющих описывать процесс восприятия и систематизации внутрителесных ощущений, и определить объем закрепляемых за ними понятий.

Первым из них является «телесный опыт». Несмотря на то, что данное терминологическое сочетание часто встречается в психологической

литературе, его определение не предлагается, видимо, вследствие его кажущейся самоочевидности. Тем не менее, анализ контекстов его употребления в работах философской и психологической направленности позволяет установить, что оно допускает несколько далеко не тождественных друг другу трактовок. Так, например, соответствующий раздел «Феноменологии восприятия» М. Мерло-Понти посвящен рассмотрению процесса «опредмечивания» тела, превращения его в объект познания [Мерло-Понти 1999, с. 128–136]. В работах по проблемам воплощенного разума телесный опыт трактуется, главным образом, как опыт взаимодействия с окружающим миром посредством движения и манипулирования с объектами. В нашей работе, однако, под телесным опытом понимается совокупный опыт переживания разнообразных телесных состояний и ощущений. Такое понимание соотносится с концепцией телесного опыта, предложенной в работах Г. А. Ариной [Арина 1999], А. Ш. Тхостова [Тхостов 2002], Г. Е. Рупчева [Рупчев 2001], С. В. Тюлюпо [Тюлюпо 2005]. С точки зрения этих авторов, телесный опыт формируется в результате переживания совокупности определенных «телесных событий», примерный тематический список которых был предложен в работе [Николаева и др. 2009]. Этот список включает, в том числе, и опыт заболеваний, операций, травм и лечения, неизменно сопряженных с переживанием определенных, главным образом болезненных, телесных ощущений. Примечательно, что именно эти события наиболее полно отражаются в анализируемом авторами «автобиографическом рассказе о теле» и составляют 32 % от общего текста телесной автобиографии [Там же, с. 32]. В силу специфики нашей работы под телесным опытом будет пониматься преимущественно переживание событий, происходящих во внутреннем теле.

Анализ телесного опыта предполагает не только описание формирующих его факторов и исследование его событийного плана. Важным направлением исследований является анализ его структуры. Попытки такого рода анализа уже предпринимались. Так, например, в диссертационном исследовании Г. Е. Рупчева предлагается выделять 4 уровня организации телесного опыта: 1) уровень интероцептивного фона, 2) сенсорный / чувственный, 3) эмоциональный / когнитивный и 4) уровень образов, воображения [Рупчев 2001, с. 66]. Базовым уровнем и основой внутренней телесности признается сенсорный /чувственный уровень. Именно на этом уровне, по мнению Г. Е. Рупчева, происходит фиксация ощущения и отнесение его к тому или иному классу. На эмоциональном /когнитивном уровне осуществляется более конкретная квалификация ощущения, позволяющая идентифицировать его количественные и качественные характеристики. На последнем, четвертом, уровне происходит выдвижение гипотезы о значении пережитого ощущения и предположения о вызвавших его причинах. Предложенная схема выглядит привлекательно, но страдает

общим для всех уровневых моделей недостатком, навязывая нам представление о линейном, поэтапном характере данного процесса и иерархической неравноценности выделенных уровней. Кроме того, не совсем ясно, на каком основании эмоциональный компонент выводится из процесса первичной категоризации, поскольку, как будет показано ниже, именно эмоция составляет основу этого процесса. Тем не менее, трудно не согласиться с идеей многомерности и многовекторности процесса формирования телесного опыта. Основное преимущество представленной уровневой модели заключается в том, что она позволяет обосновать наличие различных степеней осознанности телесного опыта и, следовательно, наличие как вербальных, так и довербальных стадий его формирования.

С понятием телесного опыта естественным образом соотносится представление о человеке, его аккумулирующем. В рамках данной работы для его обозначения используется термин «экспериенцер», этимология которого в полной мере соответствует сути обозначаемого им феномена. Этот термин представляется нам более предпочтительным, чем термин «субъект», поскольку в силу специфики своей семантики он оказывается более универсальным для описания как концептуальных, так и доконцептуальных стадий формирования телесного опыта. Кроме того, его употребление в вышеуказанном значении не противоречит терминологическим практикам, сложившимся в языкознании, где термином «экспериенцер» обозначается участник ситуации, испытывающий некоторое физиологическое или эмоциональное состояние [Филлмор 1981; Чейф 1975; Кузнецова 2009].

Представляется целесообразным дополнить складывающуюся терминосистему единицей «перципиент» для обозначения экспериенцера в условиях актуального, наличного телесного опыта. Таким образом, мы будем использовать термин «экспериенцер» при описании совокупного телесного опыта и термин «перципиент» при описании ситуации «здесь и сейчас». Это противопоставление представляется релевантным, поскольку, как будет показано ниже, когнитивные механизмы, задействованные при ретроспективном описании ощущения, несколько отличаются от тех, которые используются непосредственно в момент переживания опыта.

Выводы

1. Тело представляет собой чрезвычайно сложное, многомерное и многоаспектное явление, изучение которого возможно лишь в условиях широкого междисциплинарного диалога. Лингвистическое освоение телесной проблематики предполагает тесное взаимодействие с философией, психологией, социологией и культурологией. Междисципли-

нарность позволяет более продуктивно и поступательно осваивать проблемное поле, обеспечивает системность и преемственность полученного знания, повышает верифицируемость исследовательских результатов, способствует унификации терминологического аппарата исследований. Междисциплинарность соответствует как потребностям современного общества, так и основным тенденциям развития современной науки.

2. Наиболее перспективным философским базисом для лингвистического изучения interoцептивных явлений представляется феноменология, акцентирующая роль «восчувствованной тяжелой плоти» (М. Мерло-Понти) в жизни человека и подчеркивающая субъективный характер переживания тела. Наибольшую значимость в рамках феноменологической концепции для нас имеют два положения: 1) тело является не атрибутом, а способом существования человека и 2) человеческое тело и окружающая его среда представляют собой сложное синэргетическое единство.
3. Изучение тела в гуманитарных науках строится не на анатомической, а на феноменологической его трактовке. Феноменологический подход предполагает изучение живых динамик тела в той форме, в которой они воспринимаются и переживаются человеком. Он противопоставляет нивелированию индивидуальных, неповторимых свойств каждого отдельного тела, подчеркивая несводимость тела к единому стандарту. Феноменологический подход оправдывает свободу индивида в выборе способов интерпретации и словесной репрезентации его телесного опыта.
4. Индивидуальный телесный опыт опосредуется той культурной средой, к которой принадлежит человек. Каждый человек наследует определенную социально и культурно детерминированную перцептивную традицию, регламентирующую и направляющую его поиск телесных смыслов. Культура предписывает человеку определенный тип отношения к его телу и способы обращения с ним, регулирует объем телесного опыта и через посредство научных, фольклорных, бытовых и других дискурсов формирует устойчивые представления о теле и «правильных» способах артикуляции телесного опыта. Любой телесный смысл является культурно-детерминированным, и лингвистическое изучение телесных феноменов должно учитывать культурный контекст, в котором этот смысл сформировался.
5. Наиболее адекватной методологической основой лингвистического изучения interoцепции является теория воплощенного значения, в рамках которой значение и все высшие формы деятельности выводятся из присущей человеку способности воспринимать окружающий мир, манипулировать с объектами, перемещать тело в пространстве и

испытывать эмоции. Теория воплощенного значения учитывает и фактор социокультурного взаимодействия как неотъемлемую часть жизни человека. Данная теория обладает значительным интерпретативным потенциалом и позволяет связать внутрителесный опыт с внешнетелесным, обосновав, в том числе, правомерность и неизбежность метафоризации при создании словаря интероцептивных ощущений.

6. Терминологический аппарат телесно-ориентированных исследований требует уточнения и унификации. Представляется нецелесообразным противопоставление терминов «тело» и «телесность», поскольку оно способствует формированию новой дихотомической модели в духе декартовского противопоставления тела и души. Вслед за В. Л. Круткиным [Круткин 1993] мы предлагаем считать телесность модусом тела, обеспечивая тем самым единство разных аспектов телесного опыта. Термин «схема тела» предлагается исключить из гуманитарных исследований как нерелевантный. Гуманитаристика, по нашему мнению, может оперировать лишь термином «образ тела», под которым понимаются социально и культурно детерминированные представления индивида о своем теле, потенциально выводимые в дискурс. Совокупный опыт переживания разнообразных телесных состояний и ощущений предлагается обозначать термином «телесный опыт». Человек, аккумулирующий телесный опыт на протяжении своей жизни, именуется в данной работе термином «экспериенцер», что согласуется с традициями употребления данного термина в лингвистике. Экспериенцер в условиях актуального, наличного телесного опыта обозначается термином «перципиент».

Глава II

Когнитивное моделирование интероцептивных ощущений

*If our brains were simple enough for us
to understand them, we'd be so simple that
we couldn't.*

Ian Stewart

Как было показано в главе I настоящей работы, предпосылки для лингвистического изучения перцептивной сферы человека вообще и интероцепции в частности наметились уже несколько десятилетий назад. По-видимому, одним из основных факторов, сдерживавших развитие данного направления исследований, было отсутствие необходимого методологического инструментария, который позволил бы осуществить системную интерпретацию языкового материала. При лингвистическом анализе интероцептивных процессов чрезвычайно важным представляется выявление общих принципов их обработки сознанием — тех принципов, которые формируют основы для вывода продуктов интероцептивного опыта в речь. Такой анализ может быть осуществлен в рамках когнитивной парадигмы, которая рассматривает язык как «окно в сознание» [Chomsky 1975; Lakoff 1987; Пинкер 2013] и позволяет осуществлять реконструкцию ментальных процессов на основе систематизации языковых фактов. Конечно, следует учитывать достаточно высокую степень условности таких реконструкций и соблюдать известную осторожность в формулировках и выводах, ибо, как справедливо отмечает У. Джеймс, изучая сознание на основе языковых фактов, мы фактически «пытаемся судить о дереве по его плодам» [Джеймс 1993, с. 26]. Тем не менее, неразрывная связь языка и познавательных процессов неоспорима, и системное рассмотрение языковых фактов позволяет выявить ряд закономерностей, которые могут свидетельствовать о наличии определенных структур сознания, стоящих за тем или иным способом вербализации. С другой стороны, выявив общие принципы когнитивного освоения этой чрезвычайно сложной в познавательном отношении сферы, мы сможем не только описывать текущее состояние интероцептивного словаря, но и прогнозировать его дальнейшие изменения, а также объяснять процессы индивидуального варьирования и осуществлять системную интерпретацию окказиональных речевых образова-

ний. Однако для успешного проведения когнитивного исследования необходимо предварительно изучить феноменологические свойства самого моделируемого объекта, тем более что задача системного описания interoцептивных ощущений в гуманитарных науках до сих пор остается нерешенной.

2.1. Понятие субъективной реальности

Everything we can imagine is real.

Pablo Picasso

В Главе I неоднократно подчеркивалось, что опыт переживания тела и телесности носит сугубо субъективный характер и составляет важную часть так называемой субъективной реальности, однако содержание понятия «субъективная реальность» никак не эксплицировалось. Между тем, такая экспликация представляется необходимой, поскольку специфика когнитивных процессов, задействованных в осмыслении interoцептивных феноменов, во многом определяется именно качествами той реальности, которую они моделируют.

В традиционном понимании субъективная реальность — это некий психический продукт, который возникает в сознании «в результате активного освоения объективной действительности, ее отражения в познавательном отношении» [Кикель 2006, с. 176]. Очевидный недостаток данного определения заключается в том, что оно не дает представления о содержательной структуре субъективной реальности, сосредотачиваясь лишь на процессе ее формирования. Кроме того, если принять это определение в качестве операционального, оно задает слишком узкие исследовательские рамки, позволяя изучать лишь те фрагменты субъективной реальности, которые являются репрезентациями внешнего по отношению к человеку предметно-феноменального мира. Оно не охватывает широчайшего спектра явлений, которые не принадлежат области общего для всех людей опыта, но, тем не менее, обладают реальностью для каждого конкретного человека. К их числу относятся, в частности, процессы, локализуемые в области его внутреннего тела. Их феноменологическая специфика требует уточнения исходного определения субъективной реальности и создания более универсальной, широкой дефиниции. Заслуживает внимания определение, предложенное Д. И. Дубровским: «Субъективная реальность — это реальность осознаваемых состояний индивида, которые непосредственно удостоверяют для него то, что он существует» [Дубровский 2013]. Эти состояния могут осознаваться в разной степени, требовать для своего осознания больших или меньших навыков интроспекции и оформ-

ляться в когнитивные структуры разных типов. Человек может менять фокус внимания, помещая в него образы то внешних по отношению к нему объектов, то внутренних ощущений и переживаний. Тем не менее, все эти состояния реальны для него: головная боль, кишечные спазмы и чувство тяжести в желудке обладают не меньшим «индексом присутствия» [Рупчев 2001, с. 49], чем речь врача, прикосновение его пальцев и инструментов или цвет принимаемой микстуры. Наличие самих этих состояний и возможность их анализа позволяют человеку удостовериться в том, что он «есть», что он обладает сохранным интеллектом и пребывает в бодрствующем состоянии.

Таким образом, данное определение обладает существенным преимуществом перед традиционным: оно объемлет как внешнетелесный, так и внутрителесный опыт и помещает в центр внимания субъекта, указывая на ту роль, которую субъективная реальность играет в его самоидентификации. Основным его недостатком, однако, является отсутствие эксплицированной связи с опытом проживания в реальном мире. Субъективная реальность всегда связана со средой, если только речь не идет о тяжелых патологических состояниях, и находится с ней в состоянии динамической ко-детерминации. Даже в том случае, если какая-то часть этой реальности не является непосредственным отражением внешнего мира, она соотносится с ним через то целое, в состав которого входит. В этом смысле даже самый субъективный, самый частный опыт так или иначе основывается на том общем опыте, который человек приобретает во взаимодействии с окружающей средой (природной и социокультурной). Уместно вспомнить в этой связи мысль Э. Левинаса: «Пальцы, заключающие мир в скобки, сами запачканы чернилами этого мира». Имея тело определенной конфигурации и приобретая телесный опыт существования в физической и социокультурной среде определенного типа, человек не может выстроить некоторую специальную концептуальную систему для осмысления нефизических или метафизических объектов, которая никак бы не вписывалась в уже существующую систему когнитивных координат. Следовательно, определение Д. И. Дубровского целесообразно дополнить указанием на то, что осознаваемые состояния индивида в той или иной степени формируются под воздействием факторов внешней среды. Такой синтез двух подходов в полной мере отвечает принципам феноменологической философии и сопрягается с теорией телесно воплощенного значения.

Исследуемые в данной работе интероцептивные феномены представляют собой «интроспективно доступное, феноменальное состояние» (Д. И. Дубровский), а следовательно, принадлежат субъективной реальности и составляют важную ее часть. Сама субъективная реальность предстает как интегральное, многомерное, сложноструктурированное образование, включающее в себя множество иерархически организованных ком-

понентов. Каждый компонент, как пишет Д. А. Медведев, «одновременно может быть и элементом (подсистемой) данной системы, и сам включать в себя другие системы — когнитивные, эмоциональные и поведенческие» [Медведев 2005, с. 5]. Данное замечание представляется принципиально важным в контексте нашего исследования, позволяя нам определить то место, которое занимает интероцепция в структуре субъективной реальности. Для нас очевидно, что поскольку интероцептивные ощущения принадлежат области внутреннего тела, они не могут осмысляться вне связи с ним, и их интерпретация неизбежно связана со сформированным в сознании образом тела (см. раздел 4.2 Главы I) вообще и внутреннего тела в частности. Иными словами, образ ощущения в той или степени «встроен», «вписан» в образ тела и коррелятивен ему. Образ тела, в свою очередь, коррелирует с образом Я, занимая в нем большее или меньшее место в зависимости как от общих установок субъекта, так и ситуативно обусловленных когнитивных потребностей.

2.2. Внутреннее тело и интероцептивные ощущения как часть субъективной реальности. Феноменологические свойства интероцептивных ощущений

*We don't live in a world of reality
but in a world of perception.*

Gerald. J. Simmons

Процесс познания так называемой объективной реальности предполагает перцептивное взаимодействие с предметами и явлениями окружающего нас мира и формирование их психических репрезентаций. Предметы и явления окружающего мира обладают рядом общих свойств, которые иногда называют признаками объективности. С. Э. Поляков, например, выделяет 5 признаков объекта: его доступность многим наблюдателям; устойчивую повторяемость его перцептивного образа в аналогичных условиях наблюдения; единообразие перцептивного образа у разных наблюдателей и одного наблюдателя в разное время; «относительная независимость его перцептивного образа от воли наблюдателя; подчиняемость его перцептивного образа известным наблюдателю физическим законам», «прогнозируемость возможных изменений образа» [Поляков 2011, с. 41]. Следует подчеркнуть, что эти признаки конституируют типичный объект, с которым наше сознание привыкло иметь дело и выработало определенный алгоритм его обработки. Легко заметить, что ни один из указанных здесь признаков не относится к феноменам внутрителесной

реальности, что формирует определенную преграду на пути их когнитивной обработки.

Обратимся к феноменологической специфике внутрителесной реальности и попытаемся определить, какую роль выделенные нами свойства играют в когнитивном освоении этой специфической области.

Описание феноменологических свойств интероцептивных ощущений реальности строится здесь на основе анализа современных философских и психологических дискурсов телесности. Оговоримся, что мы ни в коей мере не претендуем на создание исчерпывающей таксономии; мы лишь намерены очертить тот круг свойств и особенностей, которые предопределяют выбор специфических когнитивных процедур, необходимых для осмысления интероцептивных ощущений и их вывода в речь. Нам представляется важным подчеркнуть, что эти свойства тесно связаны между собой, в связи с чем предложенная ниже рубрикация в значительной степени условна.

2.2.1. Перманентный характер восприятия

*Music heard so deeply that it is not heard at all,
but you are the music while the music lasts.*

T. S. Eliot

Интероцептивные ощущения сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Мы не можем «отключить» их подобно тому, как мы перекрываем зрительные, слуховые, обонятельные и другие стимулы, закрывая глаза, затыкая уши или зажимая нос. Совокупность интероцептивных ощущений представляет собой своеобразную «телесную симфонию» (К. А. Скворцов), которая звучит непрерывно и в лучшем случае воспринимается как фон, на котором осуществляется когнитивное освоение внешней среды. Различение отдельных звуков в этой симфонии возможно, но для этого необходимо особым образом канализировать внимание, «прислушаться к себе». Данный феномен известен любому человеку и весьма наглядно описывается в романе К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки». Отвечая на вопрос, не мешает ли ему постоянно звучащая в отделении музыка, пациент психиатрической клиники отвечает, что если сосредоточиться, то ее можно услышать, подобно тому как если сконцентрировать внимание, можно услышать биение собственного сердца; но эту запись они прослушали уже столько раз, что она просто «ускользает от их слуха» (*“Oh, yes, the so-called music. Yes, I suppose we do hear it if we concentrate, but then one can hear one’s own heartbeat too, if he concentrates hard enough. And we’ve all heard that recording so many times now it simply slides out of our hearing, the way the sound of a waterfall soon becomes an unheard sound to those who live near it (K. Kesey. One Flew Over the Cuckoo’s Nest).”*

Таким образом, интероцептивное ощущение в состоянии соматического благополучия может попасть в поле рефлексии лишь посредством произвольной концентрации внимания. Можно предположить, что подобный механизм «отключения» интерорецепции эволюционно целесообразен, поскольку одновременный мониторинг и внешней, и внутренней среды существенно снизил бы эффективность взаимодействия человека с миром. Уместно вспомнить в этой связи о концепции «отсутствующего тела» (the absent body) Д. Ледера [Leder 1990]. Его идея заключается в том, что тело маргинализируется в сознании, воспринимается как нечто само собой разумеющееся, и именно в таком состоянии, которое считается нормальным, человек может действовать в мире. У здорового человека интероцептивные ощущения составляют фон, который «носит рудиментарный характер» [Тхостов 2002; Рупчев 2001]. Он может окрашивать наше видение окружающей действительности, изменяя параметры восприятия внешних стимулов, притупляя или обостряя внешнюю чувствительность, задавая определенный эмоциональный тон, но сам он остается по большей части неосознанным (см, например, [Скворцов 1999, с. 97]).

Между тем, как утверждают некоторые специалисты, канализируя внимание на той или иной области внутреннего тела, можно обнаружить «картину внутреннего восприятия, не намного уступающую по разнообразию внешнему» [Поляков 2007, с. 13]. Можно уловить разные по качеству и интенсивности сигналы и научиться выделять те детали ощущений, которые прежде оставались без внимания. В этом контексте популярное клише «богатый внутренний мир» приобретает совершенно новый, буквальный смысл, ничуть не уступающий по значимости первоначальному. Развитие способности к восприятию и дифференциации интероцептивных ощущений, по мнению С. Фишера, «могло бы принести гораздо больше пользы в жизни, чем так называемое сексуальное просвещение и тренировка специальных спортивных и моторных навыков» [Fisher 1973, с. 11]. Эта «жизненная польза» заключается в том, что человек мог бы более точно распознавать возникающие во внутреннем теле проблемы и своевременно принимать меры по их устранению, что позволило бы ему достичь принципиально иного уровня гармонии с собственной телесной природой.

Следует отметить, что способность к сознательной фокусировке на интероцептивных феноменах зависит не только от индивидуальных навыков интроспекции. Как показали исследования О. Г. Камерона, эта способность обнаруживает системную зависимость от ряда физических параметров экспериенсера: общего веса и количества подкожного жира, уровня физической подготовки, возраста, а также таких переменных величин, как положение тела (что связано с влиянием гравитации на интенсивность работы внутренних органов и, соответственно, интенсивность по-

сылаемых ими сигналов) и эмоциональное состояние [Cameron 2001, с. 704–705].

Интероцептивное ощущение попадает в светлое поле сознания и в том случае, когда при различных нарушениях внутренней среды организма оно преодолевает определенный пороговый рубеж [Ткаченко 1994, с. 77] и достигает той интенсивности, при которой игнорировать его более не представляется возможным. Перципиент вынужден производить его когнитивную обработку с тем, чтобы квалифицировать его и выработать в отношении него определенную стратегию поведения. Именно возникновение ощущения во внутренней среде организма чаще всего является тем событием, которое «открывает» для человека факт существования его внутреннего тела. Некогда рудиментарный ровный фон обретает рельеф, вторгается в активную зону сознания и запускает процесс генерирования когнитивных гипотез. Неспособность к их генерированию и, как следствие, невозможность концептуализации телесного опыта может иметь весьма серьезные последствия для перципиента, поскольку, как показывают некоторые исследования, 95 процентов всех клинических диагнозов ставится не на основании данных объективного исследования, а на основании того, как пациент описывает свои ощущения [Лоуэлл 1997].

2.2.2. Специфичность канала восприятия

We have five senses in which we glory and which we recognize and celebrate, senses that constitute the sensible world for us. But there are other senses — secret senses, sixth senses, if you will — equally vital, but unrecognized, and unlauded. These senses, unconscious, automatic, had to be discovered.

Oliver Sacks

В повседневной жизни перцептивно и когнитивно человек ориентирован на внешнюю среду, освоение которой задействует пять общеизвестных каналов восприятия — зрительный, слуховой, осязательный, обонятельный и вкусовой. Эти каналы восприятия привычны; человек не только естественным образом полагается на них при взаимодействии со средой, но и с первых дней жизни активно поощряется к их использованию и специально обучается ему, что в норме приводит к формированию развитых навыков экстрацептивного восприятия и устойчивых «ментальных привычек» в выборе одного и каналов при осуществлении того или иного вида перцептивно-когнитивной деятельности.

Особенности локализации интероцептивных ощущений лишают человека возможности использования привычных перцептивных процедур

для его познания. Наиболее остро при этом ощущается нехватка зрительных стимулов. Современная западная культура носит преимущественно визуальный характер и подчиняется «гегемонии глаза» (Р. Романишин). Это обстоятельство было подмечено еще в XVIII веке Л. Океном, который назвал европейца человеком-глазом. Об «окулярноцентрическом» характере современной жизни и мысли пишут авторы коллективной монографии «Современность и гегемония зрения» [Levin 1993]. Визуальные характеристики (цвет, форма, размер) принимаются как наиболее важные, базовые свойства предметов. Лишенный этих привычных концептуальных ориентиров, человек испытывает значительные затруднения в когнитивной интерпретации внутрителесных феноменов. Наличие широкого спектра визуальных средств, призванных восполнить нехватку естественных зрительных стимулов (медицинские атласы, документальные и художественные фильмы медицинской тематики, медицинская реклама), не имеет сколь-нибудь существенного значения для когнитивного моделирования сферы внутренней телесности в силу целого ряда причин. Во-первых, знакомство с ними происходит на сравнительно позднем этапе жизни человека, когда определенный образ внутреннего тела уже сформирован и может быть лишь несколько модифицирован. Во-вторых, полученные знания не переносятся непосредственно в личностную сферу и воспринимаются несколько дистанцированно в силу отсутствия непосредственного подкрепления индивидуальным сенсорным опытом. В-третьих, линейный характер визуальной и сопровождающей ее вербальной репрезентации в определенной степени конфликтует с субъективно ощущаемой глобальностью, нерасчлененностью внутреннего тела и препятствует перенесению «объективных знаний» в ментальную сферу конкретного индивида.

Существенно ограниченными представляются и возможности слухового восприятия. Лишь два типа ощущений связаны с восприятием звуковых сигналов определенного типа — это ощущения, локализуемые в сердце и желудочно-кишечном тракте. Эти сигналы, однако, поступают из внутренней среды организма лишь эпизодически, что затрудняет формирование системного и устойчивого представления о «телесном интерьере» и происходящих в нем событиях.

Практически отсутствует и возможность «освоения» интероцептивных ощущений посредством тактильного восприятия. Перцепиент лишен возможности не только «пощупать» ощущение (за исключением тех редких случаев, когда в результате внутрителесных процессов наблюдаются колебания внутренних органов, ощутимые даже на поверхности тела), но даже произвести пальпацию внутренних органов и осуществить «четкую квалификацию их границ, как это возможно с предметами внешнего мира или с видимыми участками своего тела» [Рупчев 2001, с. 45]. Не воспринимаемое тактильно, ощущение лишено пространственной определенно-

сти, в результате чего оно плохо картируется и слабо дифференцируется сознанием.

Интероцептивные ощущения задействуют принципиально иной тип чувствительности, основывающийся на действии интероцепторов. В силу своей физиологической специфики они не предоставляют перцепиенту столько разнообразной информации, сколько экстероцепторы [Гиппенрейтер 2009, с. 45]. Кроме того, интенсивность поступающих от них сигналов в норме слаба, и здоровый человек не испытывает потребности в их интерпретации, что приводит к недоразвитию навыков интероцептивного восприятия.

2.2.3. Внесоциальность и принципиальная неверифицируемость

We suffer and enjoy in solitude. We can pool information about experiences, but never the experiences themselves.

Aldous Huxley

Область экстероцептивного опыта обладает общностью для всех членов определенного сообщества. Объекты и явления окружающего мира открыты для восприятия каждым, кто с ними взаимодействует, и допускают возможность коллективной перцептивной деятельности: мы можем вместе смотреть на картину, слушать музыку, гладить кошку, получать сходные (хотя и не одинаковые) ощущения и формировать существенно совпадающие по своим характеристикам перцептивные образы. Кроме того, мы сами являемся объектом перцепции, поскольку наше внешнее тело обращено к миру и транслирует на него огромные объемы информации. Оно служит средством половой, возрастной, этнической/национальной идентификации индивида. Оно может сигнализировать о профессиональной принадлежности человека и его социальном статусе. По характерным внешним проявлениям можно судить о физическом и эмоциональном состоянии человека. И, наконец, внешнее тело является своеобразным «паспортом» личности, позволяя опознать человека среди множества ему подобных. Внешнее тело, таким образом, открыто миру, воспринимается окружающими и «читается» ими.

Более того, жизнь внешнего тела четко регламентирована и подчинена действующим в социуме нормам, канонам, ценностям и условностям. Мы либо принимаем эти нормы, подгоняя свое тело под предлагаемые стандарты, либо отвергаем их, сигнализируя о своей оппортунистической позиции нарочито «неправильным» использованием тела. Так или иначе, внешнее тело неизбежно несет на себе печать культуры, ибо культура, как

известно, создает не только сами нормы и правила, но и «правила для нарушений правил и аномалии, необходимые для нормы» [Лотман 1988, с. 159].

В отличие от внешнего, внутреннее тело, в совокупности всех своих проявлений, глубоко внесоциально. Его существование очевидно лишь для индивида; для окружающих его людей оно не существует, поскольку не воспринимается ими и, как следствие, «не рефлексруется социально» [Быховская 2000, с. 153]. По словам Х. Арендт, «ничто не изгоняет нас из мира более радикально», чем наше тело. Столкнувшись с проявлениями внутрителесной реальности, или «обнаружив» у себя внутреннее тело, человек оказывается наедине с этим новым для себя опытом и, лишенный готовых концептуальных ориентиров, вынужден вырабатывать их самостоятельно. Такое погружение «в переживание тела и одиночество ощущений» [Мерло-Понти 1999, с. 218] является, по мнению многих ученых, необходимейшим условием для формирования субъективности (см., например, [Николаева 1991, с. 59]).

Следствием внесоциальности является принципиальная невозможность верификации результатов интероцептивного опыта (см., например, [Рупчев 2001, с. 46]). Это означает, что они не могут быть подвергнуты объективной проверке и, как следствие, не могут оцениваться в терминах истинности или ложности. Как писал Дж. Брунер, «мы имеем дело с раздражителем, о котором невозможно получить независимое суждение, ибо даже независимые судьи не в состоянии заглянуть внутрь нашего тела» [Гиппенрейтер 2009, с. 167].

Данное обстоятельство неоднократно отмечалось учеными, исследующими феномен боли, которая представляет собой некоторый экстремальный по интенсивности и качественным характеристикам вариант ощущения. Л. Витгенштейн, например, формулирует это свойство так: «о других людях имеет смысл говорить, что они сомневаются, ощущаю ли я боль, говорить же это о себе бессмысленно» [Витгенштейн 2004, с. 348]. Схожие рассуждения мы обнаруживаем в работах А. Ю. Ветлесена: «моя боль ощущается с такой степенью уверенности, которую я вряд ли могу испытывать по какому-нибудь другому поводу» [Ветлесен 2010, с. 20]. Еще более компактно эту мысль формулирует Э. Скарри: болевое ощущение — это ярчайший пример того, что значит «испытывать уверенность» [Scarry 1985, p. 4]. Положение об истинности любой боли было принято современной медициной и положено в основу ее нового определения: Боль — это все то, что называет болью сам пациент (*The pain is what the patient says it is*) [Jackson 2003, с. 2; Gould 2007, с. 1–2]. Мы полагаем, что все вышесказанное в полной мере относится и к тем ощущениям, которые нельзя однозначно отнести к болевым, и которые обладают тем же индексом присутствия для перцепиента.

Недостаточно, однако, заявить, что конкретное ощущение обладает несомненной реальностью для перципиента и не может быть опровергнуто как ложное. Необходимо ввести в описание дополнительный фактор интересубъектного взаимодействия и указать на то обстоятельство, что мы лишены непосредственного доступа к интероцептивному опыту других людей и возможности разделить его с ними. Как писал Л. Витгенштейн, «никто не знает, это ли переживает и другой или же нечто иное» [Витгенштейн 2004, с. 356]. Или, в более понятной и «диалогичной» формулировке Д. Биро, «я испытываю боль, а ты нет, и ты никогда не можешь испытать ее так же, как я» [Biro 2010, с. 51].

Невозможность создания единого перцептивного поля для интероцепции существенно затрудняет не только коммуникацию этого субъективного опыта, но и проведение научных исследований в данной области. Истории известны случаи, когда ученые были вынуждены идти на крайние меры для преодоления этого «онтологического раздела» между реальностью перципиента и реальностью всех других [Biro 2010, с. 32] и получения достоверной и подлежащей оценке информации. Так, например, английский физиолог Генри Хэд, в полной мере осознавая условность устных отчетов пациентов, перерезал себе лучевой и наружный нервы в области большого пальца, чтобы подтвердить или опровергнуть свои умозрительные построения об особенностях чувствительности на различных участках человеческого тела (см. [Гиппенрейтер 2009, с. 51]).

Это обстоятельство было весьма тонко подмечено О. Хаксли: «Мы страдаем и наслаждаемся в одиночестве <...>. Мы можем собрать воедино информацию об опыте, но никогда не сам опыт» (A. Huxley. *The Doors of Perception*). Особо важной представляется здесь мысль о том, что доступ к интероцептивному опыту все же возможен, однако канал, который его обеспечивает, не является перцептивным в полном смысле этого слова. «Информация об опыте» — это в первую очередь совокупность его вербальных описаний. Язык позволяет нам выйти за пределы частного опыта, придать ему форму и сделать его содержание доступным для других. Такой выход неизменно сопряжен с искажением исходной перцептивной информации, поскольку мы вынуждены переводить целостный, недискретный, глобальный интероцептивный опыт в линейный языковой формат, преобразуя «нечленораздельный голос тела» [Biro 2010, с. 169] в совокупность понятных окружающим знакам. Богатство интероцептивного опыта при этом в значительной степени утрачивается, его уникальность нивелируется, однако обмен вербальной информацией, при всех издержках и недостатках, выполняет чрезвычайно важную функцию: он позволяет сравнивать индивидуально приобретаемый интероцептивный опыт и отчасти компенсирует невозможность его непосредственной верификации.

Вывод интероцептивных ощущений в дискурсе позволяет задействовать механизм эмпатии [Экман 2010]. Мы не получаем физического доступа к ощущению, но мы можем «примерить на себя» то описание, которое предлагает нам собеседник и получить (или не получить) на него определенный ментальный и физический отклик. «Ментальный» в том смысле, что предлагаемая собеседником формулировка может резонировать с нашим видением того или иного фрагмента интероцептивного опыта и совпадать с привычным нам способом его интерпретации. Физический же отклик, как мы предполагаем, возможен благодаря действию механизма сенсомоторной симуляции; неслучайно у некоторых людей наблюдается способность испытывать те же ощущения, что и у находящихся рядом с ними больных, а некоторые испытывают реальные висцеральные боли при прочтении клинических описаний того или иного заболевания.

2.2.4. Изменчивость и неконтролируемость

The body represents the rawness of nature, the non-respectable, and the potentially uncontrollable.

Seymour Fisher

Интероцептивные ощущения то появляются, то исчезают, каждый раз варьируя свои качественные и количественные параметры и часто меняя локализацию. Примечательно, что именно изменчивость интероцептивного рисунка является для перцепиента доказательством нормального состояния организма, в то время как его стабильность свидетельствует об определенной патологии. Как метко подметила Ф. Раневская: «Здоровье — это когда каждый день болит в другом месте»¹. Интероцептивные ощущения могут вовсе не возникать на протяжении длительного времени, а могут вытеснить из сознания человека весь окружающий его мир, подавив «легкость и подвижность чувств, их направленность вовне, их неустанное любопытство ко всему неизвестному, стоящему внимания» [Ветлесен 2010, с. 83]. Важно и то, что ощущение может характеризоваться изменчивостью даже на протяжении одного интероцептивного эпизода: оно может усиливаться или утихать, превращаться из «давящего» в «колющее», охватывать все большее или меньшее внутрителесное пространство.

Заметим, что динамический характер интероцептивных ощущений оказывает непосредственное влияние на формирование образа внутреннего тела, поскольку именно в ощущениях внутреннее тело чаще всего является себя сознанию. Изменчивость ощущений способствует формированию представлений об отсутствии у внутреннего тела четкой, определен-

¹ faina.narod.ru/humor11.html

ной и неизменной структуры. Его части не занимают стабильного, раз и навсегда отведенного им, «правильного» положения. В наивно-анатомической картине тела его внутренние части способны перемещаться и взаимодействовать друг с другом (*сердце в пятки ушло; все внутри опустилось; my heart rose to my throat; my heart sank into my stomach*). Более того, частям внутреннего тела приписывается способность покидать его пространство, что происходит, в частности, в ситуации сильного эмоционального потрясения (*сердце из груди выпрыгнуло; my heart jumped out of my chest*). В субъективной реальности внутреннего тела нестабильной представляется и его размерность. Оно часто описывается как сжимающееся или расширяющееся как целиком, так и в отдельных своих частях (*все внутри сжалось; сердце сжалось; my heart swelled*).

Изменчивость непосредственно связана с неконтролируемостью интероцептивных ощущений. Они возникают спонтанно, иногда в самый неподходящий момент, и могут длиться неопределенно долго, занимая все большее место в сознании перцепиента и оттягивая на себя все его когнитивные ресурсы, лишая его возможности осуществлять другие когнитивные операции. Контроль за протеканием внутрителесных процессов возможен лишь при наличии развитых навыков саморегуляции, приобретаемых в ходе освоения специальных эзотерических процедур. Для типичного представителя западной культуры такой опыт оказывается недоступным, и внутреннее тело воспринимается как нечто непредсказуемое, непонятное и нечистое [Fisher 1973, с. 139].

Происходящие во внутреннем теле процессы в лучшем случае регистрируются сознанием, но не управляются им. Весьма наглядно и убедительно данное свойство описано Д. Ледером. Рассуждая о феноменологическом опыте приема пищи, Д. Ледер выявляет и описывает тот момент, когда человек теряет контроль над происходящими событиями. Процесс начинается с серии произвольных моторных актов: человек совершает ряд движений в поисках еды, наконец, берет яблоко, разрезает его, откусывает и делает несколько жевательных и глотательных движений. Все эти действия, несмотря на отсутствие эксплицитных знаний их физической сущности, подчинены воле человека, воспринимаются как его собственные и могут описываться субъектной модальной рамкой «**I can**» («Я могу»). Однако, будучи проглоченной, еда попадает в совершенное иное «волевое пространство» (volitional space). Акт поглощения сопровождается сложнейшими согласованными движениями органов желудочно-кишечного тракта, которые, однако, находятся за пределами субъектного контроля. Человек лишь инициирует процесс, помещая еду в рот и проглатывая ее; все последующие действия внутреннее тело осуществляет автоматически, и описываются они модальной рамкой «**It can**» («Оно может»), а не «**I can**» («Я могу»). Человек ощущает происходящее, но контролировать

его он не в силах. Автоматический характер действий порождает ощущение чужеродности (*foreignness*) внутреннего тела. Телесное «*it can*» означает субъектное «*I cannot*»: человек не может управлять действием внутренних органов так же, как управляет внешними. Он может легко поднять руку, но он не в состоянии произвольно выделить большее количество желчи или ускорить процесс переваривания пищи. Определенная степень контроля достигается лишь на стадии экскреции продуктов переработки пищи, и человек возвращается в привычный ему модус существования «*I can*» [Leder 1990, с. 46–49].

В этом контексте можно сослаться также на рассуждения Э. Скарри о неконтролируемости боли, распространив ее идею на все виды interoцептивных ощущений: «Боль полностью пассивна; она переживается, но не вызывается усилием воли и не направляется» [Scarry 1985, с. 164].

Человек оказывается не в состоянии управлять и процессом восприятия interoцептивных ощущений. При экстрацептивном восприятии, как правило, существует возможность сознательного варьирования его параметров: выбора канала восприятия (слухового, зрительного, тактильного и т. д.), регулировки интенсивности поступающего сигнала (например, посредством принятия наиболее оптимальной позы или выбора максимально удобного расстояния до воспринимаемого объекта) и т. п. Восприятие внутреннего тела оказывается в этом смысле гораздо менее активным процессом; человек лишь принимает сигнал, но не управляет им, и тело вторгается в сознание тогда, когда ему «заблагорассудится».

2.3. Интероцептивное ощущение как объект познания

Know thyself!
Delphic maxim

Интероцептивные ощущения представляют собой весьма специфический объект познания. Уникальность их эпистемологического статуса определяется их феноменологическими свойствами, с одной стороны, и особенностями человеческого сознания, с другой стороны.

Сама возможность и правомерность применения понятия «познание» к interoцептивным процессам заслуживает отдельного комментария. Традиционные представления о познании неразрывно связаны с понятиями «субъект» и «объект», обозначающими две стороны познавательного процесса, между которыми существует определенная дистанция: познавательная активность субъекта направлена на некоторый внеположный ему объект. Формально человеческое тело, выступающее в качестве объекта

познания, не вписывается в эту универсальную модель, поскольку оно онтологически не отделено от познающего субъекта. Как писал К. Ясперс, тело — «это единственная часть мира, которую можно чувствовать изнутри» [Ясперс 1997, с. 123]. Это чувствование, как было показано выше, возникает лишь в особых ситуациях, и наше тело «выполняет свою удивительную работу по большей части за кулисами» [Johnson 2007, с. 6]. Если же мы «заглядываем» за эти кулисы, «раздвигаем» их, мы невольно выстраиваем определенную дистанцию между собой как субъектом и собой как телом, объективируя собственную соматическую сферу и противопоставляя себя ей. Вспомним в этой связи известное семантическое противопоставление между двумя немецкими существительными: *Körper* — тело как объект и *Leib* — тело как воспринимающий субъект (см. [Slatman 2010]). Слитность субъекта и его тела не препятствует восприятию последнего как отдельного, самостоятельного объекта. Более того, для представителя западной культуры объективация тела является той ментальной процедурой, без которой невозможно осмысление связанных с ним феноменов.

Особенность западного мышления заключается в том, что фокусировка на определенном фрагменте внутрителесной реальности неизменно предполагает выстраивание позиции наблюдателя. Западный человек не может «проживать тело» и довольствоваться теми продуктами сознания, которые существуют в доконцептуальных формах. Он должен произвести квалификацию перцептивного материала и выстроить определенную интерпретативную модель. Позиция наблюдателя, как пишет И. А. Бескова, «резко меняет режим функционирования сознания, переводя его из состояния вовлеченности, погруженности в процесс к состоянию распознавания, “вычисления” происходящего» [Бескова 2010, с. 18]. Занимая позицию наблюдателя по отношению к собственным интероцептивным ощущениям, человек неизбежно отрывает себя от их реальных живых динамик и оказывается в состоянии квалифицировать свой интероцептивный опыт лишь ретроспективно, обращаясь не к тому, что он переживает сейчас, а к тому, что он пережил только что, долю секунды назад. Данное умозаключение резонирует с концепцией эго-сознания, предложенной И. А. Герасимовой. Согласно ей, эго-сознание не функционирует в режиме настоящего — в том режиме, в котором живет наше тело на глубинных уровнях, соприродных окружающей нас среде. Вотчина эго-сознания — прошлое и будущее, «воспоминания и ожидания, все то, чего уже нет и нет еще. То же, что имеется в данный момент, его мало интересует, потому что им практически не воспринимается: существующее в данный момент, то есть в режиме настоящего, объемно, а эго-сознание — плоскостное образование» [Герасимова 2010, с. 322–323]. Таким образом, сложность когнитивного моделирования интероцептивных феноменов коренится в самой природе человеческого сознания, вернее в тех его особенностях, кото-

рые возникли на определенном этапе филогенетической эволюции и прочно закрепились у типичного представителя современной технократической культуры.

Пытаясь познать свое внутреннее тело и интерпретировать испытываемое им ощущение, перципиент пребывает в состоянии сложного когнитивного эквilibра: он вынужден варьировать позицию участника и наблюдателя для того, чтобы обеспечить себе некоторый оптимальный баланс между поступлением исходной перцептивной информации и ее ментальной обработкой. Именно в этом ключе мы понимаем высказанную Э. Госс мысль о том, что «тело не является ни объектом ощущения, ни объектом познания; оно неудобно размещается где-то между данными эпистемологическими областями и отдельно от каждой из них» [Goss 2013, с. 48].

Фокусировка на interoceptive ощущении запускает процесс выдвижения когнитивных гипотез с целью квалификации этого нового для перципиента опыта. Неслучайно в современной психологии interoception признается одним из видов когнитивной деятельности [Тхостов 2002; Tanosaki et.al. 2002]. Само по себе ощущение совершенно лишено смысла; это тот уровень телесного бытия, на котором тело живет «ради себя самого» [Герасимова 2010, с. 295]. Его когнитивное освоение представляет собой активный процесс, в ходе которого перципиент наделяет смыслом изначально бесформенное, неструктурированное целое, упаковывая его в удобные и привычные ему категории и пытаясь найти ему определенную нишу в структуре собственного субъективного пространства.

Описанные выше феноменологические свойства interoceptive ощущений во многом предопределяют специфику этого когнитивного процесса и направляют его в определенное русло.

Так, например, отсутствие единой социальной рефлексии внутренних феноменов и невозможность их верификации приводят к тому, что экспериенсер обретает множество степеней свободы в осмыслении и вербализации своего interoceptive опыта [Рождественский 2009]. Он волен предлагать несколько одинаково валидных трактовок и интерпретировать одно и то же ощущение несколькими альтернативными способами, не рискуя быть обвиненным во лжи или безграмотности. Лабильность ощущений, заключающаяся в непостоянстве их качественных и количественных характеристик даже в пределах одного «перцептивного эпизода», диктует необходимость создания таких интерпретативных моделей, которые позволяли бы схематизировать этот опыт, не лишая его естественной динамичности. Наиболее эффективным приемом оказывается интерпретация ощущения в терминах движения. Одновременно с этим неконтролируемость interoceptive ощущений способствует их иррациональному восприятию и интерпретации в фантастических, мифо-

логических модусах. Неподвластное контролю внутреннее тело предстает как особая, самостоятельная реальность, наделенная собственной активностью, что приводит к зоо- и антропоморфизации как органов внутреннего тела, так и происходящих в его среде процессов. Ненаблюдаемость этих процессов и невозможность использования привычных перцептивных процедур для их изучения заставляет перцепиента искать некоторые аналоги интероцептивных ощущений во внешней по отношению к организму среде, той среде, которая представляет собой сферу общего для всех людей опыта.

Таким образом, интероцептивные ощущения представляют собой весьма «неудобный» объект познания, когнитивное освоение которого подчиняется следующим общим правилам: 1) дистанцирование от тела, его восприятие как самостоятельной, независимой (или слабо зависящей) от познающего Я реальности, в которой действуют собственные закономерности; 2) принципиальная возможность альтернативных трактовок; 3) выраженное предпочтение нежестким, динамическим интерпретативным схемам; 4) адресация к сфере внешнетелесного опыта.

2.4. Общие принципы когнитивного моделирования интероцептивных процессов

Man is an intelligence in servitude to his organs.

Aldous Huxley

В предыдущем разделе работы были рассмотрены основные особенности процесса осмысления интероцептивных феноменов и выявлены факторы, препятствующие активному когнитивному освоению данной сферы человеческого опыта. Открытым остается вопрос о тех формах, которое принимает «знание», обретаемое человеком в попытке интерпретации интероцептивного опыта, и о принципах организации этого знания. Теория воплощенного значения, основы которой были изложены в разделе 3 Главы I, является прочным методологическим базисом, позволяющим выработать подходы к анализу интероцепции и осуществить ее системную интерпретацию. Эта теория, однако, главным образом применима к анализу содержательной стороны интероцептивного опыта. Формальная же, «организационная» сторона, требует для своего исследования более конкретного методологического инструмента, позволяющего решать эту частную исследовательскую задачу. Таким инструментом является, с нашей точки зрения, концепция когнитивного пространства.

2.4.1. Понятие когнитивного пространства. Свойства когнитивного пространства внутреннего тела и интероцепции

Your mind is the knife that cuts the continuum of space and time into neat slices of linear experience.

Deepak Chopra

Становление концепции когнитивного пространства связано с научной деятельностью Ж. Фоконье [Fauconnier 1994, 1997; Fauconnier & Turner 1994, 1998, 2002], А. Дж. Греймаса [Greimas 1987] и др. Из исследований последних лет заслуживают внимания работы С. Коулсон [Coulson 2001], Т. Оукли и А. Хугаарда [Oakley & Hougaard 2008], В. Эванса и М. Грина [Evans & Green 2006].

Несмотря на значительное количество исследований в данной области, проблему создания единой стройной теории когнитивного пространства нельзя назвать решенной. В монографии Л. С. Гуревич [Гуревич 2009, с. 25], например, приводится семь различных определений когнитивного пространства, релевантных для современной научной мысли. Общим для них является представление о принадлежности данного явления субъективной сфере индивида (в прямом или опосредованном виде) и его комплексном характере.

В самом общем виде когнитивное пространство можно определить как совокупность структур знаний о мире. Лингвистически адаптированные определения вводят в описание языковые единицы, репрезентирующие содержащиеся в когнитивном пространстве смыслы. Р. Лэнекер, например, определяет когнитивное пространство как «концептуальный конституент» (“conceptual constituent”), который в принципе может символически обозначаться определенным грамматическим элементом или структурой [Langacker 1997, с. 10; см. также Сидорова 2011].

Примечательно, что исследователи, работающие в данной области, не претендуют на описание единого, глобального когнитивного пространства индивида, в полной мере осознавая утопический характер такой масштабной задачи. Термином «когнитивное пространство» чаще обозначается лишь отдельный, частный фрагмент этой сложной структуры, которая в результате предстает как лоскутное образование, состоящее из множества многообразно взаимодействующих между собой «рабочих пространств разума» [Vaars 1997]. Эти пространства образуют конгломерат, целостность которого обеспечивается так называемыми «коннекторами» (Ж. Фоконье), связывающими отдельные элементы и структуры разных пространств между собой.

Следуя установившейся традиции, мы употребляем термин «когнитивное пространство» в узком смысле, обозначая им тот конгломерат «концептуальных конститuentов», которые репрезентируют в сознании человека его внутреннее тело и локализуемые в нем ощущения. В связи с этим представляется оправданным использование в тексте работы терминологических сочетаний «когнитивное пространство внутреннего тела» и «когнитивное пространство interoцепции».

За когнитивными пространствами, репрезентирующими объективную действительность, признается наличие ряда общих свойств. Перечислим основные из них и определим, в какой степени они релевантны для изучаемой нами субъективной реальности внутреннего тела.

1) Отсутствие изоморфизма с репрезентируемым фрагментом окружающего мира

В своих работах Ж. Фоконье неоднократно подчеркивает, что когнитивное пространство и окружающий мир — это две существенно различающихся между собой реальности [Fauconnier & Sweetser 1996, с. 12]. Определяя суть когнитивного пространства, С. Коулсон описывает его как реальность фиктивную, которая является не зеркальным отражением окружающего мира, а лишь «конструктом из потенциальных реальностей» (constructs of potential realities) [Coulson 2001, с. 21]. Элементы определенного когнитивного пространства лишь опосредованно соотносятся с явлениями и предметами окружающего мира. В основе этой опосредованности лежит, в частности, принцип селективности, заключающийся в том, что когнитивное пространство отражает свойства и качества предметов и явлений окружающего мира избирательно. Оно, по словам С. Коулсон, включает лишь частичную репрезентацию предметов и отношений в рамках определенного сценария в том виде, в каком они воспринимаются, запоминаются и понимаются субъектом либо помнятся ему [Coulson 2001, с. 21].

Вопрос об изоморфизме внутреннего тела и его когнитивного пространства представляется гораздо более сложным в силу того, что речь не идет о моделировании некоторого фрагмента объективной действительности, совместно воспринимаемой определенной группой людей. Феноменологическое внутреннее тело — это реальность субъективная, и любая его когнитивная модель изоморфна ему, поскольку она является репрезентацией определенного фрагмента субъективного опыта. Об отсутствии изоморфизма можно говорить лишь в отношении объективного анатомического тела, которое, действительно, репрезентируется в сознании весьма опосредованно. Уместно вспомнить в этой связи тест Тейта и Ашера 1955 г., в котором участникам было предложено нарисовать внутреннее устройство тела, и который выявил полное невежество в отношении количества внутренних органов и их расположения [Fisher 1973]. Что касается

интероцептивных ощущений, у них вовсе отсутствует коррелят в объективной действительности, и термин «изоморфизм» оказывается неприменимым к анализу их когнитивного пространства.

2) Динамический характер

Когнитивное пространство представляет собой подвижную структуру. По мнению ряда ученых, оно относится к явлениям кратковременной памяти и выстраивается в ней динамически в соответствии с решаемой в данный момент когнитивной задачей. Ж. Фоконье называет когнитивные пространства «концептуальными пакетами, конструируемыми в процессе мышления и говорения, в целях понимания локальной ситуации и действия в ней» [Fauconnier 2014, с. 270]. В том же ключе рассуждает С. Коулсон, метафорически описывая когнитивное пространство как «временный контейнер для хранения информации об определенном домене» [Coulson 2001, с. 21].

Не отрицая изменчивости когнитивного пространства интероцептивных ощущений, мы, однако, не склонны абсолютизировать его привязку к конкретной ситуации. Каждый индивидуальный интероцептивный опыт, несмотря на качественное разнообразие своих компонентов, все же распадается на ряд достаточно типичных, повторяющихся «интероцептивных эпизодов». Некоторые ощущения могут быть хорошо знакомы человеку, особенно если они связаны с базовыми физиологическими потребностями или являются проявлением хронических патологических состояний. Кроме того, некоторые ощущения в силу своей физиологической специфики обладают единообразием и качественной определенностью (например, воспаление тройничного нерва всегда сопровождается симптомами, которые пациенты неизменно описывают как *'knives stabbing their flesh, pins sticking in their skin and bone'* [Damasio 2005, с. 265]). Оценивая испытываемое им интероцептивное ощущение, человек выступает не только как перципиент, но и как экспериенсер, квалифицируя актуальный опыт с позиции уже накопленного. В том случае, если ощущение является уникальным, оно, действительно, может способствовать конструированию нового когнитивного пространства. Большинство же ощущений, как нам представляется, оценивается в системе уже выработанных когнитивных координат.

Немаловажным представляется и то обстоятельство, что ощущение принадлежит области внутреннего тела и может быть «вписано» в тот образ тела, который сформирован в сознании индивида и по сути представляет собой устойчивое, прочно укоренившееся, хотя и способное к изменению, когнитивное пространство. Следует отметить, что и Ж. Фоконье не отрицает возможности «укоренения» когнитивного пространства в долговременной памяти, поэтому наши выкладки не противоречат сложившимся трактовкам.

К динамическим свойствам когнитивного пространства можно отнести его способность к расширению. Как указывает Дж. Лакофф, в процессе когнитивной деятельности пространство может обогащаться новыми сущностями и когнитивными моделями [Lakoff 1987]. Эта способность в полной мере свойственна когнитивному пространству внутреннего тела и интероцепции. В течение жизни, с обретением нового телесного опыта, в том числе и опыта болезни, человек вырабатывает и новые способы интерпретации внутрителесных состояний, обогащая свой когнитивный инструментарий и, как следствие, репертуар языковых средств.

3) Наличие сложной внутренней структуры

Когнитивное пространство образуется из элементов, представляющих концептуальные сущности (см., например, [Lakoff 1987]). Эти элементы определенным образом выстраиваются относительно друг друга и структурируются во фреймы и когнитивные модели.

Для нас очевидно, что исследуемые нами когнитивные пространства являются конгломератами структур, представляющих собой альтернативные «прочтения» внутреннего тела и интероцептивных ощущений. Каждая из этих структур, при совершенно отличном от других смысловом наполнении, обладает определенной объяснительной силой, и все они одинаково валидны в том смысле, что не существует структур более правильных или более адекватных. Они сосуществуют в пределах одного когнитивного пространства и актуализируются в определенной ситуации.

Нам представляется важным подчеркнуть иерархический характер взаимоотношений описываемых нами когнитивных пространств. Пространство интероцепции, несомненно, входит в более обширное пространство внутреннего тела, являясь фрагментом последнего. В результате такой конфигурации процессы когнитивного моделирования интероцептивных ощущений обнаруживают более или менее явную зависимость от тех представлений об устройстве внутреннего тела, которые сформированы в сознании индивида.

Мы склонны рассматривать когнитивное пространство интероцепции как некоторый репозитарий когнитивных структур, которые формируются в сознании человека в процессе аккумуляции интероцептивного опыта. Оценивая каждый конкретный его акт, человек использует имеющийся у него когнитивный инструментарий и создает новые структуры в том случае, если имеющихся в его распоряжении средств оказывается недостаточно. Доказательством относительной стабильности когнитивного пространства интероцептивных ощущений является наличие устойчиво повторяющихся средств вербализации интероцептивного опыта в речевом репертуаре каждого человека (подробнее данный вопрос будет рассмотрен в Главе V).

2.4.2. Индивидуальное и коллективное когнитивное пространство

Each of us is a unique thread, woven into the beautiful fabric of our collective consciousness.

Jaeda DeWalt

Идея о наличии двух типов когнитивных пространств (индивидуального и коллективного) неоднократно высказывалась в трудах как зарубежных, так и отечественных ученых [Newby 1998; Красных 2003; Карасик 2004 и др.]. Под индивидуальным когнитивным пространством обычно понимается определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает определенная (языковая) личность, каждый говорящий, в то время как коллективное когнитивное пространство — это определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум [Красных 2003, с. 61]. Следует отметить, что понятие социума требует уточнения, поскольку оно может обозначать как все лингвокультурное сообщество, в котором существует индивид, так и численно ограниченную социальную группу, членом которой этот индивид является (см., например, [Карасик 2004, с. 9]). В центре нашего внимания находится исключительно «макросообщество», объединенное общим языком и общей апперцепционной базой; «микросоциальная» принадлежность индивида не рассматривается в данной работе как фактор, влияющий на когнитивное моделирование феноменов внутрителесной реальности.

Коллективное когнитивное пространство — это та абстрактная, но индивидуальная структура, которая, образно выражаясь, служит общим хранилищем знаний о мире в пределах определенного лингво-культурного сообщества. Эта структура оказывает влияние на формирование когнитивного пространства каждого конкретного индивида, предлагая, а фактически и навязывая ему, определенные модели и интерпретативные модусы для осмысления феноменов как общей для всех людей окружающей действительности, так и сугубо частной сферы внутрителесного опыта. Это влияние осуществляется посредством бытующих в обществе дискурсивных практик, сложившихся канонов визуальной репрезентации различных явлений, специфических поведенческих стереотипов, ритуалов и норм и т. п. Однако человек не является пассивным реципиентом предлагаемого ему знания, и формирующееся у него когнитивное пространство отнюдь не изоморфно пространству коллективному. Как показано в работе Л. С. Гуревич [Гуревич 2009], информация фильтруется субъектом, воспринимаясь селективно и с неизбежными искажениями. Активность субъекта проявляется и в том, что он, в свою очередь, способен воздействовать

на коллективное когнитивное пространство, расширяя его или меняя его конфигурацию. Применительно к нашей проблематике правомерно говорить о влиянии таких персоналий, как Витрувий, Р. Декарт, Р. Вирхов и др., которые, предложив определенную концепцию, способствовали формированию в коллективном когнитивном пространстве определенной модели человеческого тела вообще и внутреннего тела в частности, повлияв таким образом, на способы интерпретации всех феноменов внутри-телесной реальности.

Мы убеждены, что каждое индивидуальное когнитивное пространство интероцепции уникально по своей конфигурации. Эта уникальность обеспечивается сложной совокупностью факторов: качественными особенностями индивидуального телесного опыта и динамикой его становления, системой ценностей экспериенцера и его мотивацией на осмысление интероцептивных феноменов, особенностями его когнитивного стиля (см. [Холодная 2002]), наличием способностей к соматической рефлексии и др. В то же время, в индивидуальных когнитивных пространствах с неизбежностью обнаруживаются и общие черты, наличие которых обусловлено принадлежностью экспериенцера к определенной социокультурной среде, выйти за пределы которой он, как правило, оказывается не в состоянии. Именно это обстоятельство позволяет нам производить описание некоторого гипотетического, унифицированного когнитивного пространства интероцепции, учитывая при этом, что речь идет лишь о тех представлениях, которых фиксируются в сознании определенного лингво-культурного общества.

2.4.3. Конституенты когнитивного пространства интероцепции

The whole is more than the sum of its parts.

Aristotle

Рассуждая о когнитивном пространстве, логично задаться вопросом о том, какие сущности его формируют. Большинство авторов оперирует понятием когнитивной модели, однако трактовки данного явления варьируются, и само понятие модели оказывается зонтичным, охватывая широкий спектр структур, существенно различающихся по принципам своей организации и соответствия тому объекту, который они репрезентируют в сознании.

Применительно к теме нашего исследования вопрос о допустимости использования термина «модель» требует дополнительной проработки. Необходимо ответить на два основных вопроса:

- 1) Применимо ли понятие модели к анализу явлений нефизической природы, не допускающих жесткого структурирования? Не задает ли этот

термин слишком узкие исследовательские рамки и не навязывает ли чрезмерно схематичного видения исследуемого феномена?

- 2) Совместимо ли понятие модели с понятием «образ тела», которое является частью концептуального аппарата исследования и обеспечивает возможность вписать это исследование в широкий междисциплинарный контекст? Не будет ли его применение означать разрыв со сложившимися в гуманитарных науках традициями описания телесных феноменов?

2.4.3.1. Понятие когнитивной модели

A model's just an imitation of the real thing.

Mae West

Определим основные свойства когнитивной модели в соответствии с теми трактовками, которые предлагаются в современной литературе.

Когнитивная модель описывается как способ организации знания [Halford 1993, с. 3]. Это в первую очередь совокупность эмпирических знаний, которая формируется в сознании человека при взаимодействии с объектом. Весьма характерно то, что во многих из предлагаемых определений подчеркивается, что когнитивная модель является отражением свойств *внешнего* по отношению к человеку объекта, пространственной области или опыта [Rickheit & Habel 1999, с. 9; Johnson-Laird 1983]. Возможность конструирования когнитивной модели некоторой внутренней по отношению к человеку области отдельно не рассматривается. В то же время существуют и более широкие, универсальные определения, относящие термин «когнитивная модель» к «гипотетическому конструкту, который может использоваться для объяснения и предсказания поведения системы посредством репрезентации ее релевантных компонентов и отношений между ними символическим способом» [Rouse & Morris 1986]. Данное определение, как нам представляется, охватывает не только реально существующие внешние объекты, но и воображаемые ситуации и абстрактные построения, а следовательно, оно оказывается применимым и к сфере внутреннего тела и интероцептивных ощущений, служащей объектом настоящего исследования.

Независимо от природы отображаемой системы, когнитивные модели позволяют описывать ее цели и архитектуру, объяснять ее текущее состояние и принципы функционирования, а также предсказывать ее будущие состояния [Rickheit & Habel 1999, с. 10]. Тем самым когнитивные модели играют центральную и объединяющую роль в репрезентации объектов, состояний вещей, последовательностей событий, устройства мира, а также общественных и психологических действий, производимых нами в повседневной жизни [Johnson-Laird 1983, с. 397].

Важным свойством когнитивной модели признается ее динамический характер [Rickheit & Habel 1999, с. 9]. Модели конструируются опытом и могут изменяться под воздействием нового опыта [Гуревич 2009, с. 39]. Их структура всегда соответствует структуре ситуации, которую они репрезентируют. Изменчивость моделей является одним из факторов, обеспечивающих динамический характер когнитивного пространства.

Поскольку ситуации взаимодействия с объектами (в широком смысле) принципиально вариативны, один и тот же объект может репрезентироваться разными когнитивными моделями, или, как пишет Ф. Н. Джонсон-Лэйрд, «альтернативные возможности репрезентируются альтернативными моделями» [Johnson-Laird 1995, с. 1006]. В результате соответствующее когнитивное пространство может включать в себя множество моделей, элементы которых могут вступать в разнообразные связи между собой.

В контексте нашего исследования важным свойством когнитивной модели является ее слабая формализуемость, отмечаемая Г. Рикхайтом и К. Хабелем [Rickheit & Habel 1999]. Когнитивная модель — это не четко структурированная и хорошо отрефлексированная схема, легко преобразуемая в линейное речевое высказывание. Модели имеют нелинейную структуру, страдают лакунарностью, часто плохо сопрягаются с ранее сформировавшимися моделями, в массе своей носят непропозициональный характер, что ограничивает возможности их «вербальной экстериоризации».

Таким образом, когнитивная модель трактуется как сложное динамическое образование нежесткой структуры, способное к адаптивным изменениям и принимающее разные формы. В такой трактовке термин «когнитивная модель» оказывается вполне применимым к анализу процесса осмысления интероцептивных феноменов, что избавляет нас от необходимости введения в описание нового термина. Альтернативой ему мог бы послужить термин «когнитивный образ», хорошо сопрягающийся с введенным ранее понятием «образ тела», однако в этом случае возникает ряд серьезных методологических трудностей. Во-первых, под образом традиционно понимается лишь тот тип психических репрезентаций, который состоит исключительно из элементов сенсорных модальностей (зрительных, слуховых и т. д.) (см. [Johnson-Laird 1983, с. 147]). И хотя элементы этих модальностей, несомненно, присутствуют в когнитивном пространстве интероцепции, вряд ли можно предположить, что интероцептивное ощущение может быть представлено в сознании чистым зрительным, слуховым или другим сенсорным образом. Справедливо в этом смысле замечание С. Э. Полякова о том, что «у взрослого человека, по-видимому, вообще нет чисто сенсорных моделей реальности» [Поляков 2011, с. 613]. Трудность создания сенсорной репрезентации интероцептивных ощущение-

ний заключается и в отмеченной ранее недоступности данной сферы непосредственному чувственному восприятию. Во-вторых, термин «образ» не позволяет отразить активной позиции перципиента в процессе осмысления интероцептивного ощущения. Человек не просто фиксирует ощущение, формируя «картинку в мозгу» или «фильм в мозгу» [Damasio 1999, с. 9]. Он выстраивает, с большей или меньшей степенью осознанности, некоторую конструкцию, которая обладает определенной объяснительной силой и позволяет придать ощущению смысл. Термин «модель», как нам представляется, в большей степени отражает активный и целенаправленный характер данного процесса.

Мы не видим концептуального противоречия между понятиями «образ тела» и «когнитивная модель телесного феномена». Во-первых, это явления разного порядка.

Модель репрезентирует в сознании лишь небольшой фрагмент телесной реальности, в то время как образ обобщает все акты телесного опыта. Модель обладает конкретностью и является компактным образованием, в то время как образ тела — это глобальное построение, не охватываемое целиком сознанием и открывающееся ему лишь фрагментарно. Кроме того, «модель» относится скорее к процедурной стороне познания и описывает концептуальную механику формирования соответствующего фрагмента когнитивного пространства; «образ тела» в большей степени ориентирован на содержательную сторону телесного опыта.

2.4.3.2. Типология когнитивных моделей

*To be beyond any existing classification
has always pleased me.*

Boyd Rice

Классификация когнитивных моделей может отвечать разным исследовательским задачам и производиться по разным основаниям. Одним из них является источник формирования модели.

Как правило, формирование когнитивной модели является естественным процессом, возникающим при непосредственном взаимодействии с объектом или явлением. Существуют, однако, и искусственно конструируемые модели, которые формируются в сознании лишь посредством преднамеренного культурного научения [Johnson-Laird 1983, с. 11]. Последние, очевидно, являются результатом индивидуальной фильтрации коллективного когнитивного пространства. Следовательно, в индивидуальном когнитивном пространстве интероцепции теоретически могут сосуществовать и взаимодействовать два типа моделей: сформировавшиеся в процессе обретения непосредственного телесного опыта и сформиро-

вавшиеся в процессе интериоризации структур коллективного когнитивного пространства. Первый тип моделей можно условно назвать телесно-детерминированным, а второй — культурно-детерминированным, учитывая при этом, что естественные телесные динамики в любом случае так или иначе контролируются социокультурной средой и опосредуются ей.

С другой стороны, когнитивные модели могут классифицироваться на основании особенностей тех объектов, которые они репрезентируют. В одной из своих работ Ф. Н. Джонсон-Лэйрд выделяет в составе когнитивных моделей «физические» и «концептуальные», поясняя, что физические модели репрезентируют физический мир, а концептуальные — более абстрактные феномены [Johnson-Laird 1983, с. 422]. Предлагаемые термины нельзя назвать удачными, что в полной мере осознается и самим автором, который закавычивает их и специально оговаривает их условность ('what I shall call 'physical' models and 'conceptual' models). Действительно, принадлежа когнитивному пространству индивида, модель не может быть физической, а под концептуальной моделью автор подразумевает не репрезентацию абстрактного феномена, а некоторую абстрактную схему отношений в отвлечении от конкретного объекта. Тем не менее, в предложенной Джонсоном-Лэйрдом классификации содержится ряд интересных и эвристически перспективных предложений. Так, в составе «физических» моделей он выделяет соотносительные (relational), пространственные, временные, кинематические, динамические модели, а также образы. Примечательно, что все перечисленные виды моделей в трактовке Джонсона-Лэйрда связаны между собой, одна модель может «встраиваться» (be embedded) в другую [Johnson-Laird 1983, с. 423]. Соотносительная модель представляет собой статичную рамку, которая состоит из конечного числа знаков, репрезентирующих конечное число физических сущностей, а также конечное число свойств знаков, репрезентирующих физические свойства сущностей, и конечное число отношений между знаками, репрезентирующих физические отношения между сущностями. Пространственная модель определяется как соотносительная модель, в которой единственным типом отношений между сущностями являются пространственные, и модель представляет эти отношения, помещая знаки в пространства, имеющие два или три измерения. Временная модель состоит из последовательности пространственных рамок, имеющих постоянные dimensionальные характеристики, причем эта последовательность возникает в том порядке, который соответствует временному порядку репрезентируемых событий. Кинематическая модель, в трактовке автора, состоит из временной модели и репрезентирует изменения и движения отображаемых сущностей без временного разрыва. Динамическая модель — это кинематическая модель, в которой содержатся отношения между определенными рамками, репрезентирующие причинно-следственные отношения между

отображаемыми событиями. И, наконец, образ — это репрезентация зрительно наблюдаемых характеристик лежащей в его основе пространственной или кинематической модели [Johnson-Laird 1983, сс. 422–423]. Нам представляется не совсем удачным предложенный автором термин «динамическая модель». Во-первых, он не отражает содержательной специфики соответствующей когнитивной структуры, а во-вторых, «кинетический» и «динамический» плохо коррелируют в пределах одной таксономии, не задавая необходимого противопоставления. В связи с этим мы позволим себе заменить термин «динамическая модель» на термин «каузативная модель».

Как было показано выше, интероцептивные ощущения, несмотря на свою нефизическую природу, обладают для перципиента качествами реальности. Кроме того, они принадлежат физически реальной области внутреннего тела и осмысляются как некоторые события, происходящие в его среде. Это дает нам основания полагать, что их моделирование может осуществляться одним или несколькими из предложенных Ф. Джонсоном-Лэйрдом способов.

2.4.3.2.1. Пространственная интерпретация интероцептивных ощущений

Every sensation is fundamentally spatial.

Maurice Merleau-Ponty

Поскольку интероцептивные ощущения принадлежат сфере внутреннего тела, их когнитивное моделирование так или иначе осуществляется в некотором общем «телесном контексте». Иными словами, модель ощущения встраивается в более широкую модель внутреннего тела (а через него — в модель тела вообще) или, по крайней мере, коррелирует с ней.

Анализ дискурсивных практик показывает, что в сознании представителей западной культуры человеческое тело неизменно получает пространственную интерпретацию, при том что в общем контексте дискурсов о человеке одно из центральных мест занимает идея темпоральности существования. Тело не интерпретируется как временная структура: соматические события — это явления, происходящие *где*, а не *когда*. Данное обстоятельство может объясняться действием целого ряда факторов. Во-первых, мы способны воспринять значительную часть своего тела зрительно и тактильно и увидеть его рядоположенность другим физическим объектам окружающей нас действительности, которые имеют привычные нам пространственные характеристики. Во-вторых, взаимодействуя с окружающим миром, мы ведем себя именно как пространственный объект, занимая в нем определенный объем и подстраиваясь под физическую конфигурацию среды. В-третьих, пространственность тела прочно коррелирует

лирует с пространственностью Я (см. [Epstein 1995, с. 142]) и глубоко обоснована психологически. Признание темпоральности Я, как пишет М. Шитс-Джонстон, означает признание конечности своего существования. Выражаясь языком М. Хайдеггера, это означает признание того, что в онтологическом смысле мы все «существуем по направлению к смерти» (*being-toward-death*). Темпоральность в этом смысле пугает. Пространственная же интерпретация не представляет угрозы: пространственность прочна и четко сформирована. Именно пространственно определенное Я способно действовать, совершать поступки [Sheets-Johnstone 1999, с. 486]. Такая интерпретация Я естественным образом предполагает пространственное восприятие и той телесной структуры, в которой это Я локализовано.

Пространственное моделирование тела предоставляет широкие возможности для экстраполяции опыта ориентирования во внешнем мире на осмысление феноменов внутрителесной реальности. Так, например, внутреннее тело может восприниматься как некоторая территория, которую необходимо освоить, подобно тому, как мы осваиваем пространство вокруг себя.

Реальность такой географической интерпретации области внутреннего тела подтверждается широким использованием «топографической» лексики для описания соматических ощущений. Так, например, ощущение утраты контроля за работой органов или частей тела может описываться как результат значительной географической удаленности, формулируемый в подчеркнута картографических терминах: *I thought about running, but my legs seemed two counties away from my brain* (S. King. *The Man in the Black Suit*).

Образ карты актуализируется и в описаниях «географии» ощущений, задающих ориентир и направление: *The pain was east of the sun and south of his ears* (S. King. *Misery*).

Небезынтересно отметить, что метафора карты активно используется исследователями, занимающимися проблемами формирования образа тела. Так, например, в работах Ж. Лакана тело эксплицитно описывается как особый тип карты, который, по мере взросления человека, постепенно заполняется социокультурными знаками и шифрами [Лакан 1992, с. 10–11]. Примечательно, что в современной англоязычной дискурсивной практике термин «карта тела» широко используется в качестве названия для анатомических атласов, предназначенных для широкой аудитории читателей², а также научно-популярных изданий медицинского толка: *A map of the child* [Sanghavi 2003], *Body Map* [Melhorn-Boe 2009] и др. Термин «карта тела» используется в телесной терапии, задача которой заключается в обеспечении гармонии человека с собственной сомой посредством воору-

² www.bodymaps.com; www.healthline.com/human-body-maps/; www.bodymap.org

жения его знаниями об устройстве тела и навыками интерпретации поступающих из его внутренней среды сигналов³. Наконец, идея принципиальной картируемости человеческого тела активно эксплуатируется в современном искусстве. Так, например, широкую известность приобрела работа нидерландской художницы Саманты Ломен «Подкожная карта тела» (Underskin Body Map), в которой основные части внутреннего тела и принципы их взаимодействия изображены по аналогии со схемой метро⁴. В ландшафтной стилистике выполнены анатомические иллюстрации Артура Лидова⁵.

Использование картографических образов и ассоциаций, связанных с внутренним телом, в столь разных дискурсивных форматах, как повседневное общение, художественная, научная и научно-популярная литература и изобразительное искусство, свидетельствует о том, что внутреннее тело, действительно, устойчиво репрезентируется в сознании как некоторая территория, которая может моделироваться по аналогии с окружающим человека миром.

Несколько иной тип пространственной репрезентации возникает в том случае, если сознание фокусируется на границах внутреннего тела и распознает его как трехмерную структуру, внешней оболочкой которой служит кожа. Реальность такого рода представлений подтверждается описаниями типа *He thought of the horseshoe-shaped bar and his stomach seemed to stand up and spin against his skin* (F. G. Leebron. Lovelock), в которых кожа явственно маркирует внешние границы внутрителесного пространства. Само «внутреннее тело» в этом случае становится синонимом *замкнутого* пространства (см. [Рупчев 2001, с. 43]).

Следует подчеркнуть, что несмотря на кажущуюся очевидность такого представления, оно возникло в западной культуре и закрепилось в коллективном когнитивном пространстве относительно недавно. Специалисты в области культурологии полагают, что решающую роль в этом процессе сыграла эволюция научных представлений об устройстве и функциях человеческой кожи и активная популяризация нового научного знания [Benthien 2002].

Вплоть до XIX века кожа считалась пористой мембраной, которая не обеспечивает внутреннему телу человека изоляцию от внешнего мира. Представление о коже как о «границе», предложенное в работах Хавьера Биша (1771–1802) произвело революцию в массовом сознании, поскольку кожа стала восприниматься как стена, которая окружает и надежно «запечатывает» внутреннее содержимое тела. Кожа как граница играет важную

³ см., например, [www.bodymap.com]

⁴ www.neatorama.com/2010/03/07/underskin-body-map/

⁵ Labbytes.org/2013/08/03/Arthur-lidovs-medical-landscapes-at-street-anatomy/

роль в человеческой самоидентификации и индивидуации, будучи «покрытием, гарантирующим телесную цельность» [Kristeva 1982, с. 101]. Путь к массовому распространению этого научного знания лежал через принципиальные изменения гигиенических предписаний и врачебных практик, что в конечном итоге привело к появлению нового образа тела в коллективном когнитивном пространстве. В рамках этого образа наблюдаемое внешнее тело является герметично запечатанным контейнером, внутри которого помещаются органы (реальные или вымышленные) и локализуются связанные с ними ощущения. Кроме того, тело может выступать как временный контейнер для хранения помещаемых в него предметов и субстанций. Как пишет М. Джонсон, «Мы обладаем интимным знанием о наших телах, ощущая и воспринимая их как трехмерные вместилища, в которые мы помещаем определенные вещи (еду, воду, воздух), и из которых появляются другие вещи (продукты переработки еды и воды, воздух, кровь и т. д.)» [Johnson 1987, с. 21].

Разделяя мнение о значимости современных представлений о коже, мы, тем не менее, не склонны считать модель «тело — контейнер» принципиально новым компонентом когнитивного пространства внутреннего тела. Мы видим определенную параллель с традиционным для христианской доктрины представлением о теле как о вместилище, сосуде для души. Разумеется, речь не идет об абсолютном тождестве, поскольку понятия «вместилище» и «контейнер» содержательно различны. Однако мы полагаем возможным говорить о некоторой преемственности, и считаем, что интерпретация тела как сосуда сформировала когнитивную готовность к появлению более утилитарной по своей сути «контейнерной» трактовки.

Кроме того, нельзя недооценивать и роль представлений, стихийно формирующихся на уровне здравого смысла. Тело непроницаемо для взора, в результате чего кожа воспринимается как целостная оболочка, запечатывающая внутреннее содержимое. Дискурсы о коже как о границе лишь укрепляют это представление, но не являются первичным источником его формирования.

Контейнерная интерпретация внутреннего тела предполагает решение вопроса о его субстанциональном наполнении. К. Бентиен утверждает, что артикулированные представления о внутреннем теле и происходящих в нем процессах являются «дискурсом о полем пространстве» (the discourse about hollow space) [Benthien 2002, с. 13]. Данная формулировка, однако, представляется не совсем корректной в отношении английского языка. Анализ дискурсивных практик показывает, что тело воспринимается как контейнер, который должен быть наполнен определенным веществом. Отсутствие наполнения интерпретируется как патологическое состояние, и метафора опустошения используется для описания дискомфортного интероцептивного ощущения: *Rachel's gut turned hollow*

(M. Thomas. *Queen of Thieves*); “*What — I don’t — “ But suddenly he did, and his entire midsection first seemed to turn hollow and then to entirely disappear* (S. King. *Misery*).

«Пустота внутри» является также метафорой подавленного эмоционального состояния: *I didn’t feel vindicated; I felt empty* (J. Sinor. *Out in the West*).

Даже если под «полым» имеется в виду пространство, наполненное воздухом, оно все же не воспринимается как пустое. Ср.: *Now fear came, entering softly, sifting through the hollow places of his body and filling them up with dirty smoke* (S. King. *Pet sematary*).

Наличие воздуха во внутреннем теле позволяет органам совершать сложные моторные действия, удерживаясь в определенной его точке или двигаясь по определенной траектории: *He only walked on, skin cold, mouth hot and arid, heart flying* (S. King. *Pet Sematary*); *Ben <...> felt his stomach flip over slowly, like an airplane doing a slow roll* (S. King. *Salem’s Lot*).

Кроме того, многочисленные примеры речевой практики доказывают, что внутреннее тело может осмысляться как среда, наполненная жидкостью, в которой происходит свободное перемещение его компонентов-органов. Так, например, ощущения, локализуемые в сердце или желудке, могут описываться как плавание или погружение — действия, возможные исключительно в водной среде: *Josh looks up with that faraway, punch-drunk expression and my heart sinks* (S. Kinsella. *Twenties girl*); *The pieces clicked into place, and Jaden’s stomach sank like a stone* (K. L. Castle. *Midnight reckoning: a tale of the dark dynasties*); “*I ruptured myself, are you happy, all my guts just came loose, they’re floating around inside me <...>* (S. King. *The dead zone*).

Жидкостная интерпретация внутрителесной среды характерна для описания разнообразных эмоциональных состояний. М. Джонсон, Дж. Лакофф и З. Кёвечеш пишут о том, что эмоции, подобные злости, испытываются по модели «горячая жидкость внутри контейнера» (обычно закрытого). Эмоции могут *simmer, well up, overflow, boil over, erupt* и *explode*, когда давление нарастает. В подобных случаях требуется восстановление равновесия, и человек может *express, release, let out* свои эмоции, чтобы уменьшить нагрузку. Можно попытаться *repress, suppress, hold in, put a lid on* свои эмоции, но они от этого не исчезнут, по-прежнему оставаясь внутри тела [Johnson 1987; Lakoff & Kovecses 1987]. Ср.: *Yet as he stared at the coldly furious image on the screen, anger simmered anew within Jamie* (B. Bova. *Red Sky at Morning*); *He paused as the anger and grief welled up inside him* (S. Jones. *The Gravedigger’s Ball*).

Заметим, что «жидкостная» интерпретация внутреннего тела встречается и в русскоязычной культуре, однако реализуется иначе. Она актуальна для описания эмоциональных состояний (*Внутри меня все кипело*), однако

не используется для вербализации интероцептивных ощущений собственно соматической природы (**У меня сердце утонуло*). Позволим себе заметить также, что естественная для англо- и русскоязычной среды локализация эмоций в области внутреннего тела отнюдь не является общекультурной универсалией. По утверждению С. Мармариду, например, в иудейской культуре носителем эмоционального опыта является лишь лицо, а не все тело [Marmaridou 2011, с. 24].

Устойчивое представление о внутрителесном пространстве как о контейнере, наполненном определенной субстанцией, позволяет описывать дискомфортные интероцептивные ощущения как внезапную подмену естественного наполнителя или изменения в его составе. Ср.: *He's had a blinding headache. It was draining away now, leaving him feeling strangely hollow inside. He felt a little as if his legitimate innards had been scooped out and replaced with Reddi Wip* (S. King, *The dead zone*).

Отдельного внимания требует вопрос о конфигурации тела-контейнера.

Изучая феномен телесной воплощенности человека, исследователи часто приходят к вводу о том, что внешнее тело имеет композитную конфигурацию [Подорога 1995]; оно не охватывается целиком ни зрительно, ни когнитивно, ни перцептивно, ни вербально. Внешнее тело всегда воспринимается как сложная совокупность частей, ряд соположенных более или менее освоенных пространственных областей. В отличие от него, внутреннее тело предстает перед ментальным взором как цельность: это единое, слитное, нерасчлененное пространство. Данное наблюдение подкрепляется некоторыми языковыми фактами. Так, например, для внутреннего тела существует особое обозначение — *insides / внутренности* (а для собирательного обозначения органов брюшной полости еще и *guts*); для внешнего же тела гипероним того же уровня семантической иерархии отсутствует.

Требуется определить, однако, в какой степени эта цельная структура совпадает с границами тела внешнего, и в какой степени структурные компоненты внешнего тела представлены в когнитивной модели тела внутреннего.

Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что тело воспринимается человеком преимущественно как «экстрацеребральная сома» [Sielke 2007, с. 134]. Иными словами, говоря о теле, представители западной культуры, главным образом, имеют в виду область туловища. Рассматривая вопрос о том, является ли частью тела голова, Т. В. Цивьян предлагает ввести в описание фактор ситуации. Ситуация, по ее мнению, описывается «рядом семиотических оппозиций, таких, например, как вертикаль / горизонталь, движение / неподвижность, живой / мертвый (в ослабленном варианте здоровый / больной). Так, лежащий неподвижно чело-

век (= труп) является единым, цельным телом (голова — часть тела); стоящий и /или двигающийся человек (= живой) имеет иное членение (голова противопоставлена телу; невозможно сказать “голова и остальное тело”)» [Цивьян 2005, с. 43]. Не менее важным представляется вопрос о включении в единое телесное пространство конечностей. Утверждая, что у него «болит все тело», имеет ли в виду перцепиент, что болевые ощущения распространяются на руки и ноги?

Сформулированные проблемы представляются актуальными и для области внутреннего тела. Анализ примеров речевой практики показывает, что понятие «внутреннее тело» в первую очередь ассоциируется с областью торса. Ощущения, описываемые фразами “*something inside me*” и “*everything inside me*” практически всегда локализуются именно внутри туловища. В приведенных ниже контекстах это обстоятельство оговаривается особо, что делает их весьма показательными: *I felt something move inside me, needles fingering my abdomen, a hot clamp in the low of my back (I. Miller. The story); A great flow of blood in my ears and though my skin was very cold, everything inside me was twisted with heat. There was my liver, my lungs. I could count parts of my blood (I. Miller. The story).*

В то же время при описании ощущения в терминах перемещения органа по внутрителесному пространству наблюдается выраженная тенденция к объединению туловища с ногами, причем ноги предстают не как два отдельных самостоятельных пространства, а как интегрированное, цельное образование. Ср.: *My relief was brief; emptiness lingered. My heart sank into my feet (D. Woods. The writer).* В данном высказывании, являющимся достаточно типичным, «сердце перемещается в ступни», не разделяясь, однако, на две части и не перемещаясь поочередно в каждую из них. (Ср. также *My heart dropped to my shoes (M. Walker. Never as good as the first time)*). Аналогичная репрезентация ощущения наблюдается и в русском языке: «душа в пятки ушла» (вопрос о корреляции «сердце» — «душа» разработан достаточно детально и в отдельном комментарии не нуждается).

Примечательно, что если в русском языке «книжным пределом» внутреннего тела являются пятки, то англофоны локализуют его в пальцах ног: *Love runs from my head down to my toes (Queen. Play the Game); He looked at me in a way that made me think a sparkler had been lit at my throat and then sizzled all the way down to my toes (J. Hamilton. Rehearsing “The Firebird”).*

Таким образом, складывается впечатление, что в рамках контейнерной модели тела ноги образуют единое пространство с туловищем, цельность которого не коррелирует с анатомической конфигурацией внешнего тела.

Вопрос о включении в пространство внутреннего тела рук представляется более сложным в силу того, что пригодные для анализа контексты весьма немногочисленны. Очевидно, существует принципиальная возможность моделирования рук как полого пространства, которое может

быть заполнено определенным содержимым. Ср.: *Do you want to go back to owning a pair of hands that feel full of shrapnel?* (S. King. *Needful things*). Это пространство позволяет перемещаться по нему, что обеспечивает ему сходство с той областью, которая соответствует внешнему туловищу: *Then the pain rolled down his arm... unbelievable pain, as if an invisible hand had seized all the blood-vessels in there and was now pulling them* (S. King. *Apt pupil*).

Однако его связь с общим пространством внутреннего тела эксплицируется лишь в единичных случаях: *Like an electric current, the pain seemed to pass through the gauze, into his hand, up his arm, into his right shoulder, down to the middle of his back, up to his left shoulder, into his neck, along the side of his face, completing the circuit by returning to his forehead, starting all over again* (D. Koontz. *The door to December*). Данный пример примечателен тем, что в нем связано воедино пространство рук, туловища и головы, по которому перемещается боль, совершая циклические круговые движения.

На основании этих малочисленных примеров трудно делать общие выводы, однако они позволяют нам предположить, что в отличие от внешнего, внутреннее тело моделируется сознанием как более простое по своей геометрии пространство, как действительно прототипический контейнер, однородно заполненный определенным веществом и содержащий в себе ряд предметов — органов, положение которых может изменяться.

Привычность контейнерной трактовки тела заставляет интерпретировать все телесные события как нечто, происходящее «в нем», «внутри него», что иногда противоречит сложившейся практике концептуализации определенных телесных состояний и создает условия для языковой игры. Весьма интересный пример такого рода игры приводится в монографии Дж. Бурк. В 1927 г. в газете *The Adelaide Advertiser* был опубликован скетч «Боль» следующего содержания. Мать спрашивает сына: *“You don't look well, Johnny. Are you in pain?”*, на что тот отвечает *“No, mummy. The pain's in me”* [Bourke 2014, с. 62].

Приведенные в данном разделе примеры позволяют убедиться в реальности пространственной интерпретации внутреннего тела и локализуемых в его среде ощущений. Одновременно с этим они демонстрируют неразрывную связь и взаимообусловленность процессов осмысления тела как такового и телесных ощущений. Именно ощущение «открывает» сознанию внутреннее тело, заставляя его генерировать когнитивные гипотезы и отбирать те из них, которые в большей степени соответствуют специфике наличного и совокупного интероцептивного опыта. «Открыв» внутреннее тело и картировав его посредством выделения в нем определенных ориентиров, экспериенцер обретает способность более четко и конкретно моделировать интероцептивные ощущения, привязывая их к структурным компонентам внутреннего тела или его разным топографическим зонам.

2.4.3.2.2. Соотносительные модели внутреннего тела и интероцептивных ощущений

*...analogies, it is true, decide nothing,
but they can make one feel more at home.*

Sigmund Freud

Формирование пространственной модели, как нам представляется, является одним из наиболее базовых уровней осмысления интероцептивных ощущений. Данный процесс, несомненно, находится под влиянием культурно-средовых факторов, однако пространственная интерпретация тела и внутрителесных ощущений коренится в самой структуре соматического опыта и находит регулярное перцептивное подкрепление в рутинных телесных практиках.

Существуют, однако, гораздо более сложные по своей структуре модели, формирование которых обусловлено исключительно фактором социокультурного взаимодействия. Эти модели формируются в коллективном когнитивном пространстве в результате широкой популяризации актуальных дискурсов телесности и усваиваются экспериенцером в ходе его участия в дискурсивных практиках. Важной частью этих практик являются элементы научных теорий, обладающие той или иной степенью актуальности. Как убедительно показано О. Е. Баксанским, в современном обществе «элементы научного знания “распылены” в массовой культуре» [Баксанский 2009, с. 31] и воздействуют на сознание человека, лишая его возможности оставаться «гносеологическим Робинзоном» [Там же]. Даже самый субъективный, самый частный опыт может быть результатом социального конструирования — «субъект видит мир сквозь линзы познания, выработанные в процессе исторического развития своего социума» [Там же, с. 55]. Социокультурная среда фактически навязывает экспериенцеру то или иное видение внутреннего тела и заставляет его интерпретировать собственные ощущения с учетом этого общего телесного контекста.

Когнитивные модели, формирующиеся в результате социокультурного взаимодействия, могут принадлежать разным типам. Так, например, внутреннее тело может быть представлено в когнитивном пространстве как обобщенная аналоговая модель определенных объектов реального мира. Анализ современных англоязычных дискурсов позволяет установить, что наиболее значимыми из них являются объекты, которые могут быть условно обозначены как «дом» и «машина». Примечательно, что оба они принадлежат категории артефактов. При моделировании сферы внутренней телесности артефакты, несомненно, обладают целым рядом преимуществ перед естественными природными объектами. Во-первых, они являются продуктом сознательной деятельности человека, конструируются по строго определенным, четко эксплицированным правилам и предназна-

чены для выполнения вполне определенных функций. Принципы их действия понятны человеку, даже при отсутствии специальных технических знаний, необходимость поиска интерпретативных моделей для объяснения происходящих в них процессов отсутствует. Во-вторых, именно артефакты являются наиболее привычной объективной реальностью представителя современного западного общества, среда обитания которого в значительной степени «денатунализована». Моделируя тело и телесные процессы по аналогии с искусственно созданными объектами, человек пребывает в состоянии определенного когнитивного комфорта, потому что он имеет дело с привычными, понятными и предсказуемыми вещами.

Для обозначения модели данного типа может быть использован предложенный Ф. Джонсоном-Лэйрдом термин «соотносительная», поскольку структурные и функциональные свойства объекта переносятся на область внутреннего тела, и задается, действительно, довольно жесткая рамка, структурирующая телесный опыт строго определенным способом.

2.4.3.2.2.1. Когнитивная модель «тело — дом»

Your body is not a temple.

Your body is the house you grew up in.

Sierra Demulder

Когнитивная модель «тело — дом» занимает одно из центральных положений в когнитивном пространстве индивида, воспитанного в традициях западно-европейской культуры. Принято считать, что сама традиция отождествления корпоральности с архитектурой была заложена Витрувием, который напрямую провел аналогию между телом человека и «телом» дома в своей работе *De architectura libri decem* (см. [Dodds & Tavernor 2002, с. 29]). Подобное представление резонирует и с христианской доктриной, в соответствии с которой тело признается не сущностным атрибутом человека, а лишь временным его пристанищем. Подлинная же сущность человека заключена в его бессмертной душе, которая покидает бренную оболочку после смерти, обрекая свой дом на разрушение. Подобная интерпретация характерна и для современного секулярного западного общества. Восприятие мертвого тела как покинутого дома подтверждается многочисленными примерами из языковой практики. Приведем лишь один, содержащий рассуждения девушки у гроба почившей родственницы: *This frail, ancient, tiny crumbling body was Sadie's home for 105 years. This was really her* (S. Kinsella. *Twenties girl*).

Реальность когнитивной модели «тело — дом» подтверждается и названиями многочисленных книг, философско-религиозных очерков и трактатов о теле: “*The house I live in: or, Popular illustrations of the structure and functions of the human body*” [Alcott 1849], “*Your body your castle your king-*

dom your home” [McAadoo 2007], “*The House in Which You Live*” [Belle & Riley 2010]. Данная модель «просвечивает» в повсеместно распространенной фразе, которой медсестры в английских и американских больницах приветствуют пациентов по утрам: “*how are you feeling in yourself today?*” [Macleod 1993, с. 6]. Устойчивость данной когнитивной модели и ее привилегированное положение в когнитивном пространстве носителей английского языка подтверждается и возможностью описания тела и телесных практик посредством лексических единиц, парадигматически связанных с лексемой «дом»: *bodybuilding*, например, — это вид спорта, позволяющий «построить» тело, подобно тому, как мы строим дом; архитектурно ассоциированная лексика входит в медицинскую терминосистему, используемую для обозначения структурных компонентов внутренних органов — *the stomach wall, the wall of the uterus, the blood vessel wall; the pelvic floor; the ceiling of the abdominal cavity*.

Определим те концептуальные узлы, которые формируют статичную рамку данной соотносительной модели.

1. Тело имеет внешнюю часть — фасад, и внутреннюю, недоступную непосредственному зрительному восприятию.
2. Внутреннее тело представляет собой совокупность «помещений», каждое из которых может иметь собственное предназначение.
3. Внутреннее тело имеет структурные элементы — конструкции и узлы, обеспечивающие функционирование дома как целостной системы.
4. Отдельные конструкции и узлы дома могут изнашиваться, частично или полностью разрушаться.
5. Тело, как и любой другой дом, может использоваться как жилье; соответственно, оно может быть населено разнообразными сущностями.

Реальность каждого из сформулированных выше представлений и их актуальность для моделирования сферы внутренней телесности подтверждается многочисленными примерами речевой практики.

Широко распространены и не требуют пояснительных комментариев со стороны продуцента речи словоупотребления, метафорически обозначающие части тела (в том числе и внутреннего) как этажи дома. Так, например, голова может обозначаться лексемами *attic* или *top floor*, а нижняя часть торса, содержащая органы репродукции и экскреции, именуется *nether quarters*: *With mingled modesty and pride, Miss Seeton informed her that everything about the baby's nether quarters was, at the latest time of checking, in good order* (H. Crane. *Miss Seeton rocks the cradle*); *The nether quarters were carefully hidden in stiff new jeans, but the upper areas were in full view* (G. Greer. *The Madwoman's Underclothes: Essays and Occasional Writings*).

Весьма интересен в этом контексте сложный метафорический образ, используемый П. Конрой для обозначения умственной отсталости: *The*

elevator never made it to the top floor in that boy (P. Conroy. *Beach music*). Являясь вербальной репрезентацией модели «тело — дом», данное высказывание не только подтверждает реальность архитектурной ассоциации, но и, что гораздо важнее, демонстрирует динамический потенциал данной модели, обеспечивающий возможность создания ярких, экспрессивно насыщенных, окказиональных, но тем не менее абсолютно прозрачных для понимания описаний телесных феноменов посредством широко спектра «архитектурной» лексики. Оно также актуализирует целый комплекс представлений, связанных со сферой внутренней телесности: преимущественно полый характер внутреннего тела, возможность перемещения в его среде, разная степень «освоенности» внутрителесного пространства.

В рамках данной когнитивной модели внутреннее тело предстает как совокупность «помещений», предназначенных главным образом для хранения определенных вещей. Из всех помещений внутреннего тела наиболее приспособленной для выполнения функции хранилища оказывается голова, традиционно ассоциируемая со складом или репозиторием. Голова — это место, где информация, приобретающая вещественную, плотскую форму, «хранится» (*kept*) или «складируется» (*stored*), куда ее можно «положить» (*put*): *she reviews the reels of film stored in her head* (J. Mullen. *Irish lesson*); *imagine trying to keep in your head the list of spare parts for the space shuttle* (H. Cleveland. *Futurist*); *and she had a wholesomeness about her that put certain unwholesome thoughts in my head* (B. Parks. *Eyes of the innocent*).

Это представление репрезентируется не только на уровне отдельного словосочетания или высказывания. Оно может разворачиваться в детализированные, предельно эксплицированные, пространственные описания. Так, в романе С. Кинга «Ловец снов» голова описывается как огромный склад, где на многочисленных полках, помещенная в отдельные коробки, хранится информация разной степени важности, а наиболее ценные, сокровенные воспоминания припрятаны в самой дальней комнате, дверь в которую надежно закрыта (S. King. *The dreamcatcher*).

Примечательно, что метафоры «хранилища» активно используются в научно-популярной литературе медицинского толка при описании функций внутренних органов, деятельность которых связана с аккумулярованием и переработкой веществ: *the gallbladder is an active storage shed; the stomach is a storage compartment / storage bin; the fluid waste is stored in the bladder, etc.*⁶

Во внутреннем теле обнаруживаются структурные элементы, которые характерны для архитектурного сооружения, предназначенного для проживания: а) компоненты инфраструктуры: *the vaults and galleries of the innards* (Ch. Palahniuk. *Fight club*), *a complex armature of bone* (S. King.

⁶ www.innerbody.com

Ayana), *ducts u culverts* (S. King. *Stationary bike*); б) отдельные помещения: *chambers u rooms*. Одним из таких помещений является сердце, к которому нужно уметь подобрать ключ — *to find a key to sb's heart*.

Дискомфортное соматическое состояние осмысливается как нарушение в работе этой сложной инфраструктуры, которое делает дом малоприспособленным для проживания: *the words <...> were all blocked up. Absurd or not, Monette had a sudden image of a clogged toilet* (S. King. *Mute*). Полное или частичное разрушение архитектурных узлов дома является аналогом висцеральной патологии: *Just go on the way things were, gobbling Krispy Kreme donuts, paying no attention to the washouts when the culverts plugged up and overflowed?* (S. King. *Stationary bike*). К подобной метафоре часто прибегает герой популярного сериала медицинской тематики доктор Хаус: в одном из эпизодов фильма, например, он метафорически реферировал голову к санузелу, а позвоночник — к канализационной трубе; заболевание связано с нарушением сообщения между этими структурными узлами. Патология может быть вызвана и отсутствием необходимых деталей «внутреннего интерьера». Так, психически больной человек “*may be short a little furniture on the top floor*” (S. King. *Needful things*). Средствами развернутой архитектурной метафоры могут описываться и неизбежные возрастные изменения тела: *His entire body falling apart section by section, being demolished by the great wrecking ball of age* (COCA⁷).

Важно подчеркнуть, что базисом когнитивной модели «тело — дом» является представление об отсутствии тождества между человеком и его телом. Тело предстает как обиталище, и главным его «резидентом» является метафизическая сущность человека — его душа, или его подлинное Я. Я «размещается» в теле, «населяет» его: *Adam learns of a surgical procedure that will allow him to inhabit the body of a younger man for six months* (COCA). Эта сущность обладает известной автономией и способна покидать свое обиталище (подобное состояние описывается как *out-of-body experience*). Она может находиться в определенной оппозиции к собственному телу, ощущая себя его пленником: *All those years, trapped in an old woman's body* (Sophie Kinsella. *Twenties girl*).

Одновременно с этим тело-дом может быть пристанищем и для других сущностей. Так, например, типичным для современной английской дискурсивной практики является олицетворение болезнетворных агентов и их концептуализация как живых существ, поселяющихся в теле-доме: *stress hormones can reside in the body; contaminants reside in the body; the microbe can sometimes reside in the body* (COCA). Кроме того, сам человек может спровоцировать нарушение неприкосновенности своего «жилища»:

⁷ COCA — здесь и далее: Corpus of Contemporary American English. — Режим доступа: corpus.byu.edu/coca/

the one who's really inviting lung cancer to come in and eat him up is Yard Stevens (S. King. Thinner). Данный пример особенно интересен тем, что он перекликается с дискурсивными практиками времен Д. Дэфо, где болезнь концептуализировалась как *visitation*. Болезнь может интерпретироваться и как ограбление нашего тела-дома: проникая в тело, она забирает у человека нечто ценное: *the Alzheimer's had stolen over him like a shadow, robbing him of all his considerable skills and memories.* (S. King. *Needful things*).

Я человека может быть полностью вытеснено из его тела другой сущностью, узурпирующей его жилище. Мотив постороннего присутствия в теле-доме обнаруживает отчетливые корреляции с христианской религиозной доктриной, в рамках которой практиковался экзорцизм — комплекс процедур, позволяющих изгнать захватившего дом «жильца» — *drive the demons out (COCA)*. Мотив вытеснения из тела-дома его «законного» владельца является одним из центральных в литературных и кинематографических произведениях жанра хоррор: S. King. *Desperation*, *The Exorcist* (1973), *Invasion of the Body Snatchers* (Siegel, 1956; Kaufman, 1978). Психологический эффект подобных произведений основывается на присущем человеку страхе потерять то, что воспринимается им как наиболее важная и неотъемлемо принадлежащая ему собственность.

Модификацией когнитивной модели «тело — дом» является модель «тело — крепость». Несмотря на очевидное генетическое сходство, данные модели нельзя признать тождественными, поскольку крепость представляет собой специализированный архитектурный объект, предназначенный для защиты своих обитателей. Реальность данной модели становится особенно очевидной при анализе контекстов, содержащих описание патологических соматических состояний: болезнь концептуализируется как «враг», «захватчик», «завоеватель»: *HIV attacks the body immune system, invades the T-cells, batters the body defenses (BNC⁸), cancer is a horrible new invader (S. King. Thinner), in cancer, the patient is 'invaded' by alien cells (S. Sontag. AIDS and its metaphors).* Лечение болезни описывается в терминах военной операции: *a desperate battle to hold onto his sanity (S. King. Needful things), a desperate fight against lymphoma, to win the war against the HIV epidemic, the fight against Alzheimer's disease (BNC)*. Весьма показательным примером могут служить названия автобиографических романов, написанных людьми, страдающими онкологическими заболеваниями: *You Can Conquer Cancer (Ian Gawler, 1984), The Cancer Conqueror (Greg Anderson, 1998), A Warrior in the Land of Disease (David Jones, 1996)*. Интересно отметить, что тяжелым, угрожающим жизни заболеваниям могут приписываться метафизические, демонические свойства: *cancer is a demonic enemy (COCA)*. В этом случае контратака описывается как пред-

⁸ BNC — здесь и далее: British National Corpus. — Режим доступа: www.natcorp.ox.ac.uk

приятие не только военное, но и религиозное: *crusade against cancer (СОСА)*.

Известно, что подобные военные метафоры получили широкое распространение в английском языке в XIX веке и еще большее — в годы Первой Мировой войны. Они использовались главным образом в работе с населением с целью популяризации медицинских знаний в области лечения сифилиса, а позже — туберкулеза. В наши дни «военная операция» может проводиться и в отношении куда более безобидных заболеваний и даже косметических дефектов: *to combat cellulite; to beat cellulite and other weight problems; “self-massage should be regarded as an important ally in any campaign against cellulite” (BNC)*.

Многие исследователи объясняют популярность военной метафоры тем, что она является эффективным средством «овнешнения» (“externalizing”) болезни [Sontag 1978]. Концептуализация болезни как врага делает ее более доступной для рационального осмысления. Приписывая болезнь действиям враждебных, чужеродных сил, человек выносит ее вовне, благодаря чему достигается необходимое отчуждение от собственного тела и мобилизация для борьбы. Кроме того, концептуализируя болезнь как внешнего врага, человек отказывается от ее «морализации» и не задается вопросом о степени собственной ответственности за ее наступление. Его внимание сосредоточено не столько на причинах болезни, сколько на способах изгнания врага с «территории» своего тела.

Релевантность когнитивной модели «тело — дом» для концептуализации интероцептивных ощущений в рамках современных дискурсивных практик подтверждается наличием корпуса примеров, в составе которого можно условно выделить несколько типов:

- 1) описание хронического генерализованного ощущения посредством имплицитного сравнения с архитектурным объектом в том или ином состоянии функциональной пригодности: *I lie here in the ruined castle that is my body (S. King. The man in the black suit)*.
- 2) описание преходящего локального ощущения посредством эксплицитного сравнения с функционально неисправным структурным элементом архитектурного объекта: *Frank Jewett felt a horrible sinking sensation in the pit of his belly. It felt like an elevator out of control (S. King. Needful things); It [the beer] had seared its way down her gullet with all the virulence of powerful toilet-cleaner going to work on a neglected U-bend (Sharpe. The Wilt alternative)*.
- 3) описание персистирующего ощущения, концептуализируемого как возникновение препятствия при попытке проникновения в то или иное «помещение» внутреннего тела: *At last he was able to pull breath into his locked lungs (S. King. Thinner)*.

- 4) описание дискомфортного эмоционального состояния как чувства диссоциации с собственном телом, концептуализируемого как принудительное нахождение в последнем: *a terrified prisoner inside his body — a hostage in a tower (King. Gramma)*.
- 5) описание широкого спектра разнообразно локализуемых болевых ощущений посредством метафоры вторжения в тело инородных существ: *He tells me again about the dwarves of pain who have invaded his body (M. Shalev. Esau)*.

Следует отметить, однако, что примеры подобного рода гораздо менее многочисленны, чем этого можно было бы ожидать. Данная когнитивная модель реализуется скорее на уровне общих представлений об устройстве тела и о принципах взаимоотношений между человеком и его телом. Гораздо более продуктивной для концептуализации собственно интероцептивных ощущений является ментальная модель «тело — машина», речь о которой пойдет ниже.

2.4.3.2.2. Когнитивная модель «тело — машина»

The human body is a machine which winds its own springs.

Julien Offroy de la Mettrie

Когнитивная модель «тело — машина» занимает одно из центральных мест в когнитивном пространстве индивида, воспитанного в культурных, научных и языковых традициях западного общества. Истоки понимания тела как механизма следует искать в философии эпохи Просвещения. Вслед за Р. Декартом, механическую трактовку тела предлагают Т. Гоббс, который в своем трактате «Левиафан» уподобляет человеческое тело машине, и Ж. О. де Ламетри, который рассматривает тело как часовой механизм, а сердце — как рабочую часть человеческой машины.

Механическая интерпретация телесности предполагает целый комплекс представлений относительно принципов функционирования тела. Обозначим некоторые основные моменты:

1. Тело как механизм состоит из отдельных, хотя и взаимосвязанных частей. Действия этих частей подчиняются общим законам механики.
2. Тело в целом и каждый его орган в отдельности — это функциональное единство, основными условиями эффективной работы которого являются: наличие полного комплекта необходимых деталей, их правильное расположение и прочность их соединений.
3. Для исправной работы телу необходим источник энергии.
4. Неправильное функционирование отдельных частей / деталей или их соединений приводит к неисправности телесного механизма.

5. Неисправность в телесном механизме может быть ликвидирована. Ремонт неисправностей включает в себя замену, починку и перестановку деталей. «Маловажные» детали могут быть удалены из тела без существенного ущерба для работы всего механизма. Устранение неисправности в детали в конечном итоге приводит к восстановлению работоспособности всего тела.

Зародившись как сугубо научное, философское построение, картезианское представление о теле как о машине прочно вошло в апперцепционную базу носителей европейских языков и способствовало появлению обширного корпуса механических телесных метафор.

Тело — это механизм, который должен «правильно» функционировать: *everybody's machinery is functioning up to par* (K. Kesey. *One flew over the cuckoo's nest*). В идеале работа всех частей тела тщательно отлажена: *the tuned conditions of their bodies* (S. King. *Stationary bike*). Возможно, какие-то отдельные детали потеряны, и теперь эта часть не может адекватно функционировать: например, человек *lost some screws* (S. King. *Thinner*), что привело к развитию психического заболевания. Не исключено, что детали сместились — *jumbled machinery* (K. Kesey. *One flew over the cuckoo's nest*) — и слаженная работа всего механизма стала невозможна. Могли ослабнуть соединения между отдельными деталями: *a few of your screws got loose* (S. King. *Stationary bike*); *Not all her gear was stowed right; lots of it was rolling around in the holds* (S. King. *Misery*).

Для работы телесного механизма необходима энергетическая подпитка: *The mountain air must have really gotten your motor revving* (о метаболизме) (S. King. *Thinner*). В отсутствие таковой механизм может выйти из строя. Поломка может объясняться технической неисправностью: *They intend to remove Howard Cottrell's heart and see if it blew a piston or threw a rod.* (S. King. *Autopsy room 4*), либо общим износом механизма: *like an old clock that won't tell time but won't stop neither* (K. Kesey. *One flew over the cuckoo's nest*). В большинстве случаев неисправность может быть устранена — *fixed*. В случае многократной поломки одной и той же детали ремонт рано или поздно становится бессмысленным: *there came a time when the Nettie Cobbs of the world — and the Wilma Jerzycks, too, he supposed — could no longer be fixed. There came a time when they went beyond anyone's ability to repair* (S. King. *Needful things*). Случается и так, что механизм вовсе не подлежит ремонту. Например, больные, страдающие хроническим психическим заболеванием, — это *machines with flaws inside that can't be repaired* (K. Kesey. *One flew over the cuckoo's nest*). Такие механизмы подлежат утилизации: *Guts're screwed up. If I was a car, I'd be ready for the scrap heap* (S. King. *Thinner*).

С изобретением все более и более сложных механизмов и приборов данная когнитивная модель получила дальнейшее развитие. Одним из ос-

новых направлений ее эволюции стало развитие представлений о теле как о специфическом типе механизма: автомобиле, станке, сложном электронном приборе. Данная модель оказалась особенно продуктивной для концептуализации познавательной деятельности и широко использовалась в науках о мышлении (Ср.: *Could our memory be equipped with a large set of innate references* — Johnson-Laird). Особой популярностью в середине прошлого века пользовалась компьютерная метафора, в рамках которой когнитивная система концептуализировалась как центральный процессор мозга. Примеры подобного метафорического употребления в изобилии обнаруживаются и в современной художественной литературе. Человеческий разум и его органический субстрат — мозг — концептуализируются как компьютер: *Behind the sweet face there was a clicking computer of a mind* (S. King. *Needful things*). В случае технической неисправности он может быть «перезагружен»: *“I have a problem. Maybe you could push my reset button.”* (S. King. *The things they left behind*).

В наши дни представление о теле как о машине не только не теряет актуальности, но и приобретает все большее распространение и значимость благодаря развитию современных медицинских технологий. Широкое использование неорганических имплантов способствовало формированию концепции тела-киборга — постантропологического существа, в котором естественные анатомические органы заменены механическими деталями [Михель 2002]. Постоянно расширяющиеся возможности трансплантологии еще более укрепили давно сформировавшийся в рамках данной когнитивной модели «ремонтный подход» [Рождественский 2009] к лечению соматической патологии. Интерпретация болезни как механической неисправности и установка на сугубо технический способ ее устранения отчетливо «просвечивает» в таких словоупотреблениях, как: *“What are you going to do to fix my eye?” I now ask this doctor* (J. Gorman. *The seeing glass*); *So four humanitarian groups chose Falastin to be the first Palestinian child they've brought to Washington D. C. to have her heart repaired* (CNN *Your Health* 2002 — COCA). Механические представления о теле активно эксплуатируются авторами научно-популярных медицинских изданий. Так, например, книга о феномене боли, написанная австралийским врачом Г. Л. Моузли, целиком построена на аналогии тела и автомобиля: соматические патологии описываются неполадки в трансмиссии, подаче масла в двигатель и т. п. [Moseley 2007].

Примечательно, что когнитивная модель «тело — машина» реализуется не только на уровне общих представлений о теле в целом, но и на уровне представлений о его отдельных частях, которые могут осмысляться как вполне самостоятельные механизмы, приспособленные для выполнения определенной функции и подчиняющиеся собственной механико-технической логике. Так, например, сердце в силу своей функциональной

специфики устойчиво ассоциируется с часовым механизмом (*clock, ticker, tick-tock*), а его деятельность часто сравнивается с работой механического или электрического молота: *hammer, triphammer, jackhammer* (*S. King. Needful things*). Мозг и — шире — разум, как уже указывалось выше, концептуализируется как компьютер: *the mind computer* (*P. Booth. Malibu*), *my brain computer terminal* (*M. G. Stoddard, D. Trawin. Wake up, it's time to go to bed*). Отдельные органы способны «работать» даже тогда, когда тело в целом оказывается более не в состоянии функционировать в привычном режиме: *His lungs and legs were still working* (*COCA*).

Когнитивная модель «тело — машина» допускает возможность расширения, преобразуясь в модель «тело — фабрика», в рамках которой органические функции интерпретируются как производственные операции разной степени сложности. Тело «производит» (*the body produces/ manufactures pigment, sperm, hormones, insulin, antibodies, proteins, etc. — COCA*), «генерирует» (*the body generates heat, cells, a whole bunch of substances, etc.*), «перерабатывает» (*the body processes hundreds of drugs, fructose, cholesterol, oxygen, etc. — COCA*) вещества и энергию. В дополнение к этим важным производственным функциям, женское тело предназначено еще и для «производства» потомства (*Beth became a baby factory — M. Maddox. A wave rushed over*). Репрезентируя модель «тело — машина», подобные производственные метафоры акцентируют динамические аспекты соматической реальности: преобразование субстанций, цикличность процессов, функциональное взаимодействие органов и систем.

Механические образы тела активно используются в западноевропейском изобразительном искусстве. Наиболее значимой в ряду художественных произведений является серия картин Ф. Кана⁹, написанных в 20–30-е годы XX века, в которых внутреннее тело изображается в виде сложной механической конструкции, состоящей из шестеренок, пружин, рычагов и других деталей, обеспечивающих функционирование организма. В наши дни механические образы используются Х. Тайлеффер в серии картин «Прекрасная беременность»¹⁰, а также служат популярным мотивом для татуировок¹¹. Таким образом, в дискурсивном пространстве внутреннего тела механические представления реализуются не только в словесном, но и в зрительном формате.

Когнитивная модель «тело — машина» регулярно и обширно манифестируется в речевой практике при описании интероцептивных ощущений. Как пишет Д. Б. Моррис, «боль понимается как нечто вроде свиста и кашля сломанного мотора» (*Pain is understood something like the wheeze*

⁹ machinejunky.com

¹⁰ www.heiditaillefer.com

¹¹ pinterest.com/pin

and cough from a broken motor) [Morris 1993, с. 27]. Можно условно выделить две основные группы моделей, репрезентирующих механическое представление о телесности.

В рамках первой группы все тело предстает как механизм того или иного типа и той или иной степени сложности, и ощущение концептуализируется как возникновение неисправности, влияющей на работу этого механизма. Релевантность такого представления подтверждается следующими видами словоупотреблений:

- 1) описание генерализованного диффузного ощущения, концептуализируемого как выход из строя тела-механизма: *he had diagnosed himself as being on the verge of a complete immunological breakdown (S. King. A very tight place).*
- 2) описание дискомфортного локального ощущения через эксплицитное сравнение с частью механизма, находящейся в состоянии функциональной непригодности: *Her fingers were like the pincers of some machine which had frozen solid for lack of oil (S. King. Needful things).*
- 3) описание качественно определенного ощущения посредством эксплицитного сравнения с механической неисправностью определенного типа: *<...> he felt his bones rattle inside his body like loose stakes in an old truck (S. King. Thinner).*
- 6) описание локального динамичного ощущения посредством имплицитного сравнения с механизмом, находящимся в процессе изменения режима работы: *Alan's heartbeat kicked into a higher gear (S. King. Needful things).*
- 7) описание процесса возникновения локального ощущения в терминах запуска механизма: *So he somehow managed to lean over again, awakening rusty bandsaws in his legs as he did so (King. Misery).*
- 8) описание дискомфортного локального ощущения посредством имплицитного сравнения с механизмом или частью механизма, находящимся в неудовлетворительном техническом состоянии: *It didn't sound like much because my throat was rusty and my tongue creaked (Ken Kesey. One flew over the cuckoo's nest).*
- 9) описание локального ощущения посредством имплицитного сравнения с механизмом или прибором, работающим по определенному принципу и приспособленным для выполнения строго определенных функций: *My heart pumping, I follow Sadie to a side door and in through a laundry room as big as my whole flat (S. Kinsella. Twenties girl); My heart is hammering as I stare breathlessly at the pale-yellow beads, casually twined into an anklet (S. Kinsella. Twenties girl); Halleck closed his eyes again and listened to his hand broadcast pain (S. King. Thinner).*

Вторая группа объединяет модели, в рамках которых механическая интерпретация предлагается для самого ощущения, концептуализируемо-

го как возникновение некоторого объекта механической природы во внутреннем пространстве. Данная группа представлена следующими основными видами словоупотреблений:

- 1) описание разнообразно локализуемых болезненных ощущений, концептуализируемых как внедрение в тело и воздействие на него определенных механизмов, деталей или приборов: *His heart was spike-iron in his chest* (S. King. *Gramma*); *The tines of a large chrome fork seemed to be planted deep in her flesh* (S. King. *Needful things*).
- 2) описание процесса возникновения ощущения в терминах формирования некоторой механической конструкции: *The pain throbbed in his legs and made a deep steel circlet around his crotch* (S. King. *Misery*).
- 3) описание ощущения как возникновение во внутреннем пространстве множества разрозненных однотипных неорганических, чаще металлических, деталей: *barbed wire, steel hooks, long rods of metal, smooth steel needles, poisoned wires* (все приведенные примеры взяты из произведений С. Кинга). Данный способ концептуализации интероцептивного ощущения прочно вошел в узус, наиболее отчетливо манифестируясь в идиоме *to be / to have pins and needles*: *My arm was pins and needles from how I'd somehow slumped* (R. A. Lovett. *Phantom sense*). *The side effects were also bad — diarrhea and horrific pins and needles in my fingers and feet* (COCA).

Разумеется, представленный здесь список не является исчерпывающим. Он лишь иллюстрирует релевантность когнитивной модели «тело — машина» для описания сферы интероцепции и демонстрирует потенциал этой модели для концептуализации телесных феноменов.

2.4.3.2.2.3. Когнитивная модель «тело — биологический организм»

... we are a part of nature as a whole, whose order we follow.

Spinoza

Данная ментальная модель сформировалась в результате активной популяризации новых научных знаний в области изучения природы человека. Начало периода «биологизации» человека датируется XVIII–XIX вв., когда человеческое тело активно демистифицируется и начинает рассматриваться как один из способов организации живой материи. Смена познавательных и аксиологических установок в науке и распространение новых знаний способствовали формированию в коллективном когнитивном пространстве носителей европейских языков нового типа ментальной модели внутреннего тела. Обозначим наиболее важные моменты, релевантные для биологической интерпретации внутрителесных феноменов.

1. Тело человека — это биологический организм. Внутреннее тело — это совокупность органов, каждый из которых имеет анатомический субстрат. Тело, как и любая другая органическая материя, подвержено гниению, разложению и полной дезинтеграции.
2. Тело является частью природной среды и соседствует с другими организмами.
3. Тело может подвергаться нападению со стороны других организмов и частично или полностью поглощаться ими.
4. Любая висцеральная патология является результатом органического поражения самого тела либо воздействия других организмов.
5. Возникновение внутрителесного ощущения является результатом естественных, чаще патологических, органических процессов.

В рамках биологической концепции человеческое тело — это плоть, «мясо». Все происходящие с ним процессы имеют сугубо материальную природу. В теле нет места метафизическим сущностям, которые покидают его и продолжают жить после его смерти: *The brain is just meat; it rots and disappears* (R. Matheson. *What dreams may come*).

Патологическое состояние сомы объясняется органическими метаморфозами. Больной организм гниет изнутри: *Wednesday's the day they pack everybody up who hasn't got some kind of rot and move to the swimming pool, whether we want to go or not.* (K. Kesey. *One flew over the cuckoo's nest*). Независимо от природы болезни и реального диагноза любая органическая дисфункция может описываться в терминах гниения и разложения: *lung rot* (J. Byrne. *My enemy, my love*), *his innards rot* (BNC).

Человеческое тело, будучи органической материей, способно само давать жизнь болезням, «вращивать» их, служить для них плодородной почвой: *You got yourself a great big old tumor inside you someplace, all black and juicy, sort of a rotted human toadstool down there in your guts, sucking you dry?* (S. King. *Thinner*); *Brian (twelve, knock-kneed and beginning to sprout acne)* (BNC).

В рамках модели «тело — биологический организм» болезнь может рассматриваться как живое существо анималистической или антропоморфной природы, которое может напасть на организм, проникнуть внутрь и поглотить его полностью или частично: *Could cancer be eating into my guts right now, eating me inside?; Cancer's got a look. At least when it's already gobbled up thirty pounds, it does* (S. King. *Thinner*). Быстро наступивший летальный исход может объясняться особой прожорливостью проникшего в организм хищника: *Trudy had died of a particularly ravenous blood-cancer* (S. King. *Stationary bike*).

Когнитивная модель «тело — биологический организм» релевантна и для описания интероцептивных ощущений. Анализ англоязычных дискур-

сивных практик позволяет выявить два основных способа ее вербальной репрезентации:

- 1) описание персистирующего интероцептивного ощущения в терминах гниения и разложения органической материи: *you feel like you're starting to rot away* (B. Aiken. *Questioning the tree*). *I thought about burning black painful rot that ate away from inside, hurting dreadfully* (Novels and Stories — COCA).
- 2) описание болезненного ощущения, концептуализируемого как результат нападения на тело-организм другого живого существа: *The pain bit sharply again in his chest* (B. Plain. *Harvest*). В рамках данного подтипа широко используется тактика зоо- и антропоморфизации ощущения, обеспечиваемая соответствующими метафорическими моделями (*that old pain was gnawing his bones again, as fresh and as hungry as it had been on the day <...>* (S. King. *Needful things*); *infuriating scorpion-stinging pins* (C. S. Lewis. *The problem of pain*), *sharp weasel's teeth* (S. King. *Needful things*)).

Отметим, что когнитивная модель «тело — биологический организм» не получила обширного вербального оформления, по сути обогатив узус лишь одним устойчивым словоупотреблением: возможностью использования глагола *to rot* для описания происходящих с телом процессов. Данное положение объясняется главным образом тем, что тело, как было показано выше, моделируется преимущественно по аналогии с артефактами. Объекты биологической природы гораздо менее понятны человеку, и биологическая модель оказывается лишена той предметной наглядности, которая позволяла бы обыгрывать в дискурсе отдельные ее компоненты и аспекты. Непопулярность биологической трактовки, по-видимому, объясняется и психологическими факторами. Биологическая концепция тела весьма не комплиментарна для человека. Она не только лишает его особого, привилегированного статуса в этом мире, но и отнимает у него надежду на жизнь после смерти. В этом смысле модели «тело — дом» или «тело — машина» оказывается гораздо более предпочтительной.

2.4.3.2.2.4. Когнитивная модель «тело — социум»

*The body is a community made up
of its innumerable cells of inhabitants.*

Thomas A. Edison

Когнитивная модель внутреннего тела может строиться и как аналог некоторых феноменов социальной природы, которые, в отличие от ранее описанных объектов окружающей действительности, не имеют перцептивно воспринимаемых свойств. Так, например, тело в целом и внутреннее тело в частности может быть представлено в когнитивном простран-

стве аналоговой моделью социума. Такое представление сформировалось, по-видимому, в результате распространения политической метафоры тела, которая, в отличие от множества других, может быть точно атрибутирована. Ее авторство принадлежит патологоанатому Р. Вирхову (1821–1902), который предложил метафору либерального государства для объяснения принципов жизнедеятельности клетки организма. Клетки в интерпретации Вирхова — это граждане организма-государства, а само тело — это республика или объединенное содружество. Видимо, под влиянием этих идей оказался и физик Т. А. Эдисон, который назвал тело «содружеством, состоящим из бесчисленных клеток своих обитателей» (см. эпиграф к настоящему разделу).

Сущностными характеристиками социума, наиболее релевантными для моделирования сферы interoцепции, являются: наличие достаточно четкой иерархической структуры, наличие административного центра, лояльность членов социума по отношению к власти и готовность к выполнению закрепляемых за ними обязанностей.

В рамках данной модели дискомфортное interoцептивное ощущение может интерпретироваться как результат сложного политического процесса, происходящего в пределах определенного органа или фрагмента тела: борьбы за независимость, забастовки, бунта и т. п.: *Her knees seemed to have gone on strike (R. Ash. Calypso's Island); I was recuperating from a laparoscopy performed one week earlier to remove my rebellious gallbladder (J. Wilson. Sons of god); Andrew got through coffee and a slice of toast before his stomach rebelled and he abandoned breakfast (Sh. Tourtellotte. Evergreen); I hadn't eaten anything all day and my stomach revolted against the idea of another hot, sweet drink (J. Grunebaum. Friends of your enemies).*

Весьма наглядным примером комплексной реализации данной модели может послужить автобиографическое произведение Джулии Фокс Гаррисон «Не оставляй меня так» (Don't leave me this way), в котором подробно описывается процесс привыкания к измененному болезнью телу. После перенесенного кровоизлияния в мозг, вызвавшего левосторонний паралич, Гаррисон обнаруживает непривычную неподатливость, непослушность тела, которое ранее не требовало никакого внимания и контроля с ее стороны. Она представляет собственное тело как небольшое предприятие, в котором мозг осуществляет общее руководство и контроль за работой всех остальных органов, «отказывающихся выполнять приказы», «устраивающих забастовки», «бросающих работу»: *The brain's the boss... supposedly. Currently though, some of your body parts are guilty of insubordination. In fact, the entire left side of your body now refuses to take orders from the boss. The boss is giving orders, but no one on the left side is listening. They've quit their jobs (J. F. Garrison. Don't leave me this way).*

В рамках данной когнитивной модели неизбежно осуществляется олицетворение органов и частей внутреннего тела. Практика подобной объективации внутренней телесности получила большое распространение в современном англоязычном медицинском дискурсе при общении с пациентами. Сложные физиологические процессы концептуализируются как работа некоторого коллектива людей, каждый из которых отвечает за определенную операцию. Отказ одного из членов команды выполнять свои обязанности либо забастовка группы работников приводит к развитию патологических состояний тела. Так, процессы метаболизма объясняются слаженной работой команды, отвечающей за своевременное удаление из организма ненужных ему отходов — *“a work-crew. Men in chinos and Doc Martens”* (S. King. *Stationary bike*).

Подобная интерпретация физиологических процессов часто обыгрывается создателями фильмов и видеорекламы. Так, например, в одном из эпизодов знаменитого фильма Вуди Алена «Все, что вы всегда хотели знать о сексе, но боялись спросить» (*Everything You Always Wanted to Know About Sex* (*But Were Afraid to Ask)* (1972 г.) механизм сексуального возбуждения визуализируется как работа коллектива, каждый член которого отвечает за строго определенную операцию, при этом сам режиссер выступает в роли сперматозоида. Менее динамичны, но не менее наглядны иллюстрации к книге ‘*Human Body Factory. The Nuts and Bolts of Your Insides*’ [Green&Davis 2012]; серия анатомических фотографий Э. Дуфор и А. Гросса для *River North Dance Company*¹². Образ слаженно работающей команды активно эксплуатируется и в медицинской рекламе (реклама «Гевискона», например). Использование образов подобного рода в визуальных искусствах подтверждает реальность ментальной модели «тело — социум» в когнитивном пространстве носителей определенной лингвокультуры. В противном случае эксплуатация подобных образов была бы лишена всяческого смысла, поскольку прагматический эффект такого приема равнялся бы нулю.

2.4.3.2.2.5. Когнитивная модель «тело — компаньон»

I live in company with a body, a silent companion, exacting and eternal.

Eugene Delacroix

Анализ современных англоязычных дискурсивных практик позволяет выявить еще один способ ментальной репрезентации тела, реализующийся моделью «тело — компаньон».

¹² www.coloribus.com

Генетически данная модель связана с религиозной и философской доктриной дуализма человеческой природы. Человек — это бестелесная сущность, будь то разум, душа, дух или Я. Тело — всего лишь атрибут человека, необходимый ему для земного существования. Однако в рамках описываемой здесь ментальной модели происходит олицетворение тела, наделение его свойствами и качествами живого существа антропоморфной природы. Тело концептуализируется не как простой атрибут, а как спутник человека, за которым закрепляется обязанность поддерживать своего компаньона и верно служить ему. Возникающие дискомфортные физические ощущения, мешающие планомерному и безболезненному продвижению по совместному жизненному пути, интерпретируются как предательство тела — *the body's treachery*. Так, пораженные артритом руки, не способные к выполнению привычных операций, необходимых для обеспечения нужд человека, описываются как “*traitor hands*” (*S. King. Needful Things*). Тяжелое заболевание с высоким риском смертельного исхода описывается как “*the ultimate betrayal of the body when it rebels against itself*” (*COCA*). Оговоримся, что данная модель не получила в английском языке обширного вербального оформления. Но даже единичное употребление подобного рода метафор при описании телесных ощущений свидетельствует о наличии определенного слота в когнитивном пространстве представителей англоязычной культуры, который в принципе может заполняться и доставаться.

2.4.3.2.3. Кинематическая и каузативная модели интероцептивных ощущений

Movement is the mother of all cognition.

Edmund Husserl

Мы посчитали необходимым объединить кинематическую и каузативную модель в один раздел, поскольку, как будет показано ниже, каузативная модель является лишь незначительным приращением кинематической, по крайней мере при моделировании той сферы, о которой идет речь в настоящей работе.

Напомним, что кинематическая модель в трактовке Ф. Джонсона-Лэйрда репрезентирует изменение отображаемых сущностей и совершаемые ими движения [Johnson-Laird 1983, с. 422–423]. Простая интроспекция показывает, что моделируя объекты окружающей среды, человек способен создавать общие репрезентации их кинематических свойств в отвлечении от их конфигурации. Так, например, мы имеем некоторое общее представление о моторном поведении разного типа животных (например, птицы, змеи, грызуна), независимо от конкретного вида животного, его размера, индивидуальных внешних особенностей; о типичной кинетике

механизмов (автомобиля, самолета, карусели), включающей в себя характерную траекторию движения, скорость, поступательность и т. д. в отвлечение от их конструктивных особенностей и т. п. Кроме того, мы способны создать кинематическую модель объектов, с которыми никогда не сталкивались в реальной жизни (и, следовательно, не имеем непосредственного перцептивного опыта восприятия их внешних свойств) и о существовании которых узнаем лишь из дикурсивных практик (движение планет, поведение микроорганизмов, работа вымышленных механических конструкций и т. д.). Таким образом, наше сознание способно разделить два типа информации: информацию о конфигурации предмета, то есть пространственных отношениях между его компонентами, и информацию о его кинематике, то есть движении этого предмета или его компонентов (см., например, [Hegarty 1993, с. 719]). В результате такого разделения кинематические свойства объекта могут быть представлены в когнитивном пространстве отдельной моделью. Это обстоятельство широко используется в научной и научно-педагогической практике при использовании приема визуализации непосредственно не наблюдаемых процессов: создаются так называемые кинематические модели для демонстрации механизма тектонических сдвигов, галактических катаклизмов, движения атмосферных фронтов и т. п., построенные без привязки к топологии конкретного пространства.

Нам представляется, что именно кинематическая модель является одной из наиболее продуктивных при осмыслении интероцептивных феноменов. Это подтверждается многочисленными примерами речевой практики, где интероцептивное ощущение описывается в терминах движения и изменения: *my heart sank, my heart swelled, my heart leaped, my stomach turned over, etc.* (подробнее см. раздел 5 Главы III).

Центральное место кинематической модели в когнитивном пространстве интероцепции согласуется с тезисом о важности телесного опыта движения в процессе осмысления реальности, который является одним из центральных постулатов теории воплощенного значения. М. Шитс-Джонстон называет движение «эпистемологическими воротами в мир объектов» [Sheets-Johnstone 1999, с. 226]. Несмотря на то, что интероцептивное ощущение не является объектом в привычном нам понимании, его феноменологические свойства (в особенности изменчивость) делают опыт движения в пространстве наиболее удобным средством его осмысления. Кинематическая модель ощущения обладает целым рядом преимуществ, по сравнению с ранее описанными. Во-первых, она позволяет осмыслить ощущение как относительно самостоятельное явление, не требуя комплексной привязки к модели внутреннего тела. Во-вторых, она в определенном смысле обеспечивает унификацию телесного опыта, объединяя внешнее и внутреннее тело в единое экспериенциальное пространство и

подчиняя их общей моторной логике. Важно учесть при этом, что поскольку люди принадлежат одному биологическому виду, они обладают приблизительно одним и тем же кинетическим репертуаром, и, как следствие, воспринимают движение весьма сходным образом, несмотря на те ориентиры и ограничения, которые предлагает им социокультурная среда. Движение в этом смысле является универсальным семиотическим кодом, и даже при использовании неконвенциональных способов вербальной репрезентации позволяет добиться понимания у реципиента речевого высказывания. В-третьих, она обладает большей гибкостью, по сравнению с ранее рассмотренными соотносительными моделями, предоставляя больше возможностей для экспериментирования как с выбором типа движения, так и с выбором вербальных средств его репрезентации. Кроме того, кинематическая когнитивная модель допускает экстерииоризацию не только вербальными, но и жестовыми средствами, что оказывается особенно ценным в ситуациях, когда перципиент затрудняется с выбором слова для описания своего ощущения. Он может изобразить спазм сжатием пальцев, репрезентировать дискомфортные ощущения в области желудочно-кишечного тракта вращательными движениями кистей рук либо продемонстрировать частоту и интенсивность сердцебиения с помощью быстрых движений сжатой в кулак руки.

Немаловажно и то, что язык располагает богатейшим репертуаром средств для описания движений разных типов (что, в свою очередь, свидетельствует о плотности концептуального домена «движение», о высокой степени от-refлексированности опыта движения). Как пишут И. Мани и Дж. Пустейовски, «естественный язык изобилует описаниями движений. Это неудивительно, поскольку наша среда наполнена ползающими, плавающими, летающими существами, перемещающимися в естественной среде, в которой происходит кружение, течение, скольжение, вращение и т. д. Наш опыт собственного движения, а также наше восприятие движения в окружающем нас мире предоставили человеческим языкам многочисленные средства для словесного выражения многих различных аспектов движения, включая его временные обстоятельства, пространственную траекторию и способ действия» [Mani & Pustejovski 2012, p. 1].

Кинематическая модель отражает реальный восчувствованный интероцептивный опыт, в гораздо меньшей степени опосредованный лингвокультурной средой, чем ранее описанная соотносительная модель. Имея сформированные представления о различных типах движения и обладая способностью к их сенсомоторной симуляции, перципиент способен интерпретировать ощущение как «чистое движение», которое регистрируется им как происходящее во внутрителесном пространстве, но не привязывается к определенному органу: *to have a sinking/floating/ crawling / tugging sensation; to feel a tug / a sinking / a twist, etc. inside: I felt a small sinking sensa-*

tion in my chest (J. Ratcliffe. You can't be too careful); I hated the crawling sensation that something was in me (C. DeLancey. The Ediacarian Machine); a creepy-crawly sensation that occurs deep inside (E. Crain. Your Body).

Кинематическая модель позволяет представить ощущение как некоторое компактное образование, перемещающееся по внутреннему телу. Ощущение «курсирует», «пробегает», «несется» по внутрителесному пространству: *An odd sensation coursed through her (K. Rockland. 150 pounds); A prickling sensation ran through her limbs (W. M. Gear. Relic of Empire); A flash flood of sensation rushed through my body (F. Savage. Brixton White Lady).*

Кинематическая модель позволяет интерпретировать ощущение и как изменение исходной формы или объема объекта, не связанное с его пространственным перемещением: *Some manner of sensation twisted in her belly (M. Wine. My fair Highlander); Hatch felt all twisted inside (J. R. Allen. Bread and the land).*

Таким образом, кинематическая модель удобна тем, что она не требует от перцепиента знаний анатомии и позволяет сосредоточиться на качественных характеристиках ощущения, снимая вопрос о его точной локализации. Одновременно с этим она не исключает возможности привязки ощущения к определенному органу и позволяет «встроить» ощущение в сформированный образ тела: *I had a terrible sinking in my stomach (S. King. N.); After a few seconds I feel a weird flip in my stomach (S. Kinsella. Twenties girl); there's a slight heaving in my stomach (S. Kinsella. Twenties girl); Alan felt a sickening lift-drop in his stomach (S. King. Needful things); There's a tugging in my heart (S. Kinsella. Twenties girl).*

Примечательно, что в рамках данной модели ощущение может интерпретироваться как движение некоторого инородного предмета, помещенного в пространство внутреннего тела или его отдельного органа: *"Okay," I said, and I said it some guy pole-vaulted in my stomach. He dug is pole all the way into my balls, it felt like, and ended up sitting astride my heart (S. King. The body).*

Кинематическая модель позволяет интерпретировать ощущение как перемещение всего органа по внутрителесному пространству. Примеры такого рода уже приводились нами ранее при описании пространственных моделей тела. Тем не менее, позволим себе привести еще несколько наиболее типичных словоупотреблений, подтверждающих реальность данной модели в когнитивном пространстве типичного экспериенцера: *Myra's stomach rose to somewhere just under her heart and hung there, knotted like a wet rag (S. King. Needful Things); I felt my heart lift at this amazing sight (D. Koontz. Seize the night); My heart dropped, but not too far (S. King. Ayana).*

В рамках кинематической модели интероцептивное ощущение может интерпретироваться также как изменение в исходном положении органа

при сохранении его общей локализации. Так, например, оно может описываться как утрата изначального баланса органа: *My stomach lurches again* (S. Kinsella. *Twenties girl*) или как вращение органа вокруг собственной оси: *He felt his stomach roll over in a single giddy tumble* (S. King. *Thinner*).

Примечательно, что кинематическая модель обычно задействует сердце и желудок. Известно, что именно эти органы являются наиболее «когнитивно освоенными» внутрителесными областями, что связано как с особенностями их функционирования (их деятельность может ощущаться аудиально и тактильно) и физиологическими особенностями иннервации, так и с их привилегированным статусом в аксиологической системе телесных координат (см., например, [Fisher 1973, с. 155; Тхостов 2002, с. 72]). Сердце в наибольшей степени ассоциируется с самой жизнью, и «ощущения от сердца очевидно представляются нам некой мерой, оценкой происходящего внутри организма» [Кубряк 2009, с. 13], а желудок ассоциируется со здоровьем, по крайней мере, в культурах западного типа, где столь большое внимание уделяется питанию. В связи с этим представляется совершенно естественной большая настроенность на восприятие ощущений, локализуемых в этих органах, и готовность к их осмыслению. Точная локализация ощущения в других органах внутреннего тела затруднена, особенно в тех случаях, когда экспериенсер не имеет обширного болевого опыта. Данное обстоятельство весьма точно отражено в следующей цитате: *By this time in my life I couldn't even remember where my kidneys were. So many other organs, like my expanding stomach and, post-divorce, my broken heart, had hove into view. <...> I had been free of kidney awareness for decades* (D. Browning. *Life in the Slow(er) Lane*).

Даже в тех случаях, когда ощущение уверенно связывается перципиентом с определенным органом, оно практически никогда не описывается в терминах движения, по крайней мере, примеры такого рода нами обнаружены не были, и опрошенные нами носители языка такую возможность также отрицали (ср. **my liver sank / turned / twisted; *my kidneys fell down / jumped / moved, etc.*).

Другие динамические образы, не связанные с перемещением, используются, главным образом, для описания реальной соматической патологии, данных объективного медицинского обследования, а не испытываемых перципиентом ощущений: ср. *a swollen kidney, a twisted gall bladder*. Контекст типа *I was diagnosed with a swollen and twisted gall bladder* достаточно типичен, в то время как построения типа *I felt my gall bladder twisting* противоестественны даже в подчеркнута метафорических употреблениях. Анализ типичных контекстов показывает, что данный орган, в отличие от сердца или желудка, вообще не наделяется самостоятельной активностью, и локализуемые в нем процессы описываются как происходящие с ним изменения, а не совершаемые им действия: *It was observed that the*

gallbladder was twisted on the cystic duct and artery; gallbladder was twisted 180 degrees on its small pedicle [Mouawad et. al. 2011]; *Cholecystitis can also result if the gallbladder becomes twisted*¹³; *my doc found out I have a twisted gall bladder*¹⁴. Аналогичная ситуация наблюдается и при описании почек, печени и других органов.

Заметим попутно, что способность к совершению активных действий может приписываться не только реальным, но и метафизическим органам. Так, например, деятельность неорганического *mind* может моделироваться как определенная моторная активность: *His mind turned over swiftly again* (S. Bellow. *The hell it can't*); *After I switched out the light, my mind turned over and over again* (S. Hubbard. *An Introduction to Philosophy*); *Her mind jumped from one anxiety to another* (R. Cook. *Vital signs*). Данные контексты, однако, не являются примерами описания интероцептивных ощущений, и иллюстрируют собой лишь возможность построения кинематической модели феноменологического внутреннего тела.

Что касается построенной на ее основе каузативной модели, то она, как представляется, наиболее релевантна для осмысления тех интероцептивных ощущений, которые связаны с действием определенных эмоциональных факторов.

Отрицать факт взаимозависимости и взаимопроникновения интероцептивных ощущений и эмоций невозможно: любое ощущение аффективно окрашено и неизменно оценивается в терминах «хорошо» / «плохо», а любая эмоция получает соматическое подкрепление в виде той или иной физиологической реакции (*сердце «сжимается» от тоски, «ёкает» от страха, «выпрыгивает из груди» от испуга и т. д.*). Данное обстоятельство не только хорошо известно любому экспериментеру, но и подтверждается многочисленными эмпирическими данными физиологии и психологии. В литературе все чаще высказывается мысль о генетическом родстве эмоций и интероцептивных ощущений, которые, по мнению ученых, развились из некоторого типа более примитивной чувствительности, представлявшей собой недифференцированное единство «перцептивных, аффективных и моторных моментов» [Рубинштейн 2000, с. 148]. Разделяющие эту точку зрения исследователи уверенно относят эмоции к интероцептивным ощущениям, классифицируя их как разновидность последних [Поляков 2008; Ефремова 1997]. Другие исследователи более осторожны в оценках и формулировках, предполагая, что лишь некоторые эмоции, прежде всего базовые, «могли развиваться из сенсорных процессов и физиологических драйвов» [Изард 2006, с. 22]. В некоторых из предлагаемых определений эмоция полностью соматизируется. Так, например, Р. Плут-

¹³ www.mdguidelines.com/cholecystitis

¹⁴ www.healthboards.com

чик определяет ее как комплексную соматическую реакцию, сопряженную с конкретным адаптивным биологическим процессом, общим для всех живых организмов [Plutchik 1962]. В более современной трактовке А. Дамазо, выдержанной в точном соответствии с современной холистической концепцией человека, сущность эмоции — «это собрание изменений в состоянии тела, которые вызываются в мириадах органов терминалами нервных клеток под контролем соответствующей системы мозга» [Damasio 1999, с. 139]. Так или иначе, факт генетического родства эмоций и интероцептивных ощущений можно считать установленным.

Для обозначения комплекса физиологических реакций, связанных с действием определенной эмоции, используется несколько терминов, наиболее удачным из которых нам представляется предложенный А. Дамазо «соматический маркер эмоции» [Damasio 2005, с. 174]. В отличие от «физиологической реакции», «телесного отклика» и т. п., термин «соматический маркер» репрезентирует физиологический компонент как неотъемлемую часть единого психофизиологического процесса, а не некий эпифеномен, своеобразный соматический привкус, «довесок» к психическим явлениям более высокого порядка. Наряду с внешне заметными телесными реакциями (изменение цвета кожи, моторики, мимики и т. п.), к соматическим маркерам, несомненно, относятся и интероцептивные ощущения. Более того, именно интероцептивные ощущения играют первостепенную роль в осознании самой эмоции. Исследования показывают, что люди часто осознают наличие специфического соматического компонента эмоции, не осознавая при этом наличия самой эмоции (см., например, данные о тревожных расстройствах и депрессии в [Bridges & Goldberg 1992]). С другой стороны, именно опыт переживания эмоциональных состояний способствует приобретению интероцептивного опыта. Внутрителесные ощущения, в норме не осознаваемые и переживаемые здоровым человеком как фон, начинают восприниматься лишь в состоянии душевного потрясения: человек ощущает биение сердца, спазмы желудка, сдавление в груди и т. д. Таким образом, можно заключить, что наряду с генетической и феноменологической связью, существует и связь когнитивная: ощущение становится достоянием сознания в момент эмоционального потрясения, «открывая» перципиенту его внутреннее тело, а эмоция осознается через регистрируемое сознанием ощущение.

Одним из результатов когнитивной обработки этого сложного психо-соматического комплекса является когнитивная модель каузативного типа, в которой эмоция предстает как причина возникновения определенного интероцептивного ощущения. Реальность данной модели подтверждается типичностью контекстов, в которых взаимоотношения между эмоцией и интероцептивным ощущением описываются с помощью той или иной каузативной конструкции. К числу наиболее очевидных относятся конст-

рукции с каузативными глаголами *cause, make, etc.*: *Her anger caused his heart to beat even harder (A. Stevens. The devil's footprints); shock and fear made her heart miss a beat (L. Yichang. Intersection); Fear caused his heart to race (M. Coney. Bulldog Drummond and the Grim Reaper).*

Каузация отчетливо прослеживается и в построениях типа *I was so frightened/ happy / dismayed, etc. that my heart began thumping heavily / nearly jumped out of my throat/sank, etc.* В реальной речевой практике данная конструкция может реализовываться в более «рыхлом» варианте: *Warren Richardson had not been so badly scared since he was a kid, and his heart took a great, unsteady leap in his chest (S. King. The dead zone); My heart was banging in my ears, scared he'd seen me (K. Kesey. One flew over the cuckoo's nest).*

Каузативные отношения реализуются и в синтаксической модели *название органа + глагол движения + with + название эмоции: <...> he was immensely relieved, and his heart swelled with a particular joy <...> (D. Koontz. The door to December).*

Каузативные отношения сохраняются и в том случае, если непосредственное указание на испытываемую эмоцию отсутствует, поскольку репрезентируемый в высказывании соматический маркер является типичным. Его типичность требует дополнительного комментария. Подобно болевым ощущениям, соматический маркер эмоции является культурно-обусловленным феноменом. О влиянии культуры на восприятие ощущений и описание эмоциональных состояний пишут П. Филиппот и Б. Райм, указывая на то, что культура формирует определенные ожидания в отношении возможных физиологических и психологических состояний. Если в культуре бытует наивный стереотип, что людям становится жарко от гнева и холодно от страха, они ретроспективно описывают свои эмоции именно в этих терминах, независимо от того, испытывали ли они эти состояния на самом деле [Philippot & Rime 1997].

Данное наблюдение в полной мере относится и к ощущением, локализуемым во внутренней среде организма. Так, для англо-саксонской культуры характерна локализация эмоций в сердце и желудочно-кишечном тракте. Ср.: *the dread in my heart (P. Cornwell. Point of origin); a germ of self-disgust in his stomach (S. King. Salem's Lot); something bubbles up in my stomach. Happiness, maybe. Or love. Or triumph (S. Kinsella. Twenties girl); the old queasy excitement in my guts, and fright clashed with greedy desire (W. Styron. The confessions of Nat Turner).*

Сильная эмоция вызывает определенную реакцию со стороны данных органов, которая в рамках каузативной модели описывается как двигательная: *Heart racing, Laura went to the bed again (D. Koontz. The door to December); My heart was instantly roiling with hatred, envy, and lust (W. Styron. The suicide run).*

Насаждаемая культурой типизация соматических проявлений приводит к тому, что каждый перципиент имеет достаточно устойчивое представление о том, как именно нужно переживать ту или иную эмоцию, и какие ощущения следует при этом испытывать: *You know how it is when you're really scared, right? Your heart seems to stop, your tongue sticks to the roof of your mouth, your skin goes cold and goose bumps rise up all over your body. Instead of meshing, the cogs in your head just spin and the whole engine heats up* (S. King. *Full dark, no stars*).

Наличие этих устойчивых представлений позволяет не только описывать собственные состояния, но и успешно интерпретировать чужие высказывания, восстанавливая опущенные звенья в цепочке причинно-следственных связей и точно квалифицируя эмоцию: страх — *Charles gave a stifled cry and felt his heart and stomach cram up into his throat*. (King. *Here there be tygers*); отчаяние — *My heart sank like a rock* (W. Styron. *Set this house on fire*); разочарование — *My heart drifted down* (J. Lane. *One family line*); волнение — *The prospect of uttering that plain phrase made my heart pound and skip beats* (W. Styron. *Sophie's choice*) и т. д.

С другой стороны, осмысление и вербализация эмоции в терминах физиологических состояний позволяет уйти от проблемы ее точной идентификации. Человек способен испытывать сложный комплекс эмоций, не поддающийся терминологическому обозначению. Описание соматических состояний, испытываемых в момент эмоционального напряжения, способно пробудить у читателя непосредственный телесный отклик и сформировать у него более точное и объемное видение ситуации. Ср.: *Her nose was swollen with grief and the pink tear stains marred her extraordinary beauty, but not so much that the beauty itself <...> failed to melt me on the spot — a distinct feeling of liquefaction emerging not from the heart's region but, amazingly, from that of the stomach, which began to churn as if in revolt from a prolonged fast* (W. Styron. *Sophie's choice*); *When the fat off choirs burst into gospel hymns like "Precious Jesus" and "Didn't It Rain!" I got a charge that began to encircle my bottom and then moved straight up my spine to my skull, where it climaxed in a mini-electrocution, setting all the hairs of my scalp on end* (W. Styron. *A Tidewater morning*).

Каузативная модель позволяет создать комплексную репрезентацию физического и психического опыта. Название ощущения может метонимически обозначать эмоциональное состояние ('*my stomach was turning over*' — I was nervous). В свою очередь, указание на эмоцию, локализованную в определенном органе, может служить средством обозначения ощущения: *a nervous stomach* (букв. 'нервный желудок' — желудок, в котором регистрируются резко дискомфортные ощущения в стрессовой ситуации; часто используется для обозначения несварения, связанного со стрессом).

2.4.3.2.4. Когнитивные образы интероцептивных ощущений

*There is nothing worse than a sharp image
of a fuzzy concept.*

Ansel Adams

Обсуждая вопрос о типологии когнитивных репрезентаций, Ф. Джонсон-Лэйрд рассматривает не только модели, но и образы. Образ определяется им как «связная и целостная репрезентация сцены или объекта с определенной точки зрения, в которой каждый чувственно воспринимаемый элемент возникает лишь один раз, и все элементы являются одновременно доступными и открытыми для процесса сканирования, осуществляемого по перцептивному типу» [Johnson-Laird 1983, с. 147]. Несмотря на то, что ученый не оговаривает в общем определении тип перцептивной информации, в тексте работы речь идет преимущественно о зрительных образах. Даже сама формулировка, при всей ее кажущейся нейтральности, задает именно визуальную перспективу — репрезентация «с определенной точки зрения» (в оригинале — viewpoint). Причем, как неоднократно подчеркивает Ф. Джонсон-Лэйрд, образ обладает эгоцентричностью: он ориентирован относительно наблюдателя и может разворачиваться в разных проекциях [Johnson-Laird 2008, с. 28]. Такое манипулирование возможно лишь с образом визуальной модальности.

Представление о преимущественно визуальном характере когнитивных образов отнюдь не ново; описание мыслей и идей как «внутренних картинок» встречается в трудах ученых столь разных эпох и направлений, как Леонардо да Винчи, А. Эйнштейн, Л. Болцманн и др. Данное представление настолько прочно укоренилось в научном знании, что многие ученые эксплицитно ставят знак равенства между образом и зрительным образом. Так, например, ссылаясь на К. Лоренца [Logenz 1973], П. Дурст-Андерсен пишет о том, что человек всегда представляет ситуацию перцептивно, «картиночно»; «мы воспринимаем ситуации, формируя конкретные когнитивные сенсомоторные репрезентации (картинки)» [Durst-Andersen 2011, с. 3].

Более комплексное видение проблемы предлагает А. Дамазо. Называя когнитивный образ «фильмом в мозгу» (“movie-in-the-brain”), он подчеркивает, что этот «фильм», который сам по себе является грубой метафорой, имеет столько же сенсорных дорожек, сколько сенсорных порталов имеет наша нервная система — картинка, звук, вкус, обоняние, осязание, внутренние ощущения и т. д.» [Damasio 1999, с. 9]. О различных «перцептивных прочтениях мира» (тактильных, обонятельных, вкусовых, слуховых, зрительных и других) пишет А. А. Залевская [Залевская 2004, с. 57], допуская тем самым возможность конструирования разных перцептивных образов реальности.

Невозможно исключить, что у определенных людей в силу их специфического восприятия реальности или особенностей жизненного уклада и профессиональной деятельности формируются преимущественно слуховые или, например, обонятельные образы (достаточно вспомнить известный литературный пример «Парфюмера» П. Зюскинда). Невозможно исключить и наличия компонентов других модальностей в зрительном образе (например, совмещения зрительного и слухового образа в формировании когнитивной репрезентации музыкального инструмента). Следовательно, перцептивный образ не обязательно должен быть зрительным и может быть как моно-, так и полимодальным.

С учетом данного обстоятельства представляется целесообразным обратиться к практике определения образа в классической психологии, поскольку предлагаемые там дефиниции обладают большей универсальностью и отнюдь не противоречат современной когнитивной трактовке данного явления. Так, например, Р. Холт определяет образ как «обобщающий термин для всех осознанных субъективных представлений, носящих квазисенсорный, но не перцептивный характер», «смутное субъективное воспроизведение ощущения или восприятия при отсутствии адекватного сенсорного воздействия» [Holt 1964, p. 255]. Принципиально важным для нас представляется фактор отсутствия непосредственного сенсорного воздействия. Применительно к сфере интероцептивных ощущений такое воздействие в принципе не представляется возможным, и их когнитивный образ — это не «воспоминание» об однажды испытанном, а перенос опыта, приобретенного внешним телом, на область тела внутреннего.

Описывая феноменологические свойства интероцептивных ощущений, мы подчеркивали, что их восприятие не основывается на деятельности традиционных органов чувств. Однако сформировавшаяся у нас «ментальная привычка» [Scarry 1985] оценивать происходящее в терминах зрительных, слуховых, тактильных и т. д. образов заставляет нас видеть, слышать и осязать то, что видимо, слышимо и осязаемо быть не может. Напомним, что согласно теории воплощенного значения, перцептивное взаимодействие с миром составляет, в числе прочих факторов, основу для смылосозидания. Сфера интероцептивных ощущений отнюдь не является исключением из общего правила; напротив, экстрацептивные процессы являются важнейшим инструментом их когнитивного освоения. Перенос результатов экстрацептивного опыта на область внутрителесной реальности соответствует принципу когнитивной экономии [Величковский 2006; Халперн 2000], поскольку он не требует создания особых, отдельных интерпретативных модусов и инструментов для осмысления интероцептивных процессов. Отметим, что создание столь узко-специализированных модусов в любом случае эвристически бесперспективно: отсутствие общего экспериенциального базиса и невозможность верификации ощущений

делают этот процесс крайне затруднительным, и даже в случае успешного решения этой когнитивной задачи коммуникация интероцептивного опыта была бы практически невозможна, поскольку индивидуальные интерпретативные модели с высокой степенью вероятности были бы несовместимы.

Осмысление интероцептивных процессов в терминах экстрацептивного взаимодействия со средой оказывается весьма эффективным приемом. Во-первых, как и в случае с моторным опытом, люди как представители одного биологического вида обладают приблизительно одинаковыми перцептивными возможностями, благодаря чему у них формируются сходные перцептивные образы объектов. Во-вторых, общность географической и культурной среды обеспечивает существенное сходство совокупного перцептивного опыта у разных представителей одного и того же социума, поскольку они видят, слышат, обоняют, осязают и воспринимают на вкус вполне определенный набор предметов, с которыми регулярно сталкиваются на протяжении своей жизни. В-третьих, результаты экстрацептивного опыта могут быть верифицированы, и даже при наличии существенной индивидуальной вариативности в восприятии существует возможность выработки так называемых сенсорных или перцептивных эталонов (см. [Запорожец 1966; Аверин 2010]).

Моделирование интероцептивных процессов по аналогии с экстрацептивными позволяет создать совместимые системы образов, обеспечивая тем самым взаимопонимание при коммуникации интероцептивного опыта.

2.4.3.2.4.1. Образы тактильной модальности

*There's something very satisfying
about creating a tactile product.*

Chad Hurley

Важную роль в процессе возникновения когнитивных образов интероцептивных ощущений мы отводим тактильной сфере. Н. М. Бахтин отмечал, что осязательность (или тактильность) наиболее непосредственно связана с телесностью, позволяя постигать бытие как таковое. Он пишет об особой «мудрости осязания», отдавая ему приоритет перед зрением и слухом. Зрение и слух, которые традиционно считаются «высшими чувствами», «требуют некоторой удаленности от воспринимаемого предмета» и подчеркивают нашу «отрешенность, оторванность, внеположность» окружающему миру. Не испытывая сильных чувств по отношению к объекту, мы предпочитаем «пассивно созерцать его», не желая его касаться. Все более частый отказ от тактильного контакта привел к тому, что «мир потерял свою сладостную плотность». Лишь осязание способно «реально приобщить нас к вещам», поскольку оно сохранило «свою девственную цель-

ность и чистоту». Зрение и слух — это «неосуществленная возможность», это «нечто предварительное», «возможный подступ к овладению предметом». Осязание же есть «самое древнее, самое верное, самое земное из наших чувств», позволяющее нам в полной мере познать предмет [Бахтин 1995, с. 36].

Примечательно, что мысль о «надежности» осязания как познавательного инструмента реальности высказывалась еще Э. Б. де Кондильяком, назвавшем его «единственным ощущением, которое само по себе судит о внешних предметах» и «научает другие ощущения судить о внешних предметах». По мнению Кондильяка, только с помощью тактильных ощущений мы можем производить точную оценку объектов окружающего мира, и только тактильные ощущения поставляют нам информацию, которая обладает истинностью для всех [Кондильяк 1982, с. 237–333]. В этом смысле можно говорить о специфической «мудрости руки» [Круткин 1993].

Первичность осязания проявляется, с нашей точки зрения, и в том, что в отличие от зрения и слуха, оно никогда не подвергалось чрезмерной интеллектуализации, неизменно воспринимаясь как восчувствованный телесный опыт именно физического порядка. В культурах западного типа зрение и слух прочно ассоциируются со сложными мыслительными процессами, в результате чего обозначающие их лексические единицы активно развивают «эпистемические смыслы» [Рябцева 2005, с. 229], что явствует из таких, например, словоупотреблений, как *I see what you mean* (=I understand you); *Do you see the things the way I see them?* (=Are you of the same opinion?); *I hear he has got married* (=I know he has got married), etc. Глагол *feel*, обозначающий тактильное восприятие, даже в переносном своем значении относится к смутному, размытому, слабо отрефлексированному внутреннему чувству не столько интеллектуального, сколько эмоционального свойства: *I feel that something is going to happen* (=I have a premonition, and I am worried).

Одним из основных видов тактильных ощущений являются температурные. Воздействуя на поверхность кожи, предметы воспринимаются как холодные, прохладные, теплые, горячие и т. д. Границы между этими «разрядами» температурных ощущений достаточно условны, поскольку, с одной стороны, для каждого объекта существует своя температурная норма («горячий лоб» и «горячий чай» объективно принадлежат к совершенно разным участкам температурной шкалы, так же как и «холодный кофе» и «холодный металл»), а с другой стороны, восприятие температуры обусловлено множеством индивидуальных факторов.

Температурные образы естественны для интерпретации общих телесных состояний, поскольку, как известно, здоровый организм характеризуется строго определенной стабильной температурой, повышение или по-

нижение которой является симптомом определенных заболеваний, и реципиент, действительно, может ощущать колебания температуры. Однако эти колебания не всегда являются объективным, верифицируемым симптомом, и субъективно ощущаемый жар или холод не всегда совпадает с реальной температурой тела. *I feel hot/ cold* — это описание некоторого субъективного генерализованного телесного состояния, захватывающего тело целиком, как внутри, так и снаружи. Источником этого ощущения может являться внешняя среда, но тело оказывается более проницаемым для холода, который способен просачиваться сквозь внешнюю оболочку и остужать внутрителесное пространство: *to get cold to the bone* (при невозможности **to get hot to the bone*).

Температурные образы оказываются эффективным приемом осмысления и локализованных интероцептивных ощущений. Болевые ощущения высокой степени интенсивности чаще интерпретируются как «горячие»: *a hot cramp in my left calf* (D. Koontz. *Seize the night*); *a hot stitch in his right side* (S. King. *Pet sematary*); *hot lines of pain down to his throat* (S. King. *The cat from hell*). Однако сложность динамический рисунка боли и ее «невыразимость», о которой писала В. Вульф [Woolf 2012], позволяют осмыслить его как единство противоположностей, совмещая в едином образе крайние полюса температурной шкалы: *The pain was both cold and hot, set deep in her flesh like complex networks of poisoned wires* (S. King. *Needful things*).

Образ «теплого» или «прохладного» обычно связан с приятным или нейтральным ощущением: *<his story> had recently given me all sorts of warm feelings in my tummy that I put down to an excess of Christmas pudding and a recognition of his amazing strength of will* (K. Harrison. *The starter marriage*); *Trashcan Man dug into his eggs, feeling warm and good inside* (S. King. *The Stand*); *My heart has gone still and cool inside of me, and I can't stop talking* (L. Erdrich. *A wedge of shade*). «Холодные» образы характерны для моделирования ощущений, приносящих сильный дискомфорт, граничащий с болью: *There was a cold sensation throughout my body, particularly along the joints* (J. O. 'Connell. *Legerdemain*).

Температурные образы особенно актуальны для моделирования интероцептивных ощущений, связанных с действием определенных эмоций. Так, например, в англофонной культуре страх ассоциируется с ощущением холода в теле, которое может локализовываться в пределах одного органа либо захватывать все внутрителесное пространство: *There was no question about the fear now. It was coiling lazily in her stomach like cold water* (S. King. *The dead zone*); *I heard a voice behind me and went cold inside* (L. Unger. *Silver of truth*). Заметим, что подобная концептуализация свойственна и русской лингвокультуре, где страх также вызывает ощущение внутреннего холода: *У меня внутри все похолодело от страха*. Русская и английская

лингвокультура обнаруживают еще одно интересное «температурное» сходство: страх остужает кровь в сосудах. Ср.: *Chris's mouth dropped open, and I felt all the blood in my body go as cold as dry ice* (S. King. *The body*); *Из сарая вдруг донесся отчаянный вой — такой, от которого кровь стынет в жилах* (М. Дяченко, С. Дяченко. *Привратник*).

В контексте настоящего обсуждения представляется уместным напомнить, что температурные ощущения составляют основу концептуальных метафор эмоций. Центральное место в их ряду принадлежит метафоре AFFECTION IS WARMTH, в рамках которой 'warm greeting' интерпретируется как проявление доброго расположения, а 'icy greeting', 'frosty glance', 'a block of ice' обозначают отсутствие положительных эмоций в отношении определенного человека [Ritchie 2013, с. 70].

К тактильным относятся и ощущения, связанные с «действием фактуры объектов» (см. [Кондаков 2003, с. 351]). Ощупывая поверхность предметов, можно определить степень их гладкости или шероховатости, степень однородности поверхности, определить такие специфические свойства, как липкость, клейкость, колкость и т. д. Эти ощущения способствуют формированию в сознании определенного обобщенного перцептивного образа, который оказывается применим к интерпретации интероцептивного ощущения, несмотря на невозможность его пальпации. Ср.: *Low in my body I feel something I must imagine: a tingling, gritty sensation* (S. Finnamore. *The zygote chronicles*).

Некоторые типы фактуры устойчиво ассоциируются со строго определенными объектами, и эта устойчивая связь позволяет интерпретировать ощущение как наличие во внутреннем теле инородных предметов. Так, например, для ощущения, воспринимаемого как покалывание, перципиент может использовать образ шипа, колючки, иглы и т. п.: *You feel like someone filled your head up with barbed wire* (S. King. *Needful things*); *it felt as if there was a thorn lodged somewhere inside him* (S. King. *Thinner*).

Представляют интерес и специфические ощущения «дерматологического» свойства: шекотка, зуд, пощипывание и т. п. (см. [Гайтон 2008]). Эти ощущения не связаны с очевидным воздействием каких-либо объектов и являются в этом смысле порождением самого тела. По-видимому, эта особенность и позволяет трактовать данные явления широко, относя их ко всем телесным проявлениям — как внешним, так внутренним. Ср.: *A deep itch lay in his belly like heat, the itch of healing* (S. King. *The Stand*); *You feel a kind of tickling sensation in your blood* (*Battle in the barn. Unidentified author*); *He looked at her with warm thoughtfulness, and with a speculation that made her tingle deep inside* (S. King. *The dead zone*).

Примечательно, что образы, репрезентирующие качественно разные тактильные характеристики объекта, могут легко совмещаться. Английский язык изобилует описаниями типа *warm tingling* (S. King. *Needful*

things); *a tingling chill* (W. Styron. *The confessions of Nat Turner*); *cold prickling* (B. Little. *The mailman*); *prickling heat* (L. Ellis. *Elvis takes a back seat*) и т. п.

Как известно, в психологии тактильную сферу принято подразделять на активное и пассивное осязание. Активное осязание осуществляется при целенаправленном движении руки по поверхности предмета. Касаясь предмета, ощупывая его, перципиент получает представление о его форме, свойствах поверхности, температуре, упругости и т. д. Важно учесть при этом, что рецепторы, обеспечивающие тактильное восприятие, сосредоточены по всему телу, и в этом смысле вся поверхность человеческой кожи является инструментом осязательного взаимодействия с миром, однако для активного осязания используется преимущественно рука, язык и ступня. Пассивное осязание — это восприятие объекта, воздействующего на покоящуюся руку. В пассивном осязании субъект фактически выступает объектом внешнего воздействия [Бескова 2006].

Данное наблюдение коррелирует с феноменологическими выкладками Г. Шмитца. Обсуждая различия между активным и пассивным восприятием, Г. Шмитц разграничивает ощущения, которые «даны нам непосредственно» и «ощущаются в теле» и «ощущения, испытываемые посредством разглядывания и касания тела». Первую группу феноменов он называет «корпоральными» (*leiblich*), а вторую — «телесными» (*körperlich*) [Шмитц 2014].

При моделировании интероцептивных ощущений пассивное осязание также выполняет определенную роль. Это представляется естественным, поскольку ощущения воспринимаются, главным образом, как нечто, происходящее с телом и не предполагающее его активного участия. Интероцептивные ощущения осмысляются по аналогии с теми тактильными ощущениями, которые возникают при воздействии на внешнюю поверхность тела, осуществляемом либо другим человеком, либо предметом. Возникающее во внутреннем органе ощущение может осмысляться как «касание», «ощупывание», «сжатие», «поглаживание». Ср.: *Halleck felt that fear again, like a smooth steel needle, very thin, probing at the lining of his stomach* (S. King. *Thinner*); *fingers of pain encircling his heart caused him to sink to earth like a stricken deer* (W. Styron. *Set this house on fire*); *Once again I became conscious of the coldness: it was as if a huge icy hand had gripped me inside, its fingers now curling round my heart* (J. Herbert. *Nobody true*).

Условно к тактильным ощущениям можно отнести и те, которые возникают в связи с повреждением целостности кожного покрова и проникновением внутрь тела предметов, оказывающих колюще-режущее воздействие. Эта условность связана с тем, что в этом случае, несомненно, объектом воздействия все же является не кожа, а тело как таковое, и ощущение охватывает гораздо большую глубину, чем та, которая традиционно

воспринимается как кожная. Наиболее важную роль в процессе моделирования интероцептивных ощущений играет в этом случае тактильный опыт взаимодействия с орудиями и животными. Первая группа репрезентируется на вербальном уровне единицами типа *stab*, *pierce*, *cut* и др.: *Despite the morphine, Cedric felt a sudden stab of white-hot, crushing pain* (R. Cook. *Mortal fear*); *Sophie felt a stab of hunger in her stomach, and the weakness and trembling in her legs increased* (W. Styron. *Sophie's choice*); *and then Mason tumbled himself, pierced through the calf of his leg with pain like a blade of fire* (W. Styron. *Set this house on fire*). Наиболее типичными репрезентантами второй группы являются лексические единицы *sting*, *gnaw*, *bite*, *scratch*, *etc.*, отражающие опыт взаимодействия с животными, способными оказать повреждающее воздействие на внешнее тело: *After all these years that old pain was gnawing his bones again* (S. King. *Needful things*); *"Eat," she said from far away, and he felt stinging pain* (S. King. *Misery*); *trying to shake the pain out of my leg as though it were a biting mongrel that could be kicked loose, I hobbled out of the kitchen* (D. Koontz. *Seize the night*). Единицы второй группы обозначают гораздо более поверхностное воздействие и в большей степени соответствуют понятию «осязательное взаимодействие», но обе эти группы, подчеркнем, мы относим к категории тактильных образов лишь условно.

Как видно из приведенных примеров, тактильный образ чаще всего возникает при когнитивном моделировании качественно определенных болевых ощущений. Примечательно в этой связи литературное свидетельство М. Уолцера: *"I cannot conceptualize infinite pain without whips and scorpions, hot irons and other people"* (M. Walzer. *Just and unjust wars*). Предмет, воздействующий на внешнюю поверхность тела, «помещается» сознанием во внутрителесное пространство и обретает способность воздействовать на те его части и органы, к которым онтологически он лишен доступа.

Мы склонны относить когнитивные явления такого рода к категории образов, а не моделей, по нескольким причинам. Во-первых, они лишены многомерности и представляют собой конкретное, точечное видение лишь определенного аспекта соматического опыта. Во-вторых, они по сути лишены динамизма, представляя собой «слепок» ощущения и не отражая изменений в качественных и количественных характеристиках стимула. В отличие от моделей, они не «обрисовывают» ситуацию, а «констатируют» ее, предлагая готовое когнитивное решение. Образы слабо привязаны к модели внутреннего тела, но могут коррелировать с ней в том случае, если ощущение локализуется в определенном органе (перцепиент воспринимает ощущение не просто как *stabbing*, а *a stab in the stomach*).

Примечательно, что тактильные образы возникают при осмыслении не только собственно соматических, но и эмоциональных состояний, что

лишний раз подтверждает глубинную связь тактильного и аффективного. Ср.: *a sudden stab of white-hot, crushing pain* (R. Cook. *Mortal fear*) vs *this sharp stab of hatred* (W. Styron. *Sophie's choice*); *a pang of pain in the groin muscle* (N. Tosches. *In the land of Dante*) vs *a pang of nostalgia* (W. Styron. *Set this house on fire*); *pierced through the calf of his leg with pain* (W. Styron. *Set this house on fire*) vs *pierced by a shaft of anger* (S. King. *Gerald's game*); *vast gnawing hunger* (W. Styron. *Set this house on fire*) vs *the trepidation gnawing at the inside of me* (W. Styron. *The confessions of Nat Turner*).

2.4.3.2.4.2. Образы зрительной модальности

*I'm a visual thinker, not a language-based thinker.
My brain is like Google Images.*

Temple Grandin

В когнитивном пространстве интероцепции представлены также образы зрительной модальности. Данное обстоятельство отчасти парадоксально, поскольку внутрителесные процессы, как мы неоднократно подчеркивали, относятся к разряду ненаблюдаемых явлений. Тем не менее, давление визуальной западной культуры позволяет «увидеть невидимое», придав интероцептивным ощущениям более или менее определенный облик или, по крайней мере, выведя их в визуальное поле посредством надления некоторыми зрительно воспринимаемыми свойствами.

Одним из этих свойств является цвет. Исследования показывают, что некоторым экспериенцерам свойственно цветовое видение их ощущений, особенно болевых (см., например, [Wylde et. al. 2014; Irving 2009]). Даже в том случае, если человек обычно прибегает к принципиально иному способу моделирования собственных ощущений, он может представить их в цвете в экспериментальных условиях. При этом было обнаружено, что подавляющее большинство респондентов отдавало предпочтение красному цвету при изображении болевых ощущений высокой степени интенсивности. Уместно вспомнить в этой связи мнение психологов, согласно которому цвет обычно воспринимается не «вообще», а в привязке к определенным предметам, для которых он типичен [Рубинштейн 1998]. В данном случае, по-видимому, наиболее релевантна связь красного цвета с кровью, разъятой плотью, ранами, язвами и т. д. — всем тем, что устойчиво ассоциируется с патологическими телесными состояниями и подкреплено реальным, восчувствованным телесным опытом. Ср.: *Red pain exploded within* (M. Swanwick. *Slow life*); *Now his hand felt as if a dark red infection was pulsing in it and working its way up his forearm toward his elbow* (S. King. *Thinner*).

Заметим, однако, что художественная литература изобилует примерами иного цветообозначения болевых ощущений: *the black pain that ran*

from my shoulder all the way down to my fingertips (Noire. Candy licker: an urban erotic tale); the flash of blinding white pain (B. Bostian. The age of anything); It was a soft, green pain with purple lights running through it (F. O. Connor. The crop); A piercing stab of bright yellow pain had riveted the soft brain tissue behind his left eye (S. Bing. Lloyd: A novel of business). В этой связи уместно вспомнить о том, что «ощущение цвета — явление субъективное» [Зинченко 2007, с. 139] даже в том случае, если речь идет о восприятии фрагментов окружающего мира. В нашей же ситуации подчеркнута метафорического употребления цветообозначений человек вовсе не ограничен усвоенными сенсорными эталонами и волен присваивать ощущению любой цвет, исходя из собственных предпочтений. В эксперименте, описанном в ранее упомянутой работе [Wylde et.al. 2014], было выявлена определенная закономерность: тупая боль обычно ассоциировалась с черным или серым цветом, а при описании острой боли наблюдалось большее разнообразие упоминаемых цветов, с выраженным предпочтением красному и оранжевому. Примечательно, что принципиальная возможность формирования цветового образа ощущения достаточно широко используется в медицинской практике на Западе. С одной стороны, визуализация боли в цвете является формой психотерапии, которая помогает лучше справиться с болезнью, а с другой стороны, она используется в качестве диагностического приема, когда пациент затрудняется с описанием симптомов и оценкой степени интенсивности переживаемых им ощущений.

Одним из аспектов цвета является его интенсивность — признак, который оказывается релевантным и при формировании образа интероцептивного ощущения и позволяет подчеркнуть его количественные характеристики: *a blinding bright pain erupted inside my skull (S. Fletcher. Flight of the Dragon Kyn); shining pain (N. Murphy. Heartsong); Pain burst out from his knee and shrouded him, whitely radiant (S. King. Misery).* Совершенно особое звучание приобретает в контексте болевых ощущений прилагательное *blinding*, традиционно используемое для обозначения экстремально яркого цвета и в значительной степени утратившее в массовом сознании связь с исходным экспериенциальным базисом. Его телесная суть в полной мере проявляется в дискурсе интероцептивных ощущений, поскольку за болью, действительно, признается способность лишать перцепиента полноценного контакта с окружающим миром, в том числе и зрительного. Боль заставляет нас «отступить в глубины тела» [Biro 2010, с. 20], полностью изолируя нас от окружающего мира. Боль формирует когнитивную доминанту, вынуждая нас бросить все когнитивные ресурсы на осмысление происходящего соматического события и практически блокируя всю экстероцептивную деятельность. В этом смысле болевое ощущение, действительно, является «ослепляющим»: *He pinched his eyes closed hard, trying to get a grip through blinding pain (R. Carr. Moonlight*

road); *It was so unexpected all she felt was a fazed terror and blinding pain behind her eyes and a shooting fire down her arm* (S. A. Smith. *The timer game*).

Визуальный образ интероцептивного ощущения может основываться не только на цвете, но и на форме объектов внешнего мира. Необходимо оговориться, однако, что в этом случае крайне трудно развести зрительный и осязательный модус восприятия, поскольку форма предмета познается не только через зрительный, но и через тактильный контакт. По-видимому, в данном случае правомерно все же говорить о полимодальном образе, включающем компоненты обоих модусов. Ср.: *His stomach was still in a ball*. (S. King. *Needful things*). В данном случае ощущение моделируется по аналогии со зрительно воспринимаемым объектом круглой формы — шаром. Наиболее прототипической разновидностью объектов такого рода, наличествующей в перцептивном пространстве каждого экспериментера, является мяч (неслучайно гипероним «шар» и гипоним «мяч» представлен в английском языке одной и той же лексической единицей). Мяч, как представляется, репрезентируется в сознании преимущественно зрительным образом. В то же время мяч, как и многие другие сферические объекты, обладает целым рядом дополнительных характеристик, в восприятии которых может быть задействовано осязание — объем, упругость, плотность, вес и т. д. Шар обладает и размерностью, воспринимаемой как зрительно, так и (в случае с плотными объектами) осязательно. Помещенный внутрь тела, шар скорее воспринимается именно как упругий объект сферической формы, обладающий определенным весом, поскольку описания такого рода характерны для ситуаций, когда перципиент испытывает тяжесть в желудке или в области сердца. Данное обстоятельство подтверждается и тем, что данный «интероцептивный шар» часто описывается в английском языке как сделанный из свинца: *And her stomach had been replaced by a ball of lead. It was pulling all of her insides down, stretching them into new and unpleasant shapes* (S. King. *Full dark, no stars*); *[he] <...> said something which made her heart feel like a hot ball of lead* (W. Styron. *Sophie's choice*).

Примером более «чистого» визуального образа интероцептивного ощущения является молния. Образ молнии наиболее часто возникает в сознании при кратковременном болевом ощущении высокой интенсивности, которое характеризуется внезапностью: *A bolt of pain, 'like lightning', she said, went through her head and she heard a shotgun blast* (S. King. *Salem's Lot*); *A new wave of pain shot like lightning up my arm* (D. E. Johnson. *Motor City shakedown*). В рамках англофонной культуры данный образ подвергся своеобразной канонизации и используется для осмысления болевых ощущений не только в вербальном, но и в визуальном секторе дискурсивного пространства интероцепции. Так, например, символом Бри-

танской Ассоциации невралгии тройничного нерва (Trigeminal Neuralgia Association UK) является схематичное изображение человеческой головы с красной молнией, пронзающей лоб, щеку и нижнюю челюсть¹⁵.

Формированию зрительных образов интероцептивных ощущений в немалой степени способствует и широко применяемая на Западе практика стимулирования пациентов к визуализации боли в терапевтических целях. Пациентам рекомендуется представить испытываемые ими ощущения в виде объекта, живого существа или динамической картинки и попытаться мысленно скорректировать эту картинку, придав ей большую гармоничность (см., например [www.painsupport.co.uk]). Интересное описание такого опыта и анализ его терапевтического эффекта приводится монографии Д. Биро, который рассказывает о своих ощущениях после операции по трансплантации костного мозга следующим образом: «Непосредственно перед трансплантацией, после недели интенсивной химио- и радиотерапии, у меня началось отторжение слизистой в желудочно-кишечном тракте, в результате чего образовались множественные язвы, начиная от ротовой полости и заканчивая анусом. Боль была невыносимой. И все же, как бы мне ни хотелось закрыть глаза и никогда не проснуться, я не мог игнорировать происходящее. Мне нужно было это увидеть. Поэтому мысленно я представил лесной пожар, который продвигается по длинному и извилистому подземному пути моего желудочно-кишечного тракта — этакую комбинацию метафоры воздействия и анатомической метафоры. Эта картинка не только помогла мне думать и говорить о моей боли, но, что не менее важно, предложила мне способы реагировать на нее. Мне нужны были лекарства, которые могли бы загасить огонь в желудке и люди, которые могли бы потушить пожар» [Biro 2010, с. 173]. Как видно из описания, зрительный образ помогает сообщить ощущению структуру, форму и цель, тем самым демистифицируя его, делая его более понятным и облегчая его переживание.

Несмотря на то, что теоретически человек волен визуализировать ощущение любым приемлемым для него способом, он, как и в случае с другими видами моделей, испытывает ощутимое влияние со стороны социокультурной среды, к которой он принадлежит. Важная роль при этом отводится окружающему человека визуальному пространству. Западная живопись, и классическая и современная, изобилует примерами изображения боли в виде живых существ: животных, людей, антропоморфных демонов. Достаточно вспомнить в этой связи известное полотно Джеймса Гиллрея «Подагра» (1799), на котором воспаленный сустав пальца ноги изображается в виде демона с заостренным хвостом, впивающегося в свою жертву острыми клыками и когтями. Отражая широко распростра-

¹⁵ www.tna.org.uk

ненное восприятие болевого ощущения, произведения искусства одновременно формируют и подпитывают его, «консервируя» его в когнитивном пространстве носителей определенной культуры и вынуждая перцепиента видеть в ощущении живое существо-антагониста. Это обстоятельство подтверждается многочисленными примерами речевой практики. Ср.: *now it felt as if a swarm of bees had been loosened in the lower half of his body* (S. King. *Misery*); *infuriating scorpion-stinging pins* (C. S. Lewis. *The problem of pain*), *sharp weasel's teeth* (S. King. *Needful things*).

Примечательно, что подобная интерпретация представлена во многих культурах. Интересные данные приводятся в монографии С. Дж. Трупа, посвященной исследованию способов выражения страдания в одном из языков Микронезии [Thgoor 2010]. Мышечная боль может обозначаться лексемой, служащей для именованя одного из видов ящериц, а неожиданная острая боль описывается как нахождение в соответствующей части тела барракуды [Ibid, с. 177]. Эти данные свидетельствуют о том, что традиции отождествления боли с живым существом наблюдаются во многих, никак не связанных между собой культурах, и тенденция к наделению боли свойствами живого организма является своего рода межкультурной и — как следствие — межъязыковой универсалией. На основе этих данных можно предположить, что формирование зрительного образа интероцептивного ощущения является естественным процессом, обусловленным самой спецификой данной перцептивной сферы и общими для многих этносов представлениями о способах переживания ощущений. Кроме того, эти данные лишний раз подтверждают тезис о «визуальной ориентированности естественного интеллекта» [Рябцева 2005, с. 233] и важности зрения как когнитивного инструмента.

2.4.3.2.4.3. Образы слуховой модальности

Hearing is a form of touch. You feel it through your body, and sometimes it almost hits your face.

Evelyn Glennie

Когнитивное пространство интероцепции, несомненно, содержит и образы слуховой модальности. Слух, наряду со зрением, является важнейшим источником информации о состоянии окружающей человека среды. В отличие от зрения, однако, он может использоваться и в процессе познания внутреннего тела, ибо, как указывалось ранее, деятельность некоторых внутренних органов, в частности сердца и желудка, может восприниматься на слух.

Так, например, моторика сердца неизменно ассоциируется с глухим стуком, описываемом в английском языке лексемами *thump* и *thud*: *I sensed the blood flashing scarlet somewhere behind my eyes and my heart began*

a clumsy thumping (W. Styron. *Sophie's choice*); *Then she heard the thumping of her own heart* (D. Koontz. *The eyes of darkness*); *His heart was still thudding, but now it was powered by rage rather than fear. Each thud sent a sick bolt of pain through his head* (S. King. *Thinner*). Специфические звуки, издаваемые желудком, традиционно обозначается лексемой *gurgle*: *an uncomfortable nausea had begun to gurgle at the pit of his stomach* (W. Styron. *Set this house on fire*). Данное обстоятельство не требовало бы особого комментария, если бы за звуковым комплексом, обозначаемым соответствующей лексемой, не стояло ничего, кроме звука. В данном случае, однако, речь не идет о сугубо слуховом восприятии, поскольку «бурчание» и «глухой стук» представляют собой лишь часть соматического комплекса, связанного с дискомфортным интероцептивным ощущением. Эти звуки являются, по сути, симптомами определенного физиологического состояния: голода или психоэмоционального возбуждения. Таким образом, употребление глагола звуковой семантики представляет собой частный случай метонимии.

Принципиальная возможность доступа к явлениям внутрителесной сферы через слуховой канал восприятия создает когнитивные предпосылки для осмысления многих интероцептивных феноменов в образах слуховой модальности даже в том случае, если они не сопровождаются звуком. Источником этих образов, как и в случае со зрительной модальностью, служит внешняя по отношению к человеку среда.

Ученые, занимающиеся исследованием слухового восприятия, часто оперируют понятием «естественная акустическая среда человека» [Носуленко 1988], имея в виду ту совокупность звуков, которая окружает представителя определенного социума на протяжении его жизни. Социокультурная обусловленность среды подчеркивается многими исследователями, которые отмечают, что одна и та же звуковая ситуация получает совершенно разную интерпретацию со стороны людей, для которых она является привычной, и тех, кто оказывается в ней впервые. Так, например, прогуливаясь по джунглям Амазонии, мы слышим те же звуки, что и местные жители, однако формируемый в нашем сознании слуховой образ оказывается совершенно иным, ибо мы интерпретируем воспринимаемые нами звуки, сообразуясь с собственным слуховым опытом, приобретенным в других условиях. Наше восприятие звуков есть результат их когнитивной обработки, и слуховой образ не является простым «слепок» акустического события [McAdams&Vigand 1993, с. 3].

Естественная акустическая среда человека неоднородна, включая в себя как звуки природы, так и звуки, издаваемые разнообразными техническими устройствами, созданными самим человеком [Старикова 2011, с. 27]. В условиях западной цивилизации пропорциональное соотношение между ними складывается в пользу последних, поскольку человек оказы-

вается в значительной степени изолирован от естественной природной среды. В этой связи представляется интересным проследить, в какой степени преобладание «акустических событий» [Gaver 1993] технического гене́за влияет на формирование слуховых образов интероцептивных ощущений.

Как это ни парадоксально, анализ языкового материала не выявил случаев использования специфически технической лексики. Напротив, ощущения неизменно интерпретируются как естественные природные звуки. Отмеченная ранее тенденция к олицетворению органов внутреннего тела способствует тому, что локализуемое в них ощущение осмысливается по аналогии с поведением живых организмов, в частности, поведением голосовым.

Наиболее простым и не требующим особой интерпретации случаем является замена канонического глагола *gurgle* на единицы, обозначающие специфические типы вокализаций, свойственные животным: *His stomach roared with hunger* (F. Goldman. *The ordinary seaman*); *My stomach screamed for food; my throat burned for water* (D. Phalen. *Lost moments*). Помимо освежения и усиления исходной образности, использование заведомо зоологической лексики позволяет подчеркнуть остроту переживаемого ощущения, степень его интенсивности и насущность удовлетворения возникшей физиологической потребности в еде.

Более интересны случаи, когда подобная лексика используется для обозначения деятельности сердца и связанных с ней ощущений. Нам представляется, что за данным словоупотреблением стоит гораздо более сложный процесс вытеснения исходного образа, поскольку происходят существенные изменения в его характеристиках: глухой шум, воспринимаемый как серия ритмически повторяющихся однотипных актов (*thump, thud*), преобразуется в непрерывно звучащий, громкий тон (*roar, yell scream*): *The nurse's head gives one little jerk, barely enough to see, but my heart is suddenly roaring* (K. Kesey. *One flew over the cuckoo's nest*); *She was still trying to steady down her screaming heart when he approached the doorway* (J. Frank. *Remember everything*).

Наибольший же интерес представляют случаи, когда слуховой образ возникает в сознании при отсутствии реального аудиального стимула. Ср.: *Her forearms were buzzing* (S. King. *Gerald's game*); *his back screamed in protest* (S. King. *Pet sematary*); *pain — the worst in days — bellowed through his legs* (S. King. *Misery*). Возникновение слухового образа, как представляется, можно объяснить действием нескольких причин, исходя из особенностей тех лексических единиц, которыми этот образ репрезентируется. Во-первых, как показывают многочисленные исследования, человеческое сознание способно воспринимать отдельные характеристики звука и осмысливать их относительно независимо от других (см., например, [Носу-

ленко 1988]). Одной из таких характеристик является громкость. Громкость варьируется в широком диапазоне, начиная от едва слышимых звуков (*whisper, murmur, mutter, etc.*) и заканчивая звуками высокой интенсивности, причиняющими дискомфорт уху (*shriek, yell, bellow, shout, etc.*). Возможность выстраивания достаточно широкой и одновременно с этим дробной шкалы делает звук удобным инструментом для оценки интенсивности других перцептивных явлений. Слуховая лексика, например, может применяться при описании цветовой палитры (*спокойные тона, кричащие тона, quiet colors, loud colors*) и плохо сбалансированного, резкого вкуса (*loud taste*). С этой точки зрения, ее применение для описания интероцептивных ощущений отражает лишь общую тенденцию к оценке степени интенсивности перцептивного явления в терминах слуховых ощущений. Ср.: *the nerves on the back of her right hand were now shrieking like a fire-alarm* (S. King. *Gerald's game*) (интенсивная боль); *The pain began to mutter up and down his legs again* (S. King. *Misery*) (*слабая боль, начало болевого приступа*).

Во-вторых, слуховой образ может являться частью более сложного, комплексного образа, в частности, живого существа. Так, например, глаголы *shout, scream, cry, mutter, mumble* обозначают типичное голосовое поведение человека, а глаголы *bellow, roar, snarl, buzz* обычно используются для обозначения звуков, производимых животными. Ср.: *In wet weather his joints would first throb and then begin to cry out* (S. King. *Apt pupil*); *A fresh snarl of pain* (S. King. *Needful things*); *Pain — the worst in days — bellowed through his legs, and he screamed* (S. King. *Misery*). Формирование слухового образа, с этой точки зрения, объясняется ранее неоднократно отмечаемой тенденцией к олицетворению явлений внутрителесной реальности. Примечательно, что наделяясь свойствами живого существа, внутреннее тело приобретает способность не просто к вокализации, а к коммуникации с «населяющим» его субъектом, требуя от него действий по удовлетворению своих потребностей: *His bladder was screaming at him* (S. King. *Here there be tygers*).

В-третьих, слуховой образ позволяет поместить в фокус внимания временные параметры ощущения. По мнению М. Джонса, время является столь же важным измерением слухового события, как высота или громкость звука [Jones 1976]. Зрительный образ малопригоден для репрезентации временного измерения ощущения, он отражает, главным образом, его качественные характеристики. Слуховой же образ позволяет зафиксировать в сознании длительность ощущения, наряду со степенью его интенсивности. Так, например, персистирующее ощущение может моделироваться сознанием как «рычание», «бормотание» и т. п. — акустические события, которые характеризуются протяженностью, причем их длительный характер может особо подчеркиваться глагольной формой длительно-

го аспекта: *He had given her the first and last orgasm of her life, and all the while it had been roaring through her veins, that tune had been twisting through her head like a burning wire* (S. King. *Needful things*); *The stump was twanging viciously* (S. King. *Survivor type*).

И, наконец, слуховой образ ощущения может быть результатом метонимического переноса. Как известно, интенсивные болевые интероцептивные ощущения могут сопровождаться определенными голосовыми реакциями со стороны перципиента (криком, стоном и т. п.), которые в определенной степени являются частью симптомокомплекса. Теоретически можно допустить, что перципиент осуществляет метонимический перенос с собственной голосовой реакции на свойство раздражителя: *The pain was excruciating and I screamed — The pain was screaming*.

Обнаруженные нами многочисленные звуковые образы в дискурсе болевых ощущений подтверждают наблюдение Ф. Сэндблома: «У каждой боли голос свой, здоровье лишь молчит» (“Every pain has its cry — health alone is mute” [Sandblom 1995, с. 36]).

2.4.3.2.4.4. Образы вкусовой и обонятельной модальности

*Smell is incredibly important and sensual;
it communicates who you are.*

Sean Combs

Корпус «интероцептивных высказываний» содержит примеры использования лексики, традиционно относимой к разряду вкусовой: *He felt a bitterness in his stomach* (A. H. Wald. *The train to Ghent*); *And a sweet sensation of relief swept through my heart and limbs* (J. Ratcliffe. *You can't be too careful*). В связи с этим возникает вопрос о статусе вкусовых образов в когнитивном пространстве интероцепции. Представляется целесообразным рассмотреть и вопрос о представленности образов обонятельной модальности, поскольку два соответствующих вида ощущений обладают глубинным родством в силу общности их физиологического базиса, и четко развести вкусовое и обонятельное далеко не всегда возможно (см., например, [Рубинштейн 2009]).

Следует отметить, что вопрос о возможности формирования обонятельных и вкусовых образов в когнитивном пространстве до сих пор остается дискуссионным. Основными аргументами в пользу его положительного решения являются: 1) возможность аккумуляции обонятельного и вкусового опыта; 2) способность вкусов и запахов вызывать воспоминания о событиях прошлого, их принадлежность «автобиографической памяти» экспериенцера [Larsson & Willander 2009] (ср.: «вкус детства», «запах из далёкого прошлого»); 3) способность отдельных индивидов к созданию систем обонятельных или вкусовых образов, используемых для

оценки широкого круга явлений и событий [Arshamian et.al. 2008]; 4) возможность эвокации в памяти вкусовых и обонятельных образов (весьма показательны в этой связи строки из автобиографического романа Ж.-Д. Боби, где он описывает, как будучи парализованным с ног до головы и фактически замурованный в собственном теле, он мысленно готовит еду, «комбинируя вкусы и запахи», «оживляя их в памяти» (Ж. Б. Боби. Скафандр и бабочка)).

Примечательно, что многие исследователи отмечают существенные трудности в вербализации вкусовых и обонятельных ощущений и указывают на скудость соответствующей части словаря [Рогачева 2010; Зыховская 2012; Риндисбахер 2010; Басалаева 2013]. Даже в научной литературе вопрос о классификации обонятельных ощущений и соответствующих им наименований до сих пор остается открытым. Это объясняется как высокой степенью субъективности ольфакторного и вкусового восприятия, так и его низким статусом в «иерархии сенсорных модальностей» [Двизова, Крюкова 2014, с. 76]. «Летучее царство запахов» (и не менее призрачное царство вкусов) не только «не оставляет следов в истории» (П. Зюскинд. Парфюмер. История одного убийцы), но и не получает должного внимания и надлежащей оценки даже в пределах одного временного пласта. Субъективность, ограниченная возможность верификации перцептивного опыта, сложность перевода в дискурсивный формат сближают эти виды экстрацептивного восприятия с интероцепцией, обеспечивая им статус невербализованного и невербализуемого знания.

В бытовом языке вкусовая палитра представлена четырьмя основными наименованиями: «сладкий», «горький», «кислый», «солёный». Те же единицы могут использоваться и для обозначения запахов: *the bitter smell of marijuana and alcohol* (N. Oates. *Hidden in the trees*); *the sour smell of the damp earth* (D. J. Wilson. *Dark secrets of the old oak tree*); *the warm, sweet smell of cut cedar* (R. Norwood. *Long time*); *the salty smell of the sea and the burning flesh* (K. Mori. *Winter sky*).

Анализ языкового материала показывает, что признак солёности оказывается нерелевантным для описания сферы интероцептивных ощущений. Остальные же признаки представлены в дискурсивном пространстве интероцепции неравномерно. Так, образ кислого обладает наибольшей конкретикой и возникает в сознании при моделировании специфического комплекса гастроэнтерологических ощущений: *I had the feeling of something going sour in my stomach* (V. D. Woodbrown. *On Earth as it is in heaven*). Данное обстоятельство объясняется физиологической спецификой гастроэнтерологических процессов, которые часто сопровождаются появлением кислого вкуса во рту: *He felt hot gas rising slowly through his chest and into his throat. He opened his mouth and uttered a sour burp — the product of a stomach which had been reasonably serene until five minutes ago* (S. King. *The*

library policeman). При наличии соответствующего соматического опыта перципиент способен распознавать ощущения еще на той стадии, когда они не сопровождаются экстрацептивными и не являются вкусовыми в прямом смысле этого слова. «Кислое ощущение в желудке» — это, как представляется, один из вариантов метонимического переноса, осуществляемого по модели «следствие — причина» [Падучева 2003; Козлова 2001]. «Кислое ощущение» — это ощущение, сопровождаемое кислым вкусом во рту.

Ощущения, описываемые как «сладкие» или «горькие», как правило, лишены физиологической конкретики. Здесь уместно вспомнить о том, что обонятельные и вкусовые ощущения в большей степени, чем какие-либо другие, связаны с эмоциями. По данным психологов, почти все они обладают «более или менее ярко выраженным характером приятного или неприятного; многие вызывают очень резкую положительную или отрицательную эмоциональную реакцию» [Рубинштейн 2009, с. 201]. Эта особенность в полной мере проявляется в способах осмысления интероцептивных ощущений. «Горькое ощущение» — это ощущение острого соматического дискомфорта, не связанное, в отличие от кислого, с появлением непосредственного вкусового ощущения; «сладкое ощущение» — это приятное ощущение, не поддающееся точной квалификации: *bitter cramps from these involuntary struggles whipped through him like greyhounds biting on the run* (S. King. *The Stand*); *There had been a hot sweet ball of excitement in her lower belly* (S. King. *The Stand*). Аналогичная ситуация наблюдается и с более специфичным признаком «гнилостный», характерным для ольфакторного восприятия: *That rotten sensation grips my whole body, nowhere tighter than in the groin* (T. Kuzminski. *The goddamned tooth fairy*).

Тесная связь с эмоциональной сферой делает обонятельные и вкусовые образы удобным когнитивным инструментом для описания интероцептивных ощущений, связанных с действием эмоциогенных факторов: *He was still talking now, and as he talked he removed a sheet of paper from his pocket, but I was no longer listening, attending rather to a sudden miserable, corrosive bitterness in my heart which had nothing at all to do with this jail or the chains or my aching discomfort or that mystifying, lonesome apartness from God which was still a bitterness almost impossible to bear* (W. Styron. *The confessions of Nat Turner*); *And a sweet sensation of relief swept through my heart and limbs, as if a punishment, long overdue, was finally being administered* (J. Ratcliffe. *You can't be too careful*). К разряду «горьких» эмоциональных состояний, а точнее даже психосоматических комплексов, относятся отчаяние, тоска, обида, ревность, злость, чувство вины и т. д. (ср.: *the bitter taste of anger and guilt* — R. J. Howe. *Entropy's girlfriend*); «сладкими» являются любовь, половое возбуждение, чувство облегчения и удовлетворения и др. (ср.: *the sweet taste of love* — H. Howell. *Eternal lover*).

Некоторые эмоциональные состояния способны вызывать специфические вкусовые ощущения, требующие более точного определения или, по крайней мере, допускающие его. Так, например, страх часто ассоциируется с «металлическим» вкусом: *tinny taste of fear* (*Dancing in dreamtime — COCA*); *the metallic taste of fear* (*T. Krautwurst. Nature myths debunked*); *that gun-metal taste of fear* (*M. Purdue. Be a night crawler*); *He swallowed around a lump that tasted like a stuck-together mass of pennies* (*S. King. Apt pupil*); *The fear leaped up in her, hot and strong, making a coppery taste in her mouth* (*S. King. Salem's Lot*).

Возникновение специфических вкусовых и обонятельных ощущений в момент психоэмоционального возбуждения физиологи объясняют действием выделяемых организмом гормонов. Таким образом, наличие перцептивной составляющей является объективной реальностью, а вот квалификация этой составляющей требует активизации в сознании того или иного обонятельного или вкусового образа.

2.5. Конфигурация когнитивного пространства интероцепции

*It is not enough to have a good mind;
the main thing is to use it well.*

Rene Descartes

В предыдущих разделах работы мы попытались продемонстрировать возможность существования различных типов репрезентаций в когнитивном пространстве интероцепции, проследить их генезис и показать их структурно-содержательную специфику. Для обоснования правомерности наших заключений мы обращались к проблемам феноменологии человеческого сознания, общей психологии моторной и перцептивной деятельности, культурно-историческому контексту и ряду других факторов. При этом когнитивное пространство интероцепции представало как некоторый репозиторий когнитивных структур, инвентарь одинаково валидных возможностей, своеобразный набор когнитивных инструментов, каждый из которых выполняет определенную операцию и используется в определенной интероцептивной ситуации для препарирования перцептивного опыта, подобно тому как в мире анатомическом, а не феноменологическом, существует набор специальных инструментов для решения той или иной медицинской проблемы посредством проведения диагностических и лечебных манипуляций. Совершенно очевидно, что такой взгляд в значительной степени упрощен, и различные когнитивные структуры не могут сосуществовать совершенно независимо друг от друга. Кроме того, такой

взгляд теоретически возможен лишь в отношении коллективного когнитивного пространства интероцепции. Индивидуальное когнитивное пространство, как представляется, соотносится с ним, но отнюдь не изоморфно ему. Фактор социокультурного взаимодействия способствует усвоению (сознательному или имплицитному) элементов коллективного когнитивного пространства, однако степень представленности моделей и их статус в индивидуальном когнитивном пространстве может существенно отличаться. Это, очевидно, связано со способами участия в дискурсивных практиках, степенью ригидности или гибкости когнитивного стиля, спецификой индивидуального интероцептивного опыта, специфическим телесным и аффективным откликом на предлагаемые лингво-культурным сообществом способы интерпретации внутрителесных явлений и множеством других факторов, сложное взаимодействие которых обеспечивает уникальность конфигурации каждого индивидуального когнитивного пространства интероцепции.

Несмотря на это, можно все же говорить о некоторых общих принципах организации когнитивного пространства. Так, например, представляется очевидным, что различные модели не существуют в когнитивном пространстве в виде отдельных, четко структурированных и хорошо осмысленных нарративно-подобных блоков. Во-первых, как было показано Ф. Джонсоном-Лэйдом, одна модель может строиться на основе другой и инкорпорироваться в нее [Johnson-Laird 1983]. Напомним, например, что динамическая модель строится на основе кинематической, которая, в свою очередь базируется на пространственной. Таким образом, эти модели не рядоположены, а находятся в определенных иерархических взаимоотношениях, формируя структуру типа привативной оппозиции (см., например, [Караулов 1974]). Такая конфигурация препятствует четкому разведению моделей и их противопоставлению. Более того, такая организация в определенном смысле обеспечивает континуальность когнитивного пространства, что позволяет, в частности, варьировать «угол зрения» при осмыслении ощущения: мы можем исходить из общего образа тела и рассматривать ощущение как часть общей телесной реальности, либо концентрироваться на ощущении, отодвигая тело на задний план. Иными словами, мы можем варьировать отношения «фон — фигура» (см., например, [Durst-Andersen 2011]), увеличивая или уменьшая значимость тела в модели ощущения. Ср.: *His stomach felt like an elevator out of control* (ощущение осмысляется в общем контексте когнитивной модели «тело — дом», но имплицитно описывается кинематически, как перемещающийся объект) vs *There was a sinking sensation in his stomach* (ощущение осмыляется в рамках кинематической модели; привязкой к образу тела является лишь указание на орган, в котором ощущение локализуется). Заметим, что, по нашему мнению, соответствующая модель, в которой телу принадлежит центральное место, наи-

более пригодна для ретроспективного осмысления ощущения, при описании соматического события, достаточно удаленного во времени. Соотносительная модель более приемлема для экспериенцера, но не перципиента, поскольку она предполагает определенный уровень рефлексии и способность увидеть соматическое событие панорамно, что в условиях актуального интероцептивного опыта представляется проблематичным. Позиция перципиента, как нам кажется, в наибольшей степени соотносится с кинематической и динамической моделями, а также с когнитивными образами, которые позволяют точно сосредоточиться на ощущении и более точно отражают его качественные и количественные характеристики.

В пользу отсутствия четких линий демаркации между когнитивными репрезентациями различных видов свидетельствует и тот факт, что экспериенцер способен комбинировать структуры, соединяя элементы генетически разных типов. На вербальном уровне данный процесс манифестируется появлением алогичных, катахретических описаний, которые в современной лингвистике принято называть смешанными метафорами [Lee & Barnden 2001; Hilpert 2010; Kimmel 2010]. Ср.: *His head throbbed like a tomato full of hot, expanding blood* (S. King. *The Dead Zone*). Мы склонны полагать, что в данном высказывании отражено наложение по крайней мере трех структур: кинематической модели, репрезентируемой лексемами *throb* и *expand*, когнитивного образа тактильной модальности, репрезентируемой лексемой *hot*, и образов зрительной модальности, репрезентируемых лексемами *tomato* и *blood*. Примечательно, что высказывание не производит впечатления когнитивной какофонии, и читатель не видит в описании некий принципиально невозможный в реальной жизни «пульсирующий томат, наполненный горячей кровью». Складываясь в линейную последовательность, слова, тем не менее, не вызывают в сознании линейный же, плоский образ. Напротив, каждое из них отсылает читателя к самому ощущению, репрезентируя одно из его свойств: особенности локализации, компактность, интенсивность, динамику и т. д. Примеры такого типа многочисленны и разнообразны по содержанию и структуре; наиболее интересные из них будут представлены в Главе III настоящего исследования. На данном этапе работы мы ограничимся лишь тем, что констатируем проницаемость границ когнитивных структур, возможность комбинирования составляющих их элементов. Результатом данного процесса, как представляется, является формирование бленда [Fauconnier & Turner 2002] — временного когнитивного пространства, фиксирующего результаты актуального интероцептивного опыта, отвечающее когнитивным потребностям перципиента, а в лингвистической перспективе — и его дискурсивным потребностям.

Возможность возникновения таких блендов объясняется не только принципиальной совместимостью некоторых когнитивных структур и их

встраиваемостью друг в друга, но и слабой степенью их осознаваемости. В то же время, нельзя утверждать, что в когнитивном пространстве интероцепции структуры переплетены настолько плотно, что вычленив отдельную модель и последовательно интерпретировать интероцептивное событие с помощью задаваемой ею интерпретативной рамки невозможно. Существуют как собственно лингвистические, так и психологические доказательства обратного. Так, например, можно проследить явные предпочтения в выборе когнитивной модели интероцепции в словотворчестве определенных экспериенцеров. Наиболее наглядным литературным примером может служить роман К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки», где все внутрителесные события интерпретируются в рамках модели «тело — машина». Представляет интерес и ранее упомянутый научно-популярный трактат о феномене боли Г. Л. Моузли «Истории о боли», где интероцептивные ощущения анализируются и интерпретируются через аналогию с механизмами, чаще всего автомобилями [Moseley 2007]. Последовательность в выборе когнитивной модели может быть очевидна и в произведениях, выполненных в других дискурсивных форматах, в частности, в визуальном. Так, например, Ф. Кан успешно работает в рамках механической модели¹⁶, М. Парламент — биологической модели¹⁷, Скотт С. — архитектурной модели¹⁸, а И. Морски предпочитает более общую модель «тело — контейнер»¹⁹. Кроме того, в ходе проведения многих психологических экспериментов было убедительно доказано, что перципиенты могут интерпретировать свои ощущения, не выходя за рамки той или иной объяснительной модели. Напомним в этой связи об экспериментах с визуализацией боли [Wylde et. al. 2014; Irving 2009].

Таким образом, когнитивное пространство интероцепции может члениваться экспериенцером на ряд более или менее четко осознаваемых структур при постановке соответствующей когнитивной задачи. В условиях актуального интероцептивного опыта перципиент может выходить за пределы определенной модели, объединяя элементы различных структур для наиболее точной и полной квалификации испытываемого им ощущения. Субъективность ощущения и невозможность его верификации, действительно, предоставляют перципиенту свободу в выборе элементов для конструирования временного когнитивного пространства, однако эта свобода в значительной степени иллюзорна, поскольку даже в самых смелых когнитивных экспериментах перципиент остается в границах «интероцептивного концептуария» той культуры, которой он принадлежит.

¹⁶ machinejunk.com

¹⁷ paccorro.blogpost.ru/2011/12/michele-parliament.html

¹⁸ www.gallerynucleus.com/detal/7040

¹⁹ www.igor.morski.pl

Выводы

1. Интероцептивный опыт является частью субъективной реальности человека. Эта реальность формируется под воздействием средовых факторов и опосредуется экстероцептивной деятельностью человека. Иными словами, интерпретация субъективного интероцептивного опыта зависит от типов и способов взаимодействия человека с природной и социокультурной средой.
2. Восприятие и переработка интероцептивных сигналов является одним из видов когнитивной деятельности и подчиняется общим законам познания. Интероцептивные ощущения, однако, представляют собой весьма специфический объект познания. Его специфичность определяется уникальными феноменологическими свойствами интероцептивных ощущений, с одной стороны, и особенностями человеческого сознания, с другой стороны. Основными феноменологическими свойствами интероцептивных ощущений являются: перманентный характер восприятия; специфичность канала восприятия, невозможность использования привычных перцептивных процедур; внесоциальность и принципиальная неverifiedируемость; изменчивость и неконтролируемость. К особенностям человеческого сознания, релевантным для осмысления сферы интероцепции, мы относим преимущественную фокусировку на внешней по отношению к телу среде и ретроспективность, заключающуюся в невозможности оценки ощущения в момент его возникновения.
3. Когнитивное освоение интероцептивных ощущений происходит с соблюдением ряда общих правил, к числу которых относятся: дистанцирование от тела, его восприятие как самостоятельной реальности; принципиальная возможность альтернативных трактовок; выраженное предпочтение нежестким, динамическим пояснительным схемам; адресация к сфере внетелесного опыта.
4. Аккумулируемый на протяжении жизни интероцептивный опыт фиксируется в когнитивных структурах, которые в совокупности формируют когнитивное пространство интероцепции. Совокупный интероцептивный опыт лингвокультурного сообщества фиксируется в коллективном когнитивном пространстве интероцепции, основным механизмом формирования которого являются разноформатные дискурсивные практики. Коллективное когнитивное пространство интероцепции представляет собой репозиторий когнитивных форм и структур, хранилище знаний и представлений о внетелесных процессах. Индивидуальное и коллективное когнитивное пространство находятся в постоянном взаимодействии и могут изменяться под влиянием друг друга.

5. Основу для осмысления интероцептивных феноменов составляет пространственная модель внутреннего тела. В рамках англофонной культуры она реализуется, по меньшей мере, в двух вариантах: 1) внутреннее тело интерпретируется географически и описывается с помощью метафоры карты; 2) тело воспринимается как замкнутое пространство и описывается метафорой контейнера. Вторая модель оказывается более востребованной в дискурсе тела вообще и ощущений в частности. В рамках этой «контейнерной» трактовки внутреннее тело предстает как пространственная область, обладающая цельностью и не совпадающая в своей конфигурации с телом внешним (см., например, [Тхостов 1994]).
6. Когнитивное пространство интероцепции представляет собой конгломерат различных концептуальных структур, которые находятся во взаимодействии друг с другом. Одной из их типов является когнитивная модель, представленная в трех основных разновидностях: соотносительной, кинематической и каузативной. В рамках соотносительной модели внутреннее тело предстает как аналог определенных объектов реального мира. При моделировании внутреннего тела предпочтение отдается артефактам, поскольку их устройство и принципы функционирования более понятны человеку, и полученная модель обладает большей объяснительной силой. В рамках современной англофонной культуры релевантными являются модели «тело — дом» (и ее модификация «тело — крепость») и «тело — машина» (и ее модификация «тело — фабрика»). Внутреннее тело может моделироваться и по аналогии с природными объектами (модель «тело — биологический организм») и объектами социальной природы (модель «тело — социум»), а также на основе опыта межсубъектного взаимодействия (модель «тело — компаньон»). Кинематическая модель формируется под влиянием опыта движения в пространстве (как непосредственно, так и наблюдаемого) и позволяет описывать происходящие во внутреннем теле процессы в терминах движения. Каузативная модель связывает два и более телесных события и устанавливает между ними отношения причинности. Каузативная модель оказывается наиболее востребованной при осмыслении эмоций.
7. Когнитивное пространство интероцепции включает образы различных чувственных модальностей (зрительные, тактильные, слуховые, а также обонятельно-вкусовые).
8. Различные когнитивные структуры не существуют в когнитивном пространстве в виде отдельных, четко структурированных и хорошо отрефлектированных нарративно-подобных блоков. Они могут образовывать иерархические структуры, обеспечивая тем самым континуальность телесного опыта, а также комбинироваться друг с другом.

Интероцептивный опыт может последовательно осмысляться в рамках одной модели либо требовать создания бленда — эмерджентной структуры, отражающей характеристики актуального ощущения.

9. Бытующее представление о безграничной свободе индивида в осмыслении и вербальной репрезентации его интероцептивного опыта [Рождественский 2009] является мифом, поскольку даже в самых смелых когнитивных экспериментах человек лишь в исключительно редких случаях оказывается способен выйти за пределы телесного концептуария своей культуры. В качестве «гипотетического концептуализатора» [Maalej 2011, с. 44] — человека, который первым создал новую объяснительную модель и «вбросил» ее в дискурс — может выступать создатель новой теории (примером является Р. Декарт) или объяснительной модели (Р. Вирхов).

Глава III

Словарь interoцептивных ощущений

I speak two languages, Body and English.

Mae West

Как отмечалось в предыдущих главах работы, interoцептивные феномены принадлежат субъектной сфере индивида и являются частью его субъективной реальности. Доступ к этой реальности не может быть осуществлен так называемыми объективными методами, ибо ощущения не регистрируются с помощью специальной аппаратуры и не квалифицируются диагностом с помощью его органов чувств. Единственным способом проникнуть в эту реальность является побуждение экспериенцера к выводу его interoцептивного опыта в дискурс. Несомненно, объективация этого опыта может осуществляться в разных дискурсивных формах. Так, например, экспериенцер может выражать свои субъективные interoцептивные смыслы в зрительном образе (см., например, [Gilman 1988]). Показателен в этом отношении пример Фриды Кало, которая отражала в своих живописных полотнах богатый опыт переживания болезненных соматических состояний. Сошлемся также на популярные на Западе тематические выставки типа “Pain Exhibit”²⁰, “Shades of Pain”²¹, “Migraine Art”²² и множество других, где демонстрируются произведения, изображающие болевые ощущения, локализуемые внутри тела. Возможность отражения телесного, в том числе и interoцептивного, опыта в пластических формах наглядно продемонстрировал Франческо Чуза в серии скульптур «Боль», где ощущение аллегорически изображается в виде сжатой в комок человеческой фигуры. По-видимому, interoцептивный опыт, как любой экзистенциальный опыт страдания, может быть выражен (или по крайней мере отражен) в музыкальных произведениях (см., например, [Peterson 2011]). Но центральная роль в процессе его объективации все же принадлежит слову. Во-первых, человеческая коммуникация вообще — это в первую очередь коммуникация вербальная, и слово традиционно воспринимается как универсальный и главный канал передачи

²⁰ painexhibit.org

²¹ www.pudendalnerve.com.au

²² www.hulldailymail.co.uk

смыслов. Во-вторых, словесный дискурсивный формат наилучшим образом приспособлен для объективации разных характеристик ощущения и позволяет варьировать способы его репрезентации для достижения максимального понимания со стороны адресата интероцептивного высказывания. И в-третьих, западная культура активно поощряет экспериенцера к выводу его ощущений в речь, поскольку врачебная практика на этапе диагностики в значительной степени опирается на вербальные описания ощущений, предоставляемые пациентом. Человек вынужден прибегать к словесным описаниям даже в том случае, если этот дискурсивный формат для него неудобен.

Наиболее очевидным средством выражения формирующихся у экспериенцера субъективных смыслов является лексика, анализу которой и посвящена настоящая глава.

Изучение словаря интероцептивных ощущений требует от исследователя четкого понимания того, что он не отражает в полной мере и в полном объеме те когнитивные процессы, которые связаны с обработкой интероцептивных стимулов. В разделе 2.1.1 Главы II мы перечислили факторы, которые играют основополагающую роль в формировании способности к восприятию интероцептивных сигналов. Однако даже при развитых интероцептивных способностях индивид может испытывать значительные затруднения с выводом этих ощущений в речь. Разумеется, при осмыслении любого феномена, с которым сталкивается человек на протяжении своей жизни, значительная часть приобретаемых им знаний существует во внеязыковых или доязыковых, внеконцептуальных формах, формах неявного, смутного, интуитивного и т. д. знания (см., например, [Рябцева 2005, с. 36]). Это наблюдение особенно актуально в отношении перцептивной сферы вообще и интероцептивной в частности. Уместно вспомнить парфюмера Жана-Батиста Гренюя, который хранил в памяти тысячи запахов, не зная названия ни одного из них и частично усвоив их лишь в ходе специального научения, которое наступило, когда герой романа П. Зюскинда достиг относительно зрелого возраста. Отсутствие словаря, однако, ни в коей мере не служило ему препятствием на пути развития его уникальных способностей. Аналогичным образом, экспериенцер может обладать способностью к различению сотен интероцептивных ощущений, при этом не умея или не желая выводить большую их часть в речь. А поскольку иного доступа, кроме как словесные описания, к интероцептивным процессам не существует, мы должны постоянно помнить о том, что даже при самом тщательном и методически корректном анализе мы никогда не получим полной картины «интероцептивных знаний» как индивида, так и всего лингво-культурного общества.

3.1. Феномен «невыразимости ощущения» и его лингвокогнитивная интерпретация

Pain is a definition-defying beast.

Joanna Bourke

В современной научной литературе гуманитарного профиля сложилась традиция начинать исследование телесных ощущений с указания на их невыразимость. Это положение распространяется на все виды ощущений, но чаще всего и подробнее всего рассматривается в работах, посвященных феномену боли. Приведем несколько наиболее типичных высказываний, принадлежащих ученым, которые являются признанными специалистами в данной области.

Д. Биро называет боль «сферой негостеприимной по отношению к языку» [Biro 2010, с. 218] и пишет о том, что язык и болевое ощущение «находятся так же далеко друг от друга, как противоположные полюса электрического тока» [Там же, с. 11]. М. Джексон остроумно замечает, что понять сущность болевого ощущения — это все равно, что пытаться пригвоздить шарик ртути: чем дольше вы стараетесь «ухватить» боль, тем больше она распадается на мельчайшие неуловимые фрагменты [Jackson 2003, с. 6]. Э. Скарри заявляет, что «боль разрушает язык», отбрасывая нас в состояние, предшествующее языку, к тем звукам и крикам, которые производит человеческое существо до того, как осваивает язык. По ее мнению, сопротивление болевого ощущения языку — это «не просто некоторое случайное свойство, но базовая его характеристика» [Scarry 1985, с. 4–5].

Существуют и многочисленные литературные свидетельства, оставленные писателями, работавшими с темой телесного опыта. Примечательно, что сама эта тема оформилась еще в античности и продолжает оставаться актуальной и в наши дни. В монографии Дж. Бурк, например, представлены выдержки и цитаты из литературных произведений разных эпох, начиная с Софокла и заканчивая современным драматургом М. Эдсон [Bourke 2014].

Наиболее ценным для нас литературным свидетельством является эссе В. Вулф «Искусство болеть» (On being ill), на которое ссылаются многие исследователи. Описывая «ежедневную драму тела», Вулф отмечает «бедность языка», с помощью которого можно было бы зафиксировать приобретаемый опыт. «Английский язык, который может выражать мысли Гамлета и трагедию Лира, лишен слов для дрожи и головной боли. <...> У любой школьницы, когда она влюбляется, есть в распоряжении Шекспир и Китс, которые выражают за нее ее мысли; но стоит страдальцу попытаться описать головную боль доктору, как язык немедленно пересыхает. Для него нет ничего готового. Он вынужден придумывать слова сам, беря боль

в одну руку и кусок чистого звука в другую <...>, дабы столкнуть их вместе так, чтобы в итоге получилось новое слово» [Woolf 2012, с. 6–7].

Небезынтересны и куда менее известные наблюдения У. Стайрона, изложенные им в автобиографическом очерке «Зримая тьма» (*Darkness Visible*). Пытаясь описать свои ощущения в состоянии острой стадии депрессии, Стайрон говорит о том, что он «задыхается», «тонет», но ни одно из этих описаний не отражает в полной мере «неуловимую природу его беды» (*elusive nature of such distress*). В конце концов, он констатирует, что его ощущения «неопишуты» [Styron 1992, с. 10].

Заметим, что боль представляет собой лишь частный случай ощущения и в указанных работах рассматривается как глобально телесное явление, без привязки к внешнему или внутреннему телу. Между тем, приведенные здесь рассуждения вполне могут быть распространены на область всех interoцептивных ощущений. Как справедливо замечает Дж. Бурк, все телесные события, включая болевые ощущения, являются испытанием для языка (*routinely test the limits of conventional language*), и те языковые формы, в которые отливается телесный опыт, являются продуктом изобретательства и активного экспериментирования (*emerge through invention and experimentation*) [Bourke 2014, с. 59].

Во всех указаниях на невыразимость ощущения отчетливо прослеживаются две основные линии: невозможность ухватить его сознанием и невозможность выразить его словами. Первое ограничение (которое Д. Биро называет «концептуальным отсутствием» [Biro 2010, с. 15]) уже рассматривалось нами ранее и связывалось со специфическими феноменологическими свойствами interoцептивного ощущения (см. раздел 2.1 Главы II), отсутствием необходимого перцептивного и когнитивного опыта, а также особенностями человеческого сознания. Второе ограничение (которое Биро называет «языковым отсутствием» [Там же]), связывается не только с «вербальной ущербностью» конкретного индивида, но и со скудостью соответствующей части словарного состава языка. Последнее положение нуждается в особом комментарии.

Существует устойчивое представление о крайней малочисленности и бессистемности словаря interoцептивных ощущений. По нашему убеждению, своим возникновением оно обязано тому, как именно происходит усвоение словарных единиц соответствующей группы. Так, словарь экстероцепции признается необходимым для усвоения и целенаправленно предъявляется человеку в весьма раннем возрасте. Что особенно важно, его усвоение осуществляется по парадигматическому принципу: ребенка с первых лет жизни целенаправленно обучают различению форм, цветов, звуков, вкусов, запахов и т. д., сопровождая предъявление стимула соответствующей единицей общеупотребительного, конвенционального словаря. Весь процесс обучения чаще всего строится

на сравнении и сопоставлении одновременно предъявляемых стимулов (фишки разных цветов, записи или имитация голосов разных животных, фигурки разных геометрических форм и т. д.). Тот же принцип соблюдается и при обучении иностранному языку и широко используется при составлении учебных пособий и дидактических материалов. Экстероцептивная лексика неизменно предъявляется *системно, списком* единиц. В результате у человека с детства формируется ощущение системности, объемности, насыщенности соответствующей части словаря. Словарь интероцепции усваивается совершенно иначе. Само перцептивное научение не может в полной мере направляться и регулироваться со стороны в связи с невозможностью предъявления перцептивного эталона. Невозможно произвольно вызвать у человека несколько качественно разных интероцептивных ощущений и предложить ему сравнить их, сопровождая стимул предъявлением той или иной словарной единицы. Кроме того, человек ограничен рамками собственного интероцептивного опыта и усваивает лишь те единицы и их сочетания, которые обозначают его собственные ощущения. Источником такой лингвистической информации для него чаще всего становится врач, который в ходе анамнестической беседы подсказывает ему, как лучше всего обозначить словесно то, что происходит в его организме, и предлагает ряд готовых языковых решений, руководствуясь, в первую очередь, явными клиническими проявлениями определенной соматической патологии. Другим источником является живое общение и чтение художественной литературы. Интероцептивный словарь, таким образом, распылен в глобальном дискурсивном пространстве, и человек лишен возможности воспользоваться готовым списком лексических единиц и словосочетаний. Он вынужден составлять этот список самостоятельно, по мере приобретения нового перцептивного и дискурсивного опыта. В результате, действительно, создается впечатление крайней скудости и бессистемности интероцептивного словаря, хотя на самом деле «бедность языка» — это зачастую лишь бедность идиолекта, незнание того репертуара языковых средств, которые используются в различных дискурсивных практиках. В свою очередь, незнание существующей лексики сказывается и на осмыслении интероцептивных ощущений, поскольку готовые вербальные решения могут направить когнитивный поиск перципиента в определенное русло и способствовать нахождению оптимального способа номинации. Возвращаясь к цитированному ранее эссе В. Вульф, при знании интероцептивного словаря человек не берет в руку «чистый звук», а перебирает готовые звуковые сочетания и составляет новые по аналогии. При этом он может использовать не только лексику тех же парадигматических рядов или комбинации из лексических единиц, но и синтаксические конструкции, употребленные в высказывании-эталоне.

3.2. Опыт систематизации словаря ощущений

The reason for the difficulty in expressing pain experience is not because words do not exist.

Ronald Melzack and Patrick D. Wall

Отсутствие развитого систематизированного словаря interoцептивных ощущений особенно остро ощущается во врачебной практике в ситуации анамнестической беседы с пациентом. Неспособность последнего четко обозначить испытываемые им ощущения затрудняет постановку диагноза и оказание необходимой помощи. Именно поэтому первые попытки систематизации словаря ощущений были предприняты отнюдь не лингвистами, а клиницистами.

Первой из таких попыток, описанной в литературе, был список Константина Херинга, составленный в 50-х годах XIX века с целью оказания помощи пациентам, испытывающим затруднения с вербализацией своих болевых ощущений. Список включал такие единицы, как *dull*, *pressing*, *throbbing*, *perforating* и другие. Кроме того, Херинг составил подробные описания различных типов болевых ощущений, характерных для того или иного заболевания (ср.: *the pain of neuralgia is sharp and lancinating, often darting through the part with the rapidity of lightning, or like an electric shock*) [Bourke 2014, с. 134]. Тем самым, К. Херинг фактически представил некоторый словарь, позволяющий перевести метафорику ощущения в терминологию нозологической единицы.

Тот же «списочный» принцип лег в основу упоминаемого ранее «опросника боли МакГилл» [Melzack & Wall 1996], который был составлен более ста лет спустя для помощи пациенту в оценке его соматического состояния. Проведя многочисленные опросы пациентов и изучив специальную медицинскую литературу, авторы составили список из 102 слов, которые они распределили на 3 большие группы в соответствии с обозначаемым аспектом болевого ощущения: 1) слова, описывающие сенсорные качества опыта в терминах временных, пространственных, температурных и других свойств (e.g. *shooting, stabbing, lacerating, tugging, stinging, aching, rasping, etc.*); 2) слова, описывающие аффективные качества и автономные свойства ощущения (e.g. *exhausting, terrifying, punishing, vicious, wretched*); 3) оценочные слова, которые описывают степень интенсивности болевого опыта (e.g. *annoying, miserable, intense, unbearable, etc.*). В составе групп было выделено 16 подгрупп, объединяющих слова, обозначающие качественно схожие ощущения (e.g. *sharp, cutting, lacerating; jumping, flashing, shooting; dull, sore, hurting, aching, heavy*). «Схожесть» определялась на основе оценок большинства респондентов-пациентов. В окончательный вариант опросника были введены дополнительные единицы, не объединенные никаким качественным параметром

и обозначающие дополнительные характеристики боли [Melzack & Wall 1996, с. 38–39].

Опросник получил высокую оценку в медицинских кругах и считается надежным диагностическим инструментом. Он представляет и несомненную лингвистическую ценность, поскольку является, по сути, первым опытом систематизации словаря телесных ощущений, основанном на семантическом критерии, в отличие от других известных опросников, которые позволяют лишь оценить интенсивность боли, никак не обозначая само ощущение (Pain Self Efficacy Questionnaire²³, Pain Impact Questionnaire²⁴ и другие). Сам М. Мелзак видел ценность опросника в том, что он «узаконил» употребление простых, бытовых слов для обозначения ощущения и дал пациентам возможность использовать готовые, причем простые и понятные, формулировки — те самые формулировки, которые они обычно используют при общении с близкими людьми, но считают неприемлемыми для описания своего телесного опыта врачам [Melzack 1975, с. 283].

Лингвистическая ценность опросника заключается и в том влиянии, которое он оказал на дискурс ощущений. Исследования показывают, что язык боли претерпел существенные изменения за период, прошедший с момента внедрения опросника в практику общения с пациентами. Некоторые конкретные языковые данные, касающиеся вербализации ощущений в фантомной конечности, представлены в работе К. Кроуфорд. По ее наблюдениям, после 1975 года (год публикации опросника) в научной литературе по фантомной конечности дескрипторы Мелзака стали активно вытеснять ранее используемую терминологию. В речи пациентов традиционные дескрипторы *wrinkled*, *swollen*, *glowing*, *dry*, *furry* также заменяются предложенными Мелзаком терминами *lancinating*, *lacerating*, *knifing*, *smarting*, *dreadful* и *wretched*. Последствия такого перехода гораздо более глобальны, чем можно было бы предположить, поскольку официальная терминология Мелзака способствовала конструированию боли там, где изначально ее не было (многие ампутанты описывали свои ощущения скорее как приятные, чем болезненные). Фантомные конечности *стали* болеть после того, как пациенты перешли на язык боли [Crawford 2009, с. 659].

Данное явление именуется в литературе термином «ретроекция» и описывается как процесс, в ходе которого происходит интериоризация тех способов переживания ощущения, которые фиксируются языком. Как пишет М. Киммель, метафоры, телесные образы и символы начинают ощущаться внутри тела после их многократного, часто многолетнего, предъявления человеку в дискурсивной практике [Kimmel 2008, с. 99–101].

²³ www.vwa.vic.gov.au

²⁴ www.qualitymetric.com

Таким образом, дискурс ощущения способен влиять на его феноменологию. В данном случае, например, стирается квалификационная грань между болью и не-болью, и возникновение любого ощущения воспринимается как некоторая сенсорная аномалия, которая требует медицинского вмешательства, и именуется болью.

Влияние опросника на дискурс ощущений осуществляется и посредством того специфического формата, который он задает нарративу боли. Содержа исключительно прилагательные и причастия и представляя их как «правильные», «канонические» описания боли, опросник заставляет экспериенцера отказаться от глагольной лексики, которая в большей степени способна передать событийный характер ощущения и заставляет его прибегать к характеризующим моделям (*The pain was stinging; The sensation in my stomach was gnawing*, etc.). Чаще, однако, от пациента вовсе не требуется построения полноценных предикативных структур, и он может ограничиться перечислением однословных дескрипторов, что лишает его возможности повествовать о своих ощущениях и в определенной степени мешает развитию его способностей к артикуляции перцептивного опыта. Унификация языка боли естественным образом приводит к его обеднению, к предельной схематизации многих описаний, которые до активного внедрения опросника в практику носили пространственный, многокомпонентный характер и позволяли более точно описать субъективный перцептивный опыт (многочисленные примеры таких изменений приведены в монографии Дж. Бурк [Bourke 2014]). Таким образом, давая язык пациентам, которые не умели описывать собственные ощущения, опросник одновременно с этим лишал языка тех, кто обладал собственным развитым словарем, вынуждая их отказываться от индивидуализированных и полноформатных описаний. Критика опросника, как правило, связана именно с предельным сужением спектра лексики. Как отмечает Д. Биро, «врачи чувствуют себя неудобно с предлагаемым в опроснике метафорическим языком, а пациентам нужен еще более метафорический язык» [Biro 2010, с. 13].

Хотелось бы отметить также, что опросник не лишен и недостатков собственно лингвистического плана. Так, например, наблюдаются случаи нарушения целостности семантических рядов: «температурные» прилагательные представлены не в одной, а в двух группах, причем «горячие» прилагательные (*hot, burning, scalding, searing*) отнесены к сенсорной группе, а «холодные» (*cool, cold, freezing*) — к дополнительной. Кроме того, в одной подгруппе могут оказаться прилагательные, описывающие конкретное, более или менее четко локализуемое ощущение (*annoying, intense, unbearable*) и общее состояние перципиента (*miserable*). Как бы то ни было, ценность данного опросника несомненна, поскольку он является первой серьезной попыткой систематизации перцептивной лексики, в ос-

нове которой лежат четко эксплицированные принципы. Именно опросник МакГилл в значительной степени послужил толчком к изучению языка боли в лингвистике и является отправной точкой многих исследований в данной области, в частности работ Э. Семино [Semino 2013] и Х. Ласкариту [Lascaritou 2007]. Вдохновленные попыткой Р. Мелзака, ученые пытаются выявить общие организующие начала словаря болевых ощущений и составить таксономии лексических единиц. Особого внимания заслуживает работа М. А. К. Халлидея «О грамматике боли» [Halliday 1998], в которой продемонстрирована возможность альтернативной концептуализации боли: как процесса, качества или предмета. В отечественной лингвистике словарь боли также является объектом серьезного научного изучения. В работах Е. В. Рахилиной, например, были выделены и описаны предикаты боли, определены источники метафорической проекции на область болевых ощущений, изучена лексическая сочетаемость глаголов боли, проведено типологическое исследование с целью выявления способов концептуализации боли в разных языках [Рахилина 2007; Рахилина 2010]. Следует отметить, однако, что боль понимается в исследованиях Е. В. Рахилиной и ее соавторов достаточно широко, и к категории болевых отнесены ощущения, не являющиеся болевыми в строгом смысле этого слова (например, «урчит в животе», «щипит в носу»). Такой подход отчасти сопрягается с отмеченной выше тенденцией к стиранию границ между болью и не-болью и созданием единого нарратива ощущений. Авторы исследования ссылаются на субъективность перцептивного опыта и широкую вариативность в оценке качества ощущения (то, что оценивается как боль одним человеком, для другого болью не является) [Бонч-Осмоловская 2007]. Мы, однако, склоняемся к более дробному членению перцептивного опыта, и используемый нами термин «интероцептивные ощущения» представляется более удачным в том смысле, что он позволяет избежать искусственного объединения феноменологически разных ощущений в одну группу. Одновременно с этим, мы хотели бы подчеркнуть, что термины «интероцептивное ощущение» и «боль» отличаются не только объемом обозначаемого понятия, но и сферой применения, поскольку «боль» охватывает как внутри-, так и внешнетелесный опыт, а мы ограничиваемся изучением лишь тех ощущений, которые локализируются в пространстве внутреннего тела. Словарь болевых ощущений, несомненно, является частью интероцептивного словаря, однако мы намерены охватить по возможности весь спектр лексических средств, используемых для артикуляции внутрителесного опыта. Таким образом, наше исследование сопрягается с популярным направлением «язык боли», но осуществляется в другой перспективе и с другими исследовательскими задачами.

3.3. Метафоричность как базовое свойство словаря интероцептивных ощущений

*Metaphor lives a secret life all around us.
We utter about six metaphors a minute.*

James Geary

В трудах современных ученых метафоричность единодушно признается наиболее базовой, сущностной чертой интероцептивного словаря, в том числе и словаря болевых ощущений (см. [Тхостов 2002; Рупчев 2001; Ефремова 1997; Поляков 2007; Biro 2010; Scarry 1985; Semino 2013]). Это единодушие, однако, не означает полного единства во взглядах относительно трактовки метафоричности и оценки роли метафоры в вербализации субъективного телесного опыта.

Так, например, в психологической литературе часто встречаются суждения, плохо согласующиеся с теми представлениями о метафоре, которые сложились в современной лингвистике. Показательна в этом отношении работа О. В. Ефремовой, в которой развитие индивидуальной сетки интероцептивных значений связывается с двумя четко разведенными процессами: 1) объективацией ощущений с помощью медицинской терминологии и усвоенных простейших диагностических процедур; 2) субъективацией, выраженной в метафорическом описании ощущений [Ефремова 1997, с. 35]. Фактически О. В. Ефремова выделяет две группы единиц в составе интероцептивного словаря: конвенциональные наименования, образующие, как пишет автор, сетку «культурных» значений, и метафорические, обеспечивающие индивидуализацию в описании ощущений. Предлагаемая О. В. Ефремовой схема не учитывает принципиальной метафоричности самой устоявшейся системы «культурных значений», составляющих терминологический фонд медицины. «Резь», «жжение», «покалывание», «пощипывание» и множество других общепринятых дескрипторов, несомненно, являются метафорами. Их метафоричность не ощущается лишь потому, что активно используя и в обиходе, и в специализированном медицинском дискурсе на протяжении уже нескольких столетий, они стерлись и приобрели характер речевых штампов. Стертая метафора, однако, продолжает оставаться метафорой, и именно она, по мнению многих когнитивистов, является наиболее благодатным материалом для изучения принципов осмысления одного явления в терминах другого (см. например, [Lakoff & Turner 1989; Müller 2008]). Приведем также весьма спорное в лингвистическом плане высказывание К. Ласкариту, которая пишет о том, что если пациенты используют метафорический язык, это означает, что они испытывают трудности с «эксплицитным описанием собственных ощущений» [Lascaritou 2007, с. 174–175]. По-видимому, Лас-

каристу исходит из классической «языковой» (стилистической) трактовки метафоры, поскольку в действительности избежать употребления метафорических форм в интероцептивном дискурсе невозможно, если только перципиент не отказывается от квалификации ощущения и не ограничивается указанием на его локализацию («болит живот») и общей аксиологической оценкой (хорошо / плохо). Совершенно неприемлемой для нас является и идея о том, что использование метафоры свидетельствует о неспособности описывать собственные ощущения. Напротив, мы убеждены, что именно богатая, разнообразная метафорика является показателем когнитивной освоенности интероцептивных ощущений и развитости навыков их артикуляции. Этой позиции придерживается и Д. Биро, который призывает «постоянно оживлять» метафорический язык ощущений [Biro 2010, с. 216]. Метафоры, по его словам, устаревают и, подобно антибиотикам, приобретают резистентность, которая лишает их описательной и объяснительной силы. Сказать, что у вас раскалывается голова, уже недостаточно; фраза стала настолько банальной, что она не позволяет нам действительно *увидеть* это ощущение. Эффективная коммуникация перцептивного опыта требует постоянной работы над оживлением стертых и стирающихся образов [Там же].

Нам представляется, что стилистическая трактовка метафоры является малопродуктивной при описании словаря интероцептивных ощущений. Она порождает избыточную фрагментацию языкового пространства интероцепции, заставляя видеть дихотомические противопоставления (конвенциональное — метафорическое) там, где их нет. Кроме того, как наглядно продемонстрировала К. Ласкаристу, она навязывает представление о ценностной иерархии языковых средств (конвенциональное — правильное и «хорошее», метафорическое — неправильное и «плохое»). Следует учесть также, что степень стертости старых конвенциональных метафор может существенно разниться, и границы этого якобы неметафорического класса неизбежно окажутся размытыми, что ни в коей мере не способствует созданию последовательных, непротиворечивых классификаций. Гораздо большими исследовательскими перспективами обладает концептуальная трактовка, позволяющая видеть метафору за устоявшимися словопотреблениями и описывать системные связи между внешне не связанными языковыми формами.

С точки зрения когнитивной лингвистики, метафора не является простым заместителем некоторого буквального выражения [Croft & Cruse 2004, с. 194] и функционально не сводится к приданию речи большей выразительности. Метафора является средством осмысления предметов и явлений окружающего мира и оказывается незаменимым инструментом когнитивного освоения непредметных, абстрактных сущностей. Как справедливо отмечает Д. Биро, при вербализации интероцептивных ощущений

«мы не делаем осознанный выбор в пользу метафоры, мы вынуждены прибегать к ней в связи с полным отсутствием буквального языка. Это либо метафора, либо отсутствие языка» [Виро 2010, с. 73].

По отношению к интероцептивному ощущению метафора выполняет целый ряд функций, важнейшие из которых могут быть сформулированы следующим образом:

- 1) Метафора объективирует ощущение. Как было показано в Главе II настоящей работы, специфика внутрителесного ощущения заключается в том, что оно лишено элемента внешней вещественности. Ощущение — это безобъектный феномен, и как таковой оно не оформляется в полноценный объект сознания без посредства дополнительных ментальных процедур. Метафора оформляет ощущение, придает ему реальность, выступая в этом смысле как своеобразный инструмент миропорождения.
- 2) Метафора позволяет структурировать глобальный, синкретичный внутрителесный опыт, сообщая ему структуру, форму и цель и тем самым делая его более понятным. Метафора устанавливает определенные ориентиры в хаосе внутрителесных ощущений, сообщает этим ощущениям новую степень реальности [Рупчев 2001, с. 53] и создает иллюзию их контролируемости (ср.: «метафора обещает нам контроль над опытом» [Виро 2010, с. 125]). «Понять» ощущение, «представить» его, определить причины его возникновения значит демистифицировать его, лишить его пугающей аморфности и определить для себя способ дальнейшего сосуществования с ним.
- 3) Метафора дает возможность коммуникации интероцептивного опыта [Тхостов 2002, с. 52], позволяет сообщить о сугубо индивидуальных, субъективных переживаниях другому человеку. Она позволяет преодолеть онтологический раздел между реальностью субъекта, испытывающего ощущение, и реальностью другого, находящегося вне этого ощущения и не способного пережить его во всей совокупности качественных и количественных свойств. Эти радикально различные реальности совмещаются лишь посредством их соотнесения с элементами общего опыта, лежащими за границами индивидуального внутрителесного пространства. Метафора является тем когнитивным механизмом, который обеспечивает это соотнесение. Создание специального, терминологического, «буквального» словаря интероцептивных ощущений эвристически бесперспективно, поскольку не имея возможности сравнить свой субъективный телесный опыт, члены лингвокультурного сообщества оказались бы не в состоянии обеспечить согласованность в использовании терминов, их одинаковое смысловое наполнение от одного носителя языка к другому.

- 4) Соотнося внутрителесное с внешнетелесным, метафора обеспечивает континуальность телесного опыта, препятствуя его дроблению на самостоятельные, несоприкасающиеся и несовместимые фрагменты. Метафора обеспечивает и компактность словаря телесного опыта, позволяя максимально эффективно использовать имеющиеся, хорошо апробированные языковые формы. Метафора снимает с человека часть «когнитивного бремени» [Gibbs 1997, с. 146], избавляя его от необходимости удерживать в памяти множество разрозненных, не связанных между собой понятий. Она позволяет «сопоставлять несопоставимое и соизмерять несоизмеримое» [Арутюнова 1990, с. 6].
- 5) Метафора является концептуальным механизмом, обеспечивающим формирование устойчивых когнитивных моделей интероцептивных ощущений. Сформировавшаяся метафорическая проекция по мере укоренения в индивидуальном и коллективном когнитивном пространстве задает определенный формат метафоризации, позволяя экспериментировать с различными языковыми средствами в пределах одного домена. Результаты такого экспериментирования могут закрепляться в когнитивном пространстве, тем самым дополняя и расширяя существующие когнитивные модели.

Признавая метафоричность базовым свойством словаря интероцептивных ощущений, мы неизбежно приходим к вопросу о тех доменных областях, которые служат источником метафорической проекции на область внутреннего тела. Согласно рассмотренной ранее теории воплощенного значения, основными компонентами смыслообразования являются телесно восчувствованный опыт движения и перцептивного взаимодействия с объектами окружающего мира. Данные виды деятельности можно разделить лишь условно, поскольку в реальности они предполагают друг друга и осуществляются в сложном переплетении моторных и сенсорных актов. Тем не менее, они представляют собой феноменологически разные виды действий и могут осмысляться независимо друг от друга, что подтверждается наличием определенного набора языковых единиц, кодирующих каждый из этих видов деятельности отдельно.

3.4. Экспериенциальный домен «экстероцептивное взаимодействие с окружающей средой»

*The fingers bracketing the world are
themselves smeared with the ink of this world.*

Emmanuel Levinas

Как мы уже писали в Главах I и II настоящей работы, взаимодействие с внешней средой с помощью так называемых экстероцепторов является важнейшим фактором и неотъемлемой частью процесса смыслообразования, в том числе и при осмыслении интероцептивных ощущений. Именно эта среда постоянно и планомерно осваивается человеком с момента рождения, именно в ней находятся предметы и происходят события, воспринимаемые множеством людей, чем обеспечивается возможность верификации индивидуального опыта, именно здесь создается тот общий контекст, который обеспечивает понимание между отдельными членами языкового коллектива. В связи с этим представляется естественным стремление «сконструировать» ненаблюдаемый мир внутри тела по аналогии с наблюдаемым и хорошо знакомым миром вокруг тела.

Экстероцептивный опыт составляет основу для формирования практически всех когнитивных моделей интероцептивных ощущений: соотносительных (через манипулирование с предметами и участие в их создании, а также через участие в социальных и коммуникативных практиках), пространственных (через чувственно воспринимаемые параметрические, геометрические и другие свойства окружающей среды и находящихся в ней объектов), кинематических (через наблюдение за кинетическим поведением объектов), образов (отражающих результаты зрительного, слухового, осязательного и других видов восприятия). Экстероцептивное взаимодействие с внешней средой формирует и каузативную модель, объединяющую результаты различных типов опыта.

Данный домен представляет собой сложное, многокомпонентное образование, в котором не всегда удастся четко развести различные типы перцептивного опыта, поскольку человек чаще оказывается «вдвйствован» в мир как целостное существо и воспринимает происходящее в нем, действуя максимально возможное количество каналов. В связи с этим при анализе материала представляется целесообразным исходить не из типов восприятия, а из типов объектов и явлений, с которыми человек находится в телесном взаимодействии.

3.4.1. Субдомен «орудия»

Any tool is a weapon if you hold it right.

Ani DiFranco

Одной из важнейших групп предметов, с которыми человек взаимодействует в повседневной жизни, являются орудия. Следует особо оговорить, что термин «орудие» используется нами для обозначения двух типов объектов, соответствующих категориям «оружие» и «орудие», причем один и тот же объект может входить в обе категории в зависимости от способа использования. Как пишет Э. Скарри, различие между этими двумя категориями заключается в том, на какую поверхность предмет оказывает воздействие. Мы называем предмет оружием, когда он воздействует на чувствительную поверхность, и орудием, когда он взаимодействует с нечувствительной поверхностью. Нож, которым режут живую корову или лошадь, — это оружие, а нож, который разрезает уже неживую плоть за ужином, — это орудие. Молоток, которым прибивают человека к кресту, — это оружие, а молоток, используемый для изготовления креста, — это орудие [Scarry 1985, с. 173]. Существуют, однако, предметы, категориальная принадлежность которых не определяется описанным выше критерием. Скальпель, например, формально является оружием, поскольку изначально предназначен для воздействия на чувствительную поверхность, но по сути принадлежит к категории орудий, так как создан для выполнения определенных производственных операций, конечная цель которых не заключается в убийстве человека или нанесении ему увечий [Там же]. В дальнейшем мы воздержимся от точного определения функционального статуса предмета в каждом конкретном случае, ограничившись употреблением более общего термина «орудие».

Орудийная метафора широко употребляется в интероцептивном дискурсе. Причины ее популярности очевидны. Во-первых, манипуляции с орудиями составляют основу человеческого опыта и, по мнению сторонников классической теории эволюции, являются главным фактором возникновения и развития человека как биологического вида. Орудия используются во всех сферах человеческой жизни: профанной и сакральной, повседневной и ритуально-праздничной, созидательной и разрушительной. Основные принципы манипуляции с орудиями в практической или теоретически-умозрительной форме усваиваются с первых лет жизни человека, они общедоступны и общепонятны, разделяются всеми членами лингвокультурного сообщества и являются основой для межсубъектного взаимодействия. Воздействуя с помощью орудий на окружающий мир, человек познает их созидательный и деструктивный потенциал, формируя устойчивые представления о взаимоотношениях между типом и способом воздействия и наступившими последствиями. Он и сам часто

становится объектом такого воздействия, когда случайно или преднамеренно орудие обращается против него, и его представления о разрушительных аспектах орудийной деятельности получают непосредственное сенсорное подкрепление.

Кроме того, орудийная метафора обладает значительной емкостью и гибкостью, позволяя представить разные аспекты описываемой ситуации: основным фокусом внимания может стать размер орудия, его конфигурация, принципы его работы, сила оказываемого им воздействия и последствия этого воздействия на человеческое тело, его кинетические характеристики и т. д. Таким образом, орудийная метафора объемна и полифонична, она задает формат для нарратива ощущения, давая возможность «прописать» отдельные компоненты более детально и рельефно, а другие лишь имплицировать. Орудийная метафора придает интероцептивному ощущению контекстуальность, вписывая его в общий телесный опыт и открывая внутреннее тело для взаимодействия с окружающим миром.

Орудийная метафора обширно манифестируется в интероцептивном дискурсе, демонстрируя широкие номинативные возможности и способности к модификации. Наиболее часто к ней прибегают при описании болезненных интероцептивных ощущений, отличающихся высокой интенсивностью и имеющих более или менее четкую локализацию во внутрителесном пространстве. Заметим, что неоднократно упоминавшийся ранее опросник МакГилл включает значительное число орудийных метафор, закрепляя и «узаконивая» их использование в дискурсе ощущений: *shooting, boring, drilling, lancinating, searing* и др.

Орудийная метафорика боли неизбежно связана с идеей физического повреждения тела. Наличие или отсутствие реального воздействия на тело рассматривается некоторыми исследователями как важный фактор, определяющий выбор когнитивного механизма осмысления возникающего ощущения. По мнению Э. Семино, выражения типа «острая боль» следует рассматривать как проявление метонимии, если они употребляются в ситуации, когда на тело действительно воздействует острый предмет (свойства предмета проецируются на вызываемое им ощущение). Если же такого воздействия в реальности нет, следует говорить о метафоре [Semino 2010, с. 2]. В нашем случае ситуация первого типа невозможна, поскольку непосредственное воздействие орудия на внутреннее тело осуществлено быть не может, что позволяет нам рассматривать все приведенные ниже высказывания как примеры метафоры.

Важный вопрос возникает в связи с использованием широкого спектра лексики, метафорически обозначающей некоторое экстремальное по своей разрушительной силе воздействие на тело: *stab, lance, hammer, bore* и т. д. Представляется весьма сомнительным, чтобы человек имел непосредственный телесный опыт такого рода. Это обстоятельство за-

ставляет усомниться в правомерности тезиса о том, что перцепиент проецирует на внутреннее тело то, что он испытал телом внешним. Интересное объяснение предложено в коллективной монографии «Образный язык, жанр и регистр» [Deignan et. al. 2013], где высказано предположение, что незнакомый телесный опыт, такой, например, как ощущение от удара ножом, представляет собой «экстремальную версию» более простых и часто происходящих болевых событий, например, укола иглой. Используя метафору ножевого удара, перцепиент профилирует семантику грубого проникновения, существенно повреждающего тело [Ibid., с. 271–272]. Иная точка зрения была изложена А. Глуклихом. Он предположил, что в подобных случаях метафора является аналогией, основанной на визуальных и темпоральных соответствиях. Так, например, если боль характеризуется внезапным началом и внезапным же завершением и ограничена небольшим пространством, мы называем ее «стреляющей болью» (shooting pain). Она напоминает «визуальную форму» выстрела, а не те болевые ощущения, которые возникают в результате реального выстрела в тело [Glücklich 1998, с. 396–397]. Следуя этой логике, можно заключить, что описывая ощущение с помощью метафоры стрельбы (*I have a shooting pain in my stomach; it felt as if I was shot in the stomach*), перцепиент в значительной степени абстрагируется от образа огнестрельного оружия и фокусируется лишь на скорости, внезапности и интенсивности повреждающего воздействия.

По наблюдениям Э. Скарри, наибольшей популярностью пользуются две тактики номинации ощущения, основывающиеся на орудийной метафоре: 1) указание на внешний источник ощущения, орудие, которое вызывает его (*It feels as though a hammer is coming down on my spine*) и 2) указание на специфическое повреждение тела, которое изображается как сопровождающее это ощущение (*It feels as if my arm is broken at each joint and the jagged ends are sticking through the skin*) [Scarry 1985, с. 15]. Рассмотрим каждый из выделенных типов более подробно.

В рамках первого типа наблюдается широкое разнообразие вариантов с использованием различных лексических и синтаксических средств.

Наиболее простым, наглядным и «чистым» случаем орудийной метафоры является прямое указание на орудие, с воздействием которого связывается возникновение того или иного ощущения. Орудие может выступать в качестве самостоятельного каузатора ощущения вне явной связи с использующим его субъектом: *She felt as if a blade had pierced her heart* (L. Goldstein. *Strange devices of the Sun and Moon*); *Suhag felt as if sharp needles were pricking her all over her body* (K. Solti. *Mitro Marjani*). Оно само наделяется субъектной инициативой и отчасти персонифицируется, благодаря чему в позиции предиката могут использоваться глаголы, обозначающие сугубо человеческие действия, семантика которых не сводится

к физическому воздействию: *Invisible needles kept torturing the back of my throat (R. Vajra. Layna's mirror)*. В описаниях такого рода допускается варьирование количественных параметров ощущения. Интенсивность ощущения связывается, прежде всего, с размерами воздействующего на тело орудия: *I stood there and felt as if a **great hammer** had smashed upon my head (Sh. Abe. The treasure keeper)*. Широколокализованное интенсивное ощущение может описываться также как возникающее в результате воздействия множества однотипных орудий: *He felt as if a **hundred knives** were digging into his lower back (COCA)*.

Специалисты в области медицины боли отмечают, что пациенты часто подчеркивают, сознательно преувеличивают физические свойства орудия, выступающего в качестве агента, полагая что эффект высказывания в этом случае будет выше. Так, вместо того, чтоб просто назвать боль колющей (как предлагает опросник МакГилл), они могут указать на тип, размер ножа или говорить о множестве ножей. Подобные образы делают болевой опыт более значимым для пациентов и, в идеале, для врачей, которые должны «видеть боль» и верить в нее, прежде чем приступить к лечению [Biro 2010, с. 116].

Примечательно, что реализуясь в роли агенса, орудие может выступать не как каузатор, а как носитель ощущения. Ощущение в этом случае интерпретируется не как имманентно телесное явление, а как нечто привносимое во внутрителесное пространство извне. Орудие воплощает его, придавая ему конкретную, осязаемую форму: *A sharp spear of pain stabbed me (J. Kirkpatrick. Love to water my soul); My left shoulder hurt like hell, and a knife of pain stabbed through my right ankle (L. Grant. Love nor money)*.

Метонимический перенос «орудие — болевое ощущение» (корректнее в данном случае все же говорить об оружии) возникает благодаря усвоенной причинно-следственной связи между использованием первого и появлением последнего. Э. Скарри остроумно называет это явление «ментальной привычкой узнавать боль в оружии» [Scarry 1985, с. 16]. Заметим, что в описаниях подобного рода используются исключительно наименования колюще-режущего оружия (*a spear / knife / dagger of pain*), но никогда огнестрельного либо адаптированного для деструктивных целей орудия производства (ср.: **a gun / hammer of pain*). По-видимому, это объясняется исторической приоритетностью колюще-режущего оружия, привилегированным статусом соответствующих единиц в лексическом и фразеологическом фонде языка, а также наличием определенной эстетической составляющей в его использовании. Примечательно, что именно образ колюще-режущего оружия широко используется в изобразительном искусстве для визуализации болевых ощущений (показательны в этом отношении работы Ф. Кало).

Следует отметить, что агентивная семантика все же не совсем типична для орудийной лексики. При описании интероцептивного ощущения лексемы, обозначающие орудия, чаще обладают более свойственной им семантикой инструмента воздействия: орудие — это то, **чем** действуют, а не то, **что** действует. Такое смещение фокуса предполагает введение в описание субъекта, использующего орудие. Примечательно, что в «интероцептивном высказывании» субъект всегда обезличен, и указание на него производится с помощью неопределенного местоимения: *It felt as if someone had stabbed me with a branding iron* (S. W. Carter. *The bear who sang opera*); *His knees felt as if someone had bisected them with a hatchet* (S. Isaacs. *Lily White*).

Введение в описание субъекта, пусть и обезличенного, позволяет использовать в орудийной функции объекты весьма не тривиальные, которые сами по себе не обладают деструктивным потенциалом и тем более не предназначены для воздействия на живое тело. Для их орудийного использования требуется интенция и в определенной степени креативность — состояния и качества, свойственные исключительно человеку: *It felt as if someone stuck a spoon into the back of my throat and dug out something that clung there fiercely by its roots* (C. O. Keefe. *Maze of trees*); *It felt as if someone had run a steel wool pipe cleaner briskly through my chest cavity* (R. K. Morgan. *Altered carbon*); *Then came the pain. It was unbelievable, unbearable, excruciating. It was as though someone had laid a white-hot poker across your backside and pressed hard* (R. Dahl. *Lucky break. How I became a writer*).

Обезличенность, анонимность субъекта делают возможным его изъятие из поверхностной структуры предложения. Так, высокой частотностью употребления обладают высказывания, задействующие пассивную конструкцию: *it felt as if a sword were being twisted in his chest* (S. Baxter. *Formidable caress*); *I felt as if I'd been hit with a sledgehammer* (L. Picker. *I'm pregnant... so why am I sad*).

Из поверхностной структуры предложения может быть изъято и название самого орудия. Орудия обладают функциональной спецификой: нож предназначен для того, чтобы резать, дрель — чтобы сверлить, молоток — чтобы ударять, ружье — чтобы стрелять и т. д. Ассоциация между орудием и производимым им действием настолько прочна, что само орудие имплицитно не только в глаголе, обозначающем действие (*stab, bore, pierce, shoot, etc.*), но и в производном от него прилагательном, составляющим часть конвенционального перцептивного словаря (*stabbing, boring, piercing, shooting, etc.*): *Lowell felt as if he'd been shot through the chest* (B. J. Friedman. *The Savior*). Воспользовавшись вышеупомянутым опросником МакГилл, Лоуэлл мог бы описать свое ощущение как *shooting pain*. Орудийная метафора в этом случае выступает не столь рельефно, но

ее стержневая роль в построении interoцептивного высказывания по-прежнему не вызывает сомнений.

Таким образом, в пределах данного типа высказываний для описания схожих по своим качественным и количественным параметрам ощущений могут использоваться следующие типы конструкций: *He felt as if a knife had stabbed him in the heart; He felt as if someone had stabbed him in the heart (with a knife); He felt as if he had been stabbed in the heart (with a knife); He felt as if a knife of pain had stabbed him in the heart; He had a stabbing pain in the heart.*

Во всех вышеописанных типах предложений орудие выступает в качестве инструмента внешнего воздействия или агента, действующего извне.

Однако в современном английском языке ощущение может описываться как нахождение орудия во внутрителесном пространстве, при этом оказываемое им воздействие не эксплицируется: *His heart was spike-iron in his chest (S. King. Gramma).* В данном случае речь идет о боли в сердце, вызванной сильным страхом и причиняющей существенный дискомфорт. Пример примечателен тем, что высказывание соответствует классической структуре метафоры **A is B**, несмотря на нетривиальность используемого образа. Гораздо чаще встречаются структуры, содержащие сравнение, которые позволяют подчеркнуть субъективный характер восприятия ощущения: *Each breath felt like a spear in his ribs (B. A. Johnston. Corpus Christi).* Аналогичный эффект достигается при конструировании сравнения через модус кажимости: *The tines of a large chrome fork seemed to be planted deep in her flesh (S. King. Needful things).*

Заметим, что подобная тактика репрезентации ощущения используется в некоторых формах болевой терапии: пациенту предлагают представить оружие или инородный предмет внутри тела и затем мысленно вытолкнуть его — данный процесс имеет прецедент в древних практиках, когда шаман или врач миметически выталкивали боль из тела некоторым предметом соответствующей формы [Scarry 1985, с. 17].

Сам факт нахождения во внутрителесном пространстве инородного предмета, который к тому же является объектом неорганической природы, представляется аномальным и устойчиво ассоциируется с телесным дискомфортом. В связи с этим указание на способ воздействия этого предмета на внутреннее тело представляется избыточным.

В большинстве случаев в высказываниях подобного рода орудие предстает как объект статичный: не перемещающийся во внутрителесном пространстве и не выполняющий действий, для которых предназначен. Изменение этого состояния вызывается активностью перцепиента и увеличивает интенсивность ощущения: *So he somehow managed to lean over again, awakening rusty bandsaws in his legs as he did so (S. King. Misery).*

Особый интерес представляют лексические единицы, образующие конверсионные пары существительное — глагол. Благодаря своим деривационным особенностям, они позволяют «стягивать» указание на орудие и описание выполняемого ими действия в универб, используемый в функции предиката. Такие словоупотребления по сути представляют собой свернутые сравнительные обороты, в которых имплицитруется ряд дополнительных признаков действия: *My heart is hammering as I stare breathlessly at the pale-yellow beads, casually twined into an anklet* (S. Kinsella. *Twenties girl*) = *My heart is beating hard, fast and steadily like a hammer*.

В контексте допустима экспликация этих дополнительных признаков, что позволяет представить interoцептивное ощущение более конкретно, в отвлечении от других, менее существенных в данный момент, аспектов: *His heart was hammering hard, and he felt droplets of cold sweat nestled at each temple* (S. King. *Thinner*); *Her heart was jackhammering wildly in her throat* (S. King. *Needful things*). Отмечаются случаи употребления таких единиц в вербоидной форме в атрибутивной функции: *But his triphammering heartbeat did not slow* (S. King. *Thinner*). Подобные описания отличаются компактностью и значительной смысловой емкостью, в полной мере демонстрируя номинативный потенциал орудийной метафоры.

Второй тип высказываний, выделенный Э. Скарри, обнаруживает гораздо меньшую вариативность и характеризуется меньшей частотностью употребления. Напомним, что в высказываниях этого типа в фокусе внимания находится «повреждение тела». Очевидно, что это повреждение вызвано воздействием определенного орудия, но сам вид орудия представляется неважным, и в фокусе внимания находится характер или масштаб нанесенного воздействия: *Describing it now, I can say it felt as if a narrow hole had been scooped out, or drilled, right behind my sternum, toward the lower end of it, where the lower-most ribs come together* (J. D. Houston. *Faith*); *I stare after him, feeling crushed* (S. Kinsella. *Twenties girl*); *His head was throbbing with such pain that he felt as if his skull had been split in two* (A. Mendez. *First defeat*). Ощущение в данном случае предстает как результат, итог воздействия орудия, сам процесс воздействия выносится за скобки.

В поле зрения Э. Скарри не попал еще один тип высказываний, в котором непосредственное указание на орудие отсутствует, но упоминаются объекты, являющиеся неотъемлемой частью или продуктом определенного типа орудийной деятельности. Этот объект или продукт помещается во внутрителесное пространство, и ощущение связывается именно с его присутствием, а не с воздействием орудия, посредством которого этот объект был помещен туда: *Do you want to go back to owning a pair of hands that feel full of shrapnel?* (S. King. *Needful things*); *After almost twenty hours in the dampness, his legs felt as if someone had studded them with rusty nails*

(*S. King. Misery*). Несомненно, высказывания такого рода являются модификацией базовой орудийной метафоры, и орудие, парадигматически связанное с указанным объектом, легко реконструируется в контексте.

В корпусе интероцептивных высказываний, базирующихся на орудийной метафоре, встречаются крайне экзотические образования, обладающие признаками катахрезы. Так, например, болевое ощущение описывается как явление одновременно органическое и артефактное: *A spear of hungry pain bolted up her forearm to the elbow (S. King. Needful Things)*. По-видимому, в стремлении создать максимально яркое, неклишированное описание, автор (бессознательно или намеренно) соединил в интероцептивном высказывании две метафорические модели: зоо-/антропоморфную и орудийную. Они могут быть разведены посредством несложной трансформационной процедуры: *Hungry pain which felt as sharp as a spear...*, но определенная степень катахретичности при этом сохраняется, усиливаясь семантикой предиката, плохо согласующейся с одушевленностью.

Совмещение (не всегда удачное) различных метафорических моделей наблюдается и в следующих высказываниях, которые мы приведем без комментариев: *There was a hot, glassy spear of pain in his left hand (S. King. Thinner)*; *Despite the morphine, Cedric felt a sudden stab of white-hot, crushing pain (R. Cook. Mortal fear)*; *she often felt as if she were being lightly stung all over her body by a dentist's drill (H. Kimmel. Iodine)*.

Подводя итог, можно отметить, что орудийная метафора является эффективным средством объективации внутрителесного опыта. Парадоксальность ситуации заключается в том, что орудие, будучи инструментом разрушения тела в мире физическом, становится инструментом его созидания в мире дискурсивном.

3.4.2. Субдомен «живые существа»

I have given a name to my pain, and call it "dog".

Friedrich Nietzsche

Важнейшей частью экстрацептивного опыта человека является взаимодействие с населяющими мир живыми существами — людьми и животными. В Главе II мы уже писали о том, что это взаимодействие может осуществляться в тактильной, зрительной или слуховой форме, способствуя возникновению когнитивных образов соответствующих модальностей, а также становлению кинетической модели ощущений и разнообразных блендов, объединяющих концептуальные структуры разных типов. Опыт взаимодействия с живыми существами — это чрезвычайно сложное, многокомпонентное и многоаспектное образование, и его результаты могут

экстраполироваться на сферу interoцепции множеством разнообразных способов.

Первое, что привлекает внимание в interoцептивном дискурсе, — это изобилие глагольной лексики, обозначающей типичное для живых существ кинетическое поведение. Значительная ее часть будет описана в разделе 5 настоящей главы, однако речь в нем пойдет лишь о глаголах, обозначающих перемещение. Перемещение составляет важнейшую, но всего лишь часть кинетического репертуара живых существ. Рассмотрим другие типы их действий, подпадающих под категорию моторных актов.

К их числу относятся движения, связанные с захватом предметов и манипулированием ими. Действие такого рода предполагает использование конечностей и описывается глаголами *seize*, *grab*, *catch*, *claw* и другими. Объектом описания при этом становится не орган, в котором локализуется ощущение, а само ощущение. Такой тип концептуализации достаточно широко используется при описании собственно телесных состояний (боли, тошноты, слабости и др.), которые подвергаются антропо- или зооморфизации и обретают способность «хватать» перципиента за какую-то часть его тела или «захватывать» его целиком. Ср.: *an controllable trembling seized my limbs* (W. Styron. *The confessions of Nat Turner*); *The pain was clawing at her heart* (A. Ivy. *When darkness comes*); *pain gripped her again* (R. Thompson. *The untamed one*); *the nausea seized him* (D. Baldacci. *The simple truth*); *another pain caught her* (P. R. Giff. *Water Street*).

Данный тип концептуализации наблюдается и при описании эмоционального состояния перципиента. Эмоция может «схватить» его целиком: *A cold crazy panic seized him* (W. Styron. *Set this house on fire*); *My heart jumped as I was seized by fear* (P. Cornwell. *Point of origin*); *I am filled with abrupt confusion, hot panic seizes me* (W. Styron. *The confessions of Nat Turner*). Однако «захват» может осуществляться и в пределах одного органа, в котором эта эмоция традиционно локализуется: *I was seized with the old queasy excitement in my guts, and fright clashed with greedy desire* (W. Styron. *The confessions of Nat Turner*); *The more I worried about my appearance, the more my stomach became seized with fear* (D. Pelzer. *A child called 'It'*). Такое сходство когнитивных и номинативных практик является еще одним свидетельством того, что наивное сознание не проводит четкой границы между собственно телесным и психическим. Весьма показателен в этом отношении следующий контекст, где эмоции приписываются признаки телесного симптома и способность «хватать» человека: *I was seized by a hot convulsive emotion that I had never known so powerfully before — it was like a roaring in my ears* (W. Styron. *The confessions of Nat Turner*).

Глаголы с семантикой «хватания», разумеется, употребляются метафорически, однако, несмотря на достаточно высокую степень конвенционализации, связь с исходным доменом сохраняется, что подтверждается

возможностью экспликации образа (или части целостного образа) живого существа при описании ощущения: *The pain seizes us as if with an unseen hand* (D. B. Morris. *The culture of pain*); *Large icy hands seized Brian's heart and squeezed it* (S. King. *Needful things*).

Из всех перечисленных здесь глаголов наибольшей частотностью обладает *seize*, который, вероятно, и служит центром притяжения другой «хватательной» лексики, подсказывая возможность осмысления и вербализации ощущения в терминах «захвата». Его привилегированный статус подтверждается и тем, что произвольное от него существительное *seizure* является частью официальной медицинской терминологии, обозначая определенный тип патологического телесного состояния — приступ или припадок (*epileptic seizure, heart seizure*). Это соматическое состояние, однако, может экстраполироваться и на сферу эмоций: *In one of her terrible seizures of grief, in a moment of crazy dark despair, had she come into this room and unknowingly printed those words on Danny's chalkboard?* (D. Koontz. *The eyes of darkness*); *The seizure of pure lust which accompanied this tender manipulation was accompanied in turn by a twinge of shame* (W. Styron. *Sophie's choice*).

Еще одной частью кинетического репертуара живых существ является способность наносить удары. Данное действие обычно предполагает использование конечностей; соответственно при таком типе концептуализации используются глаголы, обозначающие воздействие с помощью рук или ног (*strike, punch, kick* и др.). Чаще способность к нанесению ударов приписывается олицетворяемому органу: *His heart kicked in his chest and something turned strange in his gut, like a funny bone had been hit* (R. Morgan. *The welcome*); *my stomach kicked again and I brought up bitter squirts* (Ch. Smith. *Albemarie*); *my heart was punching the inside of my ribcage* (B. Henry. *Cross keys*); *Gregory's heart strikes harder* (A. Bender. *The 20th century war veteran club*). Однако метафора удара может использоваться и при описании собственно ощущения, в частности, болевого: *pain punched him in the gut and consumed him with the desire for revenge* (H. E. Marano. *The depression suite*). Характер болевого ощущения может конкретизироваться, как, например, в следующем контексте, где описываются судороги: *Another cramp, this one as sharp and sudden as a thunderbolt coronary, punched through her left triceps all the way to the armpit* (S. King. *Gerald's game*). Как видно из приведенных здесь примеров, метафора удара является эффективным средством описания интенсивного ощущения, которое чаще носит внезапный и кратковременный характер.

Условно к кинетике можно отнести и определенные типы агрессивного поведения, связанные с оказанием травматического воздействия с помощью зубов, клыков, жала и т. п. Метафора укуса широко используется в английском языке при осмыслении и вербализации болевого ощущения:

The pain bit sharply again in his chest (B. Plain. Harvest); After all these years that old pain was gnawing his bones again (S. King. Needful things); "Eat, " she said from far away, and he felt stinging pain (S. King. Misery). Заметим, что глаголы *sting* и *gnaw* прошли процесс конвенционализации и закрепились в «официальном» интероцептивном словаре (8 и 5 группа в опроснике МакГилл соответственно). Употребляясь метафорически, глаголы, тем не менее, сохраняют свои исходные семантические свойства. *Sting* чаще используется для обозначения кратковременного, а *gnaw* — более продолжительного интероцептивного ощущения (ср. *to sting — to prick or wound with or as if with a sting* [OALD²⁵], *to gnaw — to bite something continually until it is worn away* [OALD]). Эти семантические различия обуславливают «номинативную специализацию» данных глаголов и производных от них единиц в интероцептивном дискурсе. Так, например, состояние голода описывается исключительно лексемой *gnaw*, поскольку оно ощущается как продолжительное состояние, и именно определенная длительность интероцептивного эпизода позволяет идентифицировать его как голод, а не как, скажем, боль в желудке: *Hunger gnawed at her stomach, and she considered hunting one of the elk-sized animals she had glimpsed along the way (E. J. Stone. Rejiggering the Thingamajig); He drifted in and out of sleep until a gnawing hunger forced him up (J. E. Leary. Rabbit's foot).* *Gnaw* оказывается более подходящим средством вербализации и хронических болевых ощущений, таких как боли в костях и суставах: *After all these years that old pain was gnawing his bones again (S. King. Needful things).* *Sting* же обозначает острую, внезапно возникающую боль: *"Eat, " she said from far away, and he felt stinging pain (S. King. Misery).*

И тот, и другой предикат может описывать ощущение, вызванное эмоциональным состоянием перцепиента, причем временной параметр оказывается релевантным и в этом случае. *Gnaw* описывает длительное эмоциональное состояние, *sting* же обозначает внезапно наступающее, интенсивное, но непродолжительное переживание. Ср.: *Guilt gnawed and worried at her; furry bodies inside her belly, in where that other thing was, and she began to cry again (S. King. The Stand); I was stung with a sudden, inexplicable annoyance (W. Styron. The confessions of Nat Turner).*

Несмотря на высоко конвенциональный характер номинации, метафора не утратила связи с исходным доменом, что подтверждается достаточно представительным корпусом примеров, в которых наблюдается экспликация исходного зоологического образа: *her own fears, which had gnawed at her like sharp weasel's teeth as she walked over, were forgotten*

²⁵ OALD — здесь и далее: Oxford Advanced Learner's Dictionary. — Oxford: Oxford University Press, 2008. — 1580 p.

(*S. King. Needful things*); *He lay there in silence while the hunger gnawed at him like a rat* (*Ch. Feehan. Dark legend*).

Одновременно с этим вследствие высокой степени конвенциональности наименование ощущения может метонимически использоваться в качестве предиката при названии самого органа, в котором оно локализуется: *hunger gnawed at my stomach — my stomach gnawed; emotion stung my heart — my heart stung*. Ср.: *Her stomach gnawed, and so she opened the refrigerator* (*A. North. America Pacifica*); *The boy looks so precious to me, it makes my heart sting* (*A threat of cinnamon — COCA*).

Источником метафорической проекции на область interoцепции может служить и голосовое поведение живых существ. Мы уже касались данного вопроса в разделе 4.3.2.5.3. Главы II, описывая механизм формирования слухового образа ощущения. К сказанному добавим лишь, что лексические единицы, обозначающие различные типы вокализаций, могут описывать как само ощущение, так и часть внутреннего тела, в котором это ощущение локализуется. Ср.: *The pain was screaming. He was screaming* (*S. King. Misery*); *After work, I would race home from my office to change and clan up, then race across town in rush-hour traffic, heart roaring* (*J. Frank. You are here*). Высокая степень дробности домена «вокализация», большое количество признаков, релевантных для различения компонентов слухового опыта и, как следствие, высокая степень номинативной плотности репрезентирующего его лексико-семантического поля, позволяет активно экспериментировать при осмыслении и вербализации interoцептивного опыта. Так, например, используя единицы, обозначающие различную степень громкости и членораздельности вокализации, можно показать динамику испытываемого ощущения: *The pain began to mutter up and down his legs again, and it was speaking even more loudly from the area of his pelvis — he had been sitting up for nearly an hour, and the dislocation down there was complaining about it* (*S. King. Misery*). Особого внимания в данном описании заслуживает употребление лексемы *complain*, обозначающей речевой акт определенного прагматического типа (жалоба). С помощью данной лексемы весьма точно схватывается важнейшая физиологическая функция боли — сигнализирование о телесном неблагополучии.

Другим источником метафорической проекции на область interoцептивных ощущений служат естественные биологические процессы, регулирующие жизнь живых существ. Так, например, ощущение может метафорически описываться в терминах жизненных циклов, в частности смерти. Метафора «мертвое сердце» обычно используется в ситуациях, когда перцепиент находится в состоянии сильного испуга, и наступающее ощущение связывает с прекращением деятельности сердца: *My heart seemed to fall dead in my chest, and for a horrible second I was sure I was going to wet my pants* (*S. King. The man in the black suit*). Аналогичным образом потеря

тонуса и неспособность к совершению активных действий может описываться как «мышечная гибель»: *all the muscles in his belly and legs seemed to drop dead* (S. King. *The library policeman*). Метафора смерти может использоваться не только при описании дискомфортного ощущения. Она оказывается применима к ситуациям, когда ощущение исчезает, и перципиент испытывает облегчение: *At last the pain died* (J. Slonczewski. *Part three of four: The children star*). В рамках метафоры ощущения как живого существа может сформироваться и представление о возможности его искусственного умерщвления: *massive injections of novocaine, which killed the pain but also killed the muscles* (*The rules of the game — COCA*). Неслучайно болеутоляющие препараты в английском языке именуется термином *pain-killers* (не «утолители», а «убийцы» боли).

Ощущение, выступающее в роли живого существа, способно испытывать присущие животным физиологические потребности, удовлетворение которых осуществляется естественным для живых организмов способом. Так, например, «голодная боль» (*hungry pain — S. King. Needful things*) «съедает», «пожирает», «поглощает» человека: *The pain was eating through Geordi's face* (L. K. Hamilton. *Nightshade*); *But as the powerful tranquilizer took effect, the dark and the pain devoured him* (M. Cerasini. *Wolverine: weapon X*).

Ощущение способно пребывать в разнообразных физиологических состояниях, свойственных человеку и животным (сон, бодрствование и т. п.): *the pain, which was now fully awake and raving through his body* (S. King. *Misery*).

Метафорическая проекция на область интероцептивных ощущений может осуществляться посредством экстраполяции целостного образа вполне определенного живого существа. Выше уже приводились примеры типа *infuriating scorpion-stinging pins* (C. S. Lewis. *The problem of pain*), *sharp weasel's teeth* (S. King. *Needful things*). Однако встречаются и случаи развернутой метафоры, где в контексте эксплицируются различные аспекты образа определенного животного: его анатомические характеристики, особенности моторного, пищевого, вокального поведения и другие. Ср.: *Soon, the pain would return, and the cold would be like a crab moving through his bones and tearing out bits of his marrow with its icy claws* (D. Koontz. *The door to December*); *He felt his fear twisting and turning inside him beneath his poker face. Sometimes it was big and panicky, trampling everything: the elephant. Sometimes it was small and gnawing, ripping with sharp teeth: the rat. It was always with him* (S. King. *The Stand*). Образ может носить и обобщенный характер, обозначая животное определенного типа, например, зверя: *The quick and uncalculated movement awoke his pain from its doze. It sarled dully in what remained of his shins and in the bunched salt-dome that had replaced his left knee. It turned over, needling him from where it lay imprisoned in its cave of bones, and then fell lightly asleep again* (S. King. *Misery*).

Особый интерес представляют случаи явной антропоморфизации ощущения. Прибегая к данной когнитивной стратегии, перципиент наделяет органы своего внутреннего тела, а также ощущения, которые в них локализируются, волей и способностью к совершению сложных целенаправленных действий. В контексте эксплицируется элемент целеполагания, используются единицы с семантикой волеизъявления, намерения, желания: *Ari's heart tried to claw its way out of his chest (J. Werkheiser. Contamination); And I looked at that cross and I ... my belly wanted to heave up (S. King. Salem's Lot)*. Наделенное сознанием, ощущение способно к совершению сложных, стратегически спланированных действий, которые, как правило, носят захватнический или деструктивный характер. Оно может нападать, атаковать, грабить, разрушать и оказывать другое вредоносное воздействие на тело перципиента: *a sharp pain invaded Vicki's side (J. B. Jenkins, T. F. LaHaye. Death strike); The excruciating pain stole Rick's eyesight and squeezed his trachea shut (J. E. Leto. Something wicked); because pain has robbed him of speech (J. R. Rosenberg. Between delirium and luminosity: Larra's ethical nightmare)*. Антропоморфные органы обретают способность к вербальной коммуникации, в том числе и конфликтной: *her husband's rebellious stomach quarrelling with his eight-course dinner (P. S. Beagle. Olfert Dapper's day)*.

Отмечаются и случаи прямой антропоморфизации ощущения, в частности, болевого, когда высказывание соответствует классической структуре метафоры, причем эта метафора реализуется не только на лексическом, но и на морфологическом уровне: *Pain no longer seemed a rather rakish **companion**, but a **bully** and a **bore**, someone best forgotten (M. Jackson. Pain: The science and culture of why we hurt)*.

Подводя итог, отметим, что зоологическая и антропологическая метафорика оказывается удобным средством осмысления и вербализации интероцептивных ощущений, позволяющим создавать сложные, многокомпонентные и весьма наглядные образы. Несмотря на архаичность данной когнитивной стратегии, она по-прежнему остается актуальной и востребованной и открывает широкие возможности для когнитивного и вербального экспериментирования.

3.4.3. Субдомен «природные явления»

*If people were like rain, I was
like drizzle and she was a hurricane.*

John Green

Важную часть телесного опыта человека составляет наблюдение за явлениями природной среды, частью которой он является. Термин «наблюдение» следует понимать широко; этот процесс задействует не только

зрение, но и другие органы чувств, предполагая также некоторую долю кинетической активности.

В структуру домена «природные явления» входит несколько относительно независимых областей, которые потенциально могут служить источником метафорической проекции на область интероцептивных ощущений. Основными из них являются погодные и климатические явления (дождь, снег, град, гром, молния и т. д.) и природные катаклизмы (землетрясение, цунами, тайфун, извержение вулкана и т. д.). Разумеется, индивидуальная телесная история неизбежно ограничена, и человек не может иметь непосредственного опыта телесного взаимодействия со всеми перечисленными здесь явлениями. Однако их доступность в визуальном и вербальном дискурсивном форматах позволяет ему составить некоторые обобщенные представления о них, которых часто оказывается достаточно для их использования в качестве инструментов осмысления самых разнообразных явлений и процессов. Так, например, домен «природные явления» служит источником метафорической проекции на область экономических феноменов [Cortés de los Ríos 2010], политических и социальных процессов [Hart 2014]. Анализ интероцептивного дискурса показывает, что он обладает серьезным потенциалом и для осмысления внутрителесных феноменов.

Субдомен «погодные / климатические явления» систематически репрезентируется в интероцептивном дискурсе лексическими единицами *lightning*, *thunder* и *storm*.

Метафора молнии, как уже указывалось выше (см. раздел 4.3.2.5.2. Главы II) является «каноническим» средством осмысления и вербализации головной боли. Молния обладает яркостью, мощной кинетической динамикой, характеризуется внезапностью появления и кратковременностью присутствия в перцептивном поле. Эти характеристики, в особенности яркость и скорость, соответствуют неким обобщенным представлениям о высокой интенсивности и, как следствие, легко экстраполируются на область приступообразной мигреновой боли. Заметим также, что многие люди, страдающие мигренью, испытывают зрительные симптомы, описываемые ими как вспышки света. Данное обстоятельство является еще одним мощным «когнитивным аргументом» в пользу метафоры молнии. С другой стороны, нельзя исключить и действия механизма ретроекции: усвоив данный когнитивный прием в ходе участия в дискурсивных практиках, перцепиент может начать видеть молнию там, где изначально ее не было. Как бы то ни было, метафора молнии широко используется при вербализации приступообразной головной боли: *And at that exact instant — as he said the last words — Sophie saw the fearful headache attack Höss with prodigious speed, like a stroke of lightning that had found a conduit through the gravel merchant's letter down to that crypt or labyrinth where migraine sets its fiery toxins loose beneath the cranium. (W. Styron. Sophie's choice); A bolt of*

pain, 'like lightning', she said, went through her head and she heard a shotgun blast (S. King. Salem's Lot). Эта метафора, однако, оказывается продуктивной и при описании других приступообразных ощущений, обладающих высокой степенью интенсивности и пространственной динамикой: *A new wave of pain shot like lightning up my arm (D. E. Johnson. Motor City shake-down); Shocks of pleasure skittered through her limbs like lightning (E. Dreyer. Never a gentleman); Not agony as yet; just a quick lightning-stroke up from the gut and into the throat, like acid indigestion (S. King. Full dark, no stars).*

Востребованной в интероцептивном дискурсе оказывается и метафора грома. В силу акустического характера данного природного явления метафора грома оказывается особенно актуальной для осмысления ощущений, сопровождающихся звуком. Так, например, она используется для описания учащенного сердцебиения или связанного с ним учащенного пульса: *Sweating, sighing, heart thundering, Cass stumbled and sprawled out against the wall, canceling out his second's gain (W. Styron. Set this house on fire); His heart thundered in his chest (S. King. Apt pupil); rage thundered in my temples (P. Cornwell. Point of origin).*

Заметим, что гром достаточно редко бывает самостоятельным природным явлением, и обычно он является лишь частью метеорологического комплекса, который может включать также дождь, ветер и молнию. Эта экспериенциальная и, как следствие, когнитивная близость позволяет осуществлять комплексную метафорическую проекцию, при которой один интероцептивный эпизод описывается с помощью нескольких метафор. Ярким примером такого рода стратегии является приведенный ниже контекст, в котором описываются симптомы наступающего инфаркта: *But then he felt thunder in his chest and lightning down his arm and terror everywhere, too much terror to walk, too much terror to breathe (F. Ackerman. Break, break, break).* Будучи частью метеорологического комплекса, гром сам по себе никогда не воспринимается как опасное явление, в отличие, например, от молнии. Однако его связь с другими погодными явлениями позволяет трактовать его как предвестник некоторой более серьезной проблемы и даже опасности. Данное обстоятельство позволяет использовать метафору грома для концептуализации начальной стадии ощущения, которая грозит перерасти в серьезную соматическую проблему: *At last she began to feel tingles of sensation — bone-deep and as ominous as distant thunder — in her arms (S. King. Gerald's game).*

В английском языке существует лексема *storm*, которой обозначается весь комплекс рассматриваемых здесь природных явлений: *storm — an occasion when a lot of rain falls very quickly, often with very strong winds or thunder and lightning [MEDAL²⁶].* Метафора шторма оказывается продук-

²⁶ MEDAL — здесь и далее: Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. — Oxford: Bloomsbury Publishing Plc., 2002. — 1690 p.

тивным приемом при осмыслении сложных, многокомпонентных ощущений, которые претерпевают качественные и количественные изменения на протяжении одного перцептивного эпизода. Ср.: *a fresh cramp moved into her side like a storm-front* (S. King. *Gerald's game*); *She was having trouble hearing anything over the storm inside her* (A. Garrett. *Good housekeeping*).

Достаточно широкое распространение получили и метафоры, обозначающие различные природные катаклизмы. Важнейшей среди них является метафора потопы, репрезентируемая лексемой *flood*. Ее популярность вполне объяснима. Любые «гидравлические» образы удачно коррелируют с бытовыми представлениями о циркуляции жидкостей внутри организма. Известно, что на Западе, в том числе и в англоговорящих странах, в Средние века широкое распространение получила так называемая гуморальная теория, основывающаяся на идее четырех типов жидкостей или «соков» организма. Данная теория не только обсуждалась в узкопрофессиональных медицинских кругах, но и активно использовалась на практике и популяризовалась в бытовых дискурсах. Доказательством широкого хождения теории в народных массах является появление в Средние века фразеологизмов *good humor* (добродушие, букв. «хороший телесный сок») и *bad humor* (дурное расположение духа, букв. «плохой телесный сок»), активно употребляющихся по сей день. Более того, согласно данным некоторых исследований, устойчивое представление о теле как о контейнере, наполненном жидкостью, сформировалось именно под воздействием гуморальной теории и демонстрирует высокую степень устойчивости, несмотря на ее многократно доказанную научную несостоятельность (см., например, [Paster 1993, с. 7–10]).

Метафора потопы, естественно, оказывается наиболее востребованной при осмыслении и вербализации интенсивных эмоциональных переживаний. Она коррелирует с традиционной моделью «жидкость внутри контейнера», подробно описанной в работах З. Кёвечеша, М. Джонсона и Дж. Лакоффа и других ученых [Kövesces 2000; Lakoff & Kövesces 1987; Lakoff & Johnson 1999]. Достаточно показательным является контекст *A flood of unreasonable anger washed through her* (D. Koontz. *The eyes of darkness*). Эмоция описывается как поток, который проносится сквозь тело.

Данная метафора может использоваться и при описании ощущений собственно телесной, физической природы. В приведенном ниже контексте с ее помощью описывается генерализованное физическое состояние усталости: *deep fatigue floods through my bones and muscles — including that doughty love-muscle which at last begins to flag and droop after its tenacious vigil* (W. Styron. *Sophie's choice*). В нашем корпусе примеров представлен и контекст, где с помощью данной метафоры описывается процесс восстановления чувствительности после довольно продолжительного состояния общего онемения: *Halston sat and waited. Feeling continued to flood back*

into his body in a series of pins-and-needles incursions. (S. King. *The cat from hell*). В данном случае обращает на себя внимание «неправильность», парадоксальность создаваемого образа. Дискретный характер укола как действия, пусть даже и осуществляемого многократно, «серией», явно противоречит непрерывности, нерасчлененности потока. В данном случае, по видимому, профилируемым семантическим признаком используемой единицы является «заполнение всего пространства» (ср.: **to flood** — *to cover or fill something completely, to spread into something* [OALD]), и *flood*, по сути, теряет признаки собственно «гидравлической» метафоры. Более классический вариант метафоры представлен в описании *Heat flooded his throat and tried to close it. Heat flooded his face* (S. King. *Needful things*). Особенно показательна первая часть высказывания: образ потока, наполняющего горло, является эффективным когнитивным инструментом осмысления проблем с дыханием.

В интероцептивном дискурсе представлены примеры метафорического употребления и названий других природных катаклизмов. Одним из них является извержение вулкана. Динамические характеристики этого природного явления, его интенсивность и разрушительная сила делают его эффективным средством метафорической концептуализации боли: *She roared again, and a blinding bright pain erupted inside my skull* (S. Fletcher. *Flight of the Dragon Kyn*); *Pain erupts in my chest, as if my aorta has just exploded* (W. J. Williams. *The fourth wall*). Боль, описываемая данным предикатом, возникает внезапно, характеризуется высокой степенью интенсивности в самом начале интероцептивного эпизода и, возникнув в определенной точке внутрителесного пространства, часто распространяется на окружающие ее области. Метафора извержения является также популярным средством концептуализации эмоций, чаще отрицательных: *Bandicut nearly erupted with frustration* (J. A. Carver. *Neptune crossing*); *The letter made her erupt with rage, though she never told him* (R. Robinson. *The finish line*).

Любопытным примером «стихийной» метафоры является употребление лексемы *earthquake* в следующем контексте: *I am often angry at others, friends, foes, and family alike, and like to hold, and nurse, these angers for as long as humanly possible, until I can almost feel them eating at my liver, like an earthquake with numerous, sustained aftershocks* (M. Blumenthal. *She and I*). Само описание нельзя признать особо удачным, эксперимент с совмещением зоологической (*eating*) и стихийной (*like an earthquake*) метафоры не породил в данном случае целостного, гармоничного образа. Однако сама попытка использования метафоры землетрясения примечательна, особенно с учетом ее развернутого характера. Ощущение четко локализуется во внутрителесном пространстве и осмысливается как нарушение стабильности внутрителесной архитектоники, которое может повлечь за собой резонансные менее интенсивные

ощущения в других частях тела. Думается, что такой прием мог бы использоваться при описании приступообразных болевых ощущений, особенно иррадиирующего характера, однако подобных примеров нам обнаружить не удалось. Метафора землетрясения встретилась нам при описании совершенно другого типа ощущения. В приведенном ниже контексте оргастические ощущения описываются развернутой «тектонической» метафорой: *His lips touch mine, then pull back so quickly I am not convinced they ever landed, except for the volcanic eruption of my nerve endings where he made contact. Oh, and the earthquake from those nerve endings through my body, via the place where hiccups begin to the place where orgasms end. That's how I know he kissed me: I could measure my body's reaction on the Richter scale* (K. Harrison. *The starter marriage*). Фактически мы имеем дело с целым экспериментальным сценарием, который безостаточно экстраполируется на сферу interoцептивных ощущений. Действительно, вулканическое извержение часто сопровождается землетрясением, и в нашем сознании эти два события ассоциируются друг с другом, что позволяет осуществлять комплексную метафорическую проекцию. Дополнительную «реальность» ощущению придает попытка его объективной оценки, также формулируемой в терминах исходного сценария (измерение его интенсивности по шкале Рихтера).

Мы обнаружили единичный, но весьма интересный пример использования метафоры песчаной бури: *He beat at the thought with agonized horror, the heat rolling and billowing in his head like a sandstorm* (S. King. *The Stand*). Качественные и количественные характеристики ощущения эксплицированы в лексемах *heat*, *roll* и *billow*. Образ песчаной бури лишь усиливает образность высказывания, сводя все характеристики воедино и позволяя адресату высказывания достроить складывающийся в его сознании полимодальный образ. Тот же автор однократно использует и метафору лесного пожара при описании мучительных симптомов кишечного гриппа: *My head was splitting; there was a forest fire in my guts* (S. King. *II.22.63*). Заметим, что сам образ пожара является достаточно распространенным способом метафорического описания специфического симптома «жжения» во внутренних органах. Ср.: *Suddenly a horrid pain came to his chest, like unexpected fire* (W. Styron. *Lie down in darkness*); *Instantly her stomach was on fire and she wanted to spit the stuff back into the bottle, but it was too late* (T. C. Boyle. *Little fur people*). Лесной пожар, однако, ассоциируется со значительной скоростью распространения, высокой интенсивностью и огромным разрушительным воздействием. Поэтому в данном случае речь идет не просто об ощущении, обладающем определенными качественными характеристиками, но о быстро прогрессирующем состоянии, приносящем значительные страдания и оказывающем деструктивное воздействие на весь организм.

Заметим, что к природным явлениям относятся и космические феномены (движение планет, кометы, метеоритные дожди и т. п.), однако нам не удалось обнаружить ни единого примера их метафоризации в дискурсе интероцептивных ощущений. Это еще раз свидетельствует о том, что при осмыслении интероцептивных ощущений человек отдает предпочтение не умозрительному, а конкретному, физически-телесному опыту, который он приобретает при взаимодействии с непосредственно окружающим его миром.

3.5. Экспериенциальный домен «движение»

Movement is the epistemological gateway to a world of objects.

Maxine Sheets-Johnstone

Важность опыта движения и его роль в познании мира обсуждалась в Главе I и Главе II настоящей работы. Наша «врожденная способность думать в терминах движения» [Sheets-Johnstone 2013, с. 19] оказывается особенно востребованной при осмыслении и вербализации интероцептивных феноменов. Метафоры движения, в первую очередь, являются средством формирования кинетической модели ощущений (ср.: *My heart dropped, but not too far* (S. King. *Ayana*)), а через нее — и каузативной модели (ср.: *Fear caused his heart to race* (M. Coney. *Bulldog Drummond and the Grim Reaper*)). В то же время они играют определенную роль в становлении соотносительных моделей, описывая динамические аспекты существования объектов, по аналогии с которыми осмысляются внутрителесные феномены. Ср.: соотносительная модель «тело — машина» *His heart was hammering hard, and he felt droplets of cold sweat nestled at each temple* (S. King. *Thinner*). Метафоры движения могут быть актуальны и для когнитивных образов, в частности, зрительной модальности. Ср.: *A bolt of pain, 'like lightning', she said, went through her head and she heard a shotgun blast* (S. King. *Salem's Lot*).

Домен «движение» в первую очередь представлен в языке глагольной лексикой, на основе которой могут формироваться отвлеченные обобщенные субстантивные наименования движений, а также адъективные и адвербиальные единицы признаковой семантики.

Рассматривая вопрос о границах класса глаголов движения, Ф.-Э. Кардини называет три основных идентификационных признака: 1) глагол должен ясно и недвусмысленно указывать на изменение в положении предмета в пространстве; 2) он не должен обозначать серию колебательных движений, которые в совокупности составляют «самодостаточное

движение» (self-contained motion) и репрезентируют событие, лишенное моторной динамики (например, глаголы *shiver*; *quiver*; *tremble*). В этой связи диагностическим признаком глагола движения является способность присоединять сателлиты, задающие направление (ср. *to jump into the room* vs **to quiver into the room*); 3) глагол должен быть непереходным [Cardini 2008, с. 537–541]. Именно эти критерии мы и положим в основу анализа.

3.5.1. Пространственность как характеристика глаголов движения

*I try to get at the inner structure first
to re-create the movement inside the form.*

Jeanne Songco Martin

Связь движения с пространством отмечается не только Ф.-Э. Кардини, но и многими другими исследователями. Так, например, И. Мани и Дж. Пустейовски исходят из того, что словесные обозначения движения указывают на изменения в пространственном положении объекта с течением времени [Mani & Pustejovski 2012, с. 1]. Пространственность признается одной из наиболее базовых характеристик любого движения и в работах Р. Джекендоффа (см., например, [Jackendoff 1990]).

Неразрывная связь движения с пространством, в котором оно осуществляется, подтверждается возможностью имплицирования геометрических признаков последнего в семантике языковой единицы. Одним из них является общая ориентированность пространства по осям вертикаль — горизонталь. Так, например, интероцептивные ощущения, особенно те, которые локализируются в сердце и желудке, часто описываются с помощью глаголов *to fall*, *to drop*, *to sink*, *to rise*, *to soar*, *to jump*, *to leap* и др., а также производных от них единиц. Ср.: *It wasn't just my heart that sank; everything below my neck seemed to drop five inches* (S. King. 11.22.63); *Brian's heart rose — did more than rise. It soared and did a backover flip* (S. King. *Needful things*). В семантике этих глаголов содержится компонент «направление движения», который реализуется одной из двух сем — «вверх» или «вниз» (ср.: *to drop* — *to quickly move downwards*; *to sink* — *to move to a lower level*; *to rise* — *to move upwards or to a higher position*).

Популярность глаголов, обозначающих перемещение по вертикальной оси, свидетельствует о том, что внутреннее тело ментально моделируется как вертикально ориентированная структура, в которой ось верх-низ имеет гораздо большую протяженность, чем ось лево-право. Такое положение вещей объясняется тем, что конфигурация ненаблюдаемого внутреннего тела естественным образом соотносится в сознании человека с конфигурацией доступного наблюдению тела внешнего. В целом внутрен-

нее тело представляется как контейнер, который вложен в тело внешнее, но не повторяет в точности его контуров, будучи структурой более глобальной, целостной и однородной, но, тем не менее, вытянутой по вертикали. В связи с этим представляется естественным выбор вертикальной ориентации при описании ощущения, поскольку в этом случае совершаемое им «перемещение» захватывает более обширное пространство, что позволяет придать описанию больший драматизм (чем больше «пройденное» органом расстояние, тем интенсивнее ощущение).

Исключением из общего правила представляется использование глаголов типа *to run*, *to race*, *to trot*, *to gallop* (и их производных), которые широко употребляются при описании учащенного кардиоритма: *There was no one in sight: his heart raced, and he was cold in the heat of the sun* (A. Garner. *The owl service*); *I watch, my heart suddenly galloping* (S. Kinsella. *Twenties girl*); *His heart broke into a sudden disorganized gallop* (S. King. *Thinner*); *He held the belt up, reading it, and felt his heart speeding up to a frightened run* (S. King. *Thinner*). С помощью этих лексических единиц обычно описывается перемещение по горизонтальной оси, в связи с чем возникает ощущение, что в англоязычной культуре внутреннее тело может моделироваться и как горизонтально-ориентированное пространство. Заметим, однако, что признак «направление движения», будучи релевантным для семантики этих глаголов, тем не менее, не принадлежит семантическому ядру и оттесняется на задний план более существенным признаком «скорость движения». Ср.: **to run** — *to move quickly to a place using your legs and feet*; **to gallop** — *to move, pass or develop very quickly* [MEDAL]. Таким образом, полноценного «разворачивания» внутреннего тела в горизонтальной плоскости не происходит. Примечательно, что такое словоупотребление, весьма характерное для английского языка, совершенно не наблюдается в русском (ср. *сердце бежит, несется галопом, ускоряет бег). Возможно, это свидетельствует о большей релевантности противопоставления «вертикальный — горизонтальный» при описании движения в русскоязычной лингвокультуре, однако данный вопрос требует дополнительной проработки, что выходит за пределы настоящего исследования.

По мнению ряда исследователей, глаголы движения способны имплицировать и более конкретные геометрические свойства пространства: ограниченность (*the bike sped across the field*), цилиндричность (*the bike sped through the tunnel*), замкнутость (*I crawled out the window*) и другие [Talmy 2000; Mani & Pustejovsky 2012, с. 6]. В приводимых примерах, однако, обращает на себя внимание семантическая несамодостаточность некоторых глаголов. Совершенно очевидно, что признаки «ограниченность» и «цилиндричность» задаются не столько самим глаголом, сколько сопровождающим его адвербом-сателлитом. Пример с *crawl* также не

представляется особо показательным, поскольку в семантике данного глагола ядерными являются признаки «способ перемещения» (*to move along the ground on your hands and knees or with your body close to the ground* [MEDAL]) и «скорость перемещения» (*if a person crawls somewhere, they move there very slowly or with difficulty* [MEDAL]), а конфигурация пространства скорее задается лексемой *window*, адресующей нас к фрейму «дом» и вызывающей в сознании образ замкнутого помещения. Более показательным примером мог бы служить глагол *cram*, который изначально задает размерность пространства (*to put into a space that is too small* [MEDAL]) и его замкнутость (*to fill the space completely* [MEDAL]): *Charles gave a stifled cry and felt his heart and stomach cram up into his throat* (S. King. *Here there be tygers*).

«Фундаментальная пространственность» глаголов движения, о которой пишет Р. Джекендофф, проявляется и в том, что они способны имплицитировать тип среды, в которой происходит движение. Поскольку мы уже касались данного вопроса в разделе 4.3.2.1 Главы II, приведем лишь два показательных примера:

Johnny's heart sank a little when he read the sign posted outside the lounge doors (S. King. *The dead zone*) (*to sink* — движение, возможное лишь в водной среде, ср.: **to sink** — *to disappear below the surface of the water* [MEDAL]).

I shoved past a cameraman, my nerves hopping like faulty wiring as my heart flew (P. Cornwell. *Point of origin*) (*to fly* — движение, возможное лишь в воздушной среде, ср.: **to fly** — *to move very fast through the air* [MEDAL]).

Тип среды, по сути, имплицитирован в каждом глаголе движения, поскольку именно среда задает определенный набор аффордансов (см. Главу I): нельзя летать и бегать в воде, так же как нельзя тонуть в воздухе. Данное обстоятельство позволяет проследить, какое именно «субстанциональное наполнение» тела происходит при концептуализации того или иного interoцептивного ощущения посредством того или иного глагола. «Жидкостная» интерпретация более характерна для ситуаций, когда interoцептивное ощущение связано с действием эмоциональных факторов: *She waited, her heart in her mouth, and when he said "I think we have to, don't you?" it sank all the way to her feet* (S. King. *Gerald's game*) (протагонист испытывает страх); *Suddenly my stomach sank and I shuddered as if a bucket of cold water had been poured over me* (A. Bechtel. *Language lessons*) (протагонист испытывает сильное удивление, смешанное со страхом). По-видимому, здесь можно усмотреть связь с типичной концептуализацией эмоции как «жидкости внутри контейнера», однако в данном случае жидкостную интерпретацию получает не сама эмоция, а то пространство, в котором она локализуется.

Жидкостная интерпретация имеет место и при описании собственно физических состояний: *I ruptured myself, are you happy, all my guts just came loose, they're floating around inside me* (S. King. *The dead zone*). Следует признать, однако, что существуют неявные, промежуточные случаи. Так, например, глагол *to drift* может обозначать перемещение как в водной, так и воздушной среде. В этом смысле он представляет собой более «чистый» глагол движения, чем большинство других, поскольку он позволяет абстрагироваться от характеристик среды: *My heart drifted down* (J. Lane. *One family line*).

Заметим, что характеристики пространства достаточно подробно рассматриваются в ранних работах Л. Талми, где форма и консистенция относятся к числу его салиентных свойств [Talmy 1985]. В более поздних работах, однако, Талми отказался от рассмотрения свойств пространства, поскольку это не соответствовало поставленной им исследовательской задаче (типологической классификации языков), для решения которой они оказались нерелевантными [Talmy 2000]. В нашем же случае они, несомненно, представляют интерес, поскольку пространство, о котором идет речь, феноменологически специфично, и любые свидетельства того, как человек его осмысляет, имеют определенную ценность. Так, например, глагол *to bounce* используется в английском языке для обозначения движения, которое предполагает взаимодействие с поверхностью. Ср.: **to bounce** — *to hit a surface and then immediately move away from it* [MEDAL]. Возможность его использования в интероцептивном дискурсе является еще одним свидетельством того, что внутреннее тело моделируется сознанием как замкнутое пространство, имеющее жесткие границы, позволяющие передвигающимся в нем предметам «отскакивать» от них. Ср.: *His heart bounced as he smelled the tense, strangely sweet animal scent of the horses* (K. Saknussem. *Zanesville*); *Patsy's heart bounced as she saw that he carried a ribbon and a silver cup* (R. Campbell. *Patsy's horse show*); *His heart bounced into his throat and sank again* (C. J. Cherryh. *The goblin mirror*).

3.5.2. Событийная схема движения. Фигура/траектор

We're all moving, moving, moving. Isn't it nice?

Charles Olson

Рассматривая движение как событие, Л. Талми описал его типичную структуру, выделив в его составе три основных компонента: фигуру (движущийся предмет), базу (Ground) (предмет, относительно которого фигура перемещается) и направление. Он ввел также два дополнительных компонента, называемых «со-событиями», которые в принципе могут конструироваться как отдельные события: способ движения и причина движения

[Talmy 2000, с. 27–60]. Предложенная им схема используется в работах Дж. Пустейовского, Д. Слобина и других лингвистов (см., например, [Mani & Pustejovsky 2012; Slobin 2006; Genarri et al. 2002]). Несколько иная терминология при значительном сходстве теории используется в работах Р. Лангаккера, который вводит понятие траектора (Trajector) (движущегося предмета) и ориентира (Landmark) (объекта, относительно которого происходит перемещение траектора) [Langacker 1987, с. 217–218].

Рассмотрим отдельные компоненты структурной схемы движения и определим спектр их свойств, которые оказываются релевантными для сферы интероцептивных ощущений.

При описании ощущения в терминах движения фигурой (или траектором) чаще всего оказывается некоторый орган внутреннего тела. Как уже указывалось выше, наиболее «когнитивно освоенными» и, соответственно, чаще описываемыми, являются сердце и желудок. Исходя из семантики глаголов, описывающих локализуемые в них ощущения, можно определить, как именно языковое сознание моделирует эти ненаблюдаемые, а лишь ощущаемые фигуры. Так, например, в корпусе глагольной лексики выделяются две группы: глаголы типа *drop, fall, sink*, с одной стороны, и глаголы типа *run, crawl, cram, swim, race*, с другой стороны. Нам представляется, что в глаголах и той, и другой группы имплицированы морфологические свойства объекта, являющегося фигурой в событийной схеме движения. Этот объект может быть представлен как одушевленный или неодушевленный, поскольку некоторые типы движений характерны только для живых существ и предполагают наличие строго определенной анатомии. Ср.: *My heart jumped up into my throat (COCA) (to jump — to move your body off the ground using your legs [MEDAL]); he felt his heart crawl up into his throat (S. King. Salem's Lot) (to crawl — to move along the ground on your hands and knees or with your body close to the ground [MEDAL]); He hasn't been feeling well; his stomach has been kicking up on him again. (S. King. Needful things) (to kick — to hit someone or something with your foot).*

Разумеется, эти глаголы употреблены метафорически, однако метафоризация, как нам представляется, не нейтрализует полностью компонент «одушевленность». Его наличие в семантике глагола, описывающего интероцептивное ощущение, легко распознается носителями языка, несмотря на вполне конвенциональный характер такого рода номинаций и значительное стирание исходной образности. Подтверждением тому являются контексты, где стертая метафора движения оживляется с помощью сравнения, неизменно включающего наименование живого существа, обладающего способностью к совершению названного глаголом движения: *My heart leaps like a doe in the forest (P. Conroy. Beach music); my own heart soared like an eagle (L. E. Larrabee. Some lessons about light).*

Приведем для сравнения аналогичные по своей структуре контексты, в которых названы действия, характерные для кинетического репертуара неодушевленных предметов. *My heart sank like a rock* (W. Styron. *Set this house on fire*); *The pieces clicked into place, and Jaden's stomach sank like a stone* (K. L. Castle. *Midnight reckoning: a tale of the dark dynasties*); <...> *she said, her heart sinking like a stone in a pond* (D. Koontz. *Hideaway*). **Sink** в своем исходном значении определяется как *to disappear below the surface of the water* [MEDAL] и используется применительно к неживым предметам, что подтверждается не только естественностью использованных в примерах сравнений, но и существующим в английском языке узуальным противопоставлением глаголов *to sink* и *to drown*.

Еще одним примером такого действия является резкое перемещение вниз, обозначаемое глаголом *drop*. *Kendahl's heart dropped to her knees* (J. Amber. *I'm a survivor*); *Wallace's stomach dropped into his shoes* (L. Barron. *Hallucigenia*); *Barry's stomach dropped into free-fall* (H. Melton. *Working alone*); Несмотря на то что в узусе заложена возможность использования *drop* применительно и к живым существам (ср. *to quickly move downwards, or to let yourself fall downwards* [MEDAL]), этот вид перемещения устойчиво ассоциируется с поведением неодушевленного предмета, что подтверждается сложившейся в английской лингвокультуре практикой конструирования сравнительных оборотов: *drop like a puppet / a (hot) rock / a stone / a lead weight / black fruit from the trees / a brick / leaves / ripe apples / a meteor / a felled tree, etc.* (COCA). *Drop* — это перемещение под действием силы тяжести, не предполагающее активного участия со стороны движущегося объекта, а такой модус существования в целом нехарактерен для живых существ, для которых именно активность признается одной из наиболее существенных черт. Весьма показателен пример *I dropped like a rock* (S. L. Burns. *The overture incident*), демонстрирующий вектор развития семантики глагола (первичным все же является значение, содержащее компонент «неодушевленность»); использование данного глагола для описания поведения человека требует дополнительного обоснования, пояснения, «оправдания»). С неодушевленным предметом эксплицитно сравнивается и сердце, кинетическое поведение которого описывается предикатом *drop*: *Her heart dropped like a longboard on the eight-foot rump* (R. St. Claire. *Face of danger*).

Таким образом, предикат способен нести информацию о том, прибегает ли перцепиент к стратегии олицетворения органов внутренней телесности или воспринимает их обезличенно. Возвращаясь к структурной схеме Л. Талми, можно заключить, что предикат способен имплицитно в себе морфологические свойства фигуры. Следует оговориться, однако, что эта способность не является универсальным свойством предиката и реализуется не всеми глаголами. Так, например, предикат *rise* не обнару-

живает выраженного тяготения к группе одушевленных или неодушевленных предметов, профилируя лишь направление движения. Его нейтральность по отношению к обсуждаемому признаку подтверждается возможностью эксплицитного сравнения как с одушевленным, так и с неодушевленным предметом (*rise like a rocket / balloon/ helicopter/ bubbles/ smoke/ bird/ lark/ cobra / butterflies, etc.* — COCA). Ср.: *His heart rose like a throbbing brick into his throat (A. Chitnis. Elevator) vs Suspended over the water, Alice felt her heart rise like a lark (K. Koen. Dark angels).*

3.5.3. Направление движения

Movement in new direction helps find new cheese.

Spencer Johnson

Рассмотрим компонент «направление», который Л. Талми относит к основным в событийной структуре движения. Известно, что исследуя вопрос в типологической перспективе, Талми отнес английский к языкам «сателлитного» типа, поясняя, что глагол в нем обычно кодирует способ движения, в то время как направление указывается с помощью специальных, раздельно оформленных, модификаторов. К числу последних от относил преимущественно префиксы и постпозитивные частицы, однако категория этих слов может быть расширена за счет включения в нее наречий и предлогов, которые выполняют ту же самую функцию — «видоизменять представления о направлении движения, обозначенного одним и тем же глаголом, или же о местоположении объекта по отношению к другому объекту или совершаемому движению» [Кубрякова 1999, с. 10] (ср.: *go to, go out of, go up, go down, go through, etc.*). Типологическая принадлежность английского языка отнюдь не исключает существования в нем и глаголов, кодирующих направление, и их возможная этимологическая принадлежность другим языкам в данном случае не имеет принципиального значения. В число этих глаголов входят такие единицы, как *enter, exit, ascent, descent* и более релевантные для настоящего исследования единицы *rise, soar, sink, drop, tilt, turn, tumble* и другие (см. [Levin 1993]).

Как уже указывалось выше, наиболее естественным направлением движения во внутрителесном пространстве является перемещение по вертикальной оси. Вектор движения задан в семантике глаголов *to rise, to soar, to lift* (движение вверх) и *to fall, to drop, to sink, to plunge, to tumble* (движение вниз). Компонент «направление движения» является одним из ядерных в семантике этих глаголов и, как правило, дополнительно в контексте не эксплицируется. Большинство высказываний, содержащий данный предикат, предельно лаконичны: *His heart plunged (T. Blackstock. Breaker's reef); My heart dropped (E. Swenson. Becoming myself); I felt my*

heart lift at this amazing sight (D. Koontz. Seize the night). Вектор движения может дополнительно задаваться «вертикально-ориентированными» наречиями: *My heart dropped low in my belly (M. L. West. Crazy ladies)*. Он может также дополнительно профилироваться указанием на ту точку внутрителесного пространства, где локализуется финальная стадия ощущения: *my heart plunged to my stomach (Ph. Chesler. The argument in favor)*; *My heart dropped to my bowels (M. L. West. Crazy Ladies)*; *her heart dropped to her stomach (D. Davis. Dangerous desires)*. Имея базовые, обобщенные представления о соотносительном расположении органов внутреннего тела, перцепиент способен располагать их на условной вертикальной оси, что позволяет ему не просто описывать ощущение как перемещение вверх-вниз, но задавать ему определенную размерность, тем самым оценивая его интенсивность. Совершенно очевидно, что *her heart dropped to her stomach (D. Davis. Dangerous desires)* и *My heart dropped to my feet (D. R. Jenkins. Green thumb)* обозначают ощущения разной степени интенсивности, и включение в описание компонента «база / ориентир» не только дополнительно поддерживает задаваемый предикатом вектор движения, но и позволяет производить количественную оценку ощущения.

Предикаты, в семантике которых изначально задан компонент «вектор движения», способны сообщать его и тем глаголам, с которыми они вступают в синтагматические отношения. Показателен в этом плане пример глагола *leap*. *Leap* относится к группе предикатов, обозначающих способ движения; его направление и траектория задаются с помощью сателлитов (ср. *He leaped into the car and sped off*; *He leaped out of bed*; *He leapt over a fence and raced across the yard, etc.*). Однако синтагматическая связь с глаголом четко выраженной «векторной» семантики снимает необходимость в дополнительной экспликации направления с помощью сателлита. Так, например, в приведенном ниже высказывании соседство с предикатом *sink* заставляет однозначно интерпретировать *leap* как движение вверх по вертикальной оси: *My heart leaped at the sight of it, then sank again when I saw who was behind the wheel. Lars Olsen (S. King. Full dark, no stars)*.

Заметим, что глаголы с общим значением «прыгать» (*to jump* и *to leap*) относятся к числу высокочастотных и высоко конвенциональных способов обозначения интероцептивных ощущений, о чем свидетельствует не только изобилие контекстов употребления, но и фиксация глаголов в соответствующем значении в словарях. Ср.: *if your heart jumps, it suddenly feels as if it is not beating regularly, for example because you are frightened or excited [MEDAL]*. В приведенном здесь описании *jump* предстает как стертая метафора, почти терминологически обозначающая ощущаемые изменения кардиоритма. Такое чистое, бессателлитное употребление очень характерно для интероцептивного дискурса. Ср.: *My heart jumps and I feel a great surging of excitement inside me (R. Dahl. The wonderful story of Henry Sugar)*. В контек-

стах такого рода предикат, несомненно, обозначает лишь способ движения. Аналогичным образом может употребляться и *leap*: *My heart leaped and I wondered if the fear was real or implanted* (R. A. Lovett. *Zero tolerance*). Сателлит, однако, позволяет оживить стертую метафору, восстановить исходную образность за счет актуализации первоначального значения глагола. Благодаря этому перцепиент приобретает возможность не только более креативно использовать метафору, но и расширять сферу ее применения, используя ее для описания других ощущений. Ср.: *After a few minutes my thighs were burning and my heart was jumping all around my chest* (A. Mindt. *Stories of the hunt*); *When we went out to look at the property, my heart jumped into my throat* (P. Easley. *The joys of work in the woods*); *My heart jumped out of my chest and fled the room* (*The day the worms moved in — COCA*); *“Come here!” Jimmy called hoarsely, and Ben’s heart leaped into his throat* (S. King. *Salem’s Lot*); *Her stomach leaped north — lodging somewhere in the general vicinity of her esophagus* (J. Brown. *This is where we live*); *Maggie’s stomach leaped to her mouth, and it was all she could do not to hurl the cold cereal she’d eaten at breakfast* (L. Snelling & P. Ward. *Breaking free*). Обращает на себя внимание интересная закономерность: за редким исключением, сателлит задает вектор движения вверх (преобладание сателлитов типа *up* и *upwards*). Тот же вектор движения задается и указанием на область внутреннего тела, неизменно расположенную выше точки исходного расположения фигуры / траектора (*into his throat, to her mouth*). Тот же вектор задан и в весьма нетривиальном высказывании *her stomach leaped north*. Север принято визуализировать сверху, поскольку именно такое расположение характерно для карт, часто размещаемых на стене. Такое представление устойчиво закрепилось в английском языке для обозначения направлений *up North* и *down South*. Исходя из этого, можно предположить, что единицы данной группы, не принадлежа изначально к категории предикатов, профилирующих направление, тем не менее, приобретают их свойства в интероцептивном дискурсе. Можно предположить, что это связано с геометрическими характеристиками пространства, в котором осуществляется движение. Его вертикальная ориентированность, о которой речь шла выше, существенно сокращает спектр возможных перемещений, вынуждая находящиеся внутри предметы передвигаться преимущественно вверх-вниз.

Ориентированность вверх в данном случае, по-видимому, объясняется не только феноменологической, но и физиологической спецификой ощущений: учащенный кардиоритм, особенно обусловленный эмоциональным состоянием, часто вызывает проблемы с дыханием и ощущение кома в горле, а позыв к рвоте, сопровождающийся спазмами желудка, ощущается как перемещающийся вверх компактный объект. Такой вектор движения очень ярко и отчетливо задан в следующем высказывании, где сателлит дополнительно подкрепляется сравнением с перемещающимся

вверх предметом: *His heart leaped up in his throat like a crazy jack-in-the-box* (S. King. *Pet Semetary*) (ср.: **jack-in-the-box** — *a toy that consists of a box with a small model of a man on a spring inside it. The man jumps up when the lid of the box opens* [MEDAL]).

Заслуживает внимания и предикат *heave*, обозначающий циклическое движение вверх-вниз (**to heave** — *to move up and down with large regular movements* [MEDAL]). Он используется исключительно для описания ощущений, локализуемых в желудке и связываемых с тошнотой: *My stomach heaves. I need to get him off the phone before I'm sick* (K. Harrison. *The starter marriage*); *My stomach heaved and I restrained the urge to vomit on the boards where I sat* (W. Styron. *The confessions of Nat Turner*).

Таким образом, в интероцептивном дискурсе направление движения может кодироваться гораздо большим числом предикатов, чем те, которые традиционно указываются в работах по данной проблематике (*come, arrive, advance, ascend, descend* др. [Schönefeld 2011]), и не всегда эта семантическая нагрузка ложится на сателлит.

В то же время сателлит позволяет использовать и другие глаголы, нейтральные по отношению к признаку «вектор движения». Ср.: *My heart went up into my throat so high that I think I could have put my hand in my mouth and touched it* (S. King. *The body*); *My heart drifted down* (J. Lane. *One Family Line* — COCA).

Примечательно, что сателлит способен отчасти наделять семантикой движения и предикаты, которые изначально принадлежали к другим семантическим группам: *the pain in his head lanced all the way down into his shoulders and back, and he grabbed tenaciously at the fleeing phantom* (D. Koontz. *The door to December*); *hunger suddenly clamped down upon her stomach in a spasm of aching colic* (W. Styron. *Sophie's choice*). Напомним, однако, что Ф. Кардини предостерегает от отнесения подобного рода словоупотреблений к предикатам движения, настаивая на том, что семантика движения должна передаваться корневой морфемой самого глагола, и мы вполне солидарны с этим предостережением [Cardini 2008, с. 538]. Одновременно с этим нужно иметь в виду, что не каждое «векторное» наречие сообщает семантику движения предикату, при котором оно употребляется. Так, например, наречие *away* может использоваться для обозначения персистирующего ощущения, не воспринимаемого как движение во внутрителесном пространстве: *Anxiety is gnawing away inside me, making me uptight and defensive* (S. Kinsella. *Twenties girl*); *And something about her once more tugged away at my heart* (W. Styron. *Sophie's choice*); *One moment I was standing there with my heart pumping away* (W. Styron. *Set this house on fire*). Такое употребление *away* является вполне конвенциональным и закреплено в словарях: **away** — *used for showing that someone does something continuously or for a long time* [MEDAL].

Направление движения кодируется и в глаголах, которые обозначают изменение в естественном положении некоторого органа при сохранении его первоначальной локализации. Это изменение может осуществляться посредством совершенного органом или произошедшего с ним перемещения.

Так, например, интероцептивное ощущение может описываться как отклонение органа от свойственного ему положения, утрата первоначального баланса во внутрителесном пространстве. Вектор такого движения задан в горизонтальной проекции. Он относится к ядерным компонентам в семантике таких предикатов, как *lurch* (*to lean or roll to one side* [OALD]) и *tilt* (*to move into a sloping position* [OALD]). Ср.: *My stomach lurches again* (*S. Kinsella. Twenties girl*); *Billy felt his heart tilt in his chest and fall crazily out of rhythm* (*S. King. Thinner*). Примечательно, что глагол *lurch* в этом метафорическом употреблении прошел процесс конвенционализации и закрепился в языковом сознании как единица интероцептивного словаря, в значительной степени утратив первоначальное значение и сохранив лишь принадлежность к глаголам движения. Так, например, в словаре MEDAL соответствующее его значение описывается следующим образом: “*if your heart or stomach lurches, it seems to suddenly jump because you are excited or upset*”. В результате такой значительной десемантизации данный предикат может обозначать перемещение с любым вектором, сопровождаясь, например, сателлитом *up* или указанием на вышерасположенную область внутреннего тела: *Her heart lurched up into her throat, and tears welled in her eyes* (*P. Kuck. Run to the river*); *His heart took a lurch into his throat, and his mouth pulled back and down in a grimace* (*S. King. Pet sematary*); *Wolverton's stomach lurched into his gullet once again* (*T. Sullivan. Star-crossed*). Принадлежность *lurch* конвенциональному интероцептивному словарю позволяет расширять сферу его употребления и применять его к ощущениям, локализуемым в других частях внутреннего тела и не связанных с представлением о правильном положении органов. Ср.: *The hiccups commenced again, pain lurched in his guts* (*W. Styron. Set this house on fire*). *Lurch* становится стертой метафорой, обозначающей телесный симптом вообще. Тем не менее, связь с исходным значением глагола все же не утрачена окончательно, что подтверждается возможностью экспликации вектора движения в сравнениях, где производится отсылка к предметам, перемещающимся традиционным для *lurch* способом: *he felt his brain lurch like a seesaw* (*W. Styron. Set this house on fire*).

Несмотря на преобладание контекстов, в которых в качестве фигуры / траектора выступает сердце или желудок, перечисленные выше предикаты могут использоваться и для обозначения менее четко локализованных ощущений: *She felt something inside her drop like a stone* (*J. Coulson. The vanishing moon*). Носители языка подтверждают понятность и приемле-

мость описаний типа “*Everything inside me dropped / heaved / tilted*”, однако реальных контекстов такого рода ни в художественных произведениях, ни в корпусах нами обнаружено не было.

3.5.4. Глаголы, кодирующие способ движения

There is movement and movement. There are movements of small tension and movements of great tension and there is also a movement which our eyes cannot catch although it can be felt.

Kasimir Malevich

Наибольший интерес для нас представляет группа глаголов, кодирующих способ движения. Вопрос о границах этого класса и о необходимой степени дробности классификации решается по-разному. Так, например, Левин и Раппапорт Ховав [Levin & Rappaport Novav 1992], отмечая значительную разнородность единиц, принадлежащих к данному классу, предлагают подразделять их на два типа, положив в основу классификации признак «контроль со стороны протагониста». Первую группу составляют глаголы, обозначающие действия, которые подразумевают «непосредственную внешнюю причину» (a direct external cause) и не предполагают контроля со стороны протагониста (*move, roll, spin, rotate, whirl* и другие). Вторую группу составляют глаголы произвольного движения, которые подразумевают контроль со стороны протагониста (*walk, run, swim, jog* и другие) [Levin & Rappaport Novav 1992, с. 253]. Авторы поясняют, что действие «бег» обычно контролируется протагонистом, в то время как действие «перекатывание» может осуществляться без его участия, под действием толчка или силы тяжести. Оговорка «может» представляется важной, поскольку центр контроля — понятие не абсолютное, и один и тот же предикат может обозначать оба типа действия (ср.: *He rolled on his side and watched her* (M. Burton. *Before she dies*) vs *Tears rolled down my cheeks thinking of that fateful day when I gave up my baby girl* (СОСА)). Идея о локусе контроля представляется перспективной, поскольку классификация такого типа позволяет отследить процесс олицетворения внутрителесных органов и феноменов, о котором мы неоднократно писали выше. Тем не менее, сама классификация представляется чересчур общей, а попытки субкатегоризации при таком подходе затруднены тем, что и контролируемое, и неконтролируемое движение может обладать одинаковым набором характеристик (скорость, траектория, цикличность и т. д.).

Иная классификация была предложена Д. Слобиным. Слобин пишет о том, что «способ движения» является весьма широким понятием, которое

включает в себя множество характеристик, таких как моторные паттерны (*hop, jump, skip*), часто в комбинации со скоростью движения (*walk, run, sprint*), силовой динамикой (*step, tread, tramp*) или «отношением» (*attitude*) (*amble, saunter, stroll*), а также средство передвижения (*sled, ski, skateboard*) [Slobin 2006, с. 61]. В одной из своих более ранних работ он подразделяет глаголы, кодирующие способ движения, на следующие группы: быстрое движение, неспешное движение, плавное движение, затрудненное движение, движение украдкой, способы ходьбы и способы прыжка [Slobin 2000, с. 119]. Данная классификация не представляется последовательной, но подсказывает принцип дихотомической организации внутри определенных более крупных классов (скорость: быстрое / медленное движение; поступательность: плавное / прерывистое движение и т. д.).

С нашей точки зрения, наибольшего внимания заслуживает классификация, предложенная Ф.-Э. Кардини. По его мнению, глагол способа движения способен передавать информацию трех типов, в рамках которых может быть произведена дополнительная субкатегоризация:

- А) информация о тех аспектах движения, которые непосредственно воспринимаются нашими органами чувств, включая
 - A1) базовые виды движения, которые могут производиться одушевленными и неодушевленными предметами, взаимодействующими с поверхностями во время перемещения (*roll, bounce, slide*);
 - A2) типы движения, которые характерны исключительно для одушевленных предметов во время перемещения (*walk, trot*);
 - A3) траектория движения (*zigzag, arc*);
 - A4) средство перемещения (*cycle, canoe*);
 - A5) звуки, связанные с перемещением (*rattle, whistle*).
- В) Информация о тех аспектах движения, которые связаны с базовыми, универсальными понятиями, включая
 - B1) скорость (*zoom, hurtle, drift*);
 - B2) энергию / силу (*barge, totter*);
 - B3) вес (*trundle, trip*);
 - B4) усилия (*coast, clamber*);
 - B5) плавность (*flow, joggle*);
 - B6) гармоничность (*lollop*);
 - B7) устойчивость, уравновешенность (*march, stagger*).
- С) Информацию о тех аспектах движения, которые свидетельствуют об эмоциональном состоянии траектора (спешке — *hurry*, страхе — *sneak*, уверенности — *swagger*, спокойствию — *stroll*, игривом расположении духа — *caper, gambol*) [Cardini 2008, с. 541–546].

Ф.-Э. Кардини особо подчеркивает, что глагол может иметь сложную семантическую структуру, профилируя несколько из вышеперечис-

ленных признаков, но для того, чтобы быть отнесенным к глаголам способов движения, он должен обладать хотя бы одним. В его работе приводится список из 251 английского глагола, которые, по его мнению, можно с полным основанием отнести к глаголам способа движения [Ibid, с. 566]. Заметим, что список отнюдь не является исчерпывающим, однако он задает определенные ориентиры в данном сложном и разнородном корпусе лексики.

Мы не ставим перед собой задачу разработать принципиально новую, универсальную и всеобъемлющую классификацию глаголов, кодирующих способ движения, или существенно модифицировать уже существующие. Мы намерены лишь рассмотреть те глаголы, с помощью которых описываются интероцептивные события, и систематизировать их, воспользовавшись некоторыми ранее высказанными идеями и предложенными терминами, в значительной степени опираясь на классификацию Ф.-Э. Кардини.

3.5.4.1. Траектория движения

It whirls, it whirls.

Alexander Calder

Несомненный интерес для нас представляет признак «траектория движения». Отметим, что некоторые исследователи не дифференцируют направление движения и его траекторию, приводя оба термина как синонимичные (см., например, [Parrill 2011, с. 61]). Между тем, как справедливо замечает Ф.-Э. Кардини, «направление» задает лишь общий вектор движения, независимо от того, движется ли предмет к конечному пункту прямым путем или посредством серии сложных паттернов, многократно отклоняясь от заданного курса. Эти регулярные отклонения, складывающиеся в некоторый общий рисунок, и обозначаются термином «траектория». Направление и траектория различаются и сугубо лингвистически: глаголы направления в массе своей не допускают использования при себе «векторных» наречий (ср. **advance forward*), поскольку в противном случае образуется семантически избыточное сочетание. Для глаголов, профилирующих траекторию, такие сочетания естественны (ср. *arc across the room*) [Cardini 2008, с. 543].

Признак «траектория» является салиентным в семантике глаголов, обозначающих круговое движение, которые широко представлены в интероцептивном дискурсе. К числу наиболее частотных относятся *turn, roll, flip, spin, swirl*. В отличие от глаголов, кодирующих вектор движения (*rise, sink* и др.), для них безразлична начальная и конечная точка перемещения, а также направление движения [Круглякова, Рахилина 2010]. Последнее замечание, впрочем, требует некоторого уточнения. Глаголы *roll* и *flip* чаще обозначают движение вокруг горизонтальной оси, при котором услов-

ная точка на поверхности находится то снизу, то сверху. Подтверждением тому служат устойчивые или, по крайней мере, высоко частотные сравнения, в которых содержится указание на предмет, способный перемещаться именно таким образом. Для *roll* таким прототипическим предметом является шар или мяч: *to roll like a ball / dustball / marble / boulder (COCA)*. *Flip* чаще используется для описания поворота, осуществляемого плоской фигурой, но тоже сверху вниз или снизу вверх: *to flip like a matchbox/ pancake (COCA)*. Предикат *swirl* используется в контекстах, где описывается движение вокруг вертикальной оси. Прототипическими объектами, в которых наблюдается движение такого рода, являются торнадо и водоворот: *to swirl like a tornado / whirlpool*. Стоит отметить, что движение, описываемое данным предикатом, может осуществляться по спиральной траектории (что, собственно, и имеет место при описании торнадо и водоворота). Таким образом, вектор движения, хотя и в существенно затемненном виде, все же присутствует в семантике данных предикатов. Некоторая идея поступательности, то есть перемещения в горизонтальной плоскости, передается и предикатом *roll*. Говорить о полной нерелевантности признака «направление движения» можно лишь в том смысле, что вращение может осуществляться и вправо, и влево, и от условного наблюдателя, и к нему. В полном смысле нейтральными по отношению к признаку «направление движения» можно, пожалуй, признать лишь предикаты *spin* и *turn*. Так, например, *spin* описывает и горизонтальное, и вертикальное вращение: *to spin like a top / carousel / pinwheel / propeller*. *Turn* обнаруживает значительное сходство со *spin* в образовании устойчивых (или высокочастотных) сравнений: *turn like a top / wheel / pinwheel*, — добавляя к списку лишь одну принципиально отличающуюся единицу — *screw*.

Заметим, что в интероцептивном дискурсе не нашли применения глаголы, описывающие движение вокруг внешней оси, такие как *rotate* и *revolve*. Круговое движение, как правило, не связано с существенным перемещением по внутрителесному пространству и осуществляется в пределах определенной топологической области.

Способность к совершению кругового движения чаще всего приписывается сердцу и желудку. Возможно, это отчасти обусловлено тем, что данные органы в наибольшей степени воспринимаются как компактные, симметричные образования правильной формы, приближенной к шару. Именно для такого рода объектов круговое движение воспринимается как наиболее естественное, составляющее ядро их кинетического репертуара. Именно к сердцу и желудку оказывается применимо большинство вышеуказанных предикатов. Ср.:

turn: *and she could feel her own heart turn as she gave the child a smile (E. Kagan. No good-byes); I can feel my stomach turning (Sh. Petroff. Dancing with the enemy).*

flip: *My heart flipped in my chest (J. Evanovich. Three plums in one); Pinned by her seat belt, she felt her stomach flip and her heart race, and for what? (L. Lippman. What the dead know).*

swirl: *My heart swirled and danced under his touch (L. Patton. Yankee doodle Dixie); my stomach swirled like a whirlpool (T. Parish. Roustabout).*

Заметим, однако, что предикаты *roll* и *spin* обнаруживают избирательную сочетаемость с субъектом. В найденных нами контекстах *roll* используется исключительно для описания ощущений, локализуемых в желудке (ср.: *The sight of all of them made her stomach roll uneasily (E. George. For the sake of Elena)*), а *spin* является частью лишь «сердечного» словаря (ср.: *his runaway heart spun wildly out of control (S. J. Cannell. Runaway heart)*). Тяготение *roll* желудочному словарю отчасти объясняется наложением метонимии: перекачивается не сам желудок, а его содержимое, и это движение внутри метонимически переносится на всю пространственную область, в которой движение регистрируется.

Предикаты кругового движения могут использоваться и при описании ощущений, не имеющих четкой локализации и охватывающих значительную часть внутрителесного пространства: *my insides twisted and turned (D. Pelzer. A child called 'It');* *Gazing into her shamrock-green eyes, he felt his insides swirl (J. Ortolon. Dear Cupid).*

Они встречаются и в контекстах других типов. Так, например, в качестве фигуры / траектора может выступать само ощущение: *Then the pain rolled down his arm (S. King. Apt pupil); I felt my eyes roll up in my head as the pain spun inside me in several different directions (Sh. C. Rogers. Drift); the sickness, which was now rolling through her belly in gripping, peristaltic waves (S. King. The dead zone); On the morning of the fifth day I awoke feeling sickly and strange, with an aching emptiness at the pit of my belly and a giddiness swirling about in my brain (W. Styron. The confessions of Nat Turner); Bright pain had nauseated rolling greasily in his belly (N. Roberts. Three fates).* Очевидно, ощущение в таких случаях моделируется сознанием как компактный, более или менее округлый предмет, что подтверждается, в частности, и возможностью его эксплицитной метафорической номинации: *a ball of pain, a ball of heat in the belly, a ball of lead (a lead ball) in the stomach, a boulder of pain.* Ср.: *she felt suddenly as if a huge boulder had rolled off her heart (S. King. Needful things).* Заметим попутно, что такой тип концептуализации встречается и в контекстах, описывающих эмоциональное состояние перцепиента: *Horror rolled through Louis, gripping his warm heart in its cold hands, squeezing (S. King. Pet sematary); But now, uneasiness rolled through her as she shifted two-and-a-half-year-old Alexis higher on her hip (L. Eason. Lethal deception).* Наконец, ощущение может описываться как круговое движение, локализуемое в определенном органе, но не совершаемое самим этим органом: *After a few seconds I feel a weird flip in my*

stomach (S. Kinsella. *Twenties girl*); *But at least the swirling in his head had slowed down; he no longer felt he might barf at any moment* (R. Canning. *Take it from me*).

Глаголы кругового движения различаются между собой определенными семантическими параметрами, к числу которых относится не только ось вращения, но и скорость, упорядоченность, поступательность, равномерность, контролируемость, целенаправленность, наличие контакта с плоскостью, однонаправленность и др. (см., например, [Рахилина, Прокофьева 2004; Круглякова 2010]).

Определим, какие из этих параметров обладают наибольшей степенью релевантности при описании интероцептивных ощущений.

Одним из таких параметров является количество оборотов. Данный параметр представляется важным, поскольку выбор предиката позволяет отразить темпоральные характеристики ощущения. Очевидно, что преходящее кратковременное ощущение должно концептуализироваться как одинарный оборот или некоторое определенное, ограниченное число поворотов, в то время как персистирующее ощущение будет описываться как множественные обороты.

Способность к обозначению одинарного оборота узуально заложена в семантике глаголов *turn* и *flip*. Именно для них в наибольшей степени характерно образование сочетаний с единицами, указывающими на определенное количество: *to flip / turn once, several times, once more, again*. Ср.: *His stomach flipped again, and he winced* (K. K. Rusch. *The women of Whale Rock*); *Her stomach turned over again, making her feel a little weak* (S. King. *The dead zone*). Кроме того, именно эти единицы чаще конвертируются в существительные и используются в функции партитива, обозначая один фрагмент вращательного движения, а, следовательно, и кратковременное, преходящее ощущение: *After a few seconds I feel a weird flip in my stomach* (S. Kinsella. *Twenties girl*).

Способностью к передаче одинарного полного оборота обладает и глагол *to spin*. Однако в этом случае речь обычно идет не о полноценном, завершённом действии, а о части полного цикла, об одном акте действия, которое предполагает продолжительную серию однотипных эпизодов. Заметим, что примеры подобного рода в интероцептивном дискурсе нами обнаружены не были, и *spin* используется при описании ощущения, обладающего определенной продолжительностью: *Her heart spun as his lips closed over hers, spun and raged and thundered inside her* (N. Fox. *Love or nothing*).

Весьма неоднозначную картину дает предикат *roll*, который узуально является итеративным глаголом и обозначает множественные обороты вокруг оси, сопровождающиеся поступательным движением в некотором более или менее определенном направлении: *Stu's stomach was rolling back*

and forth helplessly (S. King. The Stand); it might have been the sickness, which was now rolling through her belly in gripping, peristaltic waves (S. King. The dead zone). Roll, как правило используется в контекстах, где описывается персистирующее, мучительное ощущение, чаще локализованное в области желудка или кишечника. Продолжительный характер действия подчеркивается и частым употреблением длительных глагольных форм и причастий: *His stomach was rolling around nastily in his guts (S. King. Needful things); Strengthless, she was butted this way and that, her stomach rolling crazily (S. King. The dead zone)*. Длительность, предполагающая определенную цикличность в совершаемом органом движении, может дополнительно подчеркиваться сравнением с кинетическим поведением некоторого типичного в этом отношении объекта: *He beat at the thought with agonized horror, the heat rolling and billowing in his head like a sandstorm (S. King. The Stand)*. Тем не менее, *roll* (и его отглагольные производные) может использоваться и для обозначения однократного кругового движения, сопровождающегося выраженным перемещением во внутрителесном пространстве: *Larry's empty stomach did a slow forward roll (S. King. The Stand); He felt his stomach roll over in a single giddy tumble, and for one desperate moment it seemed impossible that he would not vomit (S. King. Thinner)*.

Семантика одинарного оборота совершенно не свойственна лишь глаголу *swirl*, обозначающему вихревое движение. С помощью данного предиката вербализуется персистирующее ощущение высокой степени интенсивности: *(On the morning of the fifth day I awoke feeling sickly and strange, with an aching emptiness at the pit of my belly and a giddiness swirling about in my brain (W. Styron. The confessions of Nat Turner))*, часто возникающее под действием эмоциональных факторов (*my heart swirled and danced under his touch (L. Patton. Yankee doodle Dixie)*). Даже партитивное употребление *swirl* (*a swirl of smoke / wings / leaves etc.*) не предполагает дробление акта вращения на отдельные обороты, а обозначает некоторый фрагмент, имеющий определенную протяженность и непременно состоящий из нескольких оборотов, поскольку в противном случае специфика траектории, передаваемой *swirl*, теряется. Таким образом, *swirl* неизменно передает ощущение непрерывающегося вращения во внутрителесном пространстве. В приведенном ниже примере этот метафорический образ дополнительно подкрепляется сравнением с роением мошкары, для которого именно такой вид движения воспринимается как наиболее естественный тип кинетического поведения: *He stared at the figure, feeling a coldly fluttering swirl of moths in his gut (S. King. Thinner)*. Заметим, что метафора вихревого вращения используется и для обозначения эмоциональных переживаний, а также навязчивых мыслей, «роящихся» в теле и голове соответственно: *a swirl of negative emotions (S. King. Needful things); a bewildering swirl of thoughts and emotions (S. Campbell. Houston Chronicle)*.

Еще одним важным параметром представляется скорость движения, поскольку она метафорически соотносится с интенсивностью переживаемого ощущения. В семантике некоторых предикатов данной группы этот признак является ядерным, ср.: **to spin** — *to turn round and round quickly*; **to flip** — *to turn over quickly*; **to swirl** — *to move quickly in circles* [MEDAL]. Следует признать, однако, что реальная речевая практика далеко отстоит от предписываемых языком норм. Предикаты *spin* и *swirl* могут использоваться и в ситуациях, где описывается медленное движение, и основным профилируемым семантическим признаком оказывается лишь траектория перемещения: *the rotor blades spin lazily, disks which spin slowly around his body, the clouds swirl slowly and unevenly clockwise* (COCA). Более того, высокая скорость перемещения, заложенная в семантике самих глаголов, может дополнительно эксплицироваться в контексте: *the baby is quickly flipped onto her back; wheels spin quickly; bits of paper were rapidly swirling in a circle* (COCA). Последний пример особенно необычен, поскольку в нем эксплицируется не только скорость, но и траектория перемещения, что представляется совершенно избыточным и фактически делает это описание плеоназмом. Относить подобные необычные словоупотребления на счет особенностей идиолекта конкретного автора не представляется возможным, поскольку они обладают достаточной частотностью, что является показателем определенной тенденции в развитии семантики предикатов данной группы. Складывается впечатление, что семантическая структура этих глаголов изменяется в сторону упрощения, и значительная часть семантической нагрузки все чаще сбрасывается на непосредственное лексическое окружение предиката.

Тем не менее, в интероцептивном дискурсе данные единицы, как правило, употребляются в традиционном для них значении. Они используются в тех ситуациях, когда перцепиент испытывает ощущение высокой степени интенсивности, будь оно вызвано собственно телесными или эмоциональными факторами. Интенсивность этого переживания может передаваться разными средствами. Так, например, ощущение может сравниваться с прежним или описываться как несравнимое ни с чем из ранее испытанного: *Caitlin had often felt anxious when reading emails <...> but that swirling in her stomach, that dryness in her throat, was nothing compared to this* (R. J. Sawyer. *Conclusion wake*); *She took Griff's hand, their fingers and gazes meeting, her heart flipping even worse than it did in the chair* (D. Castell. *Hot and bothered*). Возможно и присутствие в контексте слов с ярко выраженной оценочностью, сравнений, апеллирующих к опыту наблюдения адресата речи за быстро движущимися предметами: *She feels acutely uncomfortable <...>, her stomach gurgling, mind reeling, heart flipping like a deranged jack-in-the-box* (E. Juska. *Blind date*); *She took a step feeling her stomach swirl like someone had flushed it* (E. Denton. *A leap of faith*).

В отличие от *flip*, *spin* и *swirl*, предикат *roll*, как правило, используется для обозначения медленного кругового движения. Следует отметить, что скорость как таковая не является для него салиентным семантическим признаком и требует дополнительной экспликации. Такая экспликация чаще всего осуществляется наречиями *slowly*, *lazily*, *leisurely*: *Larry's empty stomach did a slow forward roll* (S. King. *The Stand*); *Her stomach did a slow roll-over that made her feel a bit nauseated with sudden sexual longing* (S. King. *The dead zone*). В нашем корпусе примеров, однако, представлено и единичное высказывание, в котором *roll* соседствует с наречием, обозначающим интенсивное, быстрое движение: *Strengthless, she was butted this way and that, her stomach rolling crazily* (S. King. *The dead zone*). Таким образом, можно говорить лишь о тенденции к употреблению *roll* для обозначения медленного движения в интероцептивном дискурсе, а не об общем правиле.

К данной группе глаголов примыкает *twist*, который обозначает деформацию исходной формы объекта, вызванную поворотом его части вокруг оси. Чаще всего данный предикат используется при описании ощущений, локализуемых в области желудочно-кишечного тракта, и метафорически обозначает спазмы, связанные с чувством голода или ощущением тошноты. К наиболее типичным следует отнести контексты типа: *my stomach twisted with hunger* (COCA); *My stomach twisted uncomfortably, and I hoped I wouldn't be doing Doug in the bathroom* (R. Mead. *Succubus shadows*); *my insides twisted and turned* (D. Pelzer. *A child called 'It'*). Данный предикат может использоваться и для обозначения соматического маркера эмоции. В этом случае метафорическое перекручивание может осуществляться не только желудком, но и сердцем. Ср.: *Laura's stomach clenched and twisted. A sickening wave of dread swept through her* (D. Koontz. *The door to December*); *And the longer he searched without finding the ghiling blade, the tighter his heart twisted* (M. Corradi. *The Ghiling blade*). Сама эмоция также может концептуализироваться как объект, способный к перекручиванию: *She fought to control the fear twisting inside her* (J. A. Denton. *Remain silent*). Показательно, что данный предикат используется лишь для обозначения отрицательных эмоций, поскольку описываемое им ощущение воспринимается как болезненное, деформирующее исходную конфигурацию внутреннего тела, способное разрушить его целостность: *No real ghost <...> would ever make his heart twist and tear* (B. Lott. *War story*).

Интересно отметить, что итоговая конфигурация, возникающая в результате такого рода движения, чаще всего описывается как узел (или узлы): *My stomach twisted into knots as I remembered that I'd borrowed the skirt from Bibi* (Ch. Edochie. *The King of Hispaniola*). Следует оговориться, однако, что способность сворачиваться в узел приписывается лишь желудку и кишечнику, и примеры с названиями других органов и частей внутреннего

тела нами обнаружены не были. Оборот *to twist into a knot*, независимо от буквального или метафорического своего употребления, примечателен тем, что он доказывает способность *twist* выступать в качестве телического глагола, что совершенно не свойственно глаголам, обозначающим собственно круговое движение. Глагол *twist* оказывается применим и к описанию качественных характеристик самого ощущения, хотя частью конвенционального болевого словаря он не является: *a deep, twisting, visceral pain* (*W. Styron, Sophie's choice*); *suddenly she felt a twisting pain* (*E. Swanson. Blood relations*).

В интероцептивном дискурсе могут использоваться и другие глаголы или коррелирующие с ними существительны, профилирующие траекторию движения. Количество таких примеров, к сожалению, невелико, и предикаты и субстантивы не дают широкого разнообразия моделей вербализации интероцептивных ощущений. Тем не менее, приведем несколько наиболее интересных. Способность перемещаться по зигзагообразной траектории не рассматривается в контексте собственно телесной организации, но допускается для эмоции: *it sent a zigzag of fear from Jacob's heart to his willy* (*C. Bray. Scaling never*). Движение «кувырок», осуществляемое по сложной траектории и требующее осознанного контроля со стороны протагониста, метафорически переносится в сферу внутреннего тела и используется для обозначения дискомфортного ощущения в области желудка: *Her stomach did another forward roll but this time it didn't stop; it just went on somersaulting over and over and she became aware that she was getting sick* (*S. King. The dead zone*).

3.5.4.2. Скорость движения

I have one speed, I have one gear: go!

Charlie Sheen

Скорость движения, несомненно, относится к числу наиболее важных признаков, профилируемых глаголами и производными от них единицами, которые используются при описании интероцептивных ощущений. Скорость, как мы уже писали ранее, метафорически соотносится с интенсивностью переживаемого ощущения: чем быстрее осуществляется перемещение, тем сильнее оно ощущается перцепиентом.

В интероцептивном словаре к числу наиболее частотных глаголов, обладающих семантикой быстрого движения, относятся единицы с общим значением «бегать» (*run, race* и *gallop*). Наиболее характерным для них контекстом употребления является описание ощущений, связанных с учащением кардиоритма: *His heart began to run again* (*S. King. Pet sematary*); *Jason's heart was still racing* (*R. Cook. Mortal fear*); *I watch, my heart suddenly galloping* (*S. Kinsella. Twenties girl*). Принадлежность этих единиц сер-

дечному словарю легко объяснима. Деятельность сердца циклична, представляет собой сложное, многомерное движение, которое при достижении определенной степени интенсивности регистрируется механическими рецепторами окружающих тканей [Кубряк 2009, с. 10–12], и это циклическое касание тканей, чередуемое с отдалением от них, действительно, обладает той моторной динамикой, которая обнаруживается в беге.

Употребление этих единиц в интероцептивном дискурсе осуществляется в рамках популярной когнитивной и коммуникативной стратегии олицетворения органов внутреннего тела. Их популярность объясняется и тем, что лексемы данной группы позволяют фиксировать варьирующуюся скорость кардиоритма, поскольку экспериенциальный субдомен «бег» достаточно хорошо структурирован. Так, ускоренный шаг, приближенный к бегу, обозначается лексемой *trot*, сам бег, по мере нарастания его скорости, обозначается лексемами *run*, *race* и *gallop*: *My heart went into a bumping erratic trot when Nathan <...> hustled in out of the night* (W. Styron. *Sophie's choice*); *He held the belt up, reading it, and felt his heart speeding up to a frightened run* (S. King. *Thinner*); *Jason's heart was still racing* (R. Cook. *Mortal fear*); *I watch, my heart suddenly galloping* (S. Kinsella. *Twenties girl*). Примечательно, что эти лексемы используются достаточно дифференцированно, и в нашем корпусе примеров есть контексты, в которых показано, как перцепиент оценивает скорость кардиоритма, «примеряя» к описанию разные лексемы, принадлежащие данной группе или примыкающие к ней: *His heart was hustling right along, but it wasn't hammering or racing or anything like that*. (S. King. *Needful things*); *Yet I could hear only one sound, and it was strictly internal: the thick, liquid thud of my own heartbeat, faster than normal but not racing* (D. Koontz. *Seize the night*).

Во всех приведенных здесь примерах глаголы, несмотря на метафорическое употребление, сохраняют прочную связь с исходным экспериенциальным доменом и вызывают в сознании полноценный образ бега. Этот образ может дополнительно подкрепляться эксплицитным сравнением: *Her heart was galloping like a hundred wild horses* (Ch. Rimmer); *her heart galloping out of control like a runaway steed as she tried to make sense of the unholy din* (J. Byrne. *My enemy, my love*); *Her heart raced like a deer before the hunter* (L. Byrne. *My enemy, my love*).

Анализ сравнений, однако, позволяет выявить тенденцию к утрате исходной образности, особенно у наиболее частотного в данной группе предиката *race*. Компонент «скорость» оказывается настолько салиентным в семантике этого глагола, что он становится единственным проецируемым признаком при метафорической проекции. Ср.: *His heart raced like a stream of speeding electrons as he waited second after second for the transceiver to turn off* (H. G. Stratmann. *The invasion*); *My heart raced like a berserk clock* (M. Thomas. *Nightwatch*); *Her heart raced like a riptide* (F. Cooper.

I believe in angels); Her heart was racing like an express train as she saw that the look in his eyes was as gentle as his hold (J. Steele. His woman).

Примечательно, что глаголы, обозначающие «нормальный», размеренный шаг (*walk, pace*) в interoцептивном дискурсе не используются, поскольку нормальное сердцебиение ощущается лишь при сознательной фокусировке на нем, и, не представляя угрозы для физического благополучия человека, не требует когнитивных и вербальных ресурсов для своего осмысления и вербализации.

Сказанное относится и к другим видам ощущений, осмысляемых и вербализуемых через метафору бега. Так, например, обнаруживается достаточно представительный корпус примеров, в которых метафора бега используется для обозначения внезапно возникающей, приступообразной боли: *Pierre gasped as the pain ran up his arm to grip his heart (A. Marsella. Enchante); As I sidestepped from the wash basin to the rinse basin, another pain raced through my body (D. Pelzer. A child called 'It');* *Pain raced along very nerve pathway as he crumpled to the floor (P. D. Manison. Who names the light?)*. Привычность, конвенциональность подобного рода номинаций, уверенность в их общепонятности позволяет активно экспериментировать с метафорой бега, создавая сложные, развернутые метафоры: *After awhile he began to feel hunger and thirst — even through the pain. It became something like a horse race. At first King of Pain was far in the lead and I Got the Hungries was some twelve furlongs back. Pretty Thirsty was nearly lost in the dust. Then, around sunup on the day after she had left, I Got the Hungries actually gave King of Pain a brief run for his money (S. King. Misery)*. Данная метафора представляет собой проекцию фрейма «конные скачки» на сферу interoцепции. Эксплицитно задавая фрейм в самом начале описания (*something like a horse race*), автор открывает для себя широкие возможности для использования образов и соответствующих им номинаций. Развернутая метафора позволяет передать сложную динамику interoцептивных процессов, в которых одно ощущение сменяется другим, наслаивается на него, создавая сложный аккорд «рапсодии ощущений» [Кассирер 2001, с. 57], «звучащей» внутри нашего тела.

Метафора бега чаще всего репрезентируется на вербальном уровне лексемой *race*. Так, например, при описании кардиоритма в корпусе СОСА зарегистрирован 321 контекст употребления (оговоримся, что поиск учитывал лишь контексты, в которых *heart* и *race* непосредственно соседствовали друг с другом). Остальные единицы группы представлены значительно более скудно: 2 контекста вышеуказанного типа для *run* и 8 для *gallop*. Тем не менее, их репрезентированность в дискурсе задает определенный формат при осмыслении и описании interoцептивных ощущений, подсказывая возможность употребления и других лексических единиц, обозначающих перемещение с определенной скоростью. Так, например, доста-

точно популярной является лексема *bolt*, обозначающая быстрое внезапное перемещение и используемая для обозначения преходящего, кратковременного приступообразного ощущения: *he said, his heart bolting the way it did when he was close to trouble (A. Hagy. Border)*. Метафора бега репрезентируется и лексемой *sprint* и ее производными: *He was huddled on his side in a dark ball, his heart beating at a sprinter's pace (S. King. Apt pupil)*. Примыкает к этой группе и лексема *dart* ((to make) a sudden quick movement somewhere [MEDAL]: *I stand for a moment, motionless, little darts of pain shooting round my body (S. Kinsella. Twenties girl)*. Такие случаи единичны, но они демонстрируют потенциал метафоры бега при осмыслении и вербализации интероцептивных ощущений, одновременно доказывая сохраняющуюся связь с экспериенциальным доменом, служащим основой для метафорических проекций на область внутрителесных ощущений.

Скорость движения является салиентным компонентом и в семантике глагола *rush*, а также его производных (ср.: **to rush** — *to hurry in order to get somewhere very quickly* [MEDAL]). Данная единица также может использоваться для описания кардиоритма, фиксируя тот момент, когда сердце начинает биться чаще: *Ward's heart rushed, his temples throbbed (H. E. Francis. The battered shore)*; *Her heart rushed at the thought of it (R. Bittner. Song of the wolf)*. Доказательством того, что *rush* является полноценным глаголом движения, служит возможность его использования в контекстах, где эксплицируется вектор перемещения: *I felt my heart rush up to my neck, then it split both ways and shot out my ears (M. L. West. Crazy Ladies)*. Данный глагол, а также его производные, обладает гораздо большей частотностью при описании ощущений, которые в сознании перципиента связываются с ускорением тока крови по организму. В отличие от множества других субъективных переживаний, связанных с внутренним телом, данное представление не лишено реальных, физиологических оснований. Субъективность проявляется в том, какие именно состояния перципиент связывает с ускорением тока крови, и где он его ощущает. Одним из таких состояний является эмоциональное возбуждение: *the prospect of seeing her again made my blood rush (W. J. Palmer. The detective and Mr. Dickens)*. Гнев часто описывается как внезапный прилив крови к глазам: *Blankenship, staring Mulcahy down, felt the blood rushing to his eyes in anger (W. Styron. The suicide run)*. То же представление, но выраженное другими языковыми средствами, отчетливо прослеживается во фразеологизме *'it makes me see red'* (it makes me furious). Гнев часто описывается и как кровь, которая бросается в голову: *Blood rushed to his head, a dark surge of rage, of dread (P. Clare. Ride the fire)*. Смущение, стыд, замешательство сопровождаются внезапным приливом крови к лицу: *I felt the blood rush to my face (S. Andrews. A fall in Denver)*; *Wendy took a peek under the sheet and felt blood rush to her cheeks (W. C. Dietz. Drifter)*.

Следует отметить, что описания такого типа весьма характерны и для русского языка, в котором коррелятом *rush* является «броситься»: *Когда Женя услышала подобный «обрывок» впервые, вся кровь бросилась ей в голову от возмущения (А. Берсенева. Возраст третьей любви)* (ср. также: *кровь бросилась ему в лицо*). Такое совпадение в двух языках во многом объясняется физиологической спецификой самих состояний, в частности, выраженным и хорошо видимым покраснением кожных покровов и приливом тепла, ощущаемом в голове или в лице. Английский язык, однако, использует *rush* для репрезентации более широкого спектра состояний и ощущений, в то время как русский вербализует их близкими, но не идентичными способами: *An ice-cold chill rushed through my body (D. Pelzer. A child called 'It')*; *He felt a sick little chill rush through his guts, a telephone call from nowhere (S. King. Dreamcatcher)* (рус. «холодок пробежал»); *Another sensation rushed through me: a third wave (S. King. The things they left behind)* (рус. «ощущение нахлынуло»); *Blood rushed to my ears in loud, crashing waves, and a horrible pain shot through my skull (S. McBride. Little black dress)* (рус. «кровь прилила к ушам»). Английская лексема *rush* иначе передает динамику ощущения, профилируя момент его возникновения, а не итоговое телесное состояние, подчеркивая его внезапность и кратковременность.

Напомним, что семантикой быстрого движения обладают и рассмотренные ранее глаголы (и соответствующие им существительные) *jump, leap, spin, swirl, flip*, которые образуют пусть и малочисленные, но вполне определенные, системно организованные группы. Среди единиц с семантикой медленного движения, которые используются при описании interoцептивных ощущений, не обнаруживается выраженных системных связей. По сути дела, эта группа представлена двумя единицами: *drift* и *creep*, — лишь вторая из которых обладает сколь-нибудь выраженной частотностью. Они используются в ситуациях, когда перцепиент концентрируется на динамике ощущения, помещая в фокус внимания сам процесс, а не наступающее итоговое состояние: *My heart drifted down (J. Lane. One family like)*; *Bile crept up my throat (P. Cornwell. Point of origin)*. *Creep*, кроме того, используется в ситуациях, когда перцепиент подчеркивает нежелательность возникающего ощущения, пытается сдержать его и оценивает шансы на его прекращение: *The pain'll start creeping in again by midnight (S. King. II.22.63)*; *I tried not to think of the pain, but it was impossible to ignore as it crept throughout my body (D. Pelzer. A child called 'It')*; *he must have panted and struggled, the pain creeping from his chest into his left arm like a branch of fire (M. R. Hamadani. Looking for Shahbazi)*. Следует отметить, что параметр «скорость», будучи важным, все же не является ядерным в семантике *creep*, и часто требует дополнительной экспликации в контексте: *I shut my eyes tightly while she talked, misery and fatigue creeping through me in a slow malarial chill (W. Styron. Set this house on fire)*; *The depression crept back on small feline feet (S. King. Needful things)*.

3.5.4.3. Параметр «вес»

I will walk heavy, and I will walk strange.

Mark Z. Danielewski

Данный параметр представляется релевантным для сферы интероцепции. Он является салиентным в семантике *pound* — одной из наиболее частотных единиц интероцептивного словаря. Следует оговориться, что вопрос о принадлежности *pound* глаголам движения не может получить однозначного решения. С одной стороны, *pound* может использоваться для обозначения размеренного тяжелого шага или бега (ср.: **to pound** — *to walk or run with heavy and regular steps* [MEDAL]). С другой стороны, он может обозначать серию тяжелых ударов (ср.: **to pound** — *to beat with repeated heavy strokes* [OALD]). В втором случае семантика движения также присутствует, но это движение является «самодостаточным», в том смысле что оно не предполагает перемещения в пространстве, и в этом своем значении *pound* не может считаться полноценным глаголом движения (см. [Cardini 2008]). Примечательно, что в интероцептивном дискурсе используются оба варианта *pound*, о чем свидетельствует вариативность сравнений, используемых для дополнительной экспликации образа. Так, например, метафорическое значение «бег» дополнительно подкрепляется сравнением с живым существом, для которого данный тип кинетического поведения является типичным: *Heart pounding like a runaway horse, she watched with a kind of dreadful fascination as his eyes rolled back in his head and his mouth went horribly slack* (K. Robards. *Shameless*); *Stewart slumped to the door, his heart pounding like a herd of horses* (J. A. Williams. *Think again!*). Семантика бега может дополнительно профилироваться единицами непосредственного лексического окружения предиката: *her heart was pounding at a gallop*; *the incomprehensibility being partly due to the blood pounding at a hot gallop in my ears* (W. Styron. *Sophie's choice*). Метафора удара допускает возможность нескольких типов дополнительной экспликации. Во-первых, *pound* может рассматриваться как часть кинетического репертуара человека, обозначая удар, наносимый им с помощью кулака: *Her clenched heart began to pound like a fist against her rib cage* (D. Koontz. *The door to December*); *I could feel my pulse pounding like a fist against a door* (P. Cornwell. *Point of origin*). В нашем корпусе представлен пример развернутой метафоры такого типа, где эксплицирован целостный образ всей ситуации, в которой совершается описываемое лексемой *pound* действие: *Your heart's already pounding like a premature burial victim beating his fists on the lid of a coffin* (S. King. *Dreamcatcher*). Во-вторых, удар может наноситься орудием, функционально предназначенным для воздействия такого рода: *Koop, blind with fury, his heart pounding like a triphammer, lay quiet as a mouse, but getting angrier and angrier*

(*J. Sandford. Night prey*); *His body was covered with sweat, his heart was pounding like a jackhammer* (*S. King. Needful things*).

Кроме того, следует иметь в виду, что *pound* может метонимически обозначать звук тяжелых шагов или тяжелых ударов. Реальность аудиального компонента подтверждается многочисленными примерами речевой практики: *my heart still pounding uproariously* (*W. Styron. The confessions of Nat Turner*); *The pounding of my heart had temporarily deafened me* (*D. Koontz. Seize the night*); *the pounding of her own heart was the loudest noise in the night* (*D. Koontz. The door to December*). Примечательно, что и при смещении акцента на акустический аспект события, связь с доменом движения или удара может сохраняться. Ср.: *Franny's heart pounded like hoofbeats* (*L. Lenard-Cook. Men on white horses*) (домен «движение»); *Her heart pounding like an erratic drum, she tuned towards the chapel* <...> (*L. Jackson. Devious*) (домен «орудия»).

Таким образом, многозначность глагола *pound* позволяет создавать сложные полифоничные образы, апеллирующие к разным типам телесного опыта. Возможно, именно благодаря этому обстоятельству *pound* является единицей, принадлежащей ядру интероцептивного словаря. Наиболее типичным для него контекстом является описание кардиоритма. Такое употребление настолько прочно вошло в обиход, что оно нашло фиксацию в ряде лексикографических источников (OALD, MEDAL, LDAE²⁷ и других), придав *pound* статус конвенциональной единицы словаря интероцептивных ощущений. Более того, *pound* настолько прочно связывается в сознании с кардиоритмом, что само сердце становится своеобразным кинетическим эталоном обозначаемого данным глаголом действия: *It was like all the hurt filled the room and said too much, pounding like a heart* (*The State of Illinois — COCA*).

Pound может использоваться и для описания ощущений, локализуемых в разных частях тела и связанных с учащением пульса и усилением кровотока: *My intoxication had bubbled away and I felt the blood pounding against my Adam's apple* (*W. Styron. Sophie's choice*); *My blood pounded as my voice got more intense* (*P. Cornwell. Point of origin*); *I felt blood pounding at my temples and the cold sweat of fear and anxiety clammy beneath my arms* (*W. Styron. The confessions of Nat Turner*).

Данный глагол используется и при описании эмоциональных состояний: *She was very stiff and I could hear her breathing as hatred pounded inside her* (*P. Cornwell. Point of origin*); *Inside me I could feel fear pounding* (*C. O. Antognazzi. Wind*). Контексты такого рода могут быть интерпретированы как субстантивация эмоции, наделение ее кинетическими свойствами.

²⁷ LDAE — Longman Dictionary of American English. — NY: Addison Wesley Longman, 1997. — 934 p.

ми физического объекта. Нам же представляется, что в данном случае имеет место метафтонимический перенос [Barnden 2010; Dirven 2002; Geeraerts 2002; Goossens 1990; Radden 2000]: *pounding* осуществляется не самой эмоцией, а сердцем, в котором она традиционно локализуется. Лексическая единица, обозначающая эмоцию, репрезентирует сложный психосоматический комплекс, частью которого эта эмоция является, при этом само ощущение метафорически описывается как *pounding*. Тот же механизм, по-видимому, задействуется и в случаях, когда причастная форма данного глагола употребляется атрибутивно, что приводит к еще большей номинативной плотности высказывания: *I stood there in pounding embarrassment for long moments, listening to the muffled sounds behind the bathroom door* (W. Styron. *Sophie's choice*).

Еще одной сферой употребления глагола *pound* является головная боль, которая может описываться как эксплицитно (*a pounding headache*), так и метонимически (*pounding head*): *Sara woke with a pounding headache. Little jackhammers were beating against the inside of her skull, and her eyes didn't want to open* (B. Kan & M. Yu. Young, *restless, and broke*); *The next morning I woke up with a pounding head and queasy stomach* (Y. Aramaki. *Soft clocks*). Данный глагол описывает ощущение, которое обладает цикличностью и воспринимается как продолжительная серия интенсивных размеренных ударов. Достаточно удачным в этом смысле представляется нам сравнение с метрономом, предложенное К. Слотер: *Her head was pounding like a metronome* (K. Slaughter. *Criminal*). В данном примере, однако, семантика веса дефокусируется, и *pound* репрезентирует лишь цикличность и размеренность.

Семантикой «тяжелого» движения обладает еще порядка 20 английских глаголов (*to barge, to clump, to plod, to stamp, to stomp* и др.), которые, однако, оказались непредставленными в интероцептивном дискурсе. Нам удалось обнаружить лишь один пример с глаголом *stomp*: *The house suddenly creaks to life — walls shiver with each beat of a stomping heart inside* (G. Lancaster. *Christwhite*). Такая слабая репрезентированность группы может быть обусловлена тем, что одна из ее единиц (*round*) является частью конвенционального словаря ощущений, и располагая готовым, апробированным средством вербализации, перцепиент не испытывает потребности в когнитивном и вербальном экспериментировании, тем более что существенных семантических различий, потенциально релевантных для сферы интероцептивных ощущений, между единицами не наблюдается. С другой стороны, мы не можем делать однозначных выводов в связи с ограниченностью нашей выборки, и не можем исключить единичных случаев употребления и других единиц.

Группа глаголов с семантикой «легкого» движения также представлена в интероцептивном дискурсе лишь одной единицей, хотя она насчитывает

вает, по меньшей мере, еще шесть. Легкое учащение кардиоритма, при котором деятельность сердца лишь начинает ощущаться, но не воспринимается как существенно отклоняющаяся от нормы и болезненная, обозначается предикатом *trip*: *Her heart tripped faintly, feeling all the secrets around her; all the plots* (S. Blake. *The year*). Реальность семантики легкого веса подтверждается возможностью контекстуального противопоставления *trip* и *pound*, при котором с помощью данных предикатов описывается увеличение интенсивности ощущения: *My heart tripped and then began to pound as we stopped in front of the house* (V. C. Andrews. *All that glitters*).

Отметим также, что семантика веса является актуальной для сферы interoцепции и за пределами экспериментального домена «движение». Ощущение часто описывается как тяжесть или легкость: *The heavy, loaded feeling in his stomach told him it would be coming up soon* (S. King. *Pet sematary*); *I sensed a heavy emotion roiling inside me that was like the onset of mourning* (W. Styron. *Sophie's choice*); *A sudden, heavy ache bloomed in his chest* (D. Koontz. *The door to December*); *I feel my legs go heavy and my head go light* (K. Harrison. *The starter marriage*). «Тяжелое движение» — это лишь часть гораздо более широкой метафоры веса, фиксирующей опыт телесного взаимодействия с предметами окружающего мира.

3.5.4.4. Другие глаголы движения

*Let thy step be slow and steady,
that thou stumble not.*

Tokugawa Ieyasu

Глаголы, рассмотренные в предыдущих разделах данной главы, образуют более или менее системные группы и характеризуются достаточно высокой частотностью при вербализации interoцептивных ощущений. Однако в interoцептивном дискурсе встречаются единичные случаи употребления и других глаголов и производных от них форм, которые заслуживают отдельного комментария. Их присутствие в дискурсивном поле interoцепции может свидетельствовать о некоторых пока неявных тенденциях в развитии словарных ресурсов и (косвенно) об эволюции тех моделей, которые составляют когнитивное пространство interoцепции.

Одним из таких глаголов является *skitter*, используемый для описания сердечного ритма: *Fanny could feel her heart skittering behind her ribs* (L. Lenard-Cook. *Men on white horses*); *Six-four or — five, she noted, struggling to pay attention, pay attention to details while her heart skittered into her throat where the blade pressed* (N. Roberts. *Homeport*). Приведенные здесь контексты непозрачны, в том смысле, что они не отражают в полной мере

специфики ощущения и кажутся на первый взгляд лишь репрезентантами метафоры «легковесного движения». Однако при рассмотрении более развернутых контекстов обнаруживается существенный семантический довод: *skitter* — это не просто учащенное сердцебиение, осмысляемое как легкое и быстрое движение; это нетипичное, «неправильное» ощущение, интероцептивное событие, которое развивается не по привычному сценарию. Ср.: *A simple few lines with only a few words that made Ashley's heart skitter into a strange and unrecognizable beat* (K. Kingsbury, G. Smalley. *Reunion*). Еще более рельефно нестандартность ощущения обрисовывается в том случае, если предикат поддерживается развернутым сравнением, апеллирующим к нашему непосредственному чувственному опыту: *He was still terribly weak, and every now and then his heart skittered in his chest (like a man who has stepped in something greasy, he thought), but it was gone, just the same* (S. King. *Thinner*). Совершенно очевидно, что речь идет не просто о быстром и легком движении, а о движении, которое осуществляется с нарушением определенных правил.

В работе [Mani & Pustejovski 2012] предложен достаточно удачный термин «девиация кинетической нормы». Авторы имплицитно исходят из того, что в нашем сознании содержится некоторое обобщенное представление о правильном, эталонном способе совершения того или иного движения. Понятие «правильности» не исключает вариативности отдельных аспектов движения (скорости, вектора, возможно, траектории и т. д.). Однако движение должно обладать определенной сбалансированностью, стабильностью, внутренней гармонией и не включать в себя компонентов, которые могут затруднять его осуществление. В рассмотренной ранее классификации Ф.-Э. Кардини гармоничность, согласованность и стабильность выделены в отдельные группы (пункты B5-B7). Мы же рассмотрим их в совокупности, поскольку эти группы представлены в интероцептивном дискурсе исключительно единицами «отрицательной» семантики (*не-гармоничное, не-стабильное*). Такой перекод объясняется тем, что стандартное, «правильное» ощущение не требует для своего осмысления большого количества когнитивных ресурсов и вербализуется лексическими единицами, профилирующими более важные и сущностные кинетические характеристики движения (вектор, траектория, скорость и т. д.). И лишь в том случае, если привычная интероцептивная динамика нарушается, перципиент сталкивается с необходимостью более дифференцированно интерпретировать событие и осуществить поиск его вербального репрезентанта в сфере предикатов кинетически аномального поведения. В данном случае *skitter* обозначает кинетическое событие, при котором перемещение чередуется с остановками, осуществляется неравномерно, по неправильной траектории. Заметим, что некоторые словари фиксируют это значение для *skitter*: **to skitter** — *to move in a jittery or jerky way*

[MW²⁸]. Большинство лексикографических источников, однако, ограничивается указанием на более общие семантические параметры: **to skitter** — *to move somewhere quickly and lightly* [MEDAL].

Аналогичную функцию выполняет глагол *jerk*: *Stewart's heart jerked in his chest (J. A. Williams. Think again!)*. В отличие от *skitter*, семантика неплавного, негармоничного движения для *jerk* является основной. Ср.: **to jerk** — *to make a sudden spasmodic motion* [MW]. В связи с этим контексты с *jerk* в принципе не требуют обширной дополнительной экспликации кинетических аспектов движения. Тем не менее, такая экспликация возможна. Так, например, неправильная кинетическая динамика ощущения отражена в контексте *But my heart was jerking and pushing like it couldn't fit inside me anymore (COCA)*, где движение представлено как не достигающее конечной цели.

Нарушение кинетической нормы фиксируется и глаголом *stumble* — *to move with difficulty and nearly fall because you are tired or ill* [MEDAL]. Обозначая неровное, прерывистое движение, данный глагол естественным образом становится частью «сердечного» словаря, поскольку для данной группы ощущений соблюдение кинетической нормы особенно актуально. *Stumble* используется в ситуациях, когда ощущается нарушение сердечного ритма и сердце описывается как «спотыкающееся»: *It was more the promise of a kiss than the real thing, a brush of lips, a breath of heat. It was enough to send my heart stumbling and make my blood rush (Ch. Teglia. Animal attraction); Tyra's heart stumbled (P. Anderson. Pele)*.

Представляют интерес и глаголы, которые обозначают движение «задним ходом». Мы относим их к данной группе на том основании, что нормальное, «эталонное» движение моделируется нашим сознанием как движение вперед «лицом», а если речь идет о перемещении неодушевленного предмета — то той его частью, которая является условным «передом». Движение назад неудобно и противостоит естественному, оно сопряжено с определенными кинетическими трудностями. Это движение не осуществляется целенаправленно, а является кинетической реакцией на некоторое событие, обусловленной желанием максимально отдалиться от него. Данная группа представлена в интероцептивном дискурсе глаголами *cringe* и *recoil*. Ср.: **to cringe** — *to move back slightly from something that is unpleasant or frightening* [MEDAL]; **to recoil** — *to move quickly back from someone or something frightening or unpleasant* [MEDAL]. Нам удалось обнаружить два примера употребления глагола *cringe*. Первый случай представляет собой метафонию. Чувство вины за совершенный некрасивый поступок (пнул котенка) вызывает у перцепиента дискомфорт в

²⁸ MW — здесь и далее: Merriam Webster. — Режим доступа: www.merriam-webster.com/dictionary/pound

области сердца, которое делает метафорический «шаг назад», желая отстраниться от происходящего: *Naturally, I felt horribly guilty. The poor kitty looked amazed and my heart cringed at my crime (COCA)*. Во втором случае ощущение локализуется в желудке. Перцепиент испытывает тошноту и описывает ее как совершаемое желудком движение назад с целью максимального удаления от источника потенциального раздражения: *The thought of eating anything too thick to read a paper through — tomato bisque, cream of mushroom — made his stomach cringe (S. King. Doctor Sleep)*. Более простой в плане образности контекст содержит глагол *recoil*: *His stomach recoiled and he vomited. The vomit ran down into his windpipe, clogging it, and he began to choke (S. King. The cat from hell)*. В данном случае направление движения вторично, важно лишь, что желудок меняет свое расположение во внутрителесном пространстве, вызывая тем самым определенную соматическую реакцию.

В интероцептивном дискурсе представлены и глаголы, обозначающие поспешное, торопливое движение. В отличие от Ф.-Э. Кардини, мы не склонны однозначно связывать поспешность с эмоциональным состоянием траектора. Заметим, что и в словарных дефинициях фиксируется лишь скорость движения, что принципиально отличает их от ранее рассмотренных глаголов *cringe* и *recoil*, для которых эмоция является салиентным семантическим признаком. Ср.: **to hurry** — *to move somewhere very quickly [MEDAL]*; **to hustle** — *to move in a quick effective way [MEDAL]*. Данные глаголы употребляются для описания кардиоритма и используются для фиксации начальной фазы его учащения: *His heart was hustling right along, but it wasn't hammering or racing or anything like that (S. King. Needful things)*; *His heart was hurrying in his chest, thudding along at a rapid jog-trot that would probably become a sprint at the sound of the next blow (S. King. Rest stop)*. Заметим, что данные предикаты были обнаружены нами исключительно в произведениях одного автора, и их использование является, по сути, актом индивидуального интероцептивного словотворчества. Однако нельзя не заметить, что это словотворчество подчиняется некоторой общей тенденции: автор лишь развивает потенциал кинематической модели ощущения, пополняя состав той группы словарных единиц, которая обозначает быстрое перемещение, не предлагая принципиально нового лингвокогнитивного решения, которое противоречило бы уже сложившимся традициям.

В корпусе встречаются и примеры глаголов, которые обозначают перемещение, сопровождаемое определенным звуком (A5 в классификации Ф.-Э. Кардини). Данная группа представлена предикатом *rattle*, значение которого определяется как *to make short sharp knocking sounds while moving [MEDAL]*. *Rattle* выполняет в интероцептивном дискурсе несколько функций. Во-первых, он является частью «сердечного» слова-

ря и используется для описания кардиоритма, что представляется вполне объяснимым и закономерным, поскольку деятельность сердца может восприниматься на слух. Ср.: *I stood terror-frozen into an exclamation point, my heart rattling in my rib cage* (W. Ecenbarger: *Give me a brake: The perils of driving on the left*); *She reached into her pocket and her heart rattled beneath her ribs* (J. Quatro. *1.7 to Tennessee*). Во-вторых, *rattle* используется при описании ощущений, возникающих в ситуации затрудненного дыхания, что вновь объясняется наличием вполне реального аудиального компонента у телесных состояний такого типа (то, что в русском языке соответствует «хрипам в груди»): *a spasm of coughing rattled through him* (S. King. *Apt pupil*); *He coughed into his fist by way of demonstration; something rattled deep in his chest* (L. D. Estelman. *Infernal angels*); *A deep sigh rattled from his lungs as he stepped off the elevator* (K. Kingsbury. *Loving*). Наконец, данный глагол используется при описании ощущений, связанных с движением тела и воспринимаемых как смещение костей и их трение друг о друга: *he felt his bones rattle inside his body like loose stakes in an old truck* (S. King. *Thinner*). Отметим, что звуковые метафоры занимают важное место в процессе осмысления и вербализации интероцептивных ощущений, и мы еще вернемся к их рассмотрению в последующих разделах работы. В данном случае звук является лишь компонентом движения, так же как и у движения, обозначаемого ранее рассмотренным предикатом *pound*.

Подводя итог, можно отметить, что метафора движения является важным средством осмысления интероцептивных ощущений. Данная метафора получает обширное вербальное оформление, задействуя практически все группы глаголов движения, за исключением глаголов, обозначающих перемещение с помощью специального средства (A4 в классификации Ф.-Э. Кардини). Наиболее востребованными оказываются глаголы, профилирующие скорость, поскольку данный параметр напрямую соотносится с интенсивностью переживаемого ощущения, а интенсивность относится к числу его наиболее важных свойств. Некоторые семантические параметры (в первую очередь скорость и вес, в гораздо меньшей степени — вектор) соотносятся не только с феноменологической, но и с физиологической спецификой ощущений, в то время как другие (траектория, например) задействуются достаточно произвольно и представляют собой в этом смысле «чистую метафору». В интероцептивном дискурсе многие глаголы, выступая в качестве репрезентантов метафоры движения, подвергаются значительной десемантизации, сохраняя лишь общий смысл перемещения и нейтрализуя более частные параметры, такие как траектория.

3.6. Домен «телесные ощущения»

The body says what words cannot.

Martha Graham

Как было показано в предыдущих разделах работы, при осмыслении интероцептивных ощущений человек ищет концептуальные ориентиры в окружающем его мире и пытается экстраполировать результаты внешне-телесного опыта на сферу внутреннего тела. Существуют, однако, весьма интересные в когнитивном плане исключения из общего правила, когда такая экстраполяция не предполагает взаимодействия внешнего и внутреннего, и перцепиент целиком ориентируется на тот сенсорный, перцептивный опыт, который принадлежит сфере его тела. Речь идет о ситуациях, когда одно ощущение осмысляется через другое и описывается в терминах другого. В данном случае также имеет место метафорическая проекция, однако область источника и область цели не противостоят друг другу так явно и отчетливо, как в ранее описанных случаях. Ощущение, составляющее основу для метафорической проекции, выступает в качестве своеобразного интероцептивного эталона (ср. «сенсорный эталон» у Л. А. Венгера), единицы измерения качественных и количественных параметров того ощущения, которое подлежит осмыслению и вербализации. В рамках телесного опыта можно условно выделить две группы ощущений в зависимости от их локализации во внутренней среде тела или на его поверхности.

Рассмотрим группу ощущений, локализуемых внутри тела. Одним из таких «эталонных» ощущений, представляющих собой область источника при метафорической проекции, является зубная боль. В монографии Дж. Бурк приводятся многочисленные историко-литературные свидетельства описания разнообразных болевых ощущений, локализуемых в самых разных частях тела, через метафору зубной боли. Болезненные ощущения, вызванные язвой прямой кишки, описываются как “*a dull toothache*” (1871 г.), боль в бедре — “*a toothache six inches long in the hip*” (1909 г.), боль в эпигастральной области — “*toothache in the stomach*” (1910 г.), ощущения в фантомной конечности — “*my leg has toothache*” (период Первой Мировой войны), боль в паховой области — “*like a toothache in the right groin*”, боль в спине — “*a toothache in the back*”, боль в пояснице — “*like a raging toothache*” [Bourke 2014, с. 56]. Данная метафора не теряет актуальности и в наши дни, широко используя в художественной литературе: *Today the pain is just a dull throb, like a toothache in my thigh* (L. Brackman. *Rock paper tiger*); *There is still pain in my side, but it is duller now, like a toothache*” (P. Jenoff. *The diplomat's wife*).

Вопрос о том, почему именно зубная боль становится универсальным средством концептуализации ощущений, представляется весьма интерес-

ным. Мы неоднократно подчеркивали, что переживание любого ощущения есть сугубо субъективный опыт. Как метко выразился известный новозеландский врач профессор А. У. Лили, «не существует биохимического или физиологического теста, который мы могли бы провести, чтобы установить, действительно ли человек испытывает боль — и это обстоятельство позволяет стоически переносить чужую боль» [Liley 1996]. Но, по-видимому, в коллективном когнитивном пространстве субъективность ощущения оказывается величиной градуируемой, и некоторым ощущениям приписывается большая степень объективности и универсальности, чем другим. Можно предположить, что одной из основных причин является возможность точной локализации ощущения. Так, например, зубная боль локализуется достаточно четко и легко в отличие, скажем, от боли в брюшной полости, которая часто носит диффузный, разлитый характер, иррадируя в разные органы и части тела. Зубная боль, в отличие от множества других ощущений, может быть верифицирована: ее можно вызвать искусственно, подвергая зубы воздействию холодных и горячих жидкостей, сладких веществ и т. д. Кроме того, она, по-видимому, является универсальной частью телесного опыта человека как биологического вида: сугубо статистически вероятность ее появления на протяжении жизни гораздо выше, чем вероятность возникновения приступа панкреатита, аппендицита или холецистита и множества других соматических состояний. Говорить о том, что все люди испытывают зубную боль одинаково, не представляется возможным, но то, что это ощущение знакомо подавляющему большинству людей, не вызывает сомнения, и эта «знакомость» делает зубную боль универсальным мерилем всех болевых ощущений. Можно предположить, что при значительной вариативности количественных характеристик этого ощущения, его качественные характеристики носят более или менее универсальный характер. Неслучайно в приведенных выше примерах метафора зубной боли неизменно используется для описания длительной ноющей боли, досаждающей человеку, но не представляющей угрозы для его жизни и общего соматического благополучия. Эта боль часто описывается как *throbbing* (пульсирующая), и ее качественные характеристики могут эксплицироваться в контексте: *His back throbbed like a bad tooth* (S. King. *Pet sematary*); *Her breasts ached like a bad tooth* (Ch. C. Finlay. *A democracy of trolls*). Достаточно старая метафора зубной боли может оживляться посредством введения в описание дополнительных деталей, позволяющих конкретизировать ощущение: *By that evening his entire right leg was throbbing like a rotted tooth* (S. King. *The stand*); *[he] thrust his right hand under the tap. It throbbed like an impacted wisdom tooth* (S. King. *Needful things*).

Еще одним эталоном и мерилем боли в западной культуре являются роды. Их общепризнанная крайняя болезненность и определенная степень

иррациональности в восприятии всего процесса позволяют использовать метафору родов для обозначения интенсивного ощущения, приносящего острое страдание, причем пол перцепиента значения, как оказывается, не имеет. Ср.: *His stomach had already begun to protest, contrasting in spasms that he imagined were worse than those of a womb in labor* (W. Styron. *Lie down in darkness*). Имеет значение и то обстоятельство, что в связи со значительным снижением рождаемости роды перестали быть естественной, привычной частью жизни, превратившись в особо важное, исключительное для человека событие. Связанные с этим событием телесные ощущения воспринимаются как противоестественные, а сам опыт становится экзотическим.

Другим интероцептивным эталоном является ощущение переполненного мочевого пузыря. Это ощущение соответствует всем вышеописанным критериям: оно четко локализовано и универсально как физиологически, так и феноменологически. Сравнение с мочевым пузырем используется в тех случаях, когда у перцепиента возникает специфическое чувство распирания: увеличение определенной части тела в размерах, сопровождающееся нарастанием напряжения в ней, постепенно увеличивающимся дискомфортом, переходящим в мучительное, тягостное состояние. Метафора переполненного мочевого пузыря обычно используется для описания головной боли: *Johnny's head was swelling blackly, expanding like a bladder* (S. King. *The dead zone*); *His head felt like a swelling bladder full of hot blood* (S. King. *The dead zone*). Примечательно, что экспликация признака «растянутый», «наполненный» не является необходимым условием для использования данной метафоры. Ср.: *His head felt like a bladder* (N. Delbanco. *From Rumford*). Строго говоря, такая экспликация даже избыточна, поскольку наличие мочевого пузыря осознается лишь в ситуациях, когда он оказывается переполненным, и *'like a bladder'* неизменно означает *'like a full / swollen / extended bladder'*. С другой стороны, динамический характер процесса позволяет использоваться метафору мочевого пузыря для обозначения прогрессирующего, ухудшающегося состояния. *Like a swelling bladder* обозначает усиление головной боли, нарастание симптома.

В интероцептивном дискурсе представлены также единичные примеры метафорического использования названия болезней или симптомов болезней, которые ассоциируются с невыносимой, нестерпимой внутрителесной болью. Эти ассоциации через дискурс закреплены в коллективном когнитивном пространстве; они усваиваются и разделяются даже теми людьми, которые никогда не имели непосредственного телесного опыта такого рода. Дж. Бурк приводит пример метафоры подагры при описании зубной боли: *'gout in my jaws'* [Bourke 2014, с. 56]. Это описание датируется 30-ми годами XIX века. В этот период подагра, действительно,

представляла собой серьезнейшую проблему, принося пациенту нестерпимые мучения, поскольку эффективного медикаментозного лечения не существовало. Неудивительно, что в этих условиях подагра могла стать символом боли вообще. В настоящее же время при своевременном и эффективном лечении подагра редко перерастает в длительное, хроническое, мучительное состояние, и метафорический потенциал данной болезни иссякает. Символом боли вообще становятся другие заболевания и симптомы. Одним из них является отхождение камней при мочекаменной болезни — состояние, признаваемое одним из наиболее болезненных, даже при современном уровне развития медицины. Пример метафорического использования названия данного симптома обнаруживается в высказывании *When he saw me walk through the door, he looked like he was passing a kidney stone* (D. Koontz. *Seize the night*). Разумеется, в данном случае речь не идет о реально испытываемом физическом ощущении. Более того, здесь отсутствует как описание от первого лица, так и взгляд всевидящего повествователя, что лишает описание какого бы то ни было правдоподобия. Повествователь занимает в данном случае позицию наблюдателя. Наблюдая за реакцией своего антагониста, он видит характерные признаки (мимика, жесты, поза), свидетельствующие о том, что ситуация крайне неприятна для него, она затрагивает все его существо и переживается им не только на эмоциональном, но и на физическом уровне. Отхождение камней становится метафорой страдания вообще, пусть даже и примененной к оценке состояния другого человека.

Еще одним примером собственно телесной метафоры является «малярия». Малярия — это заболевание, характеризующееся лихорадкой, ознобом, сильной слабостью и представляющее значительную угрозу для жизни человека. Совокупность этих обстоятельств делают малярию удобным и эффективным приемом осмысления крайне дискомфортных генерализованных внутрителесных состояний, парализующих активность перцепиента: *I shut my eyes tightly while she talked, misery and fatigue creeping through me in a slow malarial chill* (W. Styron. *Set this house on fire*); *He had suffered through many hangovers, but he had never felt like this — this was like coming down with malaria, or something* (S. King. *Needful things*).

Источником метафорической проекции на область интероцепции могут быть и ощущения, локализуемые на поверхности тела.

Заслуживает внимания контекст *His skull had begun to throb like some huge inflamed carbuncle* (W. Styron. *Set this house on fire*). Интенсивная головная боль описывается вполне традиционным предикатом *throb*, однако затем описание подкрепляется сравнением, опирающимся на образ вспаленного карбункула. Этот образ полифоничен: в нем заложены дименсиональные характеристики ощущения, отражена степень его болезненности и имплицирована опасность, которую это ощущение представляет

для перцепиента. Аналогия с карбункулом представляет собой весьма удачный когнитивный и вербальный эксперимент. Располагаясь на поверхности тела, карбункул не только доступен наблюдению и рациональной оценке. Он составляет часть восчувствованного телесного опыта, а при отсутствии личного опыта такого рода он эмпатически доступен. Напомним, что и другие, менее патологичные и болезненные состояния, локализуемые на поверхности кожи, могут служить основой метафорической проекции на область интероцептивных ощущений (см. раздел 4.3.2.5.1. Главы II). Приведем еще несколько примеров в дополнение к ранее представленным. Ощущение может описываться как зуд: *the itching throat* (W. Styron. *Lie there in darkness*); *Pain from the stump has been bad — excruciating from time to time. But I think the deep-seated itch as the healing process begins has been worse. I've been thinking this afternoon of all the patients that have babbled to me that they couldn't stand the horrible, unscratchable itch of mending flesh* (S. King. *Survivor type*). Оно может осмысляться как покалывание или щекотка: *At last she began to feel tingles of sensation — bone-deep and as ominous as distant thunder — in her arms* (S. King. *Gerald's game*); *She had gotten up with the cough, and all day it had felt like someone was tickling the back of her throat with a feather* (S. King. *The Stand*).

Зуд, покалывание и щекотка являются собственно телесными ощущениями. Наряду с ними, однако, могут использоваться и обобщенные названия симптомов, которые лишь имплицитно определяют типы телесных ощущений. К ним относится, в частности, «сыпь»: *It just hurts all over, like a rash inside your body* (T. Pierce, *Young wife, made easy*).

Контекст может содержать указание на причину возникающего ощущения, связывая собственно телесный симптом с той частью окружающей среды, с которой перцепиент находится в телесном взаимодействии. Так, например, общее ощущение внутрителесного дискомфорта может описываться как зуд, вызванный соприкосновением с ядовитым плющом: *You want to hear something stupid? I felt like a man with a bad case of poison ivy going to the drugstore for a bottle of Calamine Lotion. Because that was what it was like — an itch* (S. King. *N.*). Примечательно, что в первой части высказывания симптоматика не эксплицируется, и «ядовитый плющ» метонимически обозначает вызываемое им телесное состояние, которое эксплицируется лишь в самом конце описания. Интересным представляется и пример *a raw scraping in the back of his throat, which announced the arrival of a bad cold* (W. Styron. *Lie there in darkness*). *Scraping* обозначает особый тип воздействия на кожу (царапание) и метонимически переносится на ощущение, вызываемое этим воздействием. Таким образом, при проецировании на сферу интероцептивных ощущений происходит сложный метафтонимический перенос.

Аналогия с определенными телесными ощущениями, локализуемыми на поверхности кожи, может проводиться и при описании эмоциональных состояний: *The relief of seeing him holding the sunglasses and looking at them, almost studying them, was like having someone scratch that exact place between your shoulder blades that itches* (S. King. *The things they left behind*). При всей необычности такого рода описаний и окказиональном характере наименований, они базируются на одной и той же когнитивной стратегии: interoцептивные ощущения осмысляются и описываются по аналогии с теми, которые локализуются на поверхности тела. Последние могут сопровождаться конкретными, хорошо наблюдаемыми симптомами, придающими им высокую степень реальности как для самого перцепиента, так и для окружающих его людей: покраснением кожи, появлением высыпаний и изъязвлений и т. п. Именно их соматическая конкретика и делает их высоко эффективным средством осмысления interoцептивных ощущений и позволяет добиться необходимого эмпатического отклика при их выводе в речь.

3.7. Словарь interoцептивных ощущений как динамически развивающаяся система

There is nothing permanent except change.

Heraclitus

Как явствует из материала, приведенного в предыдущих разделах данной Главы, словарь interoцептивных ощущений представляет собой достаточно объемное и семантически богатое образование. Это образование есть динамически развивающаяся система, причем динамика обнаруживается как в диахронической, так и в синхронической плоскости. В данном разделе мы намерены рассмотреть основные тенденции в развитии interoцептивного словаря и выявить факторы этого развития.

3.7.1. Историческая изменчивость словаря interoцептивных ощущений

Change is inevitable. Change is constant.

Benjamin Disraeli

Как и любой другой пласт лексики, словарь interoцептивных ощущений подвержен историческим изменениям. Значительная часть этих изменений вызвана сдвигами в коллективном когнитивном пространстве interoцепции, связанными с развитием и изменением культурно-обус-

ловленного образа тела. Мы уже касались этого вопроса в разделе 2.3. Главы I. Напомним, что возникающие на разных этапах истории теории тела и телесных процессов популяризируются через научные и популярные дискурсы, а также бытующие медицинские практики. С течением времени они становятся частью общих знаний, усваиваются каждым членом лингвокультурного сообщества, изменяя конфигурацию когнитивного пространства интероцепции, и вызывают изменения в способах артикуляции интероцептивного опыта.

Ярким примером этого процесса является вытеснение гидравлической метафоры механической. Гидравлическая метафора является порождением гуморальной теории тела, господствовавшей в эпоху Средневековья, и описывает все происходящее во внутрителесной среде процессы в терминах перетекания жидкостей. Механическая же метафора, появившаяся в Эпоху Просвещения, является частью представлений о теле как о машине и упаковывает весь интероцептивный опыт в терминологию двигателей, приборов, конструкций и устройств. Гидравлическая метафора, разумеется, не умерла, однако она ушла на периферию когнитивного пространства и стала гораздо реже репрезентироваться в дискурсе ощущений. В настоящее время наиболее характерными для нее контекстами являются описание общего физического тонуса (*strength flowed out of my body, and the terrible sense of lassitude came in its place — S. King. The things they left behind*) и описание тока крови по организму (*aware of the blood flowing in rapid arrhythmic pulse at my temples — W. Styron. Sophie's choice*). В единичных случаях гидравлическая метафора может описывать и ощущения других типов, подчеркивая длительный характер интероцептивного эпизода и стабильную динамику ощущения (*the stiffness in her muscles melted and flowed away — D. Koontz. The eyes of darkness*).

С точки зрения исторической динамики, важную роль играют изменения в непосредственной среде обитания человека. Эти изменения связаны с его производственной деятельностью, в том числе с изобретениями и открытиями, которые оказывают существенное влияние на образ его жизни. Весьма интересные и показательные примеры приведены в ранее упоминаемой монографии Дж. Бурк. В числе прочего она пишет о том влиянии, которое оказало на дискурс болевых ощущений открытие электричества в XIX веке. Начиная с середины века, электрические метафоры все шире манифестируются в дискурсе. Боль начинает описываться как удар током: *electric shocks in both legs; radiating shocks of electricity; My pain was caused by a short of two nerves — it's like electricity. If you put two nerves together and they touch each other, it forms a short and that's why I got my pain* [Bourke 2014, с. 79]. Сама исследовательница связывает растущую популярность электрической метафоры с двумя обстоятельствами. Во-первых, это свойства самого тока, воздействие которого на тело всегда неожиданно

и весьма интенсивно. Во-вторых, это появление токовой терапии, в ходе которой с помощью специального электроприбора, испускающего разряды, лечили острую боль. С одной стороны, этот прибор был источником соответствующего телесного опыта для тех, кто в реальной жизни с током дела не имел. А с другой стороны, подвергшись такой терапии, пациент навсегда ассоциативно связывал боль с разрядом тока [Там же]. Мы полагаем, что немаловажное значение играла и новизна самого опыта взаимодействия с током, его насущность и актуальность.

Значение новизны опыта можно проследить на примере еще одной некогда популярной метафоры. В XIX веке в связи с бурным развитием железнодорожного транспорта получает распространение «железнодорожная» метафора ощущений. В дискурсах этого периода болевое ощущение могло описываться как паровоз, с огромной скоростью движущийся по рельсам, либо как сигнальная семафорная система, функция которой заключается в том, чтобы предупредить о приближающейся опасности [Bourke 2014, с. 77–78]. Анализ современного языкового материала показывает, что железнодорожная метафора утратила жизненную силу, и ни одного примера ее использования в современном англоязычном дискурсе ощущений нам обнаружить не удалось. Важнейшим фактором, несомненно, является утрата необычности опыта, превращение некогда увлекательного приключения в будничное, лишённое элемента экзотики дело. Наряду с этим, появились куда более удобные и эффективные средства передвижения, такие, например, как самолет и личный автомобиль. Став доступными видами транспорта во второй половине XX века, они вдохновили англофонов на создание новых интероцептивных метафор: *Ben <...> felt his stomach flip over slowly; like an airplane doing a slow roll (S. King. Salem's Lot); I'd be lying if I said my heart didn't kick into a higher gear when I turned the knob and pulled (S. King. 11.22.63)*. Возможно, железнодорожная метафора послужила когнитивным и вербальным образцом, «подсказав» возможность осмысления ощущения в терминах транспортных систем и направив когнитивную и вербальную креативность лингвокультурного сообщества в соответствующее русло. Таким образом, узкая железнодорожная метафора эволюционировала в более широкую транспортную. Сдав позиции, она, тем не менее, легко интерпретируется носителями языка в текстах вековой давности и, возможно, присутствует в неявном виде в описаниях типа *The pain she'd been expecting had arrived right on schedule (S. King. Needful things)*.

Заметим попутно, что электрическая метафора, в отличие от железнодорожной, оказалась весьма жизнеспособной и продолжает использоваться в интероцептивном дискурсе и по сей день: *Like an electric current, the pain seemed to pass through the gauze, into his hand, up his arm, into his right shoulder, down to the middle of his back, up to his left shoulder, into his*

neck, along the side of his face, completing the circuit by returning to his forehead, starting all over again (D. Koontz. The door to December); Even five months on, it creates the same electric current from my brain to my groin and back again that the first kiss did (K. Harrison. The starter marriage). Возможно, такая когнитивная стойкость объясняется тем, что альтернативы электричеству создано не было, а его воздействие на тело не претерпело изменений.

В случае с железнодорожной метафорой можно говорить об угасании на языковом, но не концептуальном уровне (см., например, [Cienki & Müller 2008, с. 494]). Однако отмечаются и случаи полного исчезновения метафоры. В документальных источниках XIX века отмечается использование метафор “*baking*” и “*roasting*” при описании висцеральной боли [Bourke 2014, с. 65]. Оба глагола обозначают технологию приготовления пищи («печь» и «жарить» соответственно). В современном английском языке данная метафора оказалась невостребованной. Возможно, это связано с тем, что опыт приготовления пищи на открытом огне не является более обязательной частью образа жизни, однако это предположение объясняет лишь исчезновение метафоры *roast*, но не *bake*. Не исключено, что угасание одной метафоры может приводить к угасанию всей тематической группы, однако данное положение нуждается в дополнительной проработке, и мы воздержимся от однозначных выводов.

Не отмечается и метафорического употребления глагола *flicker (to burn unevenly, to go off an on [MEDAL])*, который регистрируется в источниках XIX века как средство описания интероцептивных ощущений (“*a flickering at the stomach*” [Bourke 2014, с. 81]). Данный глагол входит в группу предикатов с семантикой горения, которые по-прежнему активно используются в интероцептивном дискурсе. Ср.: *a hot wire seemed to glow momentarily in his stomach and then cool immediately, like the filament of a light bulb that glows overbrightly for a moment and then burns out (S. King. Pet sematary); A scream welled in her, and when she held it back, the pent-up pressure was a painful burning in her chest (D. Koontz. The door to December); After the explosion of fire in his stomach had subsided to a glow, he excused himself and went into the bathroom (S. King. Thinner).* Дж. Бурк связывает процесс упадка метафоры *flickering* с появлением новых мощных источников света, которые обеспечивали равномерное и яркое освещение, в отличие от свечей и керосиновых ламп, которые, действительно, были способны давать лишь *flickering light*. Примечательно, что британский врач Джордж Риз, в записях которого были обнаружены примеры с *flicker*, специально оговаривал, что такое словоупотребление свойственно простолюдинам, и называл его *ономатопозитическим* [Bourke 2014, с. 81], что, конечно, противоречит современным традициям употребления данного термина в лингвистике, но наглядно отражает тесную экспериенциаль-

ную связь между исходным образом и полученным interoцептивным значением. В настоящее время сохраняется возможность использования *flicker* при описании эмоционального состояния: *A flicker of hope stirred within me* (S. Poole. *Poison*); *A flicker of hope rose in him like a flame* (J. Rennicke. *I cried out loud for you*); *A flicker of anger licked at Luca's gut* (M. Wallace. *Lost angel*). Примеров обозначения собственно телесного симптома с помощью данного глагола нам обнаружить не удалось. Это обстоятельство заслуживает особого внимания, поскольку *flicker* включен в опросник МакГилл как конвенциональное средство описания ощущений. Даже то огромное влияние, которое оказал опросник на дискурс ощущений, не помогло ему реанимировать метафору в современном interoцептивном дискурсе.

В связи с этим вспомним о том, что большую роль в появлении или угасании interoцептивных метафор играет и официальный медицинский дискурс, который «канонизирует» одни словесные формулировки и запрещает другие (см. раздел 2 настоящей Главы). Вновь сошлемся на Дж. Бурк, которая проводит сравнительный анализ разных изданий одного и того же медицинского справочника (W. Coulson. *On the diseases of the bladder and prostate gland*) и обнаруживает исчезновение некоторых дескрипторов при описании типичных симптомов: 1838 — ‘*darting shooting pains*’, 1852 — ‘*shooting pains*’ [Bourke 2014, с. 86]. Речь идет отнюдь не об изменении симптоматики заболевания, поскольку физиология описываемого состояния осталась прежней, и качество ощущения измениться не могло. Однако отныне его предписывалось описывать несколько иначе, и эта новая конвенция утверждалась не только в профессиональных кругах, но и в многочисленных актах живого общения с пациентами. Если учитывать действие механизма ретроекции (см. раздел 2), можно предположить, что и сама феноменология ощущения претерпела изменения и не требовала более для своего описания дескриптора *darting*. Сам дескриптор, заметим, в interoцептивном дискурсе сохранился, однако он используется самостоятельно (*Anger flared in Regan as pain darted through her body* — C. H. Clark. *Snagged*).

Таким образом, словарь interoцептивных ощущений обнаруживает историческую изменчивость, свойственную всем пластам лексики. Заметим, что исчезновение одного конкретного дескриптора не обязательно означает исчезновения всей метафоры. Она может начать манифестироваться другими лексическими единицами или оборотами, которые вытесняют исходный дескриптор, сохраняя при этом его сущностные черты, релевантные для метафорической проекции на область interoцепции. В этом случае можно говорить об относительной стабильности соответствующей структуры в коллективном когнитивном пространстве interoцепции. С другой стороны, исчезновение дескриптора может свидетельствовать о затухании метафоры и при отсутствии альтернативных средств ее

манифестации — о реструктурировании когнитивного пространства интероцепции.

Вновь возникшая метафора может пережить период бурного роста и последующего упадка. Открывая для себя новую возможность концептуализации того или иного телесного состояния, члены лингвокультурного сообщества могут активно включиться в процесс развития метафоры, предлагая все новые и новые способы ее вербальной репрезентации. Показательна в этом отношении военная метафора. Напомним, что она была искусственно введена в дискурс во второй половине XIX века с целью создания эффективного инструмента объяснения природы инфекционных заболеваний (в первую очередь сифилиса), а также методов их предотвращения и борьбы с ними. Военная метафора быстро вошла в обиход и начала активно применяться при описании других телесных процессов, в том числе и интероцептивных ощущений. Ср.: *Sophie saw the fearful headache attack Höss with prodigious speed* (W. Styron. *Sophie's choice*); *I did not feel at all well; the long siege of vomiting that overcame me at the Reese place had left me sweaty and queasy and weak, with racking recurrent spasms of pain in my stomach* (W. Styron. *The confessions of Nat Turner*). Она прочно обосновалась в дискурсе болезни, заняв в нем одно из центральных мест. Такая экспансия метафоры со временем привела к ее выхолащиванию. Репрезентирующие ее лексические единицы стали использоваться для обозначения не только серьезных, угрожающих жизни, телесных состояний (*a desperate fight against lymphoma, to win the war against the HIV epidemic, the fight against Alzheimer's disease* (BNC)), но и малозначительных соматических событий (*to combat cellulite; to beat cellulite and other weight problems; "self-massage <...> should be regarded as an important ally in any campaign against cellulite"* (BNC)). В наше время военная метафора все чаще становится объектом критики со стороны медиков, лингвистов и простых пациентов. Ее обвиняют в неэффективности, насаждении отчужденного, агрессивного отношения к собственному телу, формировании неправильных установок относительно способов переживания болезненных состояний и т. д. (см. [Sontag 1978; Sontag 1989; Deignan 2013]). Предпринимаются попытки изъятия данной метафоры из дискурса болезни и активно предлагаются альтернативные метафорические модели, к числу которых относится метафора «путешествие» (*Disease is a journey*) (проект *Metaphor in end-of-life care*²⁹). Эффективность таких попыток можно будет оценить лишь спустя какое-то время. Однако они примечательны сами по себе, поскольку они демонстрируют возможности применения принципов языковой политики к функционированию не только тематических групп лексики (как это уже произошло, например, в случае с наименованиями фи-

²⁹ ucrel.lancs.ac.uk/melc/

зических недостатков), но и отдельных, вполне определенных метафор в рамках тематических групп. Военная метафора становится ярким примером сознательного воздействия на коммуникативные практики: некогда искусственно введенная в дискурс для решения определенных практических задач, она так же искусственно из него изымается, поскольку эти задачи признаются утратившими актуальность.

Историческую изменчивость можно рассматривать как проявление системных свойств интероцептивного словаря. Откликаясь на изменения в образе жизни людей и их взглядов на природу и сущность телесных процессов, словарь интероцептивных ощущений демонстрирует способность к адаптивному поведению, а адаптивность, как известно, является одним из важнейших проявлений системности [Мельников 1978].

3.7.2. Индивидуальная вариативность словаря интероцептивных ощущений

Be sure to enjoy language, experiment with ways of talking, be exuberant even when you don't feel like it because language can make your world a better place to live.

Deborah Levi

Динамика другого рода наблюдается в синхронической перспективе при сравнении тех лексических средств, которые используются для описания внутрителесных ощущений разными экспертами.

Проработав значительное число литературных источников в поисках материала, мы обнаружили, что количество лексических средств, используемых для обозначения интероцептивных ощущений, а также их семантическое разнообразие, существенно разнятся от автора к автору. Особенно очевидно это становится в тех случаях, когда рассмотрению подвергается значительный корпус произведений одного и того же автора (20 книг С. Кинга, включая романы и сборники повестей и рассказов; 7 книг У. Стайрона, составляющих практически все его творческое наследие, 6 романов Д. Кунца, 9 романов Дж. Ирвинга и т. д.).

Разумеется, объем и содержательное наполнение словаря интероцептивных ощущений может определяться спецификой жанра, в котором работает писатель. Так, например, существует мнение, что тема тела наиболее релевантна для жанра «хоррор», называемого некоторыми исследователями наиболее «физиологическим» из всех литературных жанров, за исключением порнографии [Badley 1996, с. 4]. Хоррор не просто разывает тело и вскрывает самые потаенные и неприглядные стороны его жизни, эксплицируя их в слове. Качественный, высокохудожественный хоррор — это всегда «письмо от тела», описание опыта общения с окружающим ми-

ром через призму испытываемых в ходе этого общения телесных состояний [Там же, с. 1]. Следует учесть, однако, что сами эти телесные состояния могут описываться по-разному, и писатель вполне может ограничиться вербализацией зрительных, слуховых, кинестетических ощущений, избегая темы интероцепции либо обозначая ее достаточно схематически, используя несколько наиболее распространенных дескрипторов. В данном случае можно сослаться на пример Дж. Дивера, который является представителем жанра хоррор, но совершенно не работает с темой внутреннего тела. В то же время, С. Кинг, чьи произведения широко используются нами в качестве источника иллюстративного материала, постоянно обращается к теме интероцепции и проявляет впечатляющую изобретательность при описании внутрителесных ощущений. Так, например, в романе «Игра Джералда» только одни мышечные судороги описываются 32 разными способами. Приведем лишь несколько контекстов, позволяющих убедиться в специфической интероцептивной креативности писателя: *the first cramp struck. It felt like a blow from the dull side of a meat-cleaver; the second cramp struck. This one was much worse. It felt as if someone had dropped a glass-encrusted noose of cable around her left shoulder and then yanked it tight; Another cramp, this one as sharp and sudden as a thunderbolt coronary, punched through her left triceps all the way to the armpit, and her words dissolved into a long, wavering scream of agony; A horrible cramp jig-jagged up her left side. It felt as if someone had given her a fast, harsh scrape with a hot poker (S. King. Gerald's game).*

Теоретически тема тела должна быть релевантна и для современного психологического романа, учитывая растущее влияние психоаналитических и психосоматических концепций, которые в значительной степени формируют тот культурный и интеллектуальный контекст, в котором создается произведение. На практике, однако, прямую зависимость и в данном случае выявить не удастся. Наряду с телесно-ориентированными писателями, такими как У. Стайрон, многообразно и многоаспектно обыгрывающими тему тела, существует и множество писателей, к этой теме не обращающихся или практически не обращающихся (Дж. Ирвинг, например).

Следовательно, причину количественной и содержательной вариативности словаря интероцептивных ощущений следует искать не столько в формате произведения, сколько в личностных особенностях его автора.

К числу этих личностных особенностей в первую очередь мы относим аксиологические установки человека относительно той роли, которое тело играет в его жизни. Очевидно, что «телесно-ориентированные» индивиды склонны больше прислушиваться к внутреннему телу и выводить свои телесные переживания в дискурс. Скорее всего, они будут более подробно структурировать собственный интероцептивный опыт и как следствие будут обладать более развитым интероцептивным словарем. Такая

телесная ориентированность может объясняться особенностями психотипа личности, в том числе и наличием разнообразных психических отклонений (см., например, [Тхостов 2002, с. 162–170]). Мы полагаем, что она может возникать и под давлением жизненных обстоятельств, в частности, в ситуации тяжелой затяжной болезни, когда человек вынужден фокусироваться на явлениях внутрителесной реальности. Подтверждением тому являются индивидуальные интероцептивные словари С. Кинга и У. Стайрона, которые значительно превосходят соответствующий словарь всех других рассмотренных нами авторов. Оба автора, при всей несопоставимости художественных достоинств их произведений, обнаруживают выраженную склонность «писать от тела». Герои их произведений всегда «вдействованы» в описываемую ситуацию и переживают ее не абстрактно-интеллектуально, а непосредственно-телесно, на самых глубинных уровнях своей телесной организации. Они способны испытывать *visceral excitement* (W. Styron. *A Tidewater morning*); *visceral thrill* (W. Styron. *The suicide run*), *queasy visceral terror* (W. Styron. *Set this house on fire*); *uncomplicated visceral bliss* (W. Styron. *Sophie's choice*); быть *viscerally alive* (S. King. *Pet sematary*); понимать происходящее на глубинном телесном уровне — *in a visceral way* (S. King. *Dreamcatcher*); жить в резонансе с миром, откликаясь на происходящие в нем события интероцептивно — *The crowd lurched and swayed deliriously toward him, and Johnny felt an answering lurch in his own guts* (S. King. *The dead zone*); *it so stirred my depths* (W. Styron. *Sophie's choice*). Известно, что оба писателя имеют богатый опыт переживания болезненных состояний, который сыграл значительную роль в их жизни и творчестве. С. Кинг имеет многолетний опыт борьбы с алкоголизмом и наркозависимостью, сделав его сюжетной линией нескольких произведений (в том числе одного из последних — «Доктор Сон»). Важным событием в его жизни стала травма 1999 года и последовавшая за ней серия крайне болезненных операций (опыт, наиболее непосредственно отраженный в романе «Ловец снов»). У. Стайрон на протяжении многих лет боролся с тяжелой депрессией, подробно описав свои переживания в автобиографическом очерке «Зримая тьма». Таким образом, общая настроенность на восприятие тела подкреплялась и непосредственным опытом переживания разнообразных соматических состояний, сформировав специфический телесный модус мышления, в том числе и художественного.

Можно предположить, что такой соматический модус мышления свидетельствует о наличии развитых «интероцептивных способностей» (Э. Эсрок³⁰). Под интероцептивными способностями мы понимаем умение структурировать внутрителесный опыт, которое заключается в распозна-

³⁰ <http://cm.rpi.edu/pl/people-590/ellen-esrock>

вании различных видов интероцептивных ощущений и умения категоризовать их. Это умение подразумевает упаковку интероцептивного опыта в определенные, более или менее четко оформленные когнитивные структуры, сопровождающуюся их выводом в речь. Интероцептивно одаренный человек должен уметь «работать» с готовыми когнитивными структурами, сформировавшимися в его сознании в результате участия в дискурсивных практиках, и создавать в случае необходимости бленды, а также осуществлять дальнейшую нюансировку ощущения, варьируя лексические репрезентанты интероцептивных метафор.

Важность вербальной составляющей отсылает нас в сферу общих языковых и речевых способностей человека: общий объем словаря, умение работать со словом, предрасположенность к креативному использованию вербальных средств, готовность к активному языковому экспериментированию, владение приемами языковой игры. Последнее явно дает дополнительный толчок развитию интероцептивного словаря, позволяя создавать нестандартные наименования при вполне стандартных способах осмысления ощущения. Сошлемся на два интересных словарных эксперимента С. Кинга, связанных с созданием композитов. Интенсивная боль в сердце, метафорически разрывающая грудную клетку, обозначается композитной структурой *chest-buster*, которая является предельно концентрированной формой развернутой синтаксической структуры типа *The pain was intense enough to bust her chest: Christ, she's had a heart attack, he thought, and there was a moment's alarm which was immediately replaced by joy. Let her have one! A big one! A fucking chest-buster!* (S. King. *Misery*). Еще один пример такого рода игрового употребления наблюдается в романе 11.22.63. Вполне конвенциональные словосочетания *nagging pain* и *thumping pain* стягиваются соответственно в *nagger* и *thumper*, основанные на продуктивной словообразовательной модели агентивной семантики **V + er**: *I remember I had a little headache and was rubbing my temples the way you do when you're trying to keep a little nagger from turning into a big thumper* (S. King. 11.22.63). И вновь мы вынуждены признать, что прямой зависимости между общими языковыми способностями и способностью к артикуляции интероцептивного опыта не существует. Самые стилистически искусные писатели, мастерски владеющие словом, могут вовсе избегать телесной темы при ее релевантности для сюжета произведения либо описывать телесные явления предельно лаконично и скупое, не используя в полной мере даже инвентарь конвенциональных интероцептивных единиц. Примером тому могут служить произведения Дж. Ирвинга и Дж. Барнса.

Содержательное наполнение словаря интероцептивных ощущений зависит и от ряда вполне конкретных, подлежащих объективной оценке, характеристик экспериенцера. Одной из них является гендерная принад-

лежность. Замечено, например, что interoцептивный словарь мужчин содержит большее количество единиц с семантикой однократного, качественно определенного воздействия (примерами из английского языка могут служить *punch, stab, pierce, hit, rip, etc.*), в то время как женский словарь состоит преимущественно из единиц со значением длительного, растянутого во времени действия или состояния (*tug, pull, etc.*) [Ефремова 1997, с. 45]. В полной мере осознавая условность соотношения пол — гендер, приведем, однако, несколько примеров, взяв за основу половую принадлежность автора высказывания. «Мужская метафора»: *He moved to sit up but abandoned the idea as a stab of pain pierced his abdomen and left shoulder (C. Frederick. The door that does not close); Pain ripped up his arm (S. King. Needful things)*. «Женская метафора»: *There's a tugging in my heart (S. Kinsella. Twenties girl)*.

Релевантной может оказаться и профессия экспериенцера, поскольку она в значительной мере определяет специфику того телесного опыта, который может быть экстраполирован на сферу interoцептивных ощущений. Этот фактор рассматривается и Дж. Бурк, которая приводит интересный пример профессионально-обусловленной метафоры боли. В 1890 г. моряк описывает ощущения от инфлюэнцы как “*feeling like he were going to unship the top of his head*” [Bourke 2014, с. 84].

Профессиональный фактор, несомненно, коррелирует с гендерным, поскольку при всей демократизации современного рынка труда представление о типично мужских и типично женских профессиях все же сохраняется. Так, типично мужскими считаются профессии, связанные с использованием механизмов и сложных приборов, тяжелых инструментов, строительных материалов. Соответствующая механическая метафора в многообразных ее проявлениях является, таким образом, не только профессионально-, но и гендерно-обусловленной. Ср.: *His heart was still beating like a triphammer (S. King. Needful things); His left hand, wrapped in a handkerchief, lay in his lap. It had turned into something like a radio station and was now broadcasting approximately fifty thousand watts of pain — the slightest movement sent it raving up his arm (S. King. Thinner); what felt like stiff bundles of copper wire were exploding in the big muscles of his arms and belly (S. King. Needful things); After almost twenty hours in the dampness, his legs felt as if someone had studded them with rusty nails (S. King. Misery)*.

Индивидуальная вариативность обеспечивается и совокупным коммуникативным опытом индивида. Этот опыт включает живое общение, в ходе которого происходит «взаимокоррекция когнитивных пространств коммуникантов» [Гудков, Ковшова 2007, с. 17] и усвоение новых интерпретативных моделей либо способов репрезентации уже сформировавшихся. Другим важнейшим компонентом этого опыта является чтение литературы, просмотр фильмов (как художественных, так и документаль-

ных), созерцание живописных и скульптурных произведений и т. п. Однажды услышанная фраза, впечатливший зрительный образ могут запустить процесс «присвоения» предложенного интерпретативного модуса и формирования новой структуры в индивидуальном когнитивном пространстве interoцепции. Коммуникация позволяет восполнить ограниченность собственного interoцептивного и соответствующего ему вербального опыта и пополнить репертуар лексических средств единицами, которые являются либо принципиально новыми для экспериенцера, либо представляют собой альтернативное «прочтение» знакомого ему ощущения. Имея разный коммуникативный опыт, люди получают и разный доступ к коллективному когнитивному пространству interoцепции, усваивая лишь определенные интерпретативные модусы.

Индивидуальные словари interoцептивных ощущений различаются устойчивыми индивидуальными предпочтениями в тематике метафор; различиями в семантическом разнообразии репрезентирующих эти метафоры лексических единиц; удельном весе конвенциональных форм в общем словаре; различиями в способах комбинирования метафор, а также способах их синтаксического оформления (использование структур тождества или подобия — подробнее см. раздел 4 Главы IV) и рядом других характеристик. Эти характеристики в совокупности образуют то, что мы склонны рассматривать как interoцептивный идиолект, который, несмотря на постоянное изменение и развитие, все же обладает определенной устойчивостью, обеспечивая узнавание interoцептивного стиля определенного автора.

Приведем два примера, доказывающих системность индивидуального interoцептивного словаря и демонстрирующих динамику его развития.

3.7.2.1. Интероцептивный идиолект С. Кинга

*I am the literary equivalent of
a Big Mac and fries.*

S. King

Интероцептивный идиолект С. Кинга характеризуется следующими основными чертами, устойчиво проявляющимися на протяжении всей его сорокалетней активной писательской практики:

- 1) репрезентация различных соотносительных моделей внутреннего тела, существующих в коллективном когнитивном пространстве современного англоязычного социума; возможность чередования моделей в пределах одного произведения (ср. роман *Needful Things: Her fingers were like the pincers of some machine which had frozen solid for lack of oil* (модель «тело — машина»); *Frank Jewett felt a horrible sinking sen-*

sation in the pit of his belly. It felt like an elevator out of control (модель «тело — дом»); *traitor hands* (модель «тело — компаньон») и др.). Такое чередование моделей позволяет ему не только максимально точно описать наличный интероцептивный опыт, но и рано или поздно добиться эмпатического отклика у читателя, войдя с ним в когнитивный резонанс.

- 2) оживление старых, стершихся метафор посредством экспликации различных компонентов исходного образа: *After all these years that old pain was gnawing his bones again, as fresh and as hungry (Needful things); His heart leaped up in his throat like a crazy jack-in-the-box (Pet sematary).*
- 3) использование новых словарных единиц, парадигматически соотносящихся с компонентами конвенциональной метафоры и расширяющих ее границы. Примером может служить конвенциональная метафора “*to have butterflies in one’s stomach*”, используемая для описания состояния волнения и предвкушения. Кинг творчески подходит к использованию этого готового шаблона, добавляя в него новые детали: *When I knocked on her door, there was a whole cloud of butterflies in my stomach (11.22.63)*. Кроме того, он активно экспериментирует с модификацией метафоры, используя образы, онтологически близкие тем, что используются в исходном метафорическом образце. Внутреннее тело открывается для существ гораздо менее безобидных, которые обычно ассоциируются с опасностью и вызывают брезгливость и отвращение: *He stared at the figure, feeling a coldly fluttering swirl of moths in his gut (Thinner); now it felt as if a swarm of bees had been loosened in the lower half of his body (Misery)*. Такая модификация позволяет расширить функциональные границы метафоры: новая формула используется для обозначения не только эмоционального, но и собственно соматического состояния.
- 4) создание новых тематических групп лексем для наполнения старых метафорических моделей. Так, в рамках кинетической метафоры автор использует новую тематическую группу «акробатические трюки»: *The sick smell coming off the corpse was making his stomach do cartwheels and handstands (The Stand); Her stomach did another forward roll but this time it didn’t stop; it just went on somersaulting over and over and she became aware that she was getting sick (The dead zone)*. Возможность такого экспериментирования открывается за счет того, что автор часто прибегает к стратегии олицетворения органов внутреннего тела.
- 4) преимущественное описание эмоций в терминах интероцептивных состояний. Кинг никогда не ограничивается скупым метаязыком эмоций (*he was frightened, she was angry*), он всегда конкретизирует эмо-

циональное состояние протагониста указанием на специфические соматические реакции: *His eyes were grave and Halleck felt that fear again, like a smooth steel needle, very thin, probing at the lining of his stomach (Thinner); There was no question about the fear now. It was coiling lazily in her stomach like cold water (The dead zone); Dim terror in his old bones. It was like spun glass, fine and fragile (Pet sematary).*

- 5) обилие развернутых метафор, строящихся на последовательной экспликации отдельных аспектов одного образа, чаще зоологического: *He looked around, startled. The quick and uncalculated movement awoke his pain from its doze. It snarled dully in what remained of his shins and in the bunched salt-dome that had replaced his left knee. It turned over, needling him from where it lay imprisoned in its cave of bones, and then fell lightly asleep again (Misery).*
- 6) создание смешанных метафор, основанных на комбинировании различных когнитивных структур: зоологической и орудийной метафоры (*She looked at her right arm, then turned her head on the rusty armature of her neck (which was only partially asleep) and looked at her left — Gerald's game*); антропологической и стихийной метафоры (*might have been the sickness, which was now rolling through her belly in gripping, peristaltic waves — The dead zone*); зоологической и стихийной метафоры (*all her concentration was focused on that fiery bundle of nerves between and just below her breasts, waiting to see if the pain was really going to go away or if it would flare up again instead. It went... but grudgingly, with a promise to be back soon (Gerald's game)*) и др. Заслуживают внимания и примеры совмещения нескольких метафор: *Then there was a sensation in the back of her wrist that felt like heat-lightning, and the handcuff jerked upward a little. It stopped, then began to move again. That hot, electrical tingle began to spread as it did, quickly becoming a dark burning which first spread all the way around her hand like a bracelet and then bit in like a battalion of hungry red ants (Gerald's game)*. Один интероцептивный эпизод описывается как удар молнией (heat-lightning), электрический разряд (electrical tingle), горение (burning), формирование механической конструкции (bracelet), живое существо (hungry red ants, bit). Последняя метафора имеет собственную сложную структуру, поскольку зоологическая метафора вводится военной (battalion). Образ, создаваемый таким наложением, полифоничен: он передает интенсивность переживаемого ощущения, его широкую локализацию, качественные параметры (biting), и представляет всю интероцептивную ситуацию как событие, имеющее цель и определенную внутреннюю логику (военная операция). Представляет интерес и сочетание “dark burning”, в котором совмещаются образы двух сенсорных модальностей, зрительной и осязательной, и создается

единый синестетический комплекс. Создание таких многомерных, многослойных образов требует не только богатого «висцерального воображения» [Collins 2011], но и особой гибкости когнитивного стиля, умения совмещать различные интерпретативные модусы и чувствовать границы экспериментирования, при нарушении которых будет создан эффект концептуальной какофонии. Кинговскую смешанную метафору, при всей ее парадоксальности, следует признать эффективным приемом вербализации интероцептивного опыта, поскольку она отражает феноменологическую специфику самого объекта номинации — неуловимость, многомерность и неконтролируемость ощущения.

Мы хотели бы особо подчеркнуть, что описанные здесь когнитивные и вербальные стратегии устойчиво используются Кингом на протяжении всего его творчества. Одни и те же легко узнаваемые авторские метафоры встречаются из произведения в произведение. Ср.: *His heart was a runaway engine in his chest (It)*. — *His heart was a runaway stamping-press in his chest (Gramma)*; *Her heart was jackhammering wildly in her throat (Needful Things)* — *The pain pulsed in synch with the jackhammer beat of my heart (11.22.63)*; *He felt his mind tottering, ripping free of its moorings (It)* — *My stomach seemed to have come unmoored from the muscles that were supposed to hold it in place (11.22.63)*. Их конкретное лексическое наполнение может быть неидентичным, но метафорическая модель, тем не менее, легко узнаваема: *It felt as if his throat was lined with mitten-wool (Gramma)* — *She felt claustrophobia touch her throat, turning the skin there to something that felt like flannel (It)*; *But his triphammering heartbeat did not slow (Thinner)* — *Her heart was jackhammering wildly in her throat (Needful things)*.

Подобная узнаваемость при неидентичном лексическом наполнении может наблюдаться и в случае с таким сложным лингвокогнитивным образованием, как смешанная метафора: *His head was thudding — whacking — like a turnip filled with blood (It)* — *His head throbbed like a tomato full of hot, expanding blood (The dead zone)*.

Устойчивая повторяемость метафор не означает, однако, отсутствия динамики в развитии интероцептивного идиолекта. Так, некоторые образы появляются лишь в отдельных произведениях и не получают дальнейшего распространения (например, четырежды упоминаемый *rabbit-fast heartbeat* и единичное употребление *a whopper of a headache* в романе «Оно»). Единичны и некоторые развернутые сравнения: *Dan's heart took an enormous leap in his chest and his head gave a sudden terrific whammo, as if Thor had swung his hammer in there (Doctor Sleep)*. В одном из последних романов появляется ранее не использованная метафора «желудок — яхта», являющаяся исключительно авторской инновацией: *My stomach was the yacht, first rising and then taking those horrible corkscrew drops (11.22.63)*.

Данное высказывание примечательно тем, что при создании новых, нетрадиционных образов Кинг обычно предпочитает синтаксически оформлять их как сравнение, однако в данном случае он прибегает к классической для метафоры структуре тождества.

Таким образом, при наличии стабильного неизменного ядра интероцептивный идиолект способен эволюционировать, принимая в себя новые лексические единицы. Целостность идиолекта обеспечивается стабильностью когнитивных структур, лежащих в основе номинации и во многом предопределяющих пути развития словаря ощущений. Мы хотели бы особо подчеркнуть, что при всем богатом «висцеральном воображении» автора и широчайшем диапазоне используемых им языковых средств, он все же остается в пределах того «телесного концептуария» (см. раздел 5 Главы II), который навязан ему его родной лингвокультурой и не предлагает никаких решений, выходящих за его пределы.

3.7.2.2. Интероцептивный идиолект У. Стайрона

A great book should leave you with many experiences, and slightly exhausted at the end. You live several lives while reading.

W. Styron

Обратимся к интероцептивному идиолекту У. Стайрона. Заметим, что мы изучили все художественные произведения Стайрона, что дает нам более системное видение проблемы и позволяет с большей уверенностью говорить о степени выраженности той или иной тенденции в его индивидуальном интероцептивном словаре. К основным чертам его идиолекта мы относим:

- 1) ограниченную представленность соотносительных моделей тела. Из всех возможных вариантов представлены только два: «тело — дом» (*It's the worst thing about women — that really screwed-up plumbing of theirs. A big jumbo sewer flowing through the Garden of Eden (Set this house on fire); suffering Stingo whom I had once inhabited, or who had once inhabited me (Sophie's choice)*) и «тело — машина» (*something popped like a valve inside him (Set this house on fire); His heart thudded against his breastbone like an overworked pump (Set this house on fire)*). В отличие от соотносительных, другие типы моделей, а также образы представлены достаточно широко: *Sophie felt the pulse racing in both wrists, her mouth dried up instantly (Sophie's choice); I had enough self-pity walloping around inside me to float a whole raft... (Set this house on fire); I was unable to speak, and now again the whip struck, in the same place, blinding me, sending me afloat outside myself on a reddish cloud of pain (The confessions of Nat Turner); [he] said something which made her heart feel like a hot ball of lead (Sophie's choice).*

- 2) преимущественную адресацию к интероцепции при описании эмоционального состояния протагониста. В текстах Стайрона собственно телесные, в том числе и болевые, ощущения, описываются достаточно редко, при том, что к теме внутренних «телесных катаклизмов» (*a bodily cataclysm — Sophie's choice*) он обращается регулярно. Эти катаклизмы неизменно вызываются душевными переживаниями героев. Характерным для Стайрона является описание эмоционального состояния по моделям, которые обычно используются для описания болевых ощущений. Широко используется орудийная лексика: *a sharp stab of hatred (Set this house on fire, Sophie's choice); this sharp stab of hatred, shock that hammered at her bones, horror scraped like steel files, hatred like a butcher knife in my heart (Sophie's choice); the boredom is like a knife-edge at the back of my skull (The confessions of Nat Turner); a sharp blade of nostalgia through me, he felt anguish wrench at his heart (Set this house on fire)*. Орудийная метафора может быть представлена в развернутой форме, что свидетельствует о высокой степени осознанности ее употребления: *a thin sharp blade of despair sliced across his heart (Lie down in darkness)*. Писателю свойственно четкое указание на локализацию той или иной эмоции: *I saw Mason at last — my heart giving a huge lurch of misery as I saw his long familiar outline beneath a blanket, His heart was seized by a despairing clumsy terror, gut churning with fear (Set this house on fire); my hatred for her now was like a sharp rock in the pit of my stomach (The confessions of Nat Turner); gut churning with fear (Sophie's choice)*. Наряду с этими вполне традиционными пространственными решениями (о локализации эмоций см. раздел 4.3.2.3. Главы II), У. Стайрон вводит и несколько новых, необычных локусов, отражающих лишь его восприятие эмоциогенной ситуации: *outrage pulsing through his muscles and bones (The suicide run), glacial fear that hammered at her bones (Sophie's choice)*.
- 3) широкое употребление терминологической медицинской лексики. Автор постоянно прибегает к использованию медицинской терминологии при описании эмоциональных состояний своих героев. Эмоция фактически описывается как реальный телесный симптом, причем излюбленным авторским приемом является метафора спазма: *a spasm of desperation, platitudinous yet genuine spasms of exhilaration and sweet promise (Sophie's choice), a spasm of bellicose rage, a spasm of hopeless, cloying homesickness (The suicide run), a spasm of satisfaction, a spasm of satisfaction, a brief, fleeting spasm of rage (The confessions of Nat Turner); a spasm of envious pain, spasms of grief (Set this house on fire); spasms of quiet, ineffectual anger (Lie down in darkness)*. Широко используется и существительное *pang*, используемое в медицинском дискурсе для обозначения острой боли: *sharp pangs of homesickness*

(*Set this house on fire*), a curious pang of pity and regret (*The confessions of Nat Turner*), a piercing pang of regret (*Sophie's choice*). При описании ощущений автор употребляет латинизмы, что совершенно не характерно для описанного выше идиолекта Кинга: *an alarming coronary turbulence* (*The suicide run*); *a plunging vertigo* (*Set this house on fire*). Он проявляет и большую анатомическую и физиологическую компетентность, употребляя терминологические названия частей внутреннего тела и внутрителесных процессов, что характерно скорее для медицинского дискурса, а не бытового дискурса ощущений: *I felt myself shudder, not from the day's cold but as if from chill fever coursing through the marrow of my bones* (*The confessions of Nat Turner*); *My intoxication had bubbled away and I felt the blood pounding against my Adam's apple* (*Sophie's choice*); *the stress had sent an aching jolt of adrenaline to my kidneys* (*The suicide run*); *Every capillary in me from head to toe was absolutely tumescent with desire* (*Set this house on fire*).

- 4) склонность к подробной экспликации различных компонентов психофизического состояния, тонкую нюансировку в вербальной репрезентации соматических маркеров эмоций. Ср.: *anxiety began to steal over me, announcing itself with a faint numbness in my extremities, an urgent heartbeat, pain all around the bottom of my stomach* (*The confessions of Nat Turner*); *The sense of excitement, gut-deep, warm, squirmy, returned irresistibly* (*The confessions of Nat Turner*); *His heart was seized by a despairing clumsy terror* (*Set this house on fire*). Автор демонстрирует способность распознавать и описывать различные фазы эмоционального состояния, «узнавать» эмоцию по первым возникающим соматическим признакам: *I sensed a heavy emotion roiling inside me that was like the onset of mourning* (*Sophie's choice*).
- 5) широкое употребление гидравлической метафоры. По-видимому, эта особенность идиолекта объясняется тем, что автор сосредотачивается преимущественно на эмоциональном состоянии своих персонажей, и, описывая эмоции, он невольно попадает под влияние родной для него лингвокультуры, которая предписывает интерпретировать эмоции как движение жидкости внутри контейнера (см. раздел 4.3.2.1. Главы II). Тот факт, что эмоция описывается через свой соматический маркер, не меняет общей когнитивной стратегии ее репрезентации: *He felt ice water flowing in his veins; Yet, sweating, he felt parched, juiceless, dehydrated* (*Set this house on fire*); *A small thrill of pleasure coursed through my flesh; A thrill of joy coursed through me; how much sour resentment boiled behind those awed, respectful glances* (*The confessions of Nat Turner*); *could they just feel the course of her pounding, angry blood, the nausea which surged up from his belly in hot*

demanding waves (Lie down in darkness). Интересно, что автор предлагает и свой собственный, неординарный способ обозначения эмоционального кризиса: эмоция не «выкипает», как это обычно происходит, а «откупоривается»: *When all her fury and envy became unbottled — poof! (Lie down in darkness)*. Силой воображения автора абстрактный «эмоциональный контейнер» обретает вполне определенные очертания, обращаясь в бутылку.

- б) последовательность, системность в употреблении метафор при описании болевых ощущений в рамках одного произведения. Эта особенность наиболее выражена при описании ощущений, испытываемых одним и тем же персонажем, что позволяет составить его целостный «телесный портрет». Так, например, в романе *Lie down in darkness* боль, испытываемая героиней, регулярно описывается зоологической метафорой, а точнее — ее орнитологической разновидностью: *the other pain quiescent in me now like the claw of some bird waiting; then the claw retreated, went away; Dormant, cautious, watchful, like that condor with one waking eye, the pain left me alone inside, lying somewhere beyond my womb (Lie down in darkness)*.

В корпусе произведений автора отмечаются случаи употребления смешанных метафор, число которых, однако, гораздо меньше, чем в произведениях Кинга. Заслуживают внимания два контекста. В первом из них отчетливо прослеживается смешение зоологической и фитонимической метафоры: *that old vast gnawing hunger which began to grow and grow in me like a flower (Set this house on fire)*. Зоологическая метафора (gnawing) репрезентирует качественные параметры ощущения, а фитонимическая (flower) — его динамические аспекты (усиление интенсивности, расширение первоначальной локализации). Интересно отметить, что зоологическая метафора гораздо менее заметна на поверхностном уровне и репрезентируется не прямым наименованием животного (в отличие от фитонимической), а указанием лишь на один из его атрибутов (gnaw). Напомним, что лексема *gnawing* является частью общеупотребительного словаря интероцептивных ощущений, и, возможно, именно высокая степень ее конвенциональности, приведшая к частичному стиранию исходной образности, позволяет комбинировать ее с репрезентантами фитонимической метафоры без возникновения эффекта катахрезы. Второй контекст является примером смешения биологической и электрической метафоры: *Blankenship felt the wound now, as he had ten times a day in whatever damp weather and probably would for the rest of his life, an icy trembling twitch like electric voltage pulsating in his thigh: for a brief dolorous instant it batted cruel teeth down to the marrow of his bone; then the trembling ceased (The suicide run)*. В данном случае образ является гораздо более слитным в том смысле, что обе метафоры выполняют одну и ту же функцию, обозначая каче-

ственные параметры ощущения и являясь альтернативными способами его концептуализации.

Целостность интероцептивного идиолекта У. Стайрона подтверждается устойчивой повторяемостью одних и тех же, легко узнаваемых средств выражения в произведениях разных лет. Ср.: *I began to sweat and felt my breath go haywire and something in my chest actually dilate painfully, like a rapidly expanding balloon* (*Sophie's choice*) — *her stomach leaped up inside her like a balloon* (*Lie down in darkness*); *But first I was still all electricity and bubbles and vitamins and piss-and-vinegar* (*Set this house on fire*) — *My intoxication had bubbled away and I felt the blood pounding against my Adam's apple* (*Sophie's choice*) — *His sunny, contented bubble burst and scattered* (*Lie down in darkness*); *hope withered inside me* (*The suicide run*) — *And so while I sat shivering in the November wind I listened to the sounds of late afternoon welling up from the town, and the rage withered within me and died away* (*The confessions of Nat Turner*); *My heart shriveled* (*The suicide run*) — *but at the same time my heart seemed to shrivel and die within me* (*The confessions of Nat Turner*) — *his heart had shriveled within him* (*Lie down in darkness*). Вместе с тем встречаются и единичные наименования, отражающие процесс когнитивного экспериментирования: транспортная метафора, обозначающая персистирующее ощущение нарастающей интенсивности (*She died a disgusting death, in a transport of pain* — *Sophie's choice*); мифологическая метафора, отражающая архаичную стратегию демонизации болезненных состояний (*fighting off goblins of neurasthenia* — *Sophie's choice*); наконец, с трудом поддающаяся классификации бытовая метафора, используемая для обозначения крайне степени общего истощения (*Physically, I was a nasty old sponge* — *The suicide run*).

Таким образом, как и в предыдущем случае, в интероцептивном идиолекте У. Стайрона существует устойчивое инвариантное ядро, обеспечиваемое стабильностью когнитивных стратегий, используемых при осмыслении интероцептивных ощущений. Однако стабильность не исключает и динамического развития, подразумевающего появление в идиолекте новых вербальных форм.

Различия в интероцептивных идиолектах являются, как мы полагаем, одним из проявлений динамических свойств интероцептивного словаря. Каждый представитель лингвокультурного сообщества отбирает из общего арсенала средств те, которые оказываются ему доступны, с одной стороны, и наиболее созвучны его индивидуальному телесному опыту, с другой стороны. Усвоив определенный интерпретативный модус, человек способен творчески развивать его, варьируя способы его вербальной репрезентации. Человек, в свою очередь, способен воздействовать на общее дискурсивное пространство, «вбрасывая» в него новую, созданную им

интероцептивную лексику. При наличии определенного «дискурсивного веса», обеспечиваемого возможностью общения с широкой аудиторией через печатные издания, кинопроизведения и т. д., человек может стать законодателем определенной дискурсивной моды, введя в широкий обиход новые способы обозначения ощущений. Этот новый словарь либо увеличивает номинативную плотность уже существующих когнитивных структур, либо способствует формированию новых структур в когнитивном пространстве интероцепции.

Выводы

1. Опыт переживания внутреннего тела связан с осмыслением происходящих в его среде явлений и процессов. Продукты этой когнитивной деятельности могут выводиться в поле общедоступных коммуникативных практик разными способами, главным из которых является речь. При вербализации субъективного внутрителесного опыта основная часть смысловой нагрузки ложится на лексику.
2. Бытующие представления о скудости интероцептивного словаря не соответствуют действительности. Он представляет собой объемное, семантически богатое и сложно структурированное образование. Объективной оценке его количественных и качественных характеристик препятствует его нетерминологический характер. Интероцептивный словарь является продуктом метафоризации и целиком базируется на общеупотребительной, бытовой лексике. Такая зависимость от бытовых дискурсов объясняется феноменологическими особенностями интероцептивных ощущений. Принадлежа субъективной сфере индивида, они не допускают возможности сравнения и верификации, в связи с чем создание узкоспециализированной терминосистемы интероцепции представляется эпистемологически бесперспективным и лингвистически нецелесообразным. С одной стороны, отсутствие поля общего опыта исключает согласованность в использовании специальных терминов и их одинаковое смысловое наполнение у разных членов лингвокультурного сообщества. С другой стороны, высоко конвенциональные, непрозрачные термины трудны для усвоения и являются дополнительной нагрузкой на словесную память носителей языка.
3. Источником метафорической проекции на область интероцептивных ощущений служит тот телесный опыт, который человек приобретает во взаимодействии с внешним миром. Это опыт экстероцептивного взаимодействия с предметами и явлениями окружающего мира и

опыт движения в нем. Основу метафорической проекции может составить и собственно телесное ощущение или симптом, особенно в том случае, если они обладают физиологической универсальностью и являются частью обязательного телесного опыта человека как биологического.

4. Словарь интероцептивных ощущений представляет собой динамически развивающееся образование, системность которого обеспечивается регулярностью используемых метафорических моделей и относительной стабильностью когнитивных структур, в которых фиксируются результаты интероцептивного опыта. Динамические процессы наблюдаются как в диахронической плоскости при сравнении средств вербализации интероцептивных ощущений в разные периоды в пределах одной и той же лингвокультуры, так и в синхронической плоскости, при сравнении индивидуальных словарей ощущений. Анализ индивидуальных словарей позволяет выявить существенные различия в их объемах и качественном наполнении. В то же время, такой анализ опровергает существующее представление о неограниченной свободе в выборе средств выражения при описании субъективного внутрителесного опыта, поскольку он наглядно демонстрирует обусловленность индивидуальной вариативности средств выражения концептуальными рамками определенной лингвокультуры.

Глава IV

Роль процессов синтаксирования в вербализации интроцептивных ощущений

Contrary to the foolish notion that syntax is immaterial, people optimize the way they express themselves, and so express themselves differently with different syntaxes.

Erik Naggum

Говоря об объективации интроцептивных ощущений в слове, следует иметь в виду, что вербализация предполагает выбор не только лексических средств описания перцептивного опыта, но и синтаксических конструкций, в которые этот опыт «упаковывается». Специфичность вербализуемой сферы опыта диктует необходимость детальной проработки вопроса о том, какая именно нагрузка ложится на синтаксическую структуру интроцептивного высказывания, и каким образом она помогает структурировать субъективный интроцептивный опыт.

4.1. Синтаксическая структура высказывания как средство объективации личностных смыслов говорящего

Self-expression must pass into communication for its fulfillment.

Pearl S. Buck

Одним из постулатов когнитивной лингвистики, провозглашенным, в частности, в работах Р. Лэнекера, является отсутствие четкого противопоставления между семантикой и синтаксисом, которые признаются неразделимыми (indissociable) [Langacker 1987; 1999, с. 1]. Лексикон и грамматика, по мнению Р. Лэнекера, формируют континуум символических структур, которые различаются между собой по многим параметрам, но которые, тем не менее, могут быть поделены на компоненты лишь условно [Langacker 1987, с. 3; Langacker 1999, с. 18].

Единство лексического и грамматического имеет целый ряд важных следствий. Во-первых, оно означает, что носителем смысла в высказывании является не только совокупность употребленных в нем лексических единиц, но и та синтаксическая структура, которая связывает эти единицы в единое целое. Синтаксическая схема высказывания оказывается содержательной; она не только «вносит упорядочивающее начало в построение предложения», задавая жесткую рамку высказыванию [Кубрякова 2010, с. 102], не только «производит рекогносцировку действительности», внося в нее «порядок и расстановку сил» [Норман 2013, с. 59], но и несет на себе часть его смысловой нагрузки. Синтаксис в не меньшей степени, чем словарь, является «средством объективации личностных смыслов говорящего» [Кубрякова 2010, с. 99; Кубрякова 2004]. Во-вторых, выбор синтаксической конструкции и выбор слова следует признать взаимообусловленным [Арутюнова 1972, с. 290]. Распределение личностных смыслов между лексическими и синтаксическими единицами определяется тем, «как увидел ситуацию говорящий и как он ее членит, это часть речевого акта, органично входящая в его состав и подчиненная законам распределения смыслов по разным языковым единицам, а потому — законам семантики» [Кубрякова 2010, с. 103]. Это положение особенно актуально в отношении интероцептивного высказывания, поскольку «видение» интероцептивной ситуации доступно лишь самому перципиенту, и в его словесной репрезентации важен каждый элемент. Это не просто «угол зрения» на элемент общедоступного опыта, а единственно возможный способ объективации компонента субъективной реальности в наличной ситуации. Перципиент членит глобальный телесный опыт, переводя его в линейный словесный формат, и синтаксическая организация высказывания, наряду с подбираемыми лексическими средствами, репрезентирует, как представляется, определенный компонент когнитивного пространства интероцепции. Способность синтаксических конструкций к репрезентации когнитивных структур была подробно обоснована Л. А. Фурс [Фурс 2004], в след за которой мы считаем возможным говорить о репрезентации определенного концептуального содержания на синтаксическом уровне.

Напомним, что количество «канонических», конвенциональных, устоявшихся форм интероцептивных высказываний весьма невелико, и вывод интероцептивного ощущения в речь — это всегда процесс активного словотворчества, предполагающего элемент экспериментирования с различными языковыми формами. Такой эксперимент не может не затрагивать и синтаксической структуры высказывания. Как известно, разнообразие синтаксических структур в языке напрямую связано с разными способами категоризации мира его носителями [Ковалева 2009, с. 14]. Варьируя структуры, усложняя или упрощая их, перципиент стремится к максимально адекватной передаче субъективного содержания с учетом специфики на-

личной коммуникативной ситуации. Следовательно, изучение синтаксических структур, задействованных в «интероцептивном словотворчестве» позволит существенно обогатить описание когнитивного пространства интероцепции и обеспечить максимально комплексное его изучение.

4.2. Синтаксическая структура высказывания как репрезентация модуса переживания телесности

*My body is like breakfast, lunch and dinner.
I don't think about it, I just have it.*

Arnold Schwarzenegger

Мы полагаем, что анализ синтаксических структур, используемых при вербализации интероцептивных ощущений, способен выявить глубинные, мировоззренческие установки, касающиеся осмысления факта собственной телесной воплощенности. Одной из важнейших функций синтаксической конструкции мы считаем репрезентацию специфического для актуальной интероцептивной ситуации модуса переживания телесности. Под «модусом переживания телесности» мы понимаем отношение к собственному телу, которое возникает у перципиента в той или иной соматической ситуации и выражается в интерпретации соматических событий как происходящих либо с самим перципиентом, либо с его телом. Выражаясь словами Артура Данто, перципиент пытается определить, с чем он в данный момент имеет дело: с телом, которым является он сам, или с телом, которое просто ему принадлежит (“The body that is me and th body that is merely mine”) [Danto 1999, с. 197].

Факт изменчивости в восприятии собственного тела и степени отождествления с ним неоднократно отмечался философами экзистенциалистского и феноменологического направления. Поскольку философская полемика плотно сопрягается с лингвистической проблематикой и во многом строится на анализе сугубо языковых фактов, представляется целесообразным осветить ее наиболее ключевые моменты.

4.2.1. Философская контрверза «быть телом» и «иметь тело»

*You see, you **are** a spirit, you **have** a soul and you **live** in a body.*

Joyce Meyer

Одним из первых в современной философии вопрос о том, чем является для человека его тело, сформулировал Г. Марсель в своем «Метафи-

зическом дневнике» (1927 г.). Определив его как «моё все» [Марсель 2007, с. 126], как неотъемлемую часть моей идентичности, Г. Марсель подчеркнул, что одновременно с этим тело является и предметом моего обладания, что порождает ряд серьезных мировоззренческих и этических проблем. Обладание в философской концепции Г. Марселя противопоставляется бытию. Эти взаимоисключающие, внешне несовместимые друг другу категории задают центральное противоречие человеческой жизни — противоречие между «быть» и «иметь». «Иметь» значит быть целиком погруженным в онтологический мир, отягощенным материей, собственностью, телесной жизнью, заслоняющей для человека подлинное бытие, Бога, бытие в Боге. Однако по отношению к телу оппозицию между «быть» и «иметь» не следует абсолютизировать, поскольку она представляет собой «чрезмерно схематизированное выражение очень сложной жизненной ситуации» [Там же, с. 210]. Эта сложность заключается в том, что рассматривая свое тело как предмет обладания, человек наталкивается на протест, идущий из его глубокой сути: «мое тело не есть то, что я имею. Но я *сам есть мое тело*» [Там же]. Признание тождественности человека собственному телу является своеобразным актом интеллектуальной, рефлексивной капитуляции и равносильно признанию в неспособности «определить тип связи, соединяющей эти два полюса» — человека и его тело [Там же].

Справедливости ради следует отметить, что двойственный характер связи между человеком и его телом отмечался и ранее, но в другом контексте и в принципиально иной исследовательской перспективе. Формулируя получившую широкую известность «Я-концепцию», У. Джеймс отметил, что человек является одновременно познающим субъектом и познаваемым объектом. Я-сознающее (I) и Я-как объект (Me) представляют собой две стороны единой, целостной личности, которые всегда существуют одновременно и создают чувство идентичности. Джеймс произвел дополнительное структурирование Я-как объекта, выделив в нем три основных аспекта: «физическое Я» (к которому относится тело человека, а также принадлежащие ему блага), «социальное Я» и «духовное Я». В этом гетерогенном образовании наибольший интерес для нас, разумеется, представляет Я физическое-телесное. У. Джеймс намечает основную перспективу его исследования вопросом «являются ли тела принадлежащими НАМ или они и есть МЫ САМИ?» [James 1950] — тем самым вопросом, который в дальнейшем, в чуть модифицированной форме, станет предметом рефлексии Г. Марселя.

Та же проблематика и тоже в психологической перспективе затрагивается в работах К. Ясперса. В «Общей психопатологии» (1913 г.) он сосредотачивается на описании психологического ощущения телесности: «Я осознаю собственное тело как собственное бытие; я также вижу и осязаю его» [Ясперс 1997, с. 123]. Собственное тело является для человека объ-

ектом, при этом он сам также является этим телом. Таким образом, человек ощущает себя как тело и воспринимает себя как объект, и оба эти ощущения предполагают друг друга и находятся в неразрывной взаимосвязи.

Оппозиция между «быть телом» и «иметь тело» на протяжении многих лет продолжает оставаться предметом оживленных философских дискуссий. Достаточно упомянуть о том, что в программе крупного международного проекта «Тело социальное и сакральное», инициированного одним из ведущих университетов Франции, центральный раздел открывается вопросом: «*Есть ли я мое тело или же у меня есть тело?*» [Зинченко 2005, с. 166–167].

Эта дискуссия обретает все большую остроту в связи с бурным развитием медицинских технологий, поскольку успехи трансплантологии и геной инженерии требуют серьезного пересмотра онтологического статуса человека [Попова 2014], особенно в контексте его телесности. Центральным пунктом философской полемики становится вопрос о том, кому принадлежит тело, и кто имеет право распоряжаться им. Позиция «иметь тело», как оказалось, не обязательно предполагает «естественного», самой природой определенного «собственника» (позиция либеральной философии, в частности Дж. Локка), и допускает еще по крайней мере две интерпретации: 1) тело принадлежит Богу-творцу, человек является не хозяином собственного тела, а лишь его «администратором» (позиция древнегреческой и раннехристианской философии); 2) тело принадлежит обществу (позиция, обозначенная в социальной философии) [Henk et. al. 1998].

Сложный, многоаспектный спор о праве собственности на тело давно вышел за пределы узкопрофессиональной философской среды и активно вторгается в бытовые дискурсы телесности. Это обстоятельство имеет несколько важных следствий. Во-первых, дискурсы такого типа насаждают видение тела как предмета обладания, и вопрос о том, кому именно оно принадлежит, не имеет в данном случае решающего значения. Гораздо важнее то, что в общественном сознании модус «быть телом» активно вытесняется модусом «иметь тело». В немалой степени этому способствует и материальная культура, предоставляющая широчайшие возможности для модификации тела вплоть до приобретения органов и тканей, которые становятся не просто частью организма человека, но и приобретенным им товаром. «Мой» в этом случае репрезентирует не отношение «часть — целое», а отношение «собственник — собственность». Такое укрепление собственнического отношения к телу влечет за собой вброс лексики с семантикой посессивности в дискурсы телесности. Нейтральный и широкозначный глагол *have* заменяется более семантически узкими единицами *possess* и *own*. Ср.: *Agnes Kittredge possessed the heart of a rabbit* (K. Michaels. *The chaotic Miss Crispino*); *Do you want to go back to owning a pair of hands that feel full of shrapnel?* (S. King. *Needful things*). Одновре-

менно с этим в дискурсах телесности увеличивается удельный вес конструкций, демонстрирующих высокую степень отчуждения от собственного тела. Сошлемся в этой связи на лингвистические наблюдения Э. Фромма: «некто, нуждающийся в консультации психоаналитика, начинает свою беседу с ним таким образом: “Доктор, у меня есть проблема, у меня бессонница. Я имею прекрасный дом, чудесных детей, у меня счастливый брак, но я испытываю беспокойство”. Вероятно, несколько десятков лет тому назад этот пациент сказал бы “я обеспокоен” вместо “у меня есть проблема”, “я не могу заснуть” вместо “у меня бессонница”, “я счастлив в браке” вместо “у меня счастливый брак”». Стиль речи, по мнению Фромма, характеризуется тем, что «субъект переживания заменяется на объект обладания» [Фромм 1998, с. 18].

Закрепляясь в дискурсивных практиках, такие лексические единицы и синтаксические конструкции, в свою очередь, влияют на формирование когнитивного пространства тела целого поколения носителей языка, вытесняя из их сознания экзистенциальную парадигму парадигмой посессивной.

В современной философии отмечаются попытки выравнивания этого дисбаланса и реабилитации естественного, природного переживания тела. Эти попытки осуществляются посредством возврата к первоначальной контрверзе и ее повторной артикуляции в общественных дискурсах либо ее переформулированию. Первая стратегия предполагает обращение к философскому наследию Г. Марселя, М. Мерло-Понти и Л. Витгенштейна, и напоминание о том, что «быть телом» и «иметь тело» есть «два компонента телесной воплощенности», первый из которых состоит «в отсутствии экспериенциального и концептуального дистанцирования от тела», а второй заключается в переживании тела как отдельной от Я и противостоящей ему реальности [Schatzki 1996, с. 43]. Вторая стратегия заключается в снятии остроты исходного противоречия. Так, например, Э. Фромм вводит понятие «экзистенциального обладания», определяя его как такую форму обладания, которой требует «само человеческое существование в целях выживания», которая «коренится в самих условиях человеческого существования» и «представляет собой рационально обусловленное стремление к самосохранению» [Фромм 1998, с. 21]. К объектам такого обладания, наряду с пищей, одеждой, жилищем и т. д., Э. Фромм относит и тело. В том же ключе рассуждает и Р. Харре, который вводит понятие «метафизической собственности», подразумевая под ним «внутренние отношения между человеком и его телом: Я существую благодаря *этому* телу; без *этого* тела меня бы не было [Harré 1991, с. 11–37, 116–141].

Оба подхода характеризуются стремлением показать континуальный характер телесного опыта. «Я есть тело» и «У меня есть тело» / «Я имею тело» — это не две жестко противопоставленные и взаимоисключающие

жизненные позиции, а лишь крайние полюсы континуума субъектно-телесных состояний. В каждый момент своей жизни человек может отводить своему телу большее или меньшее место, то полностью отождествляя себя с ним, то дистанцируясь от него и даже противопоставляя себя ему, тяготея, таким образом, то к одному, то к другому полюсу. Такая трактовка продуктивна как в психологическом, так и в лингвокогнитивном плане. Во-первых, она коррелирует с диалектической трактовкой традиционной дихотомии «тело — телесность» (см. раздел 4.1. Главы I настоящей диссертации). Во-вторых, она позволяет обеспечить системность при описании синтаксических конструкций, используемых при артикуляции интероцептивного опыта, поскольку она оставляет место для промежуточных, неявных случаев, не укладывающихся в жесткие рамки модуса «быть» или модуса «иметь».

4.2.1.1. Модус «Я есть тело»

I don't have a body, I am a body.

Christopher Hitchens

Очевидно, что экзистенциальное переживание тела, предполагающее отсутствие границ между рефлексирующим субъектом и его сомой, должно репрезентироваться в речи конструкциями, позволяющими описывать наличное интероцептивное ощущение как состояние самого субъекта. Синтаксической моделью, наиболее полно отражающей данный модус переживания телесности, является **S + be + Adj**. Она реализуется в речевой практике при описании ряда типологически разных состояний.

Во-первых, данная модель используется для описания общего физического тонуса организма — того, что представители старой школы физиологии именовали латинским термином “*vigor vitalis*”. Можно предположить, что это связано с исключительной важностью данного параметра для осуществления полноценной интеллектуальной и духовной деятельности. Недостаточность тонуса отрицательно сказывается на реализации субъектных инициатив, поэтому параметр общего «энергетического» самочувствия признается базовым и приписывается Я, а не его органическому субстрату. Лексическое наполнение модели осуществляется в этом случае лексемами типа *tired/ exhausted/ worn out, etc.*: *He said all the adrenaline just drained out of him, and suddenly he was exhausted* (C. Reinbold. *Girl on tracks*). Заметим, что и в русском языке описание физического тонуса осуществляется в рамках модуса «Я есть тело»: Я устал / вымотан / обессилен: *Он устал и был голоден. Ирина с любовью смотрела, как он ест* (В. Токарева. *Своя правда*).

Во-вторых, в терминах субъектных состояний описывается болезнь, даже в том случае, если органическое поражение носит локальный харак-

тер. Ср.: *John is ill(Br.) / sick (Am.)* при невозможности **John's heart is ill / sick*. Категоризация органа, в котором локализируются болезненные ощущения, осуществляется в аксиологических терминах: *bad heart / liver / kidneys, etc.: Jim also has a bad heart, so his new allergy to surprises endangers his life, and reduces him to a bedridden invalid in a soundproof room (COCA); You know the list: Lung cancer. Bad kidneys. Heart disease. He's going to die (T. Chiarella. Esquire)*. (Ср. рус. 'больное сердце', 'больные почки', 'больной желудок'). При необходимости конкретизации патологического состояния в описание вводится название болезни или указание на пораженный орган: *This time last year, I was sick with prostate cancer (E. Furia. It really works); But Desiree was sick with severe kidney problems (COCA)*. Коррелятом данной модели в русском языке являются конструкции с творительным причинным [Пешковский 2009, с. 302]: *Мне представлялось время, когда я был болен скарлатиной, выздоравливал, и за мной ухаживал отец (В. П. Катаев. Ночью)*.

Как видно из приведенных примеров, модус «Я есть тело» чаще активизируется в сознании при описании генерализованных ощущений, которые фактически являются сложной совокупностью ощущений, формирующих определенное физиологическое состояние организма.

Тем не менее, этот модус оказывается востребованным и при описании некоторых ощущений, которые носят локальный характер и четко соотносятся с определенной областью внутреннего тела.

К ним в первую очередь относятся те качественно разнообразные ощущения, которые локализируются в районе желудка и составляют в совокупности чувство голода (ощущение пустоты, «посасывание», покалывание, «бурление» и т. д.), а также ощущения в гортани и в полости рта, воспринимаемые как чувство жажды. Голод и жажда являются теми физиологическими состояниями, которые связаны с удовлетворением базовых витальных потребностей человека и не зависят от сознания и произвольности субъекта [Рупчев 2001, с. 56]. По-видимому, именно их высокий ранг в иерархии человеческих потребностей и неразрывная связь с самой жизнью способствует тому, что ощущения, связанные с необходимостью их удовлетворения, приписываются **Я**, а не телу. Кроме того, следует учесть и то обстоятельство, что телесные потребности и позывы традиционно стигматизируются религиозными системами Запада, и их перенос в сферу Я является той когнитивной стратегией, которая позволяет обеспечить их «этическую реабилитацию» (пища и вода нужны не телу, но человеку и обеспечивают потребности не плоти, но субъекта). Неслучайно высказывание «Ты есть то, что ты ешь», авторство которого приписывается Гиппократу, в современных дискурсивных практиках трактуется широко: потребляемая человеком пища влияет не только на состояние его организма, но и на формирование его личностных качеств.

При описании состояний голода и жажды модель **S + be + Adj.** лексически наполняется единицами *hungry / thirsty / ravenous / starving, etc.*: *She'd had nothing to eat since morning, and she was ravenous* (F. Michaels. *To taste the wine*); *She realized she was thirsty and reached into her bag for a bottle of water* (C. Garner. *Kiss of the vampire*). Восприятие потребности в пище и воде как базовой для человека особенно рельефно репрезентируется в контекстах, где чувство голода или жажды ставится в один ряд с описанием генерализованных ощущений: *Penelope was four years old. She was tired, she was cold, she was hungry* (COCA). *I was physically exhausted. I was hungry. I was dehydrated* (COCA). Лексико-синтаксическая анафора подчеркивает рядоположенность перечисляемых физиологических состояний, уравнивает их статус, возводя чувство голода и жажды в ранг «валовых чувств» (И. М. Сеченов).

Базовость потребности в пище и воде и ее приписывание субъекту, а не телу, способствует широкой метафоризации соответствующей лексики: *I was hungry for spiritual community*; *owners hungry for your business*; *the majority of freelance writers I meet are hungry for work*; *they were thirsty for all they could learn*; *people who are hungry and thirsty for the gospel* (COCA).

Тенденция к генерализации чувства голода в англоязычной культуре особенно заметна на фоне более локального видения этой перцептивной ситуации в русском языке, где физиологическое состояние голода может приписываться самому желудку, и лексема 'голодный' может использоваться атрибутивно с названием соответствующего органа: *Мы легли спать на голодный желудок, постелив на пол мой теперь уже негодный пиджак* (М. И. Саитов. *Островки*); *Главную, так сказать, тенденцию чувствуешь голодным желудком* (В. Пелевин. *Generation «П»*). В английском языке подобное состояние может описываться лишь как *empty stomach*, но не *hungry stomach*: *Not too much alcohol on an empty stomach* (COCA); *My empty stomach curdled with disgust and I cursed my own imagination* (J. Minton. *The darkness between*). В норме *hungry* употребляется атрибутивно в переносном смысле, обозначая сексуальное желание (*hungry lips, hungry mouth, hungry body*) [MEDAL]: *He began to move convulsively <...> as the bed springs creaked noisily beneath his foiu, idable weight and the helpless rhythm of his hungry body* (D. Palmer. *True colors*); *Then she was kissing him with a hungry mouth that took him under and shot his good intentions all to hell* (Sweet Surrender — Cosmopolitan — COCA). Однако узус изобилует примерами типа *Hundreds of hungry eyes stare at me from beneath weary brows* (Sh. Garland. *Indio*), в которых *hungry* реализуется в исходном значении 'голодный' и в сочетании с *eyes* метонимически обозначает человека, испытывающего чувство голода. (Ср.: *узбеки давали детям горстку душистого урюка или изюма просто так, без денег — наверное, не могли смотреть в голодные глаза детей* (Д. Рубина. *Окна*)). При субъекте

eyes *hungry* может использоваться и предикативно при описании эмпатически воспринимаемого чувства голода, испытываемого другим человеком: *And the woman ate and quenched her thirst, and yet she was still hungry. Her eyes were hungry* (D. G. Nicholls. *The short fiction of George Wylie Henderson*). Однако при описании собственно перцептивной сферы вариативность отсутствует, и единственной используемой моделью является S + be + hungry/ thirsty, etc. (Ср.: **My body / my stomach is hungry / thirsty*).

Заметим, что, в отличие от английского, в русском языке состояние жажды не описывается универбом и репрезентируется полнопредикативной конструкцией («Я испытывал чувство жажды», «Я хочу пить»). Это может свидетельствовать о более низком ранге необходимости удовлетворения жажды в общей иерархии человеческих потребностей, существующих в русскоязычной культуре.

С областью желудка соотносится и ощущение тошноты, о чем свидетельствует возможность построения высказываний типа *And my stomach was sick* (*Kid brother — СОСА*); *His stomach was queasy and he felt tired even as he remembered that today was the day he would address the sales force* (G. Reilly. *Convention*). Тем не менее, тошнота чаще описывается как состояние самого перципиента: *I drank that shit one time and was sick as hell* (T. Woods. *Dutch III: international gangster*); *Truth was, Ty was anything but calm. He was nauseated as the epinephrine coursed through his blood and constricted the blood flow to his stomach* (S. Gupta. *Monday mornings*).

Схожая ситуация наблюдается и с описанием головокружения, которое может концептуализироваться и как локальное, и как генерализованное ощущение. Ср.: *His head was giddy with the pollen* (M. Sh. Bell. *Red flowers and ivy*) vs *I was giddy, my stomach uneasy* (J. Williamson. *The Stonehenge Gate*); *Lang's head was woozy with gin and wine* (R. Rayner. *The last fiction*) vs *Tim was woozy and slightly manic from painkillers* (M. Cunningham. *If you're queer and you're not angry in 1992, you're not paying attention*).

Возможность описания локального ощущения по модели генерализованного состояния, «валового чувства», возникает, по-видимому, вследствие того, что ощущение отрицательно сказывается на жизнедеятельности человека в целом и, в особенности, на протекании мыслительных процессов, приобретая статус как перцептивной, так и когнитивной доминанты. Примечательно, что в английском языке, в отличие от русского, лексемы, описывающие головокружение, обладают непрозрачной внутренней формой и не содержат в эксплицированном виде указание на соответствующую часть тела, что налагает на перципиента меньшие ограничения в локализации соответствующего ощущения. Небезынтересно отметить, что английский язык обнаруживает большую чувствительность к специфическим состояниям, обычно локализуемым в голове и связанным с потерей

равновесия, координации, способности ориентироваться в пространстве и с тем сложным комплексом ощущений, которые воспринимаются как симптомы скорого обморока. Ср.: **woozy** — *feeling slightly weak, confused, and not very steady*; **giddy** — *suddenly feeling that you might become unconscious and fall*; **dizzy** — *feeling as if you or the things around you are spinning, especially when you think you are going to fall* [MEDAL]. Разумеется, соответствующие состояния могут быть переданы и средствами русского языка, однако, как и в случае с жадой, универбы для их обозначения отсутствуют. Ср.: *Очевидно, мне ввели какое-то лекарство, голова кружилась* (П. Михненко. *Мусорщик*) (\approx dizzy); *И еще чувствовал подташнивание и какое-то обморочное головокружение* (В. Слипечук. *Зинзивер*) (\approx giddy); *Сегодня утром проснулась — дискомфорт в желудке, тошнота, состояние предобморочное* (КРЯ) (\approx giddy).

Выбор между альтернативными моделями *I was giddy* и *my head was giddy* / *I was queasy* и *my stomach was queasy* может быть обусловлен не только семантическими факторами (локальный или генерализованный характер ощущения), но и синтаксическим контекстом, который может потребовать выравнивания, унификации используемых в высказывании синтаксических структур. Ср.: *She was dizzy and weak and the sky darkened with a cold drizzle* (J. Brown. *Wintering over*). Общее ощущение слабости (weak) может предаваться исключительно конструкцией S + be + weak, в то время как ощущение головокружения может описываться и как генерализованное (S + be + dizzy), и как локализованное в голове (Her head was dizzy). Безальтернативный характер синтаксической репрезентации первого ощущения в определенном смысле задает формат всему высказыванию, требуя выбора той же синтаксической конструкции и при описании второго. Кроме того, такое выравнивание форм позволяет обеспечить предикатам *dizzy* и *weak* статус однородных членов, чем обеспечивается компактность высказывания (Ср. синтаксическую «рыхлость» альтернативного варианта: *Her head was dizzy and she was weak*). Прямо противоположная тенденция обнаруживается в высказываниях типа *My head throbbed, my stomach was queasy, and my heart pounded* (L. Grant. *Love nor money*). Четко локализованные ощущения пульсации в голове и учащенного сердцебиения описываются в рамках модуса «У меня есть тело». Ощущение тошноты допускает возможность альтернативных концептуализаций. Эта альтернативность, однако, снимается, когда описания всех трех ощущений объединяются в пределах одного высказывания, и одна и та же синтаксическая модель используется для репрезентации всех трех ощущений (Ср. аграмматичность, «рыхлость» альтернативного варианта: *My head throbbed, I was queasy, and my heart pounded*).

В том случае, если оба описываемых ощущения допускают использование альтернативных моделей, они, естественно, реализуют одну и ту же

синтаксическую возможность: *I was nauseated and dizzy all the time, and I couldn't keep any food down* (S. Foster. *My husband wanted a harem*).

В рамках модуса «Я есть тело» интероцептивное ощущение может описываться и с помощью синтаксической модели ***I feel + Adj.*** Несмотря на кажущуюся идентичность высказываний типа *I am weak / cold / hungry* и *I feel weak / cold / hungry*, между ними существуют вполне определенные, психологически и когнитивно релевантные, различия.

Целесообразно обратиться к словарным дефинициям глагола *to feel*. Одним из выделяемых значений является субъективная, эмоционально окрашенная оценка предмета или явления: *to have a particular way of thinking about something, especially one that depends on your emotions rather than facts or evidence* [MEDAL]. Объектом этой оценки может выступать и собственное соматическое состояние: ***feel*** — *consider oneself to be in a particular state or exhibiting particular qualities* [NOAD³¹]. В отличие от *feel*, *be* представляет явление как факт, придавая ему конкретность и объективность. Это семантическое различие между способами репрезентации соматического состояния может быть продемонстрировано с помощью пары *He is dead* и *He feels dead*. Совершенно очевидно, что в первом случае констатируется объективный факт смерти субъекта, в то время как во втором прилагательное *dead* употреблено метафорически и описывается лишь то, как субъект воспринимает собственное физическое состояние. *Ощущать* нечто вовсе не означает реально *испытывать* нечто: человек может чувствовать голод, не будучи объективно голодным, чувствовать жар, не имея повышенной температуры, и даже чувствовать боль в отсутствие реального опыта боли. Напомним, что в Главе II настоящего исследования мы неоднократно подчеркивали реальность любого ощущения вследствие его принадлежности субъективной сфере индивида и невозможности его верификации. Однако, как представляется, эта реальность оканчивается градуируемой величиной, и перцепиент способен оценивать степень объективности своего состояния. Ср.: *When he felt weak, the group kept him going* (A. Karpel. *The sky's the limit*). В данном высказывании возможность замены *feel* на *be* маловероятна: если бы описываемый в тексте персонаж действительно **был** слаб, группа вряд ли заставляла бы его двигаться дальше. Ощущение слабости все же не есть слабость и не означает полного отсутствия витального ресурса. Данное обстоятельство обыгрывается во многих психотерапевтических практиках. Пациентам рекомендуется описывать желаемое состояние с помощью глагола *to be*, а состояние, от которого они хотели бы избавиться, с помощью *to feel* (см., например, [Banks 2014; Grahek 2011]). Модель *I feel pain* позволяет снизить интенсивность переживания боли, в то время как *I am in pain* означает факт

³¹ NOAD — New Oxford American Dictionary. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — 2096 p.

капитуляции перед ней. Модель *I feel*, кроме всего прочего, открывает для человека возможность контролировать свое состояние: *I feel anger* означает, что при небольшом психическом усилии человек может подавить эту негативную эмоцию, в то время как *I am angry* означает, что он находится во власти аффекта, с которым не может справиться.

Немаловажно и то, что глагол *feel*, в отличие от *be*, в гораздо большей степени приспособлен для обозначения временного, преходящего состояния, тем более что он допускает употребление в формах длительного аспекта: *I was feeling giddy... but not in a good way* (S. King. *The things they left behind*) *Then I realized how part of the erotic tension I'd thought I was feeling was actually a full bladder* (K. Harrison. *The starter marriage*); *He hasn't been feeling well; his stomach has been kicking up on him again* (S. King. *Needful things*). Глагол *to be* репрезентирует ощущение как более стабильное, постоянное, в определенном смысле делая его атрибутом субъекта, неотъемлемой частью его существования.

Заметим, что некоторые прилагательные обнаруживают выраженное тяготение к глаголу *feel*, несмотря на отсутствие ограничений к сочетаемости с *be*. К их числу относятся многие единицы, обозначающие головокружение и тошноту, что неудивительно, поскольку эти типы состояний, как правило, имеют преходящий характер. Кроме того, момент их возникновения может достаточно четко фиксироваться сознанием: *Curtis was starting to feel woozy. Woozy and pukey* (S. King. *A very tight place*); *I started to feel dizzy and scared*. (S. King. N.); *Finally I felt woozy from the beer, my mouth was raw and dry from too many cigarettes, and I lay down on my bed* (W. Styron. *Sophie's choice*).

Небезынтересно отметить, что в экспериментальных условиях были выявлены существенные различия в нейронной активности при вербализации ощущений с помощью конструкций с *be* и *feel*³². Это свидетельствует о том, что данные языковые единицы отражают качественно разный экзистенциальный опыт. С другой стороны, напрашивается и вывод о том, что способы, которыми мы вербализуем свой перцептивный опыт, в значительной степени формируют и сам опыт, влияя на нашу способность переживать его.

4.2.1.2. Интермодусные образования

Do I contradict myself?

Very well I contradict myself.

Walt Whitman

Несмотря на то что рассмотренные выше конструкции с *feel* репрезентируют модус «Я есть тело», мы не обнаруживаем в них той степени

³² neurosculptinginstitute.com/i-am-vs-i-feel/

ассоциации с ощущением, которая свойственна конструкции с *be*. Глагол *feel* позволяет выстроить пусть минимальную, но все же дистанцию, между осмысляющим и оценивающим Я и испытываемым ощущением. Дистанцируя Я от тела, перцептивная модусная рамка [Золотова 1998] формирует когнитивную готовность к оценке явлений как происходящих не со мной, а лишь с моим телом. Неслучайно рамка *I feel* позволяет описывать как генерализованное, так и локальное ощущение, которое концептуализируется как событие, происходящее с «моим желудком», «моим сердцем» и т. д.: *He felt his stomach roll over in a single giddy tumble (S. King. Thinner); Billy felt his heart tilt in his chest and fall crazily out of rhythm (S. King. Thinner); Jason felt his own stomach turn over (R. Cook. Mortal fear); I felt my heart lift at this amazing sight (D. Koontz. Seize the night)*. Используемый в данных предложениях объектно-инфинитивный комплекс отражает двухфокусность восприятия интероцептивной ситуации: в моем теле нечто происходит, я осознаю это и произвожу квалификацию ощущения. В этой интероцептивной ситуации одинаково важны как само ощущение, так и позиция перцепиента по отношению к нему, поскольку глагол *feel* в силу особенностей своей семантики подчеркивает субъективность в оценке интероцептивной ситуации: мой желудок не переворачивается, у меня лишь есть ощущение, что он переворачивается.

На основании сказанного конструкции с предикатом *feel* могут быть отнесены к интермодусным, обеспечивающим переход от модуса «Я есть тело» к модусу «У меня есть тело». Наличие таких зон перехода обеспечивает континуальность как в протекании телесного опыта, так и в его осмыслении.

Интересны в этой связи и высказывания, содержащие глагол *to have*. Логично было бы предположить, что в силу посессивного характера своей семантики *have* является оптимальным средством репрезентации модуса «У меня есть тело». В действительности же оказывается, что *have* преимущественно используется в тех ситуациях, когда перцепиент описывает ощущение как событие, происходящее с ним, а не с *его телом*, и непосредственно затрагивающим его Я, а не его *физическое тело*. Ср.: *I had a sinking sensation deep inside (W. Styron. The confessions of Nat Turner); I had a hot stitch in my left side from the bottom of my ribs to my armpit (S. King. The man in the black suit); Her hands were pressed against her left side, where she had a deep stitch (S. King. Needful things)*. Эта возможность, по-видимому, объясняется тем, что *have* является носителем пространственного признака, который является основным компонентом его значения [Селиверстова 2004, с. 673]. Пространственность же, как было показано выше (см. раздел 4.3.2.1 Главы II), является основой для осмысления всех событий, происходящих с телесно-физическим Я. В этом смысле *have* является простейшим средством объективации ощущения и его вывода в речь.

В высказываниях такого рода констатируется факт наличия ощущения в определенной части внутрителесного пространства и определяется его тип. Локатив при этом является обязательным компонентом предложения (ср.: *I had a terrible sinking in my stomach* (S. King. N.); *I had a nagging pain in the small of my back* (D. Koontz. *Seize the night*); *he had a sickening little feeling in the pit of his stomach* (S. King. *Needful things*)). Примечательно, что локативная конструкция никогда не помещается в начальную позицию в предложении (высказывания типа **In my left side I had a stitch* не были обнаружены нами ни в корпусах, ни при ручной выборке; носители языка также не считают их вполне приемлемыми). Такая динамическая структура предложения свидетельствует о том, что перципиент не производит сознательный мониторинг внутреннего тела, последовательно помещая в фокус внимания тот или иной его фрагмент и формулируя конкретный поисковый запрос о тех типах ощущений, которые в нем обнаруживаются. Ощущение само заявляет о себе, привлекая к себе внимание, и его локализация осуществляется параллельно с его же квалификацией. Эта simultанность подтверждается возможностью употребления нестандартной локативной конструкции, которая выбивается из универсальной схемы **in + possessive + N**, где N — наименование части внутреннего тела: *There was a guardrail, but I had a stomach flipflop at the thought of falling back down the way we'd come* (COCA). Используемое в атрибутивной функции («желудочный переворот»), *stomach*, тем не менее, указывает на тот внутренний орган, в котором ощущение локализуется. Большая «синтаксическая плотность» номинации, ее компактность могут косвенно свидетельствовать об отсутствии временного разрыва между регистрацией ощущения в определенной части внутрителесного пространства и определением его качественных характеристик.

При том, что перципиент приписывает ощущение себе, а не своему телу, он не обнаруживает готовности к отождествлению себя с ним, склоняясь к трактовке «событие во мне», а не «событие со мной». Такое переживание ощущения нельзя назвать экзистенциальным в полном смысле этого слова. Тем самым конструкции с *have* занимают периферийное положение в поле экзистенциального модуса телесности.

Кроме того, необходимо учесть способность предиката *have* репрезентировать модус «У меня есть тело» в явном виде. Он выполняет эту функцию в высказываниях типа *He had a queasy stomach* (D. Koontz. *The Eyes of Darkness*), где *stomach* эксплицитно относится к пространству possessивности человека и наделяется определенным свойством (*queasy*). Заметим, что речь в данном случае идет не об актуальном телесном симптоме, а характерном для желудка свойстве, которое регулярно проявляется в специфическом interoцептивном ощущении.

Таким образом, предикат *have*, также как и предикат *feel*, способен репрезентировать оба модуса переживания телесности, тяготея, однако, к модусу экзистенциальному, а не possessивному. Подобно глаголу *feel*, он обеспечивает наличие зон перехода, что необходимо для обеспечения целостности телесного опыта.

4.2.1.3. Модус «У меня есть тело»

*You don't have a soul. You are a soul.
You have a body.*

C. S. Lewis

Модус «У меня есть тело» подразумевает определенный экспериенциальный и концептуальный разрыв между человеком и его телесно-физической природой. Подобное отношение, по наблюдениям многих исследователей, возникает в ситуациях, когда тело являет человеку свою «инаковость», принадлежность «другому царству» (М. Пруст): болезни, травмы, невозможность выполнения определенных моторных действий создают ситуации, когда человек не проживает свое тело, а сталкивается с ним и учится с ним справляться. Подобный опыт заставляет человека увидеть различие между собой и своим телом: он не идентичен своему телу, скорее, он *имеет* его [Schatzki 1996, с. 43].

Позиция «иметь тело» обладает рядом серьезных эпистемологических преимуществ по сравнению с ранее описанной «быть телом». Во-первых, она позволяет несколько дистанцироваться от собственного тела, при этом не противопоставляя себя ему. Такая дистанция, как мы писали ранее, привычна и удобна для человека, воспитанного в традициях западного типа мышления (см. раздел 3 Главы II настоящей работы) и предоставляет ему большую степень когнитивного комфорта при освоении реальности. Интероцептивные события, несомненно, затрагивают перцепивента, но не настолько, чтобы он полностью растворился в собственном теле. Во-вторых, отношение «иметь» в целом более понятно представителю западного индустриального общества, в котором «сущность бытия заключается именно в обладании» [Фромм 2000, с. 18]; это отношение не требует дополнительной сложной рефлексии. Кроме того, отношение «иметь» позволяет отчасти дефокусировать обладателя [Ирисханова 2014], поместив в центр внимания само ощущение и направив «максимальные когнитивные усилия» [Там же, с. 192] на его квалификацию.

Преобладание собственнического типа отношения к телу было давно подмечено лингвистами, которые относят его к пространству possessивности индивида. Так, например, О. Н. Селиверстова относит к объектам possessивного отношения «то, что является частью possessора или частью его

существования» [Селиверстова 2004, с. 706] и называет индивида «посессором тех процессов, которые в нем протекают» [Там же, с. 583]. К числу этих процессов относятся и локализуемые в теле ощущения (сама О. Н. Селиверстова, например, упоминает головную боль как тип процесса, «протекающего в посессоре»).

Анализ языковых фактов показывает, что модус «У меня есть тело» актуализируется при описании ощущений, которые имеют более или менее четкую локализацию во внутрителесном пространстве. Возможно, одна из причин, заставляющих перципиента склониться к посессивной трактовке, заключается в том, что «размерность» ощущения не совпадает с размерностью всего тела, и охватывает лишь небольшой его фрагмент, что мешает перципиенту «примерить его на себя» как на субъекта и вынуждает его интерпретировать событие в более удобном «посессивном» модусе. Примечательно, что широко употребительное в английском языке *part of me* (1606 контекстов употребления в COCA), которое теоретически вполне могло бы использоваться для описания локального ощущения, никогда не возникает в контексте соматических, перцептивных событий. *Part of me* — это фрагмент ментального пространства, в котором располагаются мысли, ожидания, надежды, планы, желания т. п., и которое не распространяется на собственно телесную сферу (Ср.: *part of me wondered / was still hoping / could understand / blamed Gary / was observing / knew / wants to crawl into a hole / thought, etc. — COCA*). Локальные телесные ощущения — это не часть меня, а часть моего тела: *I felt pain in every part of my body* (J. Gregory. *Let's get this party started*) (Ср.: **I felt pain in every part of me*); *Every part of my body was on fire. I was dying* (*Black men and their mothers — COCA*). Складывается впечатление, что человек готов поставить знак равенства между собой и своим телом только в том случае, если речь идет о теле как о глобальном единстве, но он не отождествляет себя с отдельными его фрагментами, даже такими важными, как сердце и желудок. Локальные ощущения описываются как события, происходящие не со мной, а с «моим желудком», «моим сердцем», «моим кишечником» и т. д.: *my heart froze / flutters / pounds / thumps / drops; my stomach drops / churns / lurches / ties in a knot / tightens / turns / clenches / grumbles / vaults to my throat* (COCA).

В то же время человек не готов и полностью отстраниться от собственного тела, вынеся за скобки перцептивного опыта свое Я. Его отношение к телу сложно и во многом парадоксально. Сошлемся в этой связи на наблюдения П. М. С. Хакера, который замечает, что носитель английского языка «распространяет посессивную форму репрезентации» [Hacker 2007, с. 270] как на все тело, так и на отдельные его фрагменты, признавая их частями себя, а не частями тела: можно сказать *I have a head / I have two hands*, но нельзя сказать **My body has a head / *My body has two hands*. О человеке, лишившемся ноги на войне, можно сказать *He lost a leg*, но не

**His body lost a leg.* Допустимо высказывание *my leg is bruised*, но недопустимо **my body's leg is bruised*. Таким образом, отдельные части тела, в том числе и внутренние органы, принадлежат человеку и осмыслиются им как часть своего телесно-физического Я (ср. *my heart* vs. **my body's heart*; *his stomach* vs. **his body's stomach*, etc.).

Эти наблюдения представляются ценными, однако реальные языковые факты указывают на гораздо более сложные отношения между субъектом и телом как его собственностью. При невозможности употребления конструкций типа **my body's heart / stomach / liver / lungs*, etc. язык допускает образование многочисленных и разнообразных по своему лексическому наполнению сочетаний типа *my body's tissues*, (blood) *cells*, *works*, *systems*, *energy reserves*, *release of oxytocin*, *metabolism*, *natural circadian rhythm*, *secretion of insulin*, *immune system*, *neurons*, *processes*, *lymph channels*, *communication network*, *production of hormones*, *receptors*, *defense mechanisms*, *muscular systems*, *overall level of blood sugar*, *cholesterol production*, *bloodstream (COCA)*. Единицы, употребляющиеся в составе таких сочетаний, можно условно разделить на несколько групп: 1) структурные части тела, которые не являются компактными образованиями с четкой локализацией (*tissues*, *cells*, *receptors*, etc.); 2) конструкты, используемые для толкования принципов устройства организма и представляющие собой абстрактную схему отношений между отдельными органами и частями тела (*system*, *works*, *network*, etc.); 3) физиологические процессы, не осознаваемые человеком и не ощущаемые им непосредственно (*metabolism*, *release of hormones*, *secretion*); 4) физиологические показатели (*level of blood sugar*, *circadian rhythm*, etc.) и др.

Легко заметить, что эти лексические единицы не фиксируют непосредственный, восчувствованный телесный опыт; они репрезентируют не наивную, а научную картину «телесного мира», тот образ тела, который формируется в результате специального, целенаправленного анатомо-физиологического просвещения. Заметим, что некоторые из этих единиц могут быть задействованы и в собственно посессивной конструкции **my + noun** (*my tissues*, *my receptors*, *my metabolism*, etc.), в то время как для других такая возможность ограничена или отсутствует (**my cholesterol production*, **my secretion of insulin*). В последнюю группу попадают, в частности, названия процессов, которые протекают бессимптомно для перцепиента, совершенно не ощущаясь им, и приводят к возникновению определенных соматических состояний. Это тот уровень опыта, который дан нам не перцептивно, а лишь умозрительно. Возможно, именно отсутствие перцептивного стимула частично нейтрализует роль **Я** и заставляет относить соматическое событие к сфере бытия тела. В то же время **Я** дефокусируется не полностью, лишь отодвигаясь на задний план, поскольку тело все же «атрибутируется» (*my body's cholesterol production*). Обезличенное

the body's cholesterol production вообще не относится к феноменологическому бытию тела, описывая объективный физиологический процесс, свойственный человеку как биологическому виду.

Особый интерес представляют для нас малочастотные, но все же регистрируемые в корпусах конструкции типа *my body's organs / back and leg muscles / muscles and brain (COCA)*. Все они задействуют лексические единицы, обозначающие части и органы *внутреннего* тела. Ср.: *Since nerves from all the body's organs terminate in the feet, rubbing the feet tones the whole body <...> and also fosters sound sleep (A. Smith, C. Krucoff. Easy exercises for aching feet)*. Примеры такого рода могут свидетельствовать об определенном различии в восприятии частей внешнего и внутреннего тела. Ненаблюдаемость и неконтролируемость внутренних органов, неопределенность их таксономии и местоположения способствуют отстранению субъекта от собственного тела и наделению их собственным, независимым бытием.

Наконец, возможность изъятия субъекта (его полного дефокусирования [Ирисханова 2014]) и отнесения органа к телу возникает в том случае, если речь идет о трупe: *I grabbed the body's right arm and pulled it straight; I moved down to the body's foot and pulled the leg straight (D. Wells. I am not a serial killer)*. Оговоримся, что подобные формулировки не совсем приемлемы с этической точки зрения (в цитируемом выше труде П. М. С. Хакера они признаются недопустимыми). Однако с лингвокогнитивной точки зрения они весьма симптоматичны, поскольку они подтверждают важность субъектной активности для определения роли и места тела в жизни человека. После смерти человек теряет свою «нередуцируемую многомерность» и обращается в тривиальный объект, к которому оказываются применимы общие принципы мереологии: рука и нога становятся частью и принадлежностью тела, но не человека. Следует оговориться, однако, что используемая здесь генетивная конструкция не совсем обычна для неодушевленного существительного (ср. недопустимость **the table's leg, *the sea's arm*). Лексема *body*, даже используясь для обозначения трупа, несет на себе печать прежней одухотворенности, принадлежности человеку как телесно-духовному существу.

Таким образом, одной из возможных репрезентаций модуса «У меня есть тело» являются синтаксические конструкции, включающие в себя маркер посессивности (притяжательное местоимение или существительное в притяжательном падеже). Конструкции такого рода используются в нескольких типах высказываний, отличающихся между собой степенью эксплицированности «собственника» тела.

К числу наиболее частотных могут быть отнесены высказывания типа *My stomach coiled with a combination of fear and anticipation (D. Pelzer. A child called 'It')*; *My stomach stirred with queasy sickness*

(*W. Styron, Sophie's choice*); *My heart was hammering what felt like two hundred beats a minute* (*S. King. 11.22.63*); *His heart was beating fast, but that painful spike-iron thud was gone now* (*S. King. Gramma*). В высказываниях такого рода посессор не представлен эксплицитно, что позволяет поместить в основной фокус внимания ту часть внутреннего тела, в которой локализуется ощущение, и описать происходящие с ней события. Вместе с тем нельзя сказать, что посессор полностью дефокусирован, поскольку указание на него содержится в притяжательном местоимении, придающем ощущению пространственную определенность в плане принадлежности не только определенной части тела, но и определенному телу. Нам представляется, что частичное дефокусирование посессора является той когнитивной стратегией, которая позволяет репрезентировать на вербальном уровне ощущаемую перцепиентом неконтролируемость внутрителесных событий. Он осознает, что это событие происходит с ним, и может определить его локализацию (*моё сердце, мой желудок*), но оказывается не в состоянии осуществлять контроль за его протеканием. Уместно вспомнить в этой связи мысль В. А. Подороги о том, что «...оказываясь вне других тел и всегда внутри собственного», мы, тем не менее, не в силах его присвоить до конца и «не имеем над ним полной власти» [Подорога 1989, с. 12–13].

Неконтролируемость органов внутреннего тела, непредсказуемость их поведения позволяют увидеть в них некоторое активное начало, которое противостоит собственной субъектной активности перцепиента. Орган способен не просто совершать действие, но и направлять его против собственного обладателя: *He hasn't been feeling well; his stomach has been kicking up on him again* (*S. King. Needful things*). Синтаксическая структура данного высказывания позволяет максимально рельефно продемонстрировать нетождественность индивида собственному телу. Принадлежащий перцепиенту желудок (*his stomach*) не является частью его подлинного Я (*kicking up on him*), которое регистрирует и оценивает возникшее ощущение. Одновременно с этим Я не является некоторой абстрактной бестелесной сущностью, в противном случае оно было бы не способно ощутить оказываемое желудком воздействие как физическое (*kicking*). Синтаксическая структура высказывания репрезентирует перцепиента и его желудок как две взаимосвязанные сущности, каждая из которых, однако, наделена определенной самостоятельностью. Интероцептивное ощущение представлено не просто как событие, а как со-бытие: сосуществование в пределах единого пространства человека и его тела.

Во всех контекстах первого типа частичное дефокусирование перцепиента позволяет представить ощущение как объективно наличествующее: это реальные события, происходящие в определенном фрагменте внутреннего тела. Желание подчеркнуть субъективный характер воспри-

ятия заставляет ввести в описание фигуру самого перцепиента, который «чувствует», «ощущает», «слышит» то, что происходит внутри его тела. В контекстах этого типа описание ощущения чаще всего вводится глаголом перцептивной семантики *feel* и осуществляется с помощью вторично-предикативной структуры, содержащей неличные формы глагола, в частности, сложное дополнение: *Billy felt his heart tilt in his chest and fall crazily out of rhythm* (S. King. *Thinner*); *Jason felt his own stomach turn over* (R. Cook. *Mortal fear*); *He felt his stomach contract and blood rush to his face* (R. Sheckley. *The Quijote robot*). По сути дела, это модификация высказываний первого типа (*His heart tilted* — *He felt his heart tilt*). Фигура перцепиента, введенная в описание, формирует второй фокус высказывания и для поддержания этого статуса требует структурной перестройки той его части, в которой содержится описание самого интероцептивного события. Замена полнопредикативной структуры на полупредикативную способствует профилированию фигуры посессора, без которого само интероцептивное событие теряет смысл. Оставаясь в рамках модуса «У меня есть тело», перцепиент получает возможность сократить дистанцию между тем, что он ощущает своим подлинным **Я**, и тем, что относит к сфере своего тела. Упомянем в этой связи конструкции типа *Both my heart and my belly suddenly shriveled within me*; *My heart, as I say, shrank inside me, died, disappeared* (W. Styron. *The confessions of Nat Turner*). Описывая интероцептивное событие как происходящее внутри себя, а не своего тела, перцепиент признает важность своего физического начала и демонстрирует большую степень ассоциации с собственной телесной природой.

Конструкции со сложным дополнением позволяют отразить временные параметры ощущения, представив его как преходящее и уже пережитое либо как персистирующее и актуально протекающее. Эта вариативность обеспечивается возможностью употребления в составе сложного дополнения инфинитива и причастия. Событие, обозначенное инфинитивным оборотом, «воспринимается полностью или в такой отрезок времени, который считается достаточным, чтобы сделать вывод», в то время как «неполностью воспринятое событие категоризуется причастным оборотом» [Ковалева 2008, с. 215]. Ср.: *I felt my heart lift at this amazing sight* (D. Koontz. *Seize the night*) vs *Blankenship, staring Mulcahy down, felt the blood rushing to his eyes in anger* (W. Styron. *The suicide run*). Завершенность события может подтверждаться лексически: *He felt his stomach roll over in a single giddy tumble* (S. King. *Thinner*). Кроме того, инфинитив и причастие могут использоваться для репрезентации фазы интероцептивного события. Данная конструкция, например, позволяет четко зафиксировать момент возникновения ощущения (*I felt my stomach begin to relax* (W. Styron, *Sophie's choice*); *Luigi had felt his heart begin to pound madly* (W. Styron. *Set*

this house on fire)) и обозначить серединную фазу его протекания (*He awoke to the sound of his heart thudding* (W. Styron. *Set this house on fire*)).

В рамках модуса «У меня есть тело» особого внимания заслуживают высказывания, в составе которых присутствует независимый причастный оборот: *I ran to him, my heart tripping over fear and hate and remembered horror* (P. Cornwell. *Point of origin*); *Todd watched him, his heart speeding up until it was drumming in his chest* (S. King. *Apt pupil*); *Now he was wide-awake again, his stomach cramping with adrenaline* (S. King. *Thinner*). Структура таких высказываний отражает иерархию как человеческого опыта, так и перцептивных процессов. В фокусе внимания находится действие, осуществляемое во внешней среде; оно репрезентируется полнопредикативной структурой. Интероцептивное ощущение регистрируется сознанием, но остается периферийным элементом в поле внимания и репрезентируется полупредикативной структурой. Позиция независимого причастного оборота в структуре высказывания представляется семантически значимой. В начальной позиции он описывает фон, на котором происходят основные события, а в конечной позиции несет дополнительную информацию о ситуации [Viber et. al. 2000, с. 137]. Это означает, в частности, что в первом случае ощущение возникает до того, как перципиент начинает предпринимать какие-то действия, а во втором случае перципиент ощущает нечто уже в процессе совершения действия. Ср. *His heart thudding, he pulled his gun, continued searching* (V. Hinze. *Not this time*) (перципиент почувствовал сердцебиение до того, как достал пистолет) vs *Hammond fled, not knowing from what, his heart thudding on the right side of his chest* (A. Nevala-Lee. *Inversus*) (перципиент обратился в бегство, ощущая при этом биение сердца). И в том, и в другом случае ощущение образует второй план события и воспринимается скорее как мешающее, чем способствующее его успешному протеканию. Тело вторгается в сознание перципиента в тот момент, когда его внимание должно быть полностью сосредоточено на выполнении определенного действия, и мониторинг внутренней среды организма не является для него первостепенной когнитивной задачей.

Возможно, именно нежелательность телесных проявлений, стремление максимально дистанцироваться от них приводит к тому, что в составе независимого причастного оборота и других абсолютных конструкций может опускаться маркер посессивности при названии органа, в котором локализуется ощущение: *Heart thumping, she went to the foyer* (D. Koontz. *The eyes of darkness*); *Heart thudding, Mandy made two strong strokes on the oars* (B. Groundwater. *Deadly currents*); *Lord Sun, he thought, heart in his throat* (C. J. Cherryh. *The goblin mirror*). Примечательно, что эта тенденция совершенно не затрагивает полнопредикативные структуры и объектно-инфинитивные / объектно-причастные обороты (ср. **He was looking at her*

*and heart was racing; *He felt heart racing*). Разумеется, вопрос о «принадлежности» ощущения субъекту высказывания сомнений не вызывает, однако нежелание эту принадлежность эксплицировать может свидетельствовать о высокой степени диссоциации с внутренним телом и восприятию его как чужеродной сущности. Отсутствие маркера посессивности может свидетельствовать о том, что в высказываниях подобного рода, содержащих причастие, наблюдается формирование окказионального адвербиального композита. Этому процессу в немалой степени способствует семантическая и сочетаемостная специфика используемых глаголов. Глаголы *thump* и *thud* являются исключительно частью «сердечного» словаря и являются наиболее частотными его единицами. Взаимозависимость и взаимообусловленность существительного и глагола могут в определенной степени способствовать их «слитному», нерасчлененному восприятию, что приводит к их стяжению в композит. Данный вопрос, однако, требует более глубокой и детальной проработки, что выходит за рамки преследуемых в нашей работе задач.

Представляют интерес и конструкции типа *And his own heart felt pretty wooden, now that he thought about it* (S. King. *Needful things*); *Her stomach felt bloated and suddenly as still as death* (S. King. *The dead zone*); *the muscles in her stomach felt strained, but otherwise she felt much better* (S. King. *The dead zone*); *The area around her heart felt bruised* (C. Hiller. *Her last affair*); *Gaunt's heart felt swollen in her chest* (Ch. Willrich. *Penultima Thule*). Перцепиент в них отчасти дефокусирован, и указание на него осуществляется лишь посредством маркера посессивности (*her stomach*, *Gaunt's heart*). Основное внимание сосредоточено на характеристиках самого ощущения (заметим, что синтаксическая модель, на основе которой построены эти высказывания, называется характеризующей [Biber 2000, с. 145]). Несмотря на то, что субъект восприятия не обозначен эксплицитно (Ср.: *He felt that his stomach was strained*), его наличие предполагается, поскольку без его присутствия само ощущение невозможно (см. [Ковалева 2008, с. 138]). Дефокусирование субъекта производится потому, что в данном случае от него не ожидается высокая степень познавательной активности: не он целенаправленно осуществляет мониторинг внутрителесных состояний, а само внутреннее тело сообщает ему о своем состоянии. Эта функция обеспечивается, в том числе, и лексемой *feel*, одно из значений которой — «давать ощущение» (Ср.: *if something feels nice, good, strange, etc., it gives you this feeling* [MEDAL]; *to give a sensation or an impression of something or of being sth/sb* [OALD]). Подчеркнем, что речь идет именно о состоянии, а не о некоем процессе, происходящем во внутреннем теле, и это состояние оценивается с позиции экспериенцера, а не перцепиента. Иными словами, оно описывается в терминах ранее испытанных субъектом соматических состояний, в сис-

теме его собственных «перцептивных эталонов». Неслучайно в данной модели используются не глаголы, а прилагательные и причастия прошедшего времени, для которых характерна семантика наличествующего, сформировавшегося признака.

Наконец, нельзя обойти вниманием и так называемые экзистенциальные конструкции типа *There was a hot, glassy spear of pain in his left hand (S. King. Thinner); There was a hot stitch in his right side, just under the armpit (S. King. Pet sematary); My head was splitting; there was a forest fire in my guts (S. King. 11.22.63)*. В высказываниях такого типа происходит своеобразное изъятие перципиента из интероцептивной ситуации. Ощущение представлено как объективно существующее в пространстве тела, и лишь указание на то, кому это тело принадлежит, позволяет восстановить дефокусированный «субъективный» компонент и интерпретировать это высказывание как описание ощущения в восприятии перципиента.

Таким образом, при вербализации интероцептивного ощущения синтаксическая структура выполняет важнейшую функцию, отражая специфический тип отношения к собственному телу, который складывается у перципиента в наличной интероцептивной ситуации. Он может как полностью отождествлять себя с телом, так и устанавливать с ним определенную дистанцию, не отказываясь в то же время от собственности на него. В его когнитивном репертуаре наличествуют и альтернативные способы категоризации одной и той же интероцептивной ситуации в зависимости от степени его готовности признать тело частью своего истинного Я. Тем самым синтаксическая конструкция частично отражает аксиологические установки человека в отношении собственного тела.

Интересно отметить, что на уровне вербальной репрезентации полюс «У меня есть тело» в наибольшей степени оформлен глаголами, в то время как полюс «Я есть тело» представлен, главным образом, прилагательными. Предикативность, по мнению многих ученых, «является индикатором усвоенности и большей осмысленности» [Ефремова 1997, с. 54]. С этой точки зрения наличие развитого «глагольного словаря» для описания локализованных ощущений свидетельствует о том, что только отдельные части и органы тела имеют в сознании статус полноценного объекта. Тело во всей совокупности своих органических и психических проявлений плохо схватывается и синтезируется на ментальном уровне. С другой стороны, это означает, что желание максимально полно и точно осмыслить и описать интероцептивное ощущение требует от перципиента дистанцироваться от тела, что предполагает способность *выбирать* модус переживания телесности, склоняясь то к одному, то к другому полюсу.

4.3. Синтаксическая структура высказывания как отражение субъективного характера интероцептивного опыта

The world ultimately is what we say it is.

David Strauss

Функциональная нагрузка синтаксической структуры интероцептивного высказывания не исчерпывается репрезентацией модуса переживания телесности. Мы полагаем, что она способна отражать и некоторые особенности процесса восприятия интероцептивных ощущений. Как было показано выше, интероцептивное ощущение плохо схватывается сознанием в силу своей феноменологической специфики. Оно представляет собой неудобный, непривычный объект познания. Фиксируясь на ощущении, перцепиент начинает генерировать когнитивные гипотезы, не имея возможности проверить правильность предлагаемых им интерпретаций и объективных оснований для выбора одной из них. Такая зыбкость эпистемологического фундамента не может не отражаться на структуре интероцептивного высказывания, которая в той или иной степени должна отражать «предположительность», «пробность», «неокончателность» предлагаемой формулировки.

Мы полагаем, что оптимальным средством отражения состояния когнитивной неопределенности являются синтаксические конструкции, репрезентирующие так называемый модус кажимости, системное описание которого представлено в работах Л. М. Ковалевой и Т. И. Семеновой. Модус кажимости, по мнению Л. М. Ковалевой, «категоризует неуверенность говорящего в истинности сообщаемого, недоверие к собственным впечатлениям» [Ковалева 2008, с. 262]. Он может использоваться для категоризации ситуаций разных типов, наиболее релевантным из которых для нас является «субъективное восприятие, нечеткое, неуверенное восприятие, неуверенное мнение» [Там же].

Конструируя интероцептивное высказывание через модус кажимости, перцепиент решает целый ряд когнитивных и коммуникативных проблем. Во-первых, он в определенной степени экономит когнитивные усилия, отказываясь от четкой и точной квалификации интероцептивного ощущения и оставляя себе пространство для когнитивного маневра. Во-вторых, он обретает свободу в выборе интерпретативного модуса и обеспечивает себе возможность находиться в сфере феноменологического тела, вне привязки к анатомо-физиологической специфике происходящих с ним процессов. В-третьих, эксплицитно «ограничивая свою претензию на истинность высказывания» [Там же, с. 268], перцепиент снимает с себя ответственность за его содержание, что может быть особенно важно и ценно в

ситуации анамнестической беседы. Кроме того, именно модус кажимости предоставляет перципиенту широкие возможности для когнитивного экспериментирования, варьирования или комбинирования различных когнитивных моделей interoцептивного ощущения и, соответственно, для словотворчества. Приведем лишь несколько, но весьма ярких примеров: *The tines of a large chrome fork seemed to be planted deep in her flesh (S. King. Needful things); Then her eye happened upon something else, and her heart suddenly seemed to fill up with lead shot (S. King. Needful things); It seemed that for a moment all my works below throat level just went limp and lay there in an internal faint (S. King. The body); It felt as if a long, invisible wire was being twirled through his head (S. King. Pet sematary); Padraig <...> felt as if his teeth had left his mouth and taken up residence on the outer portion of his jaw, they vibrated (C. Fleming. Padraig and Lorcan).*

Прототипическая ситуация кажимости «отражает бинарность мировосприятия и миропонимания» [Семенова 2007, с. 12], совмещая в себе два плана: объективную картину ситуации и ее субъективную оценку [Там же, с. 15]. К числу наиболее типичных, по наблюдению Т. И. Семеновой, относятся высказывания типа *They talked steadily for two hours that seemed like two minutes (Sheldon)*, в которых «одна пропозиция представляет фрагмент модели мира *как он есть*, а вторая пропозиция представляет мир *каким он кажется (каким он представляется наблюдателю)*» [Там же, с. 12]. Интероцептивный опыт нельзя отнести к числу типичных ситуаций кажимости, поскольку бинарность вышеописанного типа в нем отсутствует. Интероцептивное ощущение присутствует лишь в той форме, в которой оно дано перципиенту, и не существует вне его субъективного восприятия. Можно предположить, однако, что перципиент все же осознает несоответствие своего восприятия тела тем объективным процессам, которые в нем происходят. В этом случае можно допустить, что в сознании перципиента взаимодействуют не мировосприятие и миропонимание, а мировосприятие и «мирознание» (а точнее — «теловосприятие» и «телознание»): две когнитивные структуры, одна из которых отражает феноменологический, восчувствованный опыт тела, а другая содержит знания о его (тела) анатомо-физиологических характеристиках. Это означает, что перципиент воспринимает происходящее внутри своего тела определенным образом, но понимает, что в реальности ничего подобного там происходить не может, и этот когнитивный конфликт разрешается посредством конструирования описания с помощью модуса кажимости. Ср.: *her heart suddenly seemed to fill up with lead shot (S. King. Needful Things)* — у перципиента возникло ощущение тяжести в сердце, которое в силу имеющегося у него опыта в наибольшей степени напоминает ему тяжесть свинцовой дроби, но он в полной мере осознает невозможность реального нахождения дроби в своем внутрен-

нем теле, поскольку это противоречит его анатомо-физиологическим знаниям и здравому смыслу, и в результате ощущение описывается не как объективно существующее (*her heart filled up with lead shot*), а лишь как кажущееся таковым (*seemed to fill up with lead shot*).

Одним из основных, сущностных элементов когнитивной структуры кажимости является наличие Наблюдателя. Вся описываемая ситуация представлена именно сквозь призму его сознания и восприятия [Семенова 2007, с. 17]. Совершенно очевидно, что Наблюдателем в данном случае является сам перцепиент. Специфика интероцептивной сферы состоит в том, что между наблюдателем и наблюдаемым отсутствует привычная дистанция, и перцепиент вынужден искусственно выстраивать ее, занимая крайний полюс позиции «У меня есть тело».

Модус кажимости репрезентируется языковыми средствами, в семантике которых содержится интерпретативный компонент, «позволяющий представить мир с точки зрения познающего субъекта» [Семенова 2007, с. 3]. В составе этих языковых средств выделяются лексические (единицы типа *seem/ seeming / seemingly, appear, sound, look, etc.*), а также грамматические (синтаксическая структура предложения) [Ковалева 2008, с. 261–262]. Мы полагаем, что четко развести лексическое и грамматическое не всегда представляется возможным, поскольку некоторым предикатам, репрезентирующим модус кажимости, свойственно образование сложных синтаксических комплексов, которые мы и намерены рассмотреть в настоящем разделе работы.

4.3.1. Субъектный инфинитивный оборот при предикате *seem*

*Things are not always as they seem;
the first appearance deceives many.*

Phaedrus

Одно из значений глагола *seem* описывается как «have or give the impression or appearance of being or doing something» [OALD]. Тем самым *seem* является регулярным средством описания события не как реально происходящего, а как представляющегося таковым некоторому наблюдателю. Следовательно, *seem* может считаться средством репрезентации модуса кажимости на лексическом, а не синтаксическом уровне (ср. *He seemed exhausted; It seemed that he was exhausted*). Однако анализ корпуса интероцептивных высказываний позволяет проследить выраженную тенденцию к употреблению *seem* в связке с субъектным инфинитивным оборотом и практически полное отсутствие свободных сочетаний с тем же предикатом.

Предпочтительность такого употребления объясняется не только компактностью самой конструкции (что также может быть немаловажным фактором), но и теми возможностями, которые она предоставляет перципиенту для репрезентации условий восприятия ощущения и некоторых его параметров.

Перципиент, который занимает позицию Наблюдателя по отношению к собственным interoцептивным ощущениям, может «включаться» в их восприятие на разных стадиях развития перцептивной ситуации. Он может наблюдать ситуацию целиком, прослеживая все стадии формирования ощущения. Такая ситуация наблюдения репрезентируется субъектным инфинитивным оборотом с индефинитным инфинитивом [Ковалева 2008, с. 309]: *all the muscles in his belly and legs seemed to drop dead* (S. King. *The library policeman*). В ходе наблюдения могут обнаруживаться существенные изменения в характеристиках переживаемого ощущения, и один перцептивный эпизод может описываться как череда сменяющих друг друга качественно разнородных ощущений: *a hot wire seemed to glow momentarily in his stomach and then cool immediately* (S. King. *Pet sematary*); *his entire midsection first seemed to turn hollow and then to entirely disappear* (S. King. *Misery*). Перципиент может также включиться в восприятие ощущения на определенной стадии и зафиксировать его качественные характеристики. Такая ситуация краткого восприятия требует использования в составе субъектного оборота продолженного инфинитива [Ковалева 2008, с. 309]: *Levidow's heart seemed to be trying to gallop right out of him, bucking and banging around inside his chest in riotous protest* (G. Shapiro. *Levidow*).

Нам представляется, что чередование длительной и индефинитной формы инфинитива позволяет передавать и темпоральные характеристики ощущения. Кратковременное, преходящее ощущение описывается индефинитной формой инфинитива, а персистирующее — длительной, ср.: *My heart seemed to jump vs. My heart seemed to be jumping*. Оговоримся, что такого рода чередование возможно лишь при ретроспективном описании ощущения, с использованием предиката в форме прошедшего времени. Кроме того, имеются и некоторые семантические ограничения на употребление глагола, который не должен обозначать действие циклического характера (например, *beat*). Высказывания типа *My heart seemed to beat* не обязательно передают кратковременное ощущение, что доказывается примерами реальных контекстов, в которых ощущение эксплицитно представлено как имеющее значительную протяженность во времени: *his heart seemed to beat quicker now than when he'd raced Pete through the streets* (J. Peery. *No liquor sold to Indians past dark*); *My heart seemed to beat in synchrony with the light* (K. Kirkland. *Connections*).

Отдельного внимания заслуживают конструкции с перфектной формой инфинитива. По мнению Л. М. Ковалевой, «высказывания с пер-

фектным инфинитивом эксплицируют вывод-результат на основе перцептивной информации» [Ковалева 2008, с. 309]. Ср.: *The parlour seemed never to have been used, it was so terribly clean* (пример Л. М. Ковалевой). Анализ корпуса интероцептивных высказываний показывает, что семантика вывода-результата в них существенно затемнена, во многом в силу того, что пропозиция, описывающая реальное положение вещей, в них, как правило, отсутствует. Тем не менее, определенная логическая цепочка может быть восстановлена. Ср.: *My stomach seemed to have come unmoored from the muscles that were supposed to hold it in place* (S. King. 11.22.63). В данном примере перципиент пытается произвести квалификацию актуального ощущения, но не находит для него средств словесного выражения и описывает его как результат некоторого события, произошедшего в его внутреннем теле: в области желудка регистрируются некоторые дискомфортные ощущения, которые объясняются тем, что он поменял положение во внутрителесном пространстве. Контексты такого рода наиболее адекватно передают то состояние, когда ощущение еще не обрело качественной определенности, и то, что ощущается в данный момент, представляется лишь некоторой стадией его формирования. С другой стороны, перфектный инфинитив, в соответствии со своей грамматической семантикой, может обозначать некоторое действие, которое уже завершилось на момент мониторинга внутрителесной среды, ср.: *My stomach seemed to have settled sufficiently to risk a sip of water* (D. Galadon. *Dragonfly in amber*). Восстановленная логическая цепочка в данном случае могла бы выглядеть так: на протяжении некоторого времени перципиент испытывал дискомфорт в желудке, но неприятные ощущения прошли, и перципиент интерпретирует это новое состояние как результат возвращения желудка в исходное, правильное положение. С помощью перфектного инфинитива может фиксироваться момент возникновения ощущения, которое носит персистирующий характер: *His belly seemed to have turned to lead* (S. King. *Salem's Lot*). Ощущение тяжести в животе, которое перципиент испытывает в данный момент, объясняется тем, что тело подверглось субстанциональной трансформации («живот обратился в свинец»). *Her throat seemed to have swollen shut* (D. Koontz. *The door to December*): трудности с глотанием и дыханием, которые перципиент испытывает в данный момент, он интерпретирует как результат сильного отека гортани. Во всех приведенных здесь примерах результат не эксплицирован, но легко восстанавливается из контекста; перфектный инфинитив во всех случаях обозначает причину возникновения ощущения и, следовательно, в определенной степени реализует семантику каузативности. Заметим, что во всех приведенных здесь примерах используются так называемые предельные глаголы, и в высказываниях фиксируется момент достижения предельной стадии в осуществлении действия. Именно се-

мантика предельности позволяет употреблять эти глаголы в форме перфектного инфинитива (ср, например, **His heart seemed to have beaten / thumped / raced*). Всё высказывание, содержащее субъектный оборот с перфектной формой инфинитива, используется для общей, неточной, предварительной оценки состояния, наступившего в результате произошедшего во внутрителесной среде события.

Таким образом, субъектный инфинитивный оборот с предикатом *seem* отражает состояние когнитивной неопределенности, которое возникает при попытке интерпретации interoцептивных ощущений. Он позволяет дать предварительную, неточную, приблизительную оценку перцептивного события, одновременно с этим предоставляя перцепиенту возможность для варьирования условий наблюдения (можно наблюдать событие целиком или фрагментарно, оценивать его в условиях актуального перцептивного опыта или ретроспективно). Перфектный инфинитив в составе оборота может имплицировать наличие причинно-следственной связи между некоторым внутрителесным событием и возникшим ощущением.

4.3.2. Конструкции с предикатом *feel*

We think too much and feel too little.

Charlie Chaplin

Обратимся к анализу конструкций, содержащих предикат *feel*. Глагол *feel*, так же как и *seem*, обладает семантикой кажимости и определяется в одном из своих значений как “give a sensation or an impression of something or of being something / somebody” [OALD], о чем уже говорилось ранее (см. раздел 2.1.3 настоящей Главы). Его сущностным отличием от глагола *seem* является апелляция к чувственной, а не интеллектуальной, сфере человека, поскольку *feel* дает не только впечатление (*impression*), но и ощущение (*sensation*).

Feel обычно относят к лексическим средствам выражения кажимости [Семенова 2007, с. 3]. Мы, тем не менее, намерены показать, что его синтаксическое окружение существенным образом влияет на его способность репрезентировать модус кажимости, и для интерпретации interoцептивной ситуации используется вся синтаксическая конструкция, в состав которой входит данный предикат.

В корпусе interoцептивных высказываний предложения с предикатом *feel* распадаются на три группы. В первой из них используется одушевленный субъект, соответствующий фигуре Наблюдателя-перцепиента: *He felt as if all his body had turned to glass* (S. King. *The library policeman*). Вторая группа представлена безличными предложениями: *It felt as if his*

throat was lined with mitten-wool (S. King. *Gramma*). В третьей группе позицию подлежащего при *feel* занимают единицы, обозначающие части внутреннего тела, в которых локализуется ощущение: *My stomach felt as if it had dropped out* (B. Maher. *Over the moon*). Представляется уместным вспомнить о так называемом «принципе отсутствия синонимии» [Gilquin 2010, с. 61], в соответствии с которым различие между формой высказываний неизбежно означает различие в передаваемом ими смысле. Следовательно, структурные различия между этими типами предложений должны отражать разное видение интероцептивной ситуации.

Мы полагаем, что эти типы предложений отражают различия в позиции Наблюдателя, степени его ассоциации с собственным телом, а также в особенностях фокусировки внимания. В первом случае Наблюдатель-перципиент активно вовлечен в переживание ситуации и находится в самом ее центре. Он переживает происходящее в его внутреннем теле как затрагивающее все его существование. Ср.: *LeRoi felt as if his heart had been ripped out of his chest* (G. Johnson. *Standing at the scratch line*); *Alice felt as if her heart were going to fly out of her chest* (K. Koen. *Dark angels*); *Belinda still felt as if her heart were trying to pound its way out of her chest cavity* (T. McCollors. *The truth about love*). Во всех приведенных здесь примерах, несмотря на эксплицитную отсылку к конкретной области внутреннего тела — сердцу, — описываются не столько локальные ощущения, сколько общее физическое состояние перципиента, который находится в фокусе основного внимания. Важно, как чувствует себя человек, а не то, что ощущается в конкретной части внутреннего тела. Такая фокусировка на самом человеке и его общем состоянии позволяет конструировать описание еще не испытываемого, но предвосхищаемого ощущения: *He felt as if his heart would burst from his chest* (D. Creek. *Zheng He and the Dragon*); *He felt as if his lungs would burst, but there was still no end to the passage* (*Tower of Babylon* — COCA).

В предложениях второй группы фокус внимания отчетливо смещается на само ощущение и фиксируются его качественные характеристики. Перципиент занимает позицию стороннего наблюдателя, отстраняясь от собственного тела в попытке дать объективную, хотя и приблизительную, оценку происходящего. Ср.: *It had felt as if his heart had stopped... not literally, but he recalled that he'd forgotten to breathe he'd been so absorbed by her fathomless gray eyes* (E. S. Nylund. *Mortal coils*). Несмотря на то, что ощущение может характеризоваться высокой степенью интенсивности, оно все же воспринимается как локальное и не затрагивающее Я перципиента, который не теряет способности вычленив его из общего потока телесного опыта и дистанцироваться от него. Ср.: *They had walked perhaps another mile when double cramps struck the big muscles in Larry's thighs <...>. It felt as if twin stilettos had been planted in his flesh at the same instant* (S. King.

The Stand); *It felt as if a long, invisible wire was being twirled through his head* (S. King. *Pet sematary*).

Заметим, что некоторые носители языка указывают на то, что предложения типа *I feel* в меньшей степени репрезентируют кажимость, чем предложения типа *It feels*, предлагая для первого варианта возможность трансформации в *'I think that...'*, а для второго — *'it seems like...'*. И все же наиболее релевантным различием между первым и вторым типом предложений нам представляется степень ассоциации перцепиента с телесным событием — вовлеченность в него или отстраненность от него. Весьма показательна в этом отношении фраза доктора Хауса из одноименного сериала: *I feel nothing. And it feels great.*

В предложениях третьего типа в фокусе оказывается тот фрагмент внутреннего тела, где регистрируется ощущение, и конструкция в известном смысле становится локативной, поскольку качественные характеристики самого ощущения образуют лишь вторичный фокус. Ср.: *Her heart felt as though it was being squeezed in her chest* (L. Tarshis. *The world's deadliest creature*); *Her stomach felt as though it was going to flip* (M. Deppe. *The right decision*); *His head felt as if giant, merciless calipers had been screwed into his temples* (S. King. *The stand*); *his spine felt as if it had turned to glass* (S. King. *The stand*); *his throat felt as if a cup of flour had clogged it* (J. Irving. *Last night in Twisted River*).

Таким образом, выбор той или иной конструкции определяется несколькими факторами: степенью ассоциации с собственным телом, стремлением поместить в фокус внимания перцепиента (*he felt*), ощущение (*it felt*) или точку локализации этого ощущения (*his heart / stomach / head felt*), желанием подчеркнуть субъективный (*he felt*) или объективный (*it felt*) характер оценки ситуации.

В собранном нами корпусе интероцептивных высказываний преобладают примеры, в которых предикат *feel* сочетается с «союзами модализованного сравнения» [Семенова 2007, с. 3] *as if / as though*, первый из которых встречается значительно чаще. Полнопредикативная структура придаточного предложения отражает условия наблюдения за ощущением, что позволяет провести аналогию с инфинитивом в составе субъектного инфинитивного оборота. Эта аналогия, однако, не является полной. Так, например, длительная форма глагола, подобно продолженной форме инфинитива, может отражать ситуацию «краткого восприятия», когда перцепиент на некоторое время фиксируется на ощущении в момент его протекания и пытается дать его оценку: *He felt as if his bones were dispersing in all directions* (X. Yuan. *The hazards of daily life*); *Her heart felt as if it were flinging itself against her ribs* (D. J. Ross. *A borrowed heart*); *It felt as if a long, invisible wire was being twirled through his head* (S. King. *Pet sematary*). Ситуация полного восприятия и финальной оценки интероцептивного эпизода

репрезентируется перфектной формой глагола: *A horrible cramp jig-jagged up her left side as her body stretched in ways it hadn't been meant to even under the best of conditions. It felt as if someone had given her a fast, harsh scrape with a hot poker (S. King. *Gerald's game*); *Jon felt as if his insides had been sucked up into his throat (M. C. Wartski. *Deadly detour*); *His heart felt as if it had been torn in two (L. Wick. *Where the wild rose blooms*). Индефинитные формы глагола активного действия практически не употребляются, поскольку их грамматическая семантика препятствует их использованию как для передачи актуального interoцептивного опыта, так и для его итоговой ретроспективной оценки. Нам удалось обнаружить лишь два примера использования индефинитных форм: *It felt as if someone stuck a spoon into the back of my throat and dug out something that clung there fiercely by its roots (C. O. 'Keefe. *Maze of trees*); *I was sitting there, and suddenly it felt as if someone pulled the plug out. All of my energy just drained (P. Perry. *Striking out against strokes*). Их употребление в данных примерах не создает ощущения грамматической или смысловой аномалии. В обоих контекстах они описывают ощущение, возникшее внезапно, носящее кратковременный характер и воспринимаемое как актуальный, а не уже пережитой перцептивный опыт. Заметим, что в корпусе примеров широко представлены контексты с индефинитными формами глаголов *be* (главным образом, в составе экзистенциальной конструкции *there + be*) и *have*: *in his guts it felt as if a battering ram was in use (S. King. *The Stand*); *it felt as if there was a screw auger planted in his left hip (S. King. *Pet sematary*); *His hip joints felt as if they had broken glass in them (S. King. *The dead zone*). Кроме того, как было указано выше, полнопредикативная структура позволяет обозначить момент предвосхищения ощущения с помощью форм будущего времени: *my heart feels as if it will fatally fly out of rhythm (P. Cornwell. *The last precinct*); *Then I swam back to the boat and felt as if my heart would burst (F. Reiken. *Day for night*).**********

Репрезентация модуса кажимости посредством глагола *feel* в сочетании со сравнительным оборотом обладает рядом преимуществ перед *seem* в комбинации с субъектным инфинитивным оборотом. Одно из них заключается в том, что полнопредикативная структура позволяет активно экспериментировать с количеством актантов, в частности, вводя в описание агенса или изымая его. Ср.: *the second cramp struck. This one was much worse. It felt as if someone had dropped a glass-encrusted noose of cable around her left shoulder and then yanked it tight (S. King. *Gerald's game*) vs. *it felt as if tendons in his neck had been replaced by rusty bandsaw blades (S. King. *Pet sematary*)*. Включение или изъятие агенса позволяет по-разному расставить акценты в interoцептивной ситуации, сосредоточившись на каузирующем ее факторе или на специфике самого переживаемого ощущения. Особо интересным представляется при этом контраст между активными и пассив-*

ными формами глагола, используемыми для описания ощущения. Ср.: *Belinda still felt as if her heart were trying to pound its way out of her chest cavity* (T. McCollors. *The truth about love*) vs. *LeRoi felt as if his heart had been ripped out of his chest* (G. Johnson. *Standing at the scratch line*). В первом из приведенных примеров центр активности помещается в сам внутренний орган, и причиной возникновения ощущения является совершаемое им действие. Во втором же случае орган подвергается воздействию извне. Агенсная или пациенсная репрезентация ситуации в определенной степени отражает актуальное для перцепиента представление о внутреннем теле: мифопоэтическое с сопутствующим олицетворением органов внутреннего тела или реалистическое с обезличиванием внутреннего тела и восприятием его как обычного физического объекта.

4.4. Когнитивно-релевантные различия между синтаксическими структурами тождества и сравнения при вербализации interoцептивных ощущений

*I went out on a date with Simile.
I don't know what I metaphor.*

Tim Vine

В данной работе уже неоднократно высказывалась мысль о фундаментальной метафоричности словаря interoцептивных ощущений. Напомним, что под метафоричностью понимается отсутствие специальных, терминологических номинаций в корпусе interoцептивной лексики и использование единиц подчеркнуто неперцептивной семантики для обозначения interoцептивных ощущений. Метафорический характер номинации отнюдь не означает, однако, что для вербализации interoцептивного опыта используется исключительно классическая структура метафоры **A is B**. В корпусе interoцептивных высказываний обширно представлены примеры, содержащие и другие структуры, в том числе сравнительные обороты с предлогом *like*, а также союзами *as if / as though*. Примечательно, что лексическое наполнение этих синтаксически разных высказываний может быть весьма близким. Ср.:

'splinter': (a) *I smiled in an effort to be more gracious, to hide the hurt and jealousy that were a splinter in my heart* (P. Cornwell. *Point of origin*) (b) *Suddenly the Library was like an aggravating, infuriating splinter jammed deep in one buttock* (S. King. *The library policeman*) (c) *If I'm on my feet for more than a couple of hours at a time it feels like somebody took*

a long splinter and rammed it straight up my leg to my balls (S. King. The dead zone).

'lead ball': (a) *And then there was the lead ball pulling down her guts. Elongating them (S. King. Full dark, no stars)* (b) *[he] <...> said something which made her heart feel like a hot ball of lead (W. Styron. Sophie's choice).*

'fist': (a) *his stomach immediately cramped into a slick, hard fist (S. King. The library policeman);* (b) *It seemed to come all the way from her heels, convulsing her stomach like a sick, slick fist (S. King. The dead zone).*

Такое разительное внешнее сходство ставит перед исследователем, по меньшей мере, два серьезных вопроса: 1) считать ли все подобные номинации метафорами, вне зависимости от реализуемой синтаксической структуры тождества или подобия; 2) признать ли эти структуры идентичными при условии сходства лексического наполнения или рассматривать их как репрезентации разных когнитивных процессов.

Обратимся к первому вопросу, который активно дискутируется в современной лингвистической литературе.

Обсуждая вопрос о взаимодействии метафоры и сравнения, У. Крофт и А. Круз формулируют три возможных позиции: 1) метафора является имплицитным сравнением 2) сравнение является имплицитной метафорой 3) сравнение и метафора являются разными структурами. Сами авторы придерживаются третьей позиции, приводя два основных аргумента: 1) метафора является примером непрямого номинации, в то время как в сравнении концептуальная структура области источника представлена эксплицитно; 2) в структуре сравнения наличествует специальный маркер (союз или предлог), в то время как у метафоры он отсутствует [Croft & Cruise 2004, с. 211–215]. Оба аргумента, однако, уязвимы, что наглядно продемонстрировано в работах Дж. Стина [Steen 2007].

Дж. Стин предлагает более четко разграничить собственно языковой и концептуальный подход к метафоре. Эксплицитный характер сравнения релевантен лишь в том случае, если мы придерживаемся классической языковой трактовки метафоры. При концептуальном же подходе конкретная форма репрезентации теряет первостепенное значение. Концептуальная метафора может репрезентироваться в языке десятками различных способов: словами разных частей речи, морфемами (например, суффиксами *-ish* и *-like*), отдельными фразами и грамматическими конструкциями [Там же, с. 323]. Экспликация основания сравнения не отменяет состоявшейся междоменной проекции и не «убивает метафору» [Там же, с. 50]. Наличие формального маркера не является исключительно признаком сравнения; он может присутствовать и в структурах, которые традиционно относятся к метафорам (слова-модификаторы типа *sort of / kind of*, глагол *compare*, союз *if* в контрафактивных высказываниях) [Там же,

с. 309; 321–323]. Кроме того, само понятие маркера сравнения относительно, поскольку существует множество нестандартных форм, реализующих значение сравнения (например, *to have the effect of*), в связи с чем встает вопрос о принципах идентификации маркеров сравнения и о границах этого класса. Дж. Стин приводит также примеры комбинированных структур, включающих в себя и метафору, и сравнение: *He looked tired, as if life had pushed him too far* (оборот *push too far* используется метафорически, однако он включен в ту часть конструкции, которая оформлена как сравнение) [Там же, р. 321]. На основании приведенных в работе многочисленных фактов и соображений можно сделать вывод о том, что жесткое разграничение метафоры и сравнения не только нецелесообразно, но и концептуально несостоятельно. Вновь обратимся к работе Стина: «непрямая концептуализация посредством междоменной проекции не обязательно требует для своего выражения непрямого же языка. Она может быть выражена прямо, и это выражение может принимать разные формы <...>. Непрямая концептуализация может быть выражена прямым языком» [Там же, с. 50].

Подход, предложенный Дж. Стаином, можно назвать интегративным. Он позволяет избежать чрезмерной, часто искусственной, фрагментации языкового пространства, и обеспечивает большую последовательность при анализе языка в рамках когнитивной парадигмы.

В том же русле, но несколько более осторожно, рассуждают авторы так называемой теории жизни метафоры (*Career of Metaphor Theory*) Б. Баудл и Д. Гентнер фактически предлагают эволюционный подход к пониманию метафоры, в рамках которого сравнение рассматривается как необходимый шаг на пути к метафоре, первый, базовый этап ее формирования. Как пишет Д. Гентнер, «первоначальный акт сравнения способствует появлению конвенциональных метафорических категорий» [Gentner 2010, с. 762]. Сравнение эволюционирует в метафору по мере того, как оно «укореняется» (*gets entrenched*) в сознании и проходит процесс конвенционализации [Bowdle & Gentner 2005]. В данном случае авторы не отождествляют напрямую сравнение и метафору, но объединяют их в одну общую категорию, отражающую способность человека к мышлению по аналогии [Gentner & Colhoun 2010].

Такой взвешенный подход представляется нам предпочтительным, поскольку мы склонны рассматривать метафору и сравнение как несомненно родственные, но все же не тождественные явления, отражающие различающиеся между собой когнитивные феномены.

Мы полагаем, что синтаксическая структура сравнения отражает состояние когнитивной неопределенности, когда перцепиент осуществляет выбор наиболее адекватной когнитивной модели. Такая ситуация может возникать в том случае, если интероцептивный опыт является для

него новым, и подобное ощущение никогда не возникало раньше. Данная мысль, правда, в несколько иной формулировке, высказывается в работе О. В. Ефремовой, которая посвящена изучению субъективной семантики interoцепции при ипохондрических расстройствах [Ефремова 1997]. Замечено, что люди, регулярно испытывающие определенный комплекс interoцептивных ощущений (например, хронические боли), склонны к более лаконичным описаниям своих симптомов, поскольку они уже давно определились с выбором когнитивной стратегии и лексических средств ее репрезентации. Немаловажную роль играет и продолжительное вынужденное общение с врачами, в ходе которого пациенты усваивают специальную медицинскую терминологию, включающую в себя немало конвенциональных, стертых метафор типа *shooting / piercing / nagging / gnawing / lacerating / pounding / stinging pain* (см. опросник боли в [Melzack & Wall 1996, с. 40]). Новое, ранее не испытанное, ощущение требует от перципиента самостоятельного поиска адекватного способа его репрезентации, что предполагает выбор определенной когнитивной модели или создание бленда. Часто действуя в условиях цейтнота, когда необходимо передать насущный interoцептивный опыт, не имея готового инвентаря средств, перципиент испытывает сомнения, неуверенность в правильности выбранной им стратегии и невольно репрезентирует это состояние когнитивного поиска на уровне синтаксической организации высказывания, используя различные структуры сравнения. Новизна опыта и нестандартность средств номинации как факторы, способствующие выбору сравнения, отмечаются и в работе Д. Тэй [Tay 2013, с. 32].

Сравнение обладает рядом несомненных преимуществ перед метафорой. Во-первых, структура сравнения позволяет перципиенту описать свое ощущение с гораздо большей степенью детализации. Сравнение обычно задействует более широкий спектр потенциальных сходств [Gentner 2010] и способно выявлять множество неявных сходных черт между областью источника и областью цели при метафорической проекции [Gregory & Mergler 1990]. Приведем несколько примеров, в которых качественно однотипные ощущения описываются с помощью метафоры (пример а) и сравнения (пример б):

(a) *His head was starting to buzz gently now* (S. King. *Thinner*) (b) *That single thin note in my head was like tires speeding down a pavement* (K. Kesey. *One flew over the cuckoo's nest*). В обоих контекстах головная боль осмысливается с помощью слухового образа ощущения (см. раздел 4.3.2.5.3 Главы II), что позволяет рассматривать их как языковую репрезентацию одной и той же когнитивной структуры. В примере (б) используется неконвенциональная номинация, которая позволяет создать более объемное «видение» ситуации с элементами зрительного образа

(*tires* вызывает в сознании образ машины, *pavement* вызывает образ определенного типа дороги). Кроме того, здесь отчасти задействуется и кинематическая модель, поскольку описываемый звук является результатом движения.

(a) *His legs trembled while his head swelled* (O. O. Eneke. *Blood stains on the sand*) (b) *His head felt like a swelling bladder full of hot blood* (S. King. *The dead zone*). В обоих контекстах описывается одно и то же ощущение распирающей головной боли. В примере (б), однако, стершаяся образность оживлена посредством сравнения с хорошо знакомым каждому, крайне дискомфортным ощущением переполненного мочевого пузыря, что позволяет реципиенту высказывания представить описываемое ощущение более наглядно. Дополнительные детали задействуют тактильный (температурный) и отчасти зрительный (цветовой) образ ощущения.

(a) *Her head was whirling* (S. King. *The dead zone*) (b) *the lethal concoction had made her head behave like a sentient ping-pong ball in a mixing bowl* <...> (T. Sharpe. *The Wilt alternative*). В данном случае описывается ощущение головокружения. Первая, конвенциональная номинация вновь существенно проигрывает сравнительному обороту в образности. В примере (b) вновь репрезентируются элементы нескольких когнитивных структур: зрительный образ, кинематическая и каузативная модели.

Приведенные здесь примеры позволяют убедиться в том, что сравнение не только оживляет номинацию, но и способствует объединению нескольких когнитивных моделей в эмерджентную структуру, репрезентирующую актуальный телесный опыт. Вновь созданный образ характеризуется когнитивной полифоничностью и в большей степени апеллирует к общему телесному опыту реципиента interoцептивного высказывания.

Сравнение может использоваться и в комбинации с метафорой, выполняя уточняющую функцию. Ср.: *When the lights went out he felt his heart lurch in his chest* (S. King. *The Stand*) vs. *he felt his brain lurch like a seesaw* (W. Styron. *Set this house on fire*); *There was a sullen flare of pain in his chest* (S. King. *Apt Pupil*) vs. *something first pulled in my guts... and then seemed to roll. The sullen heat centered on my left side flared like coals when you throw gasoline on them* (S. King. 11.22.63). Сравнение не просто вносит в описание дополнительные детали, оно уточняет характер описываемой ситуации, поскольку действие, обозначаемое глаголами, может производиться по-разному (чуть различающимися способами, с разной скоростью, с более или менее выраженным отклонением от исходного состояния и т. д.).

Сравнение легко справляется с детализирующей и уточняющей функцией, поскольку оно может быть представлено развернутой полно-

предикативной структурой, которая позволяет более подробно членить внутренне-речевой опыт и отражать разные аспекты одного комплексного interoцептивного ощущения. Ср.: *It was as if he had uncovered a hole in the middle of his head, one so deep you could throw things into it and not hear a splash no matter how big the things you threw were or how long you waited with your ear cocked for the sound* (S. King. *The library policeman*); *The cold was painful again, as if some rodent with teeth of ice were chewing on his guts and nibbling on his bones* (D. Koontz. *The door to December*).

Еще одна функция сравнения при описании ощущений была выявлена Э. Семино. Изучив способы описания болевого опыта, она выявила интересную закономерность: экспериенсеры часто используют сравнение для того, чтобы эксплицитно ввести определенный метафорический сценарий (*metaphorical scenario*), а затем развивают этот сценарий с помощью классической структуры метафоры. Такая стратегия особенно популярна в тех случаях, когда метафора не относится к числу конвенциональных, и существует вероятность того, что собеседник окажется не в состоянии понять смысл высказывания, если перцепиент не подготовит его к восприятию метафоры с помощью сравнения [Semino 2008, с. 16–17]. Ср.: *After awhile he began to feel hunger and thirst — even through the pain. It became something like a horse race. At first King of Pain was far in the lead and I Got the Hungries was some twelve furlongs back. Pretty Thirsty was nearly lost in the dust. Then, around sunup on the day after she had left, I Got the Hungries actually give King of Pain a brief run for his money* (S. King. *Misery*). Метафорический сценарий «скачки» не относится к числу общепринятых способов описания телесных ощущений, поэтому он эксплицитно вводится в описание сравнительной конструкцией (*something like a horse race*). Дальнейшая экспликация образа осуществляется посредством метафоры (*to be in the lead, to be twelve furlongs back, to be lost in the dust, give a brief run*).

Таким образом, синтаксические структуры, репрезентирующие метафору и сравнение, отражают несколько разные когнитивные процессы и состояния. Метафора — это готовое когнитивное решение, максимально пригодное для описания знакомого ощущения либо сознательного отказа от активного когнитивного поиска. Сравнение — это своего рода когнитивный эксперимент, отражающий этап формирования когнитивной гипотезы. Наиболее удачные результаты такого экспериментирования имеют шанс закрепиться в сознании перцепиента и оформиться в готовые структуры, репрезентируясь на языковом уровне классическими моделями метафоры. Схематически данный процесс можно представить следующим примером: *The pain was like a knife. — The pain was a knife. — There was a knife in my stomach.*

4.5. Синтаксическая конструкция как средство репрезентации когнитивной модели внутреннего тела и interoцептивного ощущения

Lexicon and grammar form a continuum.

R. Langacker

Мы полагаем, что синтаксическая структура высказывания способна выполнять и более конкретные функции, к которым относится, в частности, репрезентация когнитивной модели внутреннего тела и interoцептивного ощущения. Нельзя отрицать тот факт, что основная нагрузка ложится на лексические единицы, однако синтаксическая структура interoцептивного высказывания также способна репрезентировать модель или, по крайней мере, поддерживать ее, предлагая такие структурные схемы, которые позволяют упорядочивать interoцептивный опыт строго определенным образом. Разумеется, такая репрезентация осуществляется более обобщенно и схематически в силу специфики синтаксиса как языкового механизма, и участие синтаксических структур в вербальной репрезентации когнитивной модели во многом зависит от специфики самой модели.

4.5.1. Соотносительная модель

What one finds in language depends in large measure on what one expects to find.

R. Langacker

Участие синтаксиса минимально (или менее всего очевидно) при репрезентации моделей соотносительного типа. Однако даже здесь могут быть обнаружены некоторые признаки системного «сотрудничества» лексики и грамматики. Наиболее показательной в этом плане является модель «тело — компаньон», описанная в разделе 4.3.2.2.5 Главы II.

Партнерские отношения между человеком и его телом предполагают одинаковый статус тех синтаксических элементов, которые репрезентируют эти сущности. Такого рода отношения могут быть представлены синтаксическими структурами с сочинительной связью, где человек и его тело являются равноправными субъектами: *My body and I aren't speaking at the present time. We aren't on speaking terms. I don't trust my body* (C. Fisher. *What your body language reveals about you*); *I am happy to report that my body and I are in the midst of a serious love thang* (J. Morgan. *My best body*). Та же модель, как нам представляется, репрезентируется в описанных выше структурах, содержащих независимый причастный обо-

рот, где тело представлено как сосуществующее с перцепиентом, но живущее своей собственной, не зависящей от него, жизнью: *Todd watched him, his heart speeding up until it was drumming in his chest* (S. King. *Apt pupil*). Орган, в котором локализуется ощущение, реализует агентивную функцию в составе независимого причастного оборота, чем подчеркивается его относительное «ролевое равенство» с субъектом самого предложения. В то же время тот факт, что его действия описываются полупредикативной структурой, свидетельствует о вторичности происходящих с ним событий, что позволяет ранжировать внешнетелесные и внутрителесные события по степени важности. Человек выполняет некоторое действие в том мире, в котором он живет как телесно-духовное существо, а его тело, сопровождая его, имеет еще и свою собственную, не зависящую от его воли, жизнь.

Разрыв партнерских отношений, концептуализируемый на вербальном уровне как «предательство» тела (*Grinkov looked strong and fit, but his heart betrayed him* (*Speed Kills — the problem drug in suburban high schools — COCA*)), может быть показан и на уровне синтаксическом посредством возведения органа-носителя ощущения в ранг субъекта и наделения его способностью совершать активные действия агрессивного характера по отношению к перцепиенту. Так, ранее уже приводился пример *He hasn't been feeling well; his stomach has been kicking up on him again* (S. King. *Needful Things*) (см. раздел 2.1.1 настоящей главы). При всей своей оригинальности, данное высказывание не является исключительно примером индивидуального словотворчества, поскольку аналогичная модель была обнаружена и в идиолекте других авторов: *At the first sight of her, Carson's heart kicked him in the ribs* (J. P. Martino. *A bridge in time*). В этих примерах наблюдается мена привычного соотношения актантов (агенса — перцепиента, пациенса — внутренний орган). Приведем для сравнения высказывания, где перцепиент и его орган находятся в привычных, «правильных» отношениях, зафиксированных соответствующими синтаксическими позициями: *It was getting warm in the suit, and he breathed deeply to still his heart* (J. C. Glass. *The color of pain*); *If I could have stilled my storming heart and held my breath* (D. Koontz. *Seize the night*).

Данная модель предполагает наличие предиката, выраженного переходным глаголом, поскольку совершаемое органом действие не безадресно, а направлено на перцепиента. Наиболее частотным является использование глагола *to kill*, с помощью которого описывается ситуация, когда определенный орган является источником постоянных болезненных ощущений. Примерами такого рода изобилуют медицинские форумы: *My stomach / bladder is killing me; My gallbladder tried to kill me*³³; *My stomach*

³³ www.nopaper.net

*has been killing me in pain for two days straight*³⁴. Та же модель может использоваться и при описании болевого симптома: *My cramps are killing me; This side stitch is killing me*³⁵. В художественной литературе эта модель может обыгрываться гораздо более креативно, с уточнением способа «убийства» перцепиента: *She screamed, feeling her heart trying to tear itself loose of its plumbing, cram itself into her throat, and strangle her* (S. King. *Gerald's game*). Ее конкретное лексическое наполнение в данном случае не столь важно. Гораздо более значима та синтаксическая конструкция, которая обеспечивает возможность репрезентации ощущения как агрессивного действия, осуществляемого органом в отношении человека, в теле которого он находится. Это, выражаясь словами поэта Ю. Казарина, «метафора, растворенная в синтаксисе» [Норман 2013, с. 63]. Она менее очевидна, чем классическая «лексическая» метафора, но без наличия соответствующего синтаксического каркаса сама лексическая метафора не могла бы быть здесь реализована.

4.5.2. Каузативная модель

*The complexities of cause
and effect defy analysis.*

Douglas Adams

Роль синтаксической конструкции гораздо более очевидна при реализации каузативной модели интероцептивного ощущения. При рассмотрении модели данного типа в разделе 4.3.2.4 Главы II мы сосредоточились, главным образом, на тех типах соматических состояний, которые связаны с действием той или иной эмоции. В реальности же каузативные отношения обнаруживаются при концептуализации гораздо более широкого спектра интероцептивных ситуаций, которые мы и намерены рассмотреть в настоящем разделе.

Следует отметить, что каузальный тип мышления является одной из базовых характеристик западной, аналитическо-рациональной, культуры, где понимание причинно-следственных связей является необходимым условием для реализации любых планов [Lakoff & Johnson 1999, с. 170]. Дж. Лакофф и М. Джонсон относят каузативные отношения к числу «базовых человеческих концептов», помощью которых «люди организуют свою физическую и культурную реальность» [Lakoff & Johnson 1980, с. 69]. Привычность «причинно-следственного» модуса мышления заставляет искать взаимообусловленность различных событий даже в тех онто-

³⁴ www.steadyhealth.com

³⁵ forums.menshealth.com

логических областях, где связи между явлениями ненаблюдаемы и неочевидны, а сами явления не подлежат контролю со стороны человека. Одной из таких областей является сфера interoцептивных ощущений.

Мы намеренно не рассматриваем здесь так называемые лексические каузативы, представленные глаголами типа *kill, murder, destroy, open* и др., тем более, что примеры с *kill* уже рассматривались нами выше. В центре нашего внимания — синтаксические конструкции, традиционно относимые к разряду каузативных и содержащие глаголы *cause, make, have* и *get*.

По мнению Р. Лэнекера, суть каузативной конструкции состоит в фиксации цепочки действий (the action chain). Цепочка действий отражает передачу энергии от одной сущности (человека, животного, конкретного объекта и т. д.) одной или нескольким другим сущностям. Каузатор, называемый «вершиной» (head) цепочки, является источником энергии и передает ее посредством осуществляемого контакта следующему звену каузативной цепи, которое приводится в движение и передает полученную энергию следующей сущности, до тех пор пока энергия не достигает конца (tail) цепочки, где происходит ее окончательное потребление без последующей передачи [Langacker 1991, с. 283].

Если исходить из трактовки, предложенной Р. Лэнекером, классификацию каузативных конструкций можно производить, по меньшей мере, по двум основаниям: по типу каузатора и по количеству звеньев в каузативной цепочке.

Наибольший интерес для нас представляет каузатор события. Эта «фигура» принадлежит когнитивной модели ощущения и не имеет непосредственного коррелята в физиологической реальности, поскольку человеку, не обладающему специальными медицинскими познаниями, не дано знать истинную механику сенсорных процессов. Введение этой фигуры в процесс осмысления ощущения продиктовано желанием упорядочить interoцептивное событие, найти в нем внутреннюю логику и определить способ управления им.

В качестве одного из каузаторов interoцептивного события регулярно называется сам перцепиент, который провоцирует возникновение ощущения посредством некоторого осуществляемого им действия. Он может указываться эксплицитно, в конструкциях с так называемым личностным актантом [Ковалева 2008, с. 98]: *he screamed loudly, jerking his legs and making them bellow* (S. King. *Misery*); *I ran on the treadmill, got my heart racing, my blood gushing like torrents of tears through untold vascular spaces* (S. Nadler. *Heart rhythms*). Перцепиент может присутствовать в ситуации и имплицитно при использовании предикатного актанта [Там же], обозначающего совершаемое им действие, которое повлекло за собой определенный внутрителесный отклик: *Moving caused the band of fire below his waist and in his legs to sink in deeper, cinching his legs like belts studded*

with hot, inward-pointing spikes (S. King. Misery). Предикат может преобразовываться в отвлеченное наименование действия, не теряя, однако, признаков предикативности за счет отглагольного способа формирования номинации: *A shift in position caused the stump to come brightly alive, the way a smouldering brand will burst into flame when fanned by a breeze (S. King. Misery); I had to hurry to catch up, and the run made my heart ring a high, excited pitch in my head (K. Kesey. One flew over the cuckoo's nest).*

Во всех приведенных здесь примерах возникновение ощущения связывается с физической активностью перцепиента, с совершением им активных движений, преднамеренных или непреднамеренных, способных повлиять на внутрителесные динамики. Возникновение ощущения может связываться и с эмоциональным опытом перцепиента, о чем мы писали в разделе 4.3.2.4 Главы II: *Fear caused his heart to race (M. Coney. Bulldog Drummond and the Grim Reaper).* Сходная телесная реакция может возникать даже в отсутствие реального эмоционального стимула, при воспоминании об однажды пережитом: *Visions of Sophie's pathetic and disheveled agony, her total disarray, kept flashing on and off in my mind, causing my stomach to heave (W. Styron. Sophie's choice).* Примечательно, что даже мысль о некоторой гипотетической ситуации или предстоящем событии способна привести в действие тот же эмоционально-соматический механизм: *The thought of telling all those unknown people to leave made his throat want to close up; Just the thought of crawling around on that roof, so high above the ground, made Larry's guts feel dauncy (S. King. The Stand); The prospect of uttering that plain phrase made my heart pound and skip beats (W. Styron. Sophie's choice).* Легко заметить, что в приведенных здесь примерах каузативная цепочка представлена в усеченном виде, и опущенным звеном является указание на возникшее эмоциональное состояние: ком в горле появляется не от того, что человеку предстоит выступить перед публикой, а от того, что он боится это делать, аналогично как живот скручивается не от самого перемещения по крыше, а от страха упасть с нее, и сердце колотится не от необходимости что-то сказать, а от страха перед последствиями. Очевидно, устойчивая связь между некоторым действием и возникающим ощущением формируется в результате того, что экспериментер уже испытывал эти состояния в аналогичной ситуации и способен предвидеть то, как поведет себя его тело. Иными словами, в его сознании память о некотором событии содержит не только образы выполняемых действий и ситуаций их протекания, но и «слепок» собственных телесных и психических состояний.

Интероцептивное ощущение может возникать как внутрителесный отклик на событие, воспринимаемое экстероцептивно через зрительный, слуховой, тактильный и другие каналы: *Looking at it made Sam's stomach clench (S. King. The library policeman); Staring into a group of large cages, he*

saw something that made his stomach turn (R. Cook. *Mortal fear*). Сам канал восприятия может при этом не указываться в силу своей самоочевидности: *the line of the mountain made his heart shake* (Alan Garner. *The owl service*) (the line of the mountain that he saw); *The sound made her bowels feel loose and hot and liquid* (S. King. *Gerald's game*) (the sound that she heard); *The odor made her stomach twist and roll* (D. Koontz. *The door to December*) (the odor that she smelt). Так же, как и в примерах предыдущей группы, чувственное восприятие отягощено эмоционально, и ощущение возникает не потому, что перцепиент видит или слышит нечто, а потому, что он испытывает при этом какие-то эмоции: страх, радость, отвращение и т. д.

Каузатором ощущения может выступать и другой человек, который своим поведением провоцирует со стороны перцепиента некоторую эмоциональную реакцию, сопровождающуюся соответствующим соматическим симптомом: *he made my heart go pitty-pat, too* (S. King. *Needful things*); *[he] said something which made her heart feel like a hot ball of lead* (W. Styron. *Sophie's choice*); *She tried to smile, but it turned into a nightshade grimace that made his bones cold* (S. King. *Salem's Lot*).

Наиболее интересными показались нам случаи, когда причинно-следственная связь обнаруживается между двумя или более событиями собственно соматической природы, т. е. одно ощущение выступает каузатором другого: *Tension had wormed into her veins, making her muscles still* (S. King. *Salem's Lot*). Стоит отметить, что эти явления могут принадлежать разным уровням телесного опыта. Так, например, локальное interoцептивное ощущение может вызывать некоторое генерализованное ощущение-состояние: *Her stomach turned over again, making her feel a little weak* (S. King. *The dead zone*); *Her stomach did a slow roll-over that made her feel a bit nauseated with sudden sexual longing* (S. King. *The dead zone*). Заметим, что данные примеры демонстрируют возможность чередования модусов переживания телесности в пределах одного interoцептивного события: то, что изначально ощущалось, как происходящее с *моим телом*, в конечном итоге осмысляется как изменение *моего состояния*. С другой стороны, могут взаимодействовать между собой два и более локальных ощущения: *He approached the bathroom scales, his heart thudding so heavily that it made his eyes throb and his head ache* (S. King. *Thinner*). Последний пример особенно интересен в плане описанного выше процесса передачи энергии: источник энергии (учащенно бьющееся сердце) передает ее одновременно глазам, которые начинают пульсировать, и голове, которая начинает болеть. Таким образом, передача энергии осуществляется не последовательно, а «многоканально».

Обратимся в связи с этим к вопросу о количестве звеньев в каузативной цепочке. В простейших случаях их два: *Fear made my heart leap*. Чаще, однако, цепочка оказывается длиннее, причем, как уже отмечалось

выше, некоторые ее звенья могут опускаться. Это происходит в тех случаях, когда наличие некоторого звена самоочевидно и не требует дополнительной экспликации. Так, например, опущение звена «эмоциональное состояние» в приведенном ниже примере оправданно, поскольку неловкость ситуации, ее несоответствие этикетным нормам заставляют человека волноваться, и это состояние, как и причины его возникновения, совершенно понятны реципиентам высказывания: *The thought of telling all those unknown people to leave made his throat want to close up* (S. King. *The Stand*). Избыточной может оказаться и фигура самого перципиента, который каузирует ощущение, поскольку самоочевидно, что без его участия то действие, которое непосредственно вызвало ощущение, было бы невозможно: *The first puff made his head feel swimmy* (S. King. *Needful things*) (для того чтобы затычка вызвала головокружение, человек должен был закурить сигарету). Если учитывать опущенные, но восстановимые звенья, наиболее частотными, по нашим наблюдениям, оказываются трехзвенные цепочки: *Just the thought of being near Josh again is making me feel fizzy* (S. Kinsella. *Twenties girl*) (девушка думает о Джоше — мысль вызывает волнение — волнение вызывает покалывание в теле); *[he] said something which made her heart feel like a hot ball of lead* (W. Styron. *Sophie's choice*) (собеседник девушки произносит фразу — девушка испытывает страх и отчаяние — эмоциональное состояние вызывает ощущение тяжести на сердце).

Многозвенная каузативная цепочка со сложной «силовой динамикой» [Talmy 2000, с. 409] представлена в высказывании *The thought of Gerald made her twitch, and the twitch sent complex spiral-sparkles of feeling through her cramped biceps and triceps* (S. King. *Gerald's game*) (женщина вспоминает о муже — воспоминание вызывает у нее гнев — гнев вызывает непроизвольное движение — движение вызывает ощущение в затекших мышцах).

Отдельного внимания заслуживает вопрос о семантике каузативных предикатов и принципах их выбора при вербализации интероцептивного ощущения.

Семантика каузативных предикатов достаточно подробно и обстоятельно освещалась в работах А. Вежбицкой [Вежбицкая 1999], Л. М. Ковалевой [Ковалева 2008] и ряда других ученых. Поскольку мы не ставим перед собой задачу изучения каузативных конструкций вообще и не готовы предложить какие-либо принципиально новые трактовки, мы позволим себе воздержаться от общих замечаний и перейти непосредственно к примерам, которые иллюстрируют некоторые особенности употребления каузативов в рассматриваемой нами сфере.

Наиболее универсальным способом репрезентации каузативных отношений являются конструкции с предикатом *cause*, в которых в непо-

средственном виде эксплицируется причинно-следственная связь между двумя событиями. Важным представляется то, что у конструкции [X CAUSE Y_{to inf}] отсутствуют какие-либо явные ограничения на заполнение позиций каузатора и каузируемого. В качестве каузатора может указываться лицо, действия которого приводят к появлению некоторого interoцептивного ощущения: *Your son inhaled poisons into his body that caused his heart to beat incredibly fast. That rush of adrenaline combined with the chemicals caused his heart to stop* (L. Parisi. *Fitting in with the guys*). Это лицо может дефокусироваться, и формальным каузатором в конструкции может выступать само действие, совершаемое либо самим перципиентом, либо другим лицом: *A shift in position caused the stump to come brightly alive, the way a smouldering brand will burst into flame when fanned by a breeze* (S. King. *Misery*); *Her last hug was what caused my heart to crumble, and meant everything to me sitting there that night* (B. Williford. *Reflections*). Это действие не обязательно должно быть связано с физической активностью, и может осуществляться в ментальном пространстве. Ощущение, например, может быть вызвано мыслями, воспоминаниями и т. п.: *Thinking about Jonathan Tanner caused my heart to twist inside my chest* (R. Pollero. *Fat chance*); *When she reached the door and peered through the peephole t the man on the front porch, instant recognition caused her heart to drop to the pit of her stomach* (J. Duarte. *Once upon a pregnancy*). Эти мыслительные процессы всегда в той или иной мере отягощены эмоционально, что еще раз подтверждает ранее высказанную мысль о том, что каузативная конструкция чаще всего используется при вербализации состояний, связанных с действием эмоциональных факторов. Наименование эмоции может эксплицироваться и занимать позицию каузатора: *Fear caused his heart to race: like proximation, the mindsets supplied vicarious emotion* (M. Coney. *Bulldog Drummond and the Grim Reaper*). Чаще, однако, эмоция лишь имплицитруется, и interoцептивное ощущение описывается как непосредственный резонансный отклик на некоторое событие, которое может происходить не только в ментальной сфере индивида, но и в окружающей его действительности: *the peace and stillness of the early morning caused my heart to swell with a languid pleasure* (B. Booker. *Train delayed due to horrible, horrible accident*); *A rustling in the sage caused her heart to jump* (T. Morrison. *Jazz*). Каузатором interoцептивного ощущения может быть другое ощущение, также локализуемое во внутрителесном пространстве, причем это ощущение может описываться с помощью полнопредикативной конструкции: *something tightened in her chest that caused her heart to quicken* (B. Letts. *The Honk and Holler opening soon*).

Таким образом, конструкция, содержащая глагол *cause*, практически универсальна, как в отношении участников каузативной цепочки, так и в отношении качества оказываемого воздействия.

Конструкции с другими предикатами имеют определенные семантические ограничения. Рассмотрим каузативные конструкции с глаголом *have*.

Конструкции с предикатом *have*, как известно, могут содержать либо инфинитив, либо причастие. В первой разновидности, как указывает А. Вежбицкая, реализуется своего рода значение просьбы, когда каузатор, занимающий более высокое иерархическое положение, чем каузируемый, выражает пожелание, чтобы последний выполнил некое действие, не ожидая от него возражений [Вежбицкая 1999, с. 183–184]. Эта семантическая специфика предполагает, что в качестве каузатора и каузируемого выступает человек, что делает данную модель малопригодной для вербализации интероцептивного ощущения. Примеры такого рода в интероцептивном дискурсе, действительно, практически не встречаются. По-видимому, дело даже не в том, что каузируемым является не человек, а часть внутреннего тела, поскольку часто используемый прием олицетворения органов внутреннего тела (см. разделы 4.3.2.2.4, 4.3.2.2.5, 4.3.2.5.3 Главы II) помогает обойти запрет на использование неодушевленного каузируемого. Гораздо важнее то, что даже при попытке оказания воздействия на внутренний орган каузатор оказывается не в состоянии контролировать его и не может ожидать от него не только подчинения, но даже предсказуемой реакции. Кроме того, не соблюдается и второе важное условие, обозначенное А. Вежбицкой как наличие некоторой цели, для достижения которой каузируемое используется в качестве инструмента [Вежбицкая 1999, с. 184], поскольку, не имея власти над внутренним телом, человек не может положиться на него в решении каких бы то ни было задач. Единственным примером этой конструкции, который нам удалось обнаружить, является *I don't need to see these things. I need to fish and have my heart start again and be able to breathe without this weight in my chest* (R. Carlson. *Down the Green River*). В данном контексте описывается попытка героя восстановить исходное, «функционально пригодное» состояние своего внутреннего тела после испытанного им душевного потрясения (он увидел на реке обнаженную девушку, похожую на его бывшую возлюбленную). «Остановившееся сердце» в данном случае является не самостоятельным ощущением, а соматическим маркером эмоции, и попытка побудить сердце к возобновлению работы метафорически (а точнее — метафтонимически) реферируется к стремлению восстановить душевное равновесие. Возможно, именно метафоричность (метафтонимичность) употребления позволяет использовать здесь каузативную конструкцию с инфинитивом, поскольку за человеком традиционно признается способность к контролю своих эмоций. Теоретически мы не видим препятствий для употребления этой конструкции и в собственно соматических контекстах, например, для обозначения активной позиции в борьбе с болезнью: *I will have my heart beat*

properly (\approx Я уговорю свое сердце биться, как надо). Однако примеров реального словоупотребления мы не нашли ни в художественных произведениях, ни в корпусах.

Конструкция с причастием ([X HAVE Y Vpp]), напротив, является продуктивной моделью для вербализации interoцептивного ощущения. Одной из ее функций является обозначение ситуации, в которой человек создает условия для наступления некоторого события, находящегося за пределами его контроля (см. примеры в [Thomson & Martinet 1997, с. 123–124]). Именно этот тип ситуации часто возникает в перцептивной практике человека, когда совершенное им действие служит спусковым крючком для возникновения определенного interoцептивного ощущения: *If you eat it, you will have your stomach turning again*. Примечательно, что сам субъект, ответственный за возникновение определенного ощущения, может лишь имплицироваться, и формальным каузатором выступает совершаемое им действие: *He took it, and the first pull of the strong, exotic smoke had his stomach bouncing* (N. Roberts. *Public Secrets*). Тем не менее, фигура подлинного каузатора дефокусирована здесь лишь частично; он эксплицитно указан в первой клаузе, и само действие обозначено не предикатом, а отглагольной именной формой (*a pull of smoke*). Роль субъекта как каузатора события становится особенно очевидной при сравнении этого примера с другим, описывающим сходную ситуацию, но с помощью иной каузативной конструкции: *The first puff made his head feel swimmy* (S. King. *Needful things*). Во втором случае «ответственность» за возникновение ощущения приписывается скорее качеству табака, а не действиям перципиента. Это связано, в числе прочих факторов, и с большей семантической жесткостью каузативного глагола *make*, который, по мнению А. Вежицкой, связан с идеей «произвола, намеренной жестокости, злобы, желания наказать» [Вежицкая 1999, с. 185]. Совершенно противоестественной следует признать ситуацию, в которой человек сознательно желает причинить себе вред, вызвав у себя головокружение. В отличие от первого примера, второй не допускает включения фигуры перципиента в каузативную конструкцию (Ср.: **He made his head feel swimmy*).

Перципиент имплицирован и в том случае, если в высказывании описывается ситуация, в которой он оказывается задействован, поскольку своим физическим присутствием он создает условия для возникновения ощущения: *The instant of total silence had her heart leaping into her throat* (N. Roberts. *Night shift & night shadow*). Такое «вдействие» может носить и метафизический характер, например, когда перципиент думает о ситуации, оценивает ее, представляет ее, тем самым включая себя в число ее участников в собственном ментальном пространстве этой ситуации: *She would have to face the Quinns. The thought of that had her stomach clutching again. A confrontation was inevitable, unavoidable* (N. Roberts. *Inner Harbor*);

The whole revolting mess, and every person involved with it, had my stomach churning (S. Andrews. A fall in Denver).

В функции предиката может использоваться и глагол *get*, также сопровождаемый причастием настоящего времени: *I ran on the treadmill, got my heart racing, my blood gushing like torrents of tears through untold vascular spaces (S. Nadler. Heart rhythms); All of it got my heart pounding a bit, but I knew I couldn't sustain anything on that blood pressure out (P. LaSalle. True tales); The encounter got my heart redlining (B. Heavey. Not the same).* Глагол *get* в каузативном значении обычно рассматривается в связке с *have*, и ему приписывается способность обозначать действие, сопряженное с определенными трудностями (см., например, [Ковалева 2008]) или характеризующееся крайней необходимостью, настоятельностью, безотлагательностью [Alexander 1997]. Это правило, однако, распространяется лишь на конструкции с причастием прошедшего времени (*have / get something done*). Что касается конструкций с причастием настоящего времени, преднамеренность каузации, сложность в достижении конечного результата представляются нерелевантными признаками. Из трех приведенных выше высказываний только первое в определенной степени может рассматриваться как намеренное желание перцепиента вызвать определенный комплекс внутрителесных состояний, сопровождаемых соответствующими ощущениями. В примерах 2 и 3 *get* не обнаруживает существенных семантических различий с *have*.

В корпусе интероцептивных высказываний представлены и конструкции с *make*. Мы уже упоминали выше о том, что *make*, по мнению А. Вежбицкой, обладает семантикой разрушительного, вредоносного воздействия. Это наблюдение подтверждается и примерами интероцептивного дискурса, поскольку конструкции с *make* встречаются преимущественно при описании болевых или, по крайней мере, интенсивно дискомфортных ощущений: *He approached the bathroom scales, his heart thudding so heavily that it made his eyes throb and his head ache (S. King. Thinner); [he] said something which made her heart feel like a hot ball of lead (W. Styron. Sophie's Choice); The sound made her bowels feel loose and hot and liquid (S. King. Gerald's game).*

Выделяя несколько подтипов конструкций с *make*, А. Вежбицкая неоднократно подчеркивает обязательное наличие контрфактической связи между событием-каузатором и событием-каузируемым: если бы не случилось первое, не произошло бы и второе. Так, например, предложение *[he] said something which made her heart feel like a hot ball of lead (W. Styron. Sophie's choice)* может быть трансформировано в *If he hadn't said it, her heart wouldn't have felt like a hot ball of lead*. Заметим, что контрфакτικότητα не является исключительно характеристикой конструкций с *make*, и аналогической трансформации могут быть подвергнуты и многие (но не

все) предложения, содержащие *cause*, а также *have* в сочетании с причастием: *Fear caused his heart to race — If he hadn't felt fear, his heart wouldn't have raced; The whole revolting mess had my stomach churning — If I hadn't seen the mess my stomach wouldn't have been churning*. Следует признать, однако, что второе предложение в каждой паре при всей своей допустимости звучит менее естественно, чем первое, и менее естественно, чем перифраз предложений с *make*. Возможно, это связано с тем, что в конструкциях с *make* имплицитно выражается нежелательность наступающего последствия [Вежбицкая 1999, с. 193], и именно эта нежелательность заставляет переосмысливать случившееся, конструируя гипотетическую ситуацию, в которой это последствие не наступило бы. Оптимальным средством конструирования подобной ситуации являются так называемые условные предложения третьего типа. Возможно, именно по этой причине пары *It made my heart jump — If it hadn't happened, my heart wouldn't have jumped* более близки в семантическом плане, чем те, первый член которых содержит другие каузативные предикаты.

По мнению А. Вежбицкой, «каузатив с *make* подразумевает, что каузируемый действует не по своей воле» [Там же, с. 184]. На первый взгляд, данное наблюдение представляется нерелевантным в отношении interoцептивного ощущения, поскольку область внутреннего тела не обладает волей в строгом смысле этого слова. Однако многократно отмеченная выше тенденция к олицетворению органов внутреннего тела и широко распространенная практика описания ощущения в терминах намеренно осуществляемого органом действия (*my heart wanted to strangle me; my heart tried to cram into my throat*) позволяют распространить это положение и на область interoцепции. Анализ показывает, что конструкции с *make* чаще всего используются в ситуациях, когда режим функционирования внутреннего тела меняется внезапно, и органу или фрагменту внутреннего тела «навязывается» некий тип поведения, к которому он в данный момент оказывается не расположен и который воспринимается как существенное отклонение от необходимой нормы: *the lethal concoction <...> had made her head behave like a sentient ping-pong ball in a mixing bowl (T. Sharpe. The Wilt alternative); I had to hurry to catch up, and the run made my heart ring a high, excited pitch in my head. Even in the canteen I still heard that sound my heart had knocked ringing in my head, though my heart had slowed back to normal (K. Kelsey. One flew over the cuckoo's nest)*. Замена глагола *make* другим каузативным предикатом в известной степени нейтрализует драматизм ситуации, представляя ощущение как предсказуемый, закономерный отклик на некоторый каузирующий фактор, а не исполненное внутреннего напряжения событие, связанное с подавлением воли каузируемого, преодолением его сопротивления, приведением его в новое, не свойственное ему состояние. Ср.: *We had been doing this behind his wife's back for months*.

He made my heart beat fast and my blood race through my body so strong and hard my baby's heart started beating too (K. Buckhanon. *Conception*); *I remember the first time you laughed, and how it made my heart leap* (J. Carey. *Kushiel's justice*).

Заметим также, что существует достаточно представительный корпус высказываний, в которых в качестве каузатора выступает внутреннее тело, а каузируемым является перципиент: *Her stomach turned over again, making her feel a little weak* (S. King. *The dead zone*); *Her stomach did a slow roll-over that made her feel a bit nauseated with sudden sexual longing* (S. King. *The dead zone*); *I also wondered if I could persuade him to bring me a Bible, which I had begun to hunger for far down inside me with a hunger that made me ache* (W. Styron. *The confessions of Nat Turner*). Ощущение возникает у перципиента неожиданно, в тот момент, когда оно мешает нормальному протеканию событий и не соответствует его планам, желаниям, намерениям и возможностям. В этом смысле конструкции с *make* как нельзя лучше выражают такой феноменологический признак interoцептивного ощущения, как неконтролируемость, и могут имплицировать желание подавить возникающее ощущение.

Выводы

1. При вербализации interoцептивных ощущений синтаксическая структура высказывания берет на себя часть общей смысловой нагрузки. Это становится возможным благодаря неразрывной связи синтаксиса с процессами мышления и познания, и способности синтаксических конструкций служить «средством организации не только текста, но и мысли» [Менджеричкая 2009, с. 221]. Признание этой связи позволяет говорить о том, что синтаксические конструкции, используемые при вербализации внутрителесного опыта, способны не просто обслуживать потребности interoцептивной лексики, но и презентировать определенные когнитивные структуры и процессы.
2. Структурируя субъективный interoцептивный опыт, синтаксис выполняет ряд важнейших функций общего и частного порядка. К числу общих функций относится способность синтаксических конструкций отражать модус переживания телесности — специфическое отношение к собственному телу, которое возникает в той или иной interoцептивной ситуации и выражается в стремлении ассоциировать себя с ним либо, напротив, противопоставить себя ему. На языковом уровне модус переживания телесности выражается в выборе таких языковых (в первую очередь, синтаксических) средств, которые позволяют опи-

сать событие как происходящее либо с самим человеком, либо с его телом. Тем самым синтаксис способен отражать глубинные мировоззренческие установки индивида относительно факта собственной телесной воплощенности, которые далеко не всегда эксплицируются в лексике. Анализ языковых фактов показывает, что философская контроверза «быть телом» и «иметь тело» должна разрешаться диалектически, поскольку языковые (синтаксические) средства номинации ощущения охватывают весь спектр возможных модусов восприятия тела: от полного отождествления с ним (полюс «Я есть тело») до противопоставления себя ему (крайний точка полюса «У меня есть тело»). Телесный опыт имеет континуальный характер, с наличием множества промежуточных звеньев между указанными полюсами. На языковом уровне эта континуальность репрезентируется наличием как прототипических синтаксических конструкций тождества и possessивности, так и их многочисленных модификаций, в которых производится профилирование или дефокусирование субъекта-перцепиента. Перцепиент способен варьировать модус переживания телесности, склоняясь к экзистенциальному или possessивному модусу в зависимости от особенностей актуального интероцептивного опыта. Модус «Я есть тело» оказывается наиболее востребованным при вербализации генерализованных ощущений («валовых чувств» — И. М. Сеченов), в то время как модус «У меня есть тело» актуализируется при описании локализованных ощущений. Одно и то же ощущение может быть представлено разными синтаксическими конструкциями, в зависимости от желания перцепиента ассоциировать себя с телом или дистанцироваться от него.

3. К числу общих функций можно отнести и способность синтаксической структуры высказывания репрезентировать феноменологические свойства интероцептивных ощущений, а также особенности их восприятия. Наиболее показательным в этом смысле является субъективный, внесоциальный характер интероцептивного опыта. Субъективность не сводится к уникальности каждого интероцептивного опыта и его несводимости к определенному стандарту. Она относится и к сфере восприятия интероцептивных ощущений, к осознаваемой перцепиентом необъективности его оценки происходящего и сомнениям в правильности предлагаемых когнитивных и вербальных решений. Это состояние неуверенности и связанного с ним лингво-когнитивного экспериментирования репрезентируется на вербальном уровне через модус кажимости. Наиболее важную роль при этом мы отводим синтаксическим конструкциям с предикатами *seem* и *feel*, которые не только используются для общей, приблизительной оценки интероцептивного события, но и отражают особенности восприятия интеро-

цептивной ситуации в тех или иных условиях наблюдения, а также темпоральные характеристики самого ощущения.

4. Синтаксическая структура высказывания способна репрезентировать и такое феноменологическое свойство интероцептивных ощущений, как неконтролируемость. Это особенно актуально для конструкций, где название органа, в котором локализуется ощущение, занимает позицию подлежащего, и вся ситуация описывается как совершаемые органом действия при дефокусировании перципиента. Неконтролируемость отчасти репрезентируется и объектным инфинитивным оборотом с предикатом *make*.
5. К более частным функциям синтаксической структуры высказывания относится ее способность представлять интероцептивное ощущение как новое, неизвестное или привычное, ранее испытанное. Конструкции тождества (*A is B*) отражают ситуацию выбора готового решения из имеющегося арсенала когнитивных средств, и оптимально приспособлены для вербализации ранее испытанного, знакомого ощущения. Конструкции сравнения (*A is like B*; *A feels as if it were B*, etc.) отражают процесс поиска оптимального способа интерпретации интероцептивного ощущения. Их употребление в речи свидетельствует о том, что в сознании перципиента происходит формирование когнитивной гипотезы, которая позволила бы ему осмыслить новое, непривычное ощущение. Конструкции, задействующие сравнение, рассматриваются в настоящей работе как репрезентанты концептуальной метафоры. По мере того, как вновь созданный образ укореняется в сознании перципиента, возрастает вероятность упрощения синтаксической структуры высказывания и ее преобразования из структуры сравнения в классическую структуру метафоры (*A is like B — A is B*).
6. Синтаксическая структура может репрезентировать когнитивную модель интероцептивного ощущения. Эта функция наименее очевидна при репрезентации моделей соотносительного типа и более или менее отчетливо прослеживается лишь при реализации модели «тело — компаньон» (в том числе, и ее модификации «тело — антагонист»). Наиболее важную роль синтаксическая конструкция играет при репрезентации каузативной модели. Варьирование предикатов в составе каузативной конструкции позволяет представить интероцептивное событие как простую цепочку причинно-следственных связей, а также сфокусироваться на роли каузатора и его ответственности за возникновение интероцептивной ситуации, оценить характер оказываемого воздействия, дать общую оценку интероцептивной ситуации в терминах желательности-нежелательности.

Заключение

Ah, God, how the mind boggles when it turns to moral or ethical considerations! Better not to think too much... Rely more on the body — the body is more dependable. It shows up for meetings, it looks good in a sports jacket, and where it really comes in handy is when you want to get a rubdown.

Woody Allen

Данная работа является опытом системного лингвистического описания феномена интероцепции и представляет собой попытку внести сильный вклад в изучение тела — нашей «индивидуальной территории жизни» [Подорога 1996], территории, без которой мы ничто.

Проведенное нами исследование выполнено в русле набирающей популярность соматоцентрической парадигмы и сопрягается с такими новыми, актуальными направлениями, как психосемиотика телесности (А. А. Романов, Ю. А. Сорокин) лингвосенсорика (В. К. Харченко, Л. В. Ланко), язык боли (Е. В. Рахилина, А. А. Бонч-Осмоловская, Дж. Бурк, Е. Семино) и другими. Мы постарались максимально полно и корректно вписать свое исследование в общий научный и культурный контекст, что заставило нас обратиться к работам «телесно-ориентированных» философов, психологов, культурологов и социологов, а также привлечь данные нейрологии и физиологии. Возможно, благодаря такому подходу исследование стало чуть менее лингвистичным. Но, потеряв в дисциплинарной конкретике, оно приобрело нечто гораздо более ценное — возможность продемонстрировать ту роль, которую способна сыграть лингвистика в интеграции гуманитарного знания и в решении насущных научных и социальных задач. Лингвистика — это не просто наука о звуках, морфемах, словах и синтаксических конструкциях. Она способна дать ключ к пониманию природы человеческого мышления и способов осмысления сложнейших проблем, затрагивающих самую суть человеческого бытия.

Одной из таких проблем, несомненно, является сфера интероцепции — мир «телесных катаклизмов» (У. Стайрон), доступный только индивиду, но окрашивающий все его существование, включая самые публичные его формы.

Интероцепция представляется весьма интересным и перспективным направлением лингвистических исследований, позволяющим изучать принципы овнешнения явлений субъективной реальности и выявлять роль различных когнитивных механизмов, задействованных в данном процессе. Основным из таких механизмов в нашем случае оказывается метафора, но нами были выявлены и описаны также случаи метонимической и комбинированной метафтонимической проекции.

Комплексный линвокогнитивный анализ позволил нам опровергнуть два распространенных мифа, на которых базируется основная масса современных гуманитарных исследований. Миф первый заключается в том, что человек совершенно свободен в осмыслении феноменов своей внутренней реальности и имеет неограниченную же свободу в выборе средств вербальной репрезентации своего субъективного интероцептивного опыта. Проведенный нами анализ убедительно продемонстрировал опосредованность индивидуального интероцептивного опыта культурой, которая направляет линвокогнитивное творчество своих носителей в строго определенное русло и активно препятствует выходу за пределы своего концептуария. Прокрустову ложу культуры отчасти противостоит язык, который предоставляет своим носителям массу альтернативных возможностей, обеспечивая индивидуацию при выводе ощущений в речь. Но даже в этом случае свобода человека — в богатстве **комбинаций**, а не в возможности использования **любого** языкового материала. Мы показали регулярность используемых метафорических моделей и описали способы их возможной модификации. В ряде случаев нам удалось показать, что динамика развития той или иной модели зависит от специфики дискурса, который регулирует семантический объем используемых лексических единиц и отвергает некоторые номинативные возможности при внешнем отсутствии каких бы то ни было ограничений.

Наше исследование опровергает и миф о скудости интероцептивного словаря, показывая богатство и разнообразие используемых в нем лексических средств. Скудость языка, по нашему мнению, есть лишь скудость идиолекта, нежелание или неспособность использовать те многочисленные и разнообразные возможности, которые предлагает нам наша линвокультурная среда. В качестве доказательства мы приводим краткий анализ интероцептивного идиолекта двух американских писателей — С. Кинга и У. Стайрона, — использующих широкий арсенал языковых средств для репрезентации интероцептивного опыта и демонстрирующих возможности креативного использования языковых средств при полном отсутствии концептуальных инноваций.

Описывая способы вербализации интероцептивных ощущений, мы постарались системно осветить роль синтаксических конструкций, поскольку, по нашему убеждению, они не только служат организующим цен-

тром интероцептивного высказывания, но и несут на себе часть общей смысловой нагрузки. Мы показали способность синтаксиса к выражению базовых мировоззренческих установок индивида в отношении собственного тела, изучив способы репрезентации модуса переживания телесности. Мы выявили также способность синтаксиса к отражению некоторых феноменологических свойств ощущений и проанализировали случаи системного сотрудничества лексики и синтаксиса в репрезентации когнитивного пространства интероцепции.

Мы не считаем наше исследование законченным, в полной мере осознавая масштабность проблемы, за решение которой мы взялись. Мы находимся лишь в самом начале пути и отчетливо видим возможности дальнейшей разработки темы. Но, используя метафору Д. Хебба, в данном случае при постройке нашего научного мостика мы удовлетворимся тем, что мы достаточно надежно закрепили его противоположные концы, и не страшно, что середина пока окажется шаткой [Hebb 1949].

Литература

- Аверин 2010*: Аверин В. А. Психология человека от рождения до смерти: психологический атлас человека. — М.: АСТ; С.-Пб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2010. — 651 с.
- Агафонов 2007*: Агафонов А. Ю. Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. — Самара: ИД «Бахрах-М», 2007. — 336 с.
- Александров, Александрова 2009*: Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. — 320 с.
- Арина 1999*: Арина Г. А. Психосоматический симптом как феномен культуры // Телесность человека: междисциплинарные исследования. — М., 1999. — С. 45–53.
- Арнаутова 2004*: Арнаутова Ю. Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в Средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — 398 с.
- Артемьева 1999*: Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И. Б. Ханиной. — М.: Наука; Смысл, 1999. — 350 с.
- Арутюнова 1972*: Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Общее языкознание: Внутренняя структура языка. — М.: Наука, 1972. — С. 259–343.
- Арутюнова 1990*: Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5–32.
- Баксанский 2009*: Баксанский О. Е. Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные. — М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009. — 224 с.
- Барт 2000*: Барт Р. Мифологии. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. — 320 с.
- Басалаева 2013*: Басалаева Е. Г. Языковая репрезентация запаха в парфюмерном интернет-дискурсе // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 375. — С. 16–20.
- Бахтин 1986*: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
- Бахтин 1995*: Бахтин Н. М. Из жизни идей. Статьи, эссе, диалоги. — М.: Лабиринт, 1995. — 152 с.
- Бердникова 2000*: Бердникова Т. А. Лексико-фразеологическое поле соматизмов: На материале архангельских говоров: дис... канд. филол. наук: 10.01.02. — М., 2000. — 376 с.
- Бескова 2006*: Бескова Д. А. Клинико-психологические характеристики внешней и внутренней границ телесности: На модели соматоморфных расстройств: дис... кандидата психологических наук: 19.00.04. — М., 2006. — 220 с.
- Бескова 2009*: Телесность как эпистемологический феномен. — М.: ИФРАН, 2009. — 231 с.
- Бескова 2010*: Бескова И. А., Герасимова И. А. Меркулов И. П. Феномен сознания. — М.: Традиция, 2010. — 367 с.

- Блок 2003*: Блок М. Феодальное общество. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. — 503 с.
- Богус 2006*: Богус З. А. Соматизмы в разносистемных языках: семантико-слово-образовательный и лингвокультурологический аспекты: на материале русского, адыгейского и английского языков: дис... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.20. — Майкоп, 2006. — 222 с.
- Бонч-Осмоловская 2007*: Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Концептуализация боли в русском языке: типологическая перспектива // Труды международной конференции «Диалог 2007». — М., 2007. — С. 76–82.
- Брицын 2009*: Концепт Боль в типологическом освещении/ Ред. В. М. Брицын, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Г. М. Яворская. — К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. — 424 с.
- Быховская 2000*: Быховская И. М. «Homo somatikos»: аксиология человеческого тела. — М.: URSS, 2000. — 208 с.
- Вежбицкая 1999*: Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 776 с.
- Величковский 2006*: Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. — М.: Academia, 2006. — 448 с.
- Ветлесен 2010*: Ветлесен А. Ю. Философия боли. — М.: Прогресс—Традиция, 2010. — 240 с.
- Витгенштейн 2003*: Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — С. 220–548.
- Газарова 2002*: Газарова Е. Э. Психология телесности. — М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2002–192 с.
- Гайтон 2008*: Гайтон А. К. Медицинская физиология. — М.: Логосфера, 2008. — 1296 с.
- Герасимова 2010*: Герасимова И. А. Сознание поверхностное и глубинное: возможности и перспективы анализа // Бескова И. А., Герасимова И. А., Меркулов И. П. Феномен сознания. — М.: Прогресс—Традиция, 2010. — С. 249–362.
- Гиппенрейтер 2009*: Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер et. al. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — 687 с.
- Греймас, Фонтаний 2007*: Греймас А. Ж., Фонтаний Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 336 с.
- Грицанов 2007*: Новейший философский словарь. Постмодернизм / Гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. — Мн.: Современный литератор, 2007. — 816 с.
- Гудков, Ковшова 2007*: Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. — М.: «Гнозис», 2007. — 288 с.
- Гуревич 2009*: Гуревич Л. С. Когнитивное пространство метакоммуникации. — Иркутск: ИГЛУ, 2009. — 372 с.
- Гуссерль 1911*: Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос. — М., 1911. — кн. 1.
- Двизова, Крюкова 2014*: Двизова А. В., Крюкова Л. Б. Языковые особенности презентации семантики вкуса в стихотворениях Б. Пастернака // Вестник ТГПУ. — 2014. — № 2(143). — С. 76–79.

- Дерябин 2010*: Дерябин В. С. Психология личности и высшая нервная деятельность: Психофизиологические очерки. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010. — 202 с.
- Джеймс 1993*: Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. — М.: Наука, 1993. — 431 с.; 4-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2014.
- Джеймс 2000*: Джеймс У., Рассел Б. Введение в философию. — М.: Республика, 2000. — 314 с.
- Дружинин 1999*: Современная психология: справочное руководство / ред. Дружинин В. Н. — Москва, ИНФРА-М, 1999. — 688 с.
- Дружинин 2002*: Когнитивная психология / Под ред. В. Н. Дружинина. Д. В. Ушакова. — М.: ПЕР СЭ, 2002. — 480 с.
- Дубровский 2013*: Дубровский Д. И. Субъективная реальность и мозг: опыт теоретического решения проблемы. — Режим доступа: www.inion.ru/files/File/Dubrovskij_D_I_FIS_2013_Doklad.pdf
- Елшанский 1999*: Елшанский С. П. Психосемантические аспекты нарушений структурирования внутреннего опыта у больных опийной наркоманией: дис...канд. псих. наук: 19.00.04. — М., 1999. — 206 с.
- Елшанский 2005*: Елшанский С. П. Семантика внутреннего восприятия при зависимостях от психоактивных веществ: На модели опийной наркомании: дис.... д. псих. наук: 19.00.04. — М., 2005. — 322 с.
- Ефремова 1997*: Ефремова О. В. Субъективная семантика интрацепции при ипохондрических синдромах // Психология субъективной семантики интрацепции. — Часть 1. — Москва: Институт молодежи. — 1997. — 229 с.
- Жадейко 2008*: Жадейко М. Н. Антропологические аспекты полисемии соматизмов: дис.... канд. филол. наук: 10.02.04. — Нижний Новгород, 2008. — 185 с.
- Жаров 1988*: Жаров Л. В. Человеческая телесность: философский анализ. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1988. — 128 с.
- Журавлев 2009*: Журавлев И. В., Никитина Е. С., Сорокин Ю. А. et.al. Психосемантика телесности / Под общ. ред. И. В. Журавлева, Е. С. Никитиной. — М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009. — 152 с.
- Залевская 2004*: Залевская А. А. Телесность / корпоральность и значение слова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. — Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2004. — С. 57–64.
- Запорожец 1966*: Запорожец А. В. Развитие восприятия и деятельность // Восприятие и действие, 30-й симпозиум XVIII Международного психологического конгресса. — М., 1966. — С. 35–44.
- Зинченко 2005*: Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2005. — 731 [5] с.
- Зинченко 2007*: Введение в психологию / Под ред. В. П. Зинченко. — СПб: Прайм—Еврознак, 2007. — 672 с.
- Золотова 1998*: Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: МГУ, 1998. — 524 с.
- Зыховская 2012*: Зыховская Н. Л. Изучение теории одорической вербализации в отечественной филологии // Вестник ЮУрГУ. — 2012. — № 25. — Серия «Лингвистика». Вып. 15. — С. 10–13.

- Изард 2006*: Изард К. Э. Психология эмоций. — СПб.: Питер, 2006. — 460 с.
- Иоффе 2008*: Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре: Эпоха модернизма / Сб. ст. под ред. Д. Г. Иоффе — М.: Ладомир, 2008. — 523 с.
- Ирисханова 2014*: Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 320 с.
- Карасик 2004*: Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. — 390 с.
- Караулов 1974*: Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. — М.: Наука, 1974. — 356 с.; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2014.
- Кассирер 2001*: Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышления. — М.: СПб: Университетская книга, 2001. — 280 с.
- Кикель 2006*: Краткий энциклопедический словарь философских терминов / П. В. Кикель, Э. М. Сороко. — Минск: БГПУ, 2006. — 266 с.
- Киященко 2009*: Киященко Л. П., Моисеев В. И. Философия трансдисциплинарности. — М.: ИФРАН, 2009. — 205 с.
- Князева 2009*: Князева Е. Н. Телесная природа сознания // Телесность как эпистемологический феномен. — М.: ИФРАН, 2009. — С. 31–54.
- Ковалева 2008*: Ковалева Л. М. Английская грамматика: предложение и слово. — Иркутск, 2008. — 397 с.
- Ковалева 2009*: Ковалева Л. М. О когнитивных категориях пропозитивного конституента предложения // Когнитивные категории в синтаксисе. — Иркутск: ИГЛУ, 2009. — С. 9–20.
- Козлова 2001*: Козлова Е. А. Метонимия как концептуальная основа функциональной категоризации английского глагола. Автореф. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2001. — 24 с.
- Кондаков 2003*: Кондаков И. М. Психология: Иллюстрированный словарь. — СПб: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2003. — 512 с.
- Кондильяк 1982*: Кондильяк Э. Б. Трактат об ощущениях // Собрание соч. в 3-х тт. Т. 2. — М., 1982. — С. 189–399.
- Красных 2003*: Язык, сознание, коммуникация. Вып. 23 / Отв. ред. В. В. Красных. — М., 2003. — 124 с.
- Крейдлин 2002*: Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 581 с.
- Круглякова, Рахилина 2010*: Круглякова В. А., Рахилина Е. В. Глаголы вращения: лексическая типология. — Режим доступа: www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/jtml/38.htm#_ftn1
- Круглякова 2010*: Круглякова В. А. Концептуализация вращения в испанском и русском языках // Cuadernos de Rusística Espanola. — 2010. — № 6. — С. 29–54.
- Круткин 1993*: Круткин В. Л. Онтология человеческой телесности (философские очерки). — Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. — 172 с.
- Кубряк 2009*: Кубряк О. В. Восприятие сердцебиений и когнитивные аспекты кардиоритма. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 112 с.
- Кубрякова 1999*: Кубрякова Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Мат. междунар. конф. — Часть 1. — Тамбов, 1999. — С. 6–13.

- Кубрякова 2004*: Кубрякова Язык и знание: на пути получения знаний о человеке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 555 с.
- Кубрякова 2010*: Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. — М.: — Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010. — 160 с.
- Кузнецова 2009*: Кузнецова Е. Г. Экспериментер как семантическая роль актанта предиката (семантическое толкование) // Вестник ЧелГУ. — 2009. — № 7 (188). Филология. Искусствоведения. — Вып. 41. — С. 82–85.
- Лаенко 2005*: Лаенко Л. В. Перцептивный признак как объект номинации: дис... доктора филол. наук. — Воронеж, 2005. — 465 с.
- Лакан 1992*: Лакан Ж. «Стадия зеркала» и другие тексты. — Режим доступа: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/lakan/st_zerk.php
- Ле Гофф 2001*: Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Изд. Группа «Прогресс», 2001. — 440 с.
- Лехциер 2007*: Лехциер В. Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. — Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2007. — 331 с.
- Лехциер 2009*: Лехциер В. Л. Семиозис болезни: дихотомия культурологизма и персонализма (преодолевая стереотипы биомедицины) // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». — 2009. — № 2 (6). — С. 85–111.
- Лотман 1975*: Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. — Ленинград: Наука, 1975. — С. 25–74.
- Лотман 1988*: Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. — М.: Просвещение, 1988. — 352 с.
- Лоуэлл 1997*: Лоуэлл Б. Л. Сигналы тела. О чем сообщает вам ваш организм. — М.: Вече, АСТ, 1997. — 576 с.
- Лоуэн 1999*: Лоуэн А. Предательство тела. — Екатеринбург: Деловая книга, 1999. — 326 с.
- Лоуэн 2002*: Лоуэн А. Депрессия и тело. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 384 с.
- Марсель 2007*: Марсель Г. Присутствие и бессмертие. Избранные работы — М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2007. — 328 с.
- Масалева 2010*: Масалева Н. В. Соматизмы в русской языковой картине мира: дис... канд. филол. наук: 10.02.01. — Иваново 2010. — 216 с.
- Матурана, Варела 2001*: Матурана У. Древо познания / У. Матурана, Ф. Варела. — М.: Прогресс—Традиция, 2001. — 224 с.
- Медведев 2005*: Медведев Д. А. Психология субъективной реальности: проблема интеграции современного антропологического знания // Гуманитарные исследования: Журнал фундаментальных и прикладных исследований. — 2005. — № 1. — С. 5–9.
- Мельников 1978*: Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. — М.: Советское радио, 1978. — 368 с.
- Менджерцкая 2009*: Менджерцкая Е. О. Когнитивный синтаксис современного английского языка: предмет и принципы анализа // Вестник СамГУ. — 2009. — № 7(71). — С. 219–225.

- Михель 2000*: Михель Д. В. Воплощенный человек. Западная культура, медицинский контроль и тело. — Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 2000. — 204 с.
- Мотрошилова 1989*: Мотрошилова Н. М. Анализ «предметностей сознания» в феноменологии Э. Гуссерля (на материале второго тома «Логических исследований») // Проблемы сознания в современной западной философии. — М., 1989. — С. 63–98.
- Никитин 2006*: Никитин В. Н. Онтология телесности: смыслы, парадоксы, абсурд. — М.: Когито—Центр, 2006. — 320 с.
- Николаева 1991*: Телесность человека: междисциплинарные исследования / отв. ред. Николаева В. В., Тищенко П. Д. — М.: ФО СССР, 1991. — 159 с.
- Николаева et. al. 2009*: Николаева В. В., Арина Г. А., Вишнева А. Е. Особенности автобиографии телесности у больных с депрессивными и тревожными расстройствами // Психология телесности: теоретические и практические исследования. Сб. статей II международной научно-практической конференции. — Пенза, 2009. — С. 28–33.
- Никуличева 2004*: Никуличева Д. Б. Перцептивное и грамматическое время в разных языковых культурах // Языковые значения: методы исследования и принципы описания (памяти О. Н. Селиверстовой). — М., 2004. — С. 172–184.
- Норман 2013*: Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. — 254 с.
- Носуленко 1988*: Носуленко В. Н. Психология слухового восприятия. — М.: Наука, 1988. — 214 с.
- Падучева 2003*: Падучева Е. В. К когнитивной теории метонимии. // Диалог-2003. — Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Paducheva.htm>.
- Пешковский 2009*: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009. — 450 с.
- Пинкер 2013*: Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу. — М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2013. — 560 с.
- Плохова 2009*: Плохова М. А. Квантовый подход к проблеме телесности // Телесность как эпистемологический феномен. — М.: ИФРАН, 2009. — С. 71–83.
- Подорога 1995*: Подорога В. А. Феноменология тела: Введение в философскую антропологию. — М.: Изд. фирма “Ad Marginem”, 1995. — 339 с.
- Поляков 2007*: Поляков С. Э. Мифы и реальность современной психологии. — М.: URSS, 2007. — 496 с.
- Поляков 2011*: Поляков С. Э. Феноменология психических репрезентаций. — Спб.: Питер, 2011. — 688 с.
- Попова 2014*: Попова О. В. «Быть телом» или «иметь тело», «быть проектом» или «иметь проект» // Электронный журнал «NB: Культуры и искусства», № 1, 2014. — www.e-notabene.ru/ca/article_10961.html
- Райх 1999*: Райх В. Характероанализ: Техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков. — М.: Республика, 1999. — 461 с.
- Рахилина, Прокофьева 2004*: Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания. — 2004. — № 1. — С. 60–78.

- Рахилина 2010*: Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. — М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2010. — 584 с.
- Ребер 2002*: Оксфордский толковый словарь по психологии/ Под ред. Ребера А. — 2002. — Режим доступа: vocabulary.ru/dictionary/487.
- Режабек, Филатова 2010*: Режабек Е. Я., Филатова А. А. Когнитивная культурология. — СПб: Алетейя, 2010. — 316 с.
- Риндисбахер 2010*: Риндисбахер Х. Д. От запаха к слову: моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Ароматы и запахи в культуре. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. Кн. 2. — С. 579–607.
- Рогачева 2010*: Рогачева Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX вв.: проблемы поэтики. — Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2010. — 403 с.
- Рождественский 2009*: Рождественский Д. С. Homo Somaticus. Человек соматический. — СПб.: ИП Седова Е. Б., 2009. — 264 с.
- Романов, Сорокин 2004*: Романов А. А., Сорокин Ю. А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. — М.: ИЯ РАН, ТвГУ, 2004. — 253 с.
- Романов, Сорокин 2008*: Романов А. А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела: монография / Романов А. А., Сорокин Ю. А. — М.: ИЯ РАН — Тверь: АГРОСФЕРА ТГСХА, 2008. — 172 с.
- Рубенис 1989*: Рубенис А. А. Телеологизм Гуссерлевской концепции сознания // Проблемы сознания в современной западной философии. — М.: Наука, 1989. — С. 99–109.
- Рубинштейн 2000*: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб: Издательство «Питер», 2000. — 720 с.
- Руденко 2001*: Руденко Д. И. «Новый русский реализм»: в берегах и вне берегов постмодернизма // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — С. 235–246.
- Рупчев 2001*: Рупчев Г. Е. Психологическая структура внутреннего телесного опыта при соматизации (На материале соматоморфных расстройств): дис.... канд. псих. наук. — М., 2001. — 128 с.
- Рябцева 2005*: Рябцева Н. К., Н. К. Язык и естественный интеллект. — М.: Academia, 2005. — 640 с.
- Савченко 2010*: Савченко В. А. Концептосфера «человек телесный» в русской и немецкой паремиологической картине мира: кросскультурный анализ соматизмов: дис... канд. филол. наук: 10.02.01. — Курск, 2010. — 249 с.
- Сартр 1992*: Сартр Ж. П. Тошнота // Сартр Ж. П. Стена. Избр. произв. — М.: Политиздат, 1992. — 478 с.
- Сартр 2011*: Сартр Ж. П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. — М.: Изд-во АСТ: Астрель, 2011. — 925 с.
- Селиверстова 2004*: Селиверстова О. Н. Труды по семантике. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 960 с.
- Семенова 2007*: Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости. — Иркутск: ИГЛУ, 2007. — 237 с.
- Сеченов 1952*: Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга // Избр. произведения. — М.: Изд. Академии Наук СССР, 1952. — Т. 1. — С. 7–127.

- Сидорова 2011*: Сидорова Т. А. Интерпретация когнитивного пространства текста // Вестник Нижегородского университета им. Н. Лобачевского, Сер. Филология. — 2011. — № 6 (2). — С. 628–632.
- Старикова 2011*: Старикова И. В. Восприятие звуков современной акустической среды: некоторые тенденции эмпирических исследований // Экспериментальная психология. — 2011. — № 4. — С. 27–51.
- Ткаченко 1994*: Основы физиологии человека / ред. Б. И. Ткаченко. — СПб: Международный фонд истории науки, 1994. — Т. 2. — 413 с.
- Тульчинский 1999*: Тульчинский Г. Л. Слово и тело постмодернизма. От феноменологии невменяемости к метафизике свободы // Вопросы философии. — 1999. — № 10. — С. 35–53.
- Тхостов 1994*: Тхостов А. Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник Московского Университета. Сер. 14, Психология. 1994. — № 2. — С. 3–13; № 3. — С. 3–12.
- Тхостов 2002*: Тхостов А. Ш. Психология телесности. — М.: Смысл, 2002. — 287 с.
- Тюлюпо 2005*: Тюлюпо С. В. Субъективный телесный опыт: динамика в пространстве общения ребенка и взрослого // Сибирский психологический журнал. — 2005. — № 22. — С. 59–65.
- Филиппова, Ноздрачев 2007*: Филиппова Л. В., Ноздрачев А. Д. Интероцепция и нейроиммунные взаимодействия. — СПб.: Наука, 2007. — 295 с.
- Филлмор 1981*: Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. — М.: Прогресс, 1981. — С. 369–496.
- Фромм 1998*: Фромм Э. Иметь или быть? — М.: АСТ, 1998. — 117 с.
- Фурс 2004*: Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты. — Дис. ... доктора филол. наук. — Тамбов, 2004. — 370 с.
- Халперн 2000*: Халперн Д. Психология критического мышления. — СПб: Питер, 2000. — 512 с.
- Харченко 2012*: Харченко В. К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты. — М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012. — 216 с.
- Холодная 2002*: Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. — М.: ПЕР СЭ, 2002. — 304 с.
- Цивьян 2005*: Цивьян Т. В. Отношение к себе и к своему телу в русской модели мира // Тело в русской культуре. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С. 38–48.
- Шмитц 2014*: Шмитц Г. Феноменология телесности // Социология власти. — 2014. — № 1. — С. 200–235.
- Черниговский 2007*: Черниговский В. Н. Избранные труды (К 100-летию со дня рождения). — СПб.: Наука, 2007. — 574 с.
- Экман 2010*: Экман П. Психология эмоций: я знаю, что ты чувствуешь. — М.: Питер, 2010. — 333 с.
- Ясперс 1997*: Ясперс К. Общая психопатология. — М.: Практика, 1997. — 1053 с.
- Adam 1998*: Adam A. Artificial knowing: Gender and the thinking machine. — London: Routledge, 1998. — 216 p.

- Alcott 1849*: Alcott W. A. The house I live in or, Popular illustrations of the structure and functions of the human body: For the use of families and schools / Ed. by Thomas C. Girtin. — London: Parker, 1849. — 224 p.
- Alexander 1997*: Alexander L. G. Longman English Grammar. — Longman Group UK Limited, 1997. — 384 p.
- Arshamian et.al. 2008*: Arshamian A., Olofsoon J. K. et. al. Sniff your way to clarity: The case of olfactory imagery. — Режим доступа: W3.psychology.u.se/staff/marlar/Arshamianetal08.pdf
- Baars 1997*: Baars B. J. In the theater of consciousness: The workplace of the mind. — Oxford: Oxford University Press, 1997. — 193 p.
- Badley 1996*: Badley L. Writing horror and the body: The fiction of Stephen King, Clive Barker, and Anne Rice. — USA: Greenwood Press, 1996. — 184 p.
- Banks 2014*: Banks R. J. The power of “I Am” and the law of attraction. — LA: Crystal City Publishing, LLC, 2014. — 136 p.
- Barnden 2010*: Barnden J. A. Metaphor and metonymy: Making their connections more slippery // *Cognitive Linguistics*, 2010. — Vol. 21, Issue 1. — P. 1–34.
- Barsalou 1999*: Barsalou L. Perceptual symbol systems // *Behavioral and Brain Sciences*. — 1999. — № 22. — P. 577–660.
- Belle & Riley 2010*: Belle A., Riley Ch. The house in which you live. — USA: Kessinger Publishing, 2010. — 202 p.
- Benthien 2002*: Benthien C. Skin: On the cultural border between self and the world. — New York: Columbia University Press, 2002. — 293 p.
- Bergen 2007*: Bergen B., Lindsay D., Matlock T., Narayanan S. Spatial and linguistic aspects of visual imagery in sentence comprehension // *Cognitive Science*, 2007. — № 31. — P. 733–764.
- Bergen 2012*: Bergen B. K. Louder than words: The new science of how the mind makes meaning. — USA: Basic Books, 2012. — 312 p.
- Biber et. al. 2000*: Biber D., Johansson S., Leech G. et.al. Longman grammar of spoken and written English. — Harlow: Pearson Education Limited, 2000. — 1204 p.
- Biro 2010*: Biro D. Listening to pain: Finding words, compassion, and relief. — New York, London: W. W. Norton & Company, 2010. — 256 p.
- Bourke 2014*: Bourke J. The story of pain: From prayer to painkillers. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — 396 p.
- Bowdle & Gentner 2005*: Bowdle B. F., Gentner D. The career of metaphor // *Psychological Review*, 2005. — Vol. 112. — № 1. — P. 193–216.
- Bridges & Goldberg 1992*: Bridges K., Goldberg D. Somatization in primary health care: Prevalence and determinants // *Primary health care and psychiatric epidemiology*. — London: Routledge, 1992. — P. 341–350.
- Broekman 1996*: Broekman, J. M. Intertwinements of Law and Medicine. — Belgium: Leuven University Press, 1996. — 250 p.
- Butler 2001*: Butler J. How can I deny that these hands and this body are mine? // *Material events: Paul de Man and the afterlife of theory*. — Minneapolis and London: University of Minnesota Press, 2001. — 416 p.
- Cameron 2001*: Cameron O. Interoception: The inside story — A model for Psychosomatic processes // *Psychosomatic Medicine*, 2001. — № 63. — P. 697–710.

- Cardini 2008*: Cardini F.-E. Manner of motion saliency: An inquiry into Italian // *Cognitive Linguistics*. — 2008. — № 19 (4). — P. 533–569.
- Chomsky 1975*: Chomsky N. Reflections on language. — New York: Pantheon, 1975. — 270 p.
- Cienki & Müller 2008*: Cienki A., Müller C. Metaphor, gesture, and thought // *The Cambridge book of metaphor and thought*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — P. 483–501.
- Clark 1997*: Clark A. Being There: Putting brain, body and world together again. — Cambridge: MIT Press, 1997. — 270 p.
- Clark 2011*: Clark A. Supersizing the mind: Embodiment, action, and cognitive extension. — Oxford: Oxford University Press, 2011. — 288 p.
- Collins 2011*: Collins M. R. Stephen King as Richard Bachman — NY: Create Space Independent Publishing Platform, 2011. — 208 p.
- Cortés de los Ríos 2010*: Cortés de los Ríos M. E. Cognitive devices to communicate the economic crisis: An analysis through covers in *The Economist* // *Ibérica*. — 2010. — № 20. — P. 81–108.
- Coulson 2001*: Coulson S. Semantic Leaps: Frame-shifting and conceptual blending in meaning construction. — New York and Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 304 p.
- Crawford 2009*: Crawford C. S. From pleasure to pain: the role of the MPQ in the language of phantom limb pain // *Social Science and Medicine*. — 2009. — № 69 (5). — P. 655–661.
- Croft & Cruse 2004*: Croft W., Cruse D. A. *Cognitive Linguistics*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 358 p.
- Damasio 1999*: Damasio A. R. The feeling of what happens. — NY: Harcourt, Inc., 1999. — 386 p.
- Damasio 2005*: Damasio A. R. Descartes' error: Emotion, reason and the human brain. — NY: Penguin Group, 2005. — 312 p.
- Danto 1999*: Danto A. C. The Body / body problem: Selected essays. — California: University of California Press, 1999. — 267 p.
- Deignan et.al. 2013*: Deignan A., Littlemore J., Semino E. Figurative language, genre and register. — Cambridge: Cambridge University Press, 2013. — 320 p.
- Dewey 1931*: Dewey J. Philosophy and civilization. — New York: Minton, Balch & Co., 1931. — 334 p.
- Coupland 2003*: Discourse, the body, and identity / Ed. by Coupland J., Gwyn R. — NY: Palgrave Macmillan, 2003. — 272 p.
- Dirven 2002*: Dirven R. Metonymy and metaphor: different mental strategies and conceptualization // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. — Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2002. — P. 75–111.
- Dodds & Tavernor 2002*: Body and building: Essays on changing relation of body and architecture / Ed. by Dodds G., Tavernor R. — USA: Massachusetts Institute of Technology, 2002. — 434 p.
- Durst-Andersen 2011*: Durst-Andersen P. Linguistic supertypes: A cognitive-semiotic theory of human communication. — Berlin / New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2011. — 314 p.

- Epstein 1995*: Epstein M. Thoughts without a thinker. — USA: Basic Books, 1995. — 257 p.
- Evans & Green 2006*: Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An introduction. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. — 830 p.
- Fauconnier 1994*: Fauconnier G. Mental spaces. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 190 p.
- Fauconnier & Turner 1994*: Fauconnier G., Turner M. Conceptual projection and middle spaces. — Social Science Research Network, 1994. — Режим доступа: papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1290862
- Fauconnier & Sweetser 1996*: Spaces, worlds and grammar / Ed. by G. Fauconnier, E. Sweetser. — Chicago: The University of Chicago Press, 1996. — 355 p.
- Fauconnier 1997*: Fauconnier G. Mappings in thought and language. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — 205 p.
- Fauconnier & Turner 1998*: Fauconnier G., Turner M. Principles of conceptual integration // Discourse and cognition. — Stanford: Center for the study of language and information, 1998. — P. 269–283.
- Fauconnier & Turner 2002*: Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. — USA: Basic Books, 2002. — 440 p.
- Fauconnier 2014*: Fauconnier G. Mental spaces, language modalities, and conceptual integration // The New Psychology of Language: Cognitive and Functional Approaches to Language Structure. — USA: Psychology Press. — P. 268–290.
- Fisher 1973*: Fisher S. Body consciousness. — London: Calder and Boyars, 1973. — 176 p.
- Fisher 1978*: Fisher S. Body image // Social Aspects of the Human Body. — London: Penguin Books, 1978. — P. 115–121.
- Forth & Crozier 2005*: Body parts: Critical explorations in corporeality / Ed. by Forth Ch. E., Crozier I. — Maryland: Lexington Books, 2005. — 276 p.
- Gallagher 2005*: Gallagher S. How the body shapes the mind. — New York: Oxford University Press, 2005. — 294 p.
- Gärdenfors 2014*: Gärdenfors P. Geometry of meaning: Semantics based on conceptual spaces. — Cambridge, Massachusetts: The Massachusetts Institute of Technology Press, 2014. — 343 p.
- Gaver 1993*: Gaver W. W. What in the world do we hear? An ecological approach to auditory event perception // Ecological Psychology. — 1993. — V. 5. — № 1. — P. 1–29.
- Geeraerts 2002*: Geeraerts D. The interaction of metaphor and metonymy in composite expressions // Metaphor and metonymy in comparison and contrast. — Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2002. — P. 435–456.
- Gennari et.al. 2002*: Gennari S. P., Sloman S. A., Malt B. C., Fitch W. T. Motion events in language and cognition // Cognition. — 2002. — № 83. — P. 49–79.
- Gentner 2010*: Gentner D. Bootstrapping the mind: Analogical processes and symbol systems // Cognitive Science, 2010. — № 34. — 752–775.
- Gentner & Colhoun 2010*: Gentner D., Colhoun J. Analogical processes in human thinking and learning // Towards a theory of thinking: Building blocks for a conceptual framework. — Berlin/ Heidelberg: Springer, 2010. — P. 35–48.

- Gibbs 1997*: Gibbs R. W. Taking metaphor out of our heads and putting it into the cultural world // *Metaphor in Cognitive Linguistics*. — Amsterdam: John Benjamins, 1997. — P. 145–166.
- Gibbs 2006*: Gibbs R. W. *Embodiment and Cognitive Science*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 338 p.
- Gilman 1988*: Gilman S. L. *Disease and representation: Images of illness from madness to AIDS*. — USA: Cornell University, 1988. — 320 p.
- Gilquin 2010*: Gilquin G. Corpus, cognition and causative constructions. — Amsterdam: John Benjamins B. V., 2010. — 326 p.
- Glucklich 1998*: Glucklich A. Sacred pain and the phenomenal self // *The Harvard Theological Review*. — Vol. 91. — № 4. — 1998. — p. 390–402.
- Goossens 1990*: Goossens L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Cognitive Linguistics*, 1990. — № I (3). — P. 323–340.
- Goss 2013*: Goss E. M. *Revealing Bodies: Anatomy, allegory, and the grounds of knowledge in the long eighteenth century*. — Maryland: Bucknell University Press, 2013. — 224 p.
- Gould 2007*: Gould H. J. *Understanding pain. What it is, why it happens, and how it's managed*. — NY: AAA Enterprises, Inc., 2007. — 152 p.
- Grahek 2011*: Grahek N. *Feeling pain and being in pain*. — USA: Massachusetts Institute of Technology, 2011. — 198 p.
- Green&Davis 2012*: Green D., Davis E. *Human body factory: The nuts and bolts of your insides*. — NY: Kingfisher, 2012. — 48 p.
- Gregory & Mergler 1990*: Gregory M. E., Mergler N. L. Metaphor comprehension: In search of literal truth, possible sense, and metaphoricality // *Metaphor and symbolic activity*, 1990. — № 5(3). — P. 151–173.
- Greimas 1987*: Greimas A. J. *Towards a semiotics of the natural world // On meaning: Selected writings in semiotic theory / Ed. by Perron T. P., Collins F. H.* — Minneapolis: University of Minnesota, 1987. — P. 17–47
- Greenwald 1991*: Greenwald H. P. Interethnic differences in pain perceptions // *Pain*, 1991. — № 44. — P. 157–163.
- Grosz 1994*: Grosz E. *Volatile bodies: Toward a corporeal feminism*. — USA: Indiana University Press, 1994. — 257 p.
- Grush 2004*: Grush R. The emulation theory of representation: Motor control, imagery, and perception // *Behavioral and Brain Sciences*. — 2004. — № 27. — P. 377–396.
- Hacker 2007*: Hacker P. M. S. *Human nature: The categorical framework*. — USA: Blackwell Publishing, 2007. — 326 p.
- Halford 1993*: Halford G. S. *Children's understanding: The development of mental models*. — New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. — 524 p.
- Halliday 1998*: Halliday M. A. K. On the grammar of pain // *Functions of Language*. V. 5, Issue 1. — 1998. — P. 1–32.
- Hart 2014*: Hart Ch. *Discourse, grammar and ideology: Functional and cognitive perspectives*. — Bloomsbury Publishing, 2014. — 256 p.
- Harré 1991*: Harré R. *Physical Being*. — Oxford: Basil Blackwell, 1991. — 280 p.

- Hebb 1949*: Hebb D. The organization of behavior. — USA: John Wiley & Sons Inc., 1949. — 335 p.
- Hegarty 1993*: Hegarty M. Constructing mental models of machines from text and diagrams // Journal of memory and language. — Academic Press, Inc., 1993. — № 32. — P. 717–742.
- Henk et.al. 1998*: Ownership of the Human Body: Philosophical considerations on the use of the Human Body and its parts in healthcare /Ed. by A. M. J. Henk et. al. — The Netherlands: Kluwer Academic Publishers. — 1998. — 244 p.
- Hilpert 2010*: Hilpert M. An empirical approach to the use and comprehension of mixed metaphors //Review of Cognitive Linguistics, 2010. — № 8 (1). — P. 66–92.
- Holt 1964*: Holt R. R. Imagery: the return of the ostracized // American Psychologist, 1964. — V. 19. — № 4. — P. 254–264.
- Irving 2009*: Irving A. The color of pain // Public Culture, 2009. — Vol. 21. — № 2. — P. 293–319.
- Jackendoff 1990*: Jackendoff R. Semantic structures. — Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1990. — 226 p.
- Jackson 2003*: Jackson M. Pain: The science and culture of why we hurt. — Toronto: Vintage Canada, 2003. — 366 p.
- James 1950*: James W. The principles of Psychology. — NY: Dover Publications, 1950. — 696 p.
- Johnson 1987*: Johnson M. The body in the mind. The bodily basis of meaning, imagination, and reason. — The University of Chicago Press, 1987. — 233 p.
- Johnson 2007*: Johnson M. The meaning of the body: Aesthetics of human understanding. — Chicago: The University of Chicago Press, 2007. — 328 p.
- Johnson-Laird 1983*: Johnson-Laird P. N. Mental models. — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1983. — 528 p.
- Johnson-Laird 1995*: Johnson-Laird P. N. Mental models, Deductive Reasoning, and the Brain //The Cognitive Neurosciences. — USA: Massachusetts Institute of Technology, 1995. — P. 999–1008.
- Jones 1976*: Jones M. R. Time our lost dimension: toward a new theory of perception, attention and memory // Psychol. Rev., 1976. — Vol. 83. — № 5. — P. 323–355.
- Kastenbaum 2004*: Kastenbaum R. On our way. The final passage through life and death. — Los Angeles: University of California Press, 2004. — 452 p.
- Kimmel 2008*: Kimmel M. Properties of cultural embodiment: lessons from the Anthropology of the Body // Body, language, and mind. Vol. 2: Sociocultural Situatedness. — NY: Mouton de Gruyter, 2008. — P. 77–108.
- Kimmel 2010*: Kimmel M. Why we mix metaphors (and mix them well): Discourse coherence, conceptual metaphor, and beyond //Journal of Pragmatics, 2010. — Vol. 42. — Issue 1. — P. 97–115.
- Kleinman 1988*: Kleinman A. The illness narratives: Suffering, healing, and the human condition. — USA: Basic Books, 1988. — 284 p.
- Kövesces 2000*: Kövesces Z. Metaphor and emotion: Language, culture, and body in human feeling. — Cambridge: Cambridge University Press, 2000. — 242 p.
- Kristeva 1982*: Kristeva J. Approaching abjection // Powers of horror. — NY: Columbia University Press, 1982. — P. 1–31.

- Lakoff 1987*: Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. — Chicago: University of Chicago Press, 1987. — 374 p.
- Lakoff & Kovecses 1987*: Lakoff G., Kovecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language & thought. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — P. 195–220.
- Lakoff & Johnson 1999*: Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought. — NY: Basic Books, 1999. — 624 p.
- Lakoff & Turner 1989*: Lakoff G., Turner M. More than cool reason: A field guide to poetic metaphor. — Chicago, London: The University of Chicago Press, 1989. — 237 p.
- Langacker 1987*: Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol I. Theoretical prerequisites. — Stanford: Stanford University Press, 1987. — 540 p.
- Langacker 1991*: Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. II: Descriptive application. — Stanford: Stanford University Press, 1991. — 628 p.
- Langacker 1999*: Langacker R. Grammar and conceptualization. — The Hague: Mouton de Gruyter, 1999. — 444 p.
- Larsson 2009*: Larsson M., Willander J. Autobiographical Odor Memory // International Symposium on Olfaction and Taste /Ed. by Th. E. Finger. — New York: The New York Academy of Sciences, 2009. — P. 318–324.
- Lascaratou 2007*: Lascaratou Ch. The language of pain: Expression or description? — The Netherlands: John Benjamins Publishing Co., 2007. — 248 p.
- Leder 1990*: Leder D. The absent body. — Chicago: The University of Chicago Press, 1990. — 229 p.
- Lee & Barnden 2001*: Lee M. G., Barnden J. A. Reasoning about mixed metaphors within an implemented artificial intelligence system// Metaphor and Symbol, 2001. — № 16 (1&2). — P. 29–42.
- Levin & Rappaport Hovav 1992*: Levin B., Rappaport Hovav M. The lexical semantics of verbs of motion: The perspective from unaccusativity // Thematic structure: Its role in Grammar. — Berlin: Foris, 1992. — P. 247–269.
- Levin 1993*: Modernity and the hegemony of vision / Ed. by D. M. Levin. — California: University of California Press. — 1993. — 412 p.
- Liley 1996*: Liley A. W. The tiniest humans. — Режим доступа: www.all.org/article/index/id/MjQ3Mw
- Lorenz 1973*: Lorenz K. Die Rückseite des Spiegels. — München: R. Piper & Co. Verlag, 1973. — 338 p.
- Maalej 2011*: Embodiment via body parts: Studies from various languages and cultures / Ed. by Maalej Z. A., Yu N. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2011. — 268 p.
- Mani & Pustejovski 2012*: Mani I., Pustejovski J. Interpreting motion: grounded representations for spatial language. — NY.: Oxford University Press, 2012. — 166 p.
- Marmaridou 2011*: Marmaridou S. The case of prosopo ‘face’ in Modern Greek // Embodiment via Body Parts: studies from various languages and cultures. — Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2011. — P. 23–40.
- MacLeod 1993*: MacLeod M. On knowing the patient: Experiences of nurses undertaking care // Worlds of illness. — London: Routledge, 1993. — P. 179–197.

- McAdoo 2007*: McAdoo N. Your body your castle your kingdom your home. — USA: Sunray Publishing, 2007. — 72 p.
- McAdams 1993*: McAdams S., Bigand E. Thinking in Sound: the Cognitive Psychology of human audition. — Oxford: Oxford University Press, 1993. — 354 p.
- Melhorn Boe 2009*: Melhorn-Boe L. Body Map. — Ontario: Transformer Press, 2009. — 9 p.
- Melzack & Wall 1996*: Melzack R., Wall P. D. The challenge of pain. — USA: Penguin Books, 1996. — 340 p.
- Merleau-Ponty 1963*: Merleau-Ponty M. The Structure of Behavior. — Boston: Beacon Press, 1963. — 286 p.
- Melzack 1975*: Melzack R. The McGill pain questionnaire: Major properties and scoring method // Pain. — 1975. — № 1. — P. 277–279.
- Morris 1993*: Morris D. B. The culture of pain. — Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1993. — 344 p.
- Moseley 2007*: Moseley G. L. Painful yarns: metaphors and stories to help understand the biology of pain. — Australia: Dancing Giraffe Press, 2007. — 116 p.
- Mouawad et al. 2011*: Mouawad N. J., Crofts B., Streu R., Desrochers R., Kimball B. C. Acute gallbladder torsion — a continued pre-operative diagnostic dilemma // World Journal of Emergency Surgery. — 2011. — P. 6–13.
- Müller 2008*: Müller C. Metaphors dead and alive, sleeping and walking. — Chicago: The University of Chicago Press, 2008. — 290 p.
- Narayanan 1997*: Narayanan S. Embodiment in language understanding: Sensory-motor representations for metaphoric reasoning about event descriptions. PhD dissertation. — Berkeley: University of California, 1997. — 240 p.
- Newby 1998*: Newby G. B. The strong cognitive stance as a conceptual basis for the role of information in informatics and information system design // Proceedings of the Joint Meeting of the World Multiconference on Systemics, Cybernetics and Informatics and the 4th International Conference in Informatics Systems Analysis and Synthesis, 1998. — P. 52–61.
- Oakley & Hougaard 2008*: Mental spaces in discourse and interaction / Ed. by T. Oakley, A. Hougaard. — Amsterdam / Philadelphia, 2008. — 269 p.
- Osgood 1957*: Osgood Ch., Suci G., Tannenbaum P. The measurement of meaning. — USA: University of Illinois Press, 1957. — 342 p.
- Parrill 2011*: Parrill F. The relation between the encoding of motion event information and viewpoint in English-accompanying gestures // Gesture 11:1. — John Benjamins Publishing Company. — 2011. — P. 61–80.
- Paster 1993*: Paster G. K. The body embarrassed: Drama and the disciplines of shame in Early Modern English. — USA: Cornell University Press. — 1993. — 288 p.
- Peterson 2011*: Peterson E. Musical representations of physical pain // Maldynia: Multi-disciplinary perspectives on the illness of chronic pain. — USA: CRS Press, 2011. — P. 133–144.
- Philippot & Rime 1997*: Philippot P., Rime B. The perception of bodily sensations during emotion: A cross-cultural perspective // Polish Psychological Bulletin, 1997. — № 28. — P. 175–188.
- Plutchik 1962*: Plutchik R. The emotions: Facts, theories and a new model. — NY: Random House, 1962. — 204 p.

- Polheums 1978*: Social aspects of the human body. Ed. By T. Polheums. — London: Pantheon Books, 1978. — 336 p.
- Pragglejaz group 2007*: MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse // *Metaphor and symbol*. — UK: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2007. — P. 1–39.
- Radden 2002*: Radden G. How metonymic are metaphors? // *Metaphor and metonymy at the crossroads: A cognitive perspective*. — Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2000. — P. 93–108.
- Rey 1995*: Rey R. The history of pain. — London: Harvard University Press, 1995. — 404 p.
- Richardson 1987*: Richardson R. Death, dissection and the destitute. — London and New York: Routledge & Kegan Paul, 1987. — 426 p.
- Rickheit & Habel 1999*: Mental models in discourse processing and reasoning. Ed. By G. Rickheit and Ch. Habel. — Amsterdam, 1999. — 420 p.
- Ritchie 2013*: Ritchie D. L. Metaphor. Key topics in semantics and pragmatics. — New York: Cambridge University Press, 2013. — 240 p.
- Rouse & Morris 1986*: Rouse W. B., Morris N. M. On looking into the black box: Prospects and limits in the search for mental models // *Psychological Bulletin*. — 1986. — № 100. — P. 349–363.
- Salter & Hearn 1996*: Salter L., Hearn A. Outside the lines: Issues in interdisciplinary research. — Quebec: McGill-Queen's University Press, 1996. — 220 p.
- Sandblom 1995*: Sandblom Ph. Creativity and disease: How illness affects literature, art and music. — New York; London: Boyars, 1995. — 239 p.
- Sanghavi 2003*: Sanghavi D. A map of the child: a pediatrician's tour of the body. — New York: Henry Holt and Company, 2003. — 305 p.
- Scarry 1985*: Scarry E. The body in pain: The making and unmaking of the world. — New York, Oxford: Oxford University Press, 1985. — 385 p.
- Schatzki 1996*: Schatzki Th. R. Social practices: A Wittgensteinian approach to human activity and the social. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — 246 p.
- Schilder 1935*: Schilder P. The image and appearance of the human body. — London: Taylor & Francis, 1935. — 362 p.
- Schönefeld 2011*: Converging evidence. Methodological and theoretical issues for linguistic research / Ed. by D. Schönefeld. — Amsterdam: John Benjamins, 2011. — 352 p.
- Semino 2008*: Semino E. Metaphor in discourse. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — 260 p.
- Semino 2010*: Semino E. Descriptions of pain, metaphor and embodied simulation // *Metaphor and Symbol*. — 2010. — 25 (4). — P. 205–226.
- Shapiro 2011*: Shapiro L. A. Embodied cognition: New problems of Philosophy. — New York: Routledge, 2011. — 238 p.
- Sheets-Johnstone 1999*: Sheets-Johnstone M. The primacy of movement. — Amsterdam: John Benjamins, 1999. — 574 p.
- Sheets-Johnstone 2013*: *Sheets-Johnstone M. Bodily resonance // Moving Imagination*. — Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2013. — P. 19–36.
- Sherrington 1906*: Sherrington Ch. S. The integrative action of the nervous system. — Liverpool, New York: Charles Scribner's Sons, 1906. — 412 p.

- Siegel 2010*: Siegel D. *Mindsight: Transform your brain with the new science of kindness*. — UK: Oneworld Publications, 2010. — 336 p.
- Sielke 2007*: *The body as interface: Dialogues between the disciplines*/ Ed. by S. Sielke, E. Schäfer-Wünsche. — Germany: Winter, 2007. — 338 p.
- Slatman 2010*: Slatman J. *Transparent Bodies: Revealing the myth of interiority // The Body Within: Art, medicine and visualization*. — The Netherlands: Brill, 2010. — P. 107–122.
- Slobin 2000*: Slobin D. I. *Verbalized events: A dynamic approach to linguistic relativity and determinism // Evidence for linguistic relativity*. — 2000. — P. 107–138.
- Slobin 2006*: Slobin D. I. *What makes manner of motion salient? Explorations in linguistic typology, discourse, and cognition // Space in languages: Linguistic systems and cognitive categories*. — Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2006. — P. 59–81.
- Sontag 1978*: Sontag S. *Illness as metaphor*. — NY: Farrar, Straus and Giroux, 1978. — 87 p.
- Sontag 1989*: Sontag S. *AIDS and its metaphors*. — NY: Farrar, Straus and Giroux, 1989. — 96 p.
- Steen 2007*: Steen G. J. *Finding metaphor in Grammar and usage: A methodological analysis of theory and research*. — The Netherlands: John Benjamins Publishing Co., 2007. — 436 p.
- Steen 2010*: Steen G. J., Biernacka E., Dorst A. G. et. al. *Pragglejazz in practice: Finding metaphorically used words in natural discourse // Researching and applying metaphor in the real world*. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. — P. 165–184.
- Styron 1992*: Styron W. *Darkness visible: A memoir of madness*. — New York: Random House Inc., 1992. — 86 p.
- Talmy 1985*: Talmy L. *Lexicalization patterns. Semantic structure in lexical form // Language typology and syntactic description*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1985. — P. 36–149.
- Talmy 2000*: Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics. Vol. 2. Typology and process in concept structuring*. — USA: Massachusetts Institute of Technology, 2000. — 569 p.
- Tanosaki et.al. 2002*: Tanosaki M., Suzuki A., Kimura T., Takino R., Haruta Y., Hoshi Y., Hashimoto, I. *Contribution of primary somatosensory area 3b to somatic cognition: a neuromagnetic study // Neuroreport*, 2002. — № 13(12). — P. 1519–1522.
- Tay 2013*: Tay D. *Metaphor in Psychotherapy: A descriptive and prescriptive analysis*. — The Netherlands: John Benjamins Company, 2013. — 216 p.
- Thomson & Martinet 1997*: Thomson A. J., Martinet A. V. *A practical English Grammar*. — Oxford: Oxford University Press, 1997. — 383 p.
- Torsten 1989*: Torsten H. *The human body as symbol: Psychotherapy of schizophrenia through existential dialectics*. — Denmark: AiO Tryk, 1989. — 146 p.
- Throop 2010*: Throop C. J. *Suffering and sentiment: Exploring the vicissitudes of experience and pain in Yap*. — USA: University of California Press, 2010. — 354 p.
- Tucker 2007*: Tucker D. *Mind from body: Experience from neural structure*. — USA: Oxford University Press, 2007. — 336 p.

- Turner 1992*: Turner B. S. Regulating bodies: Essays in medical sociology. — London: Routledge, 1992. — 280 p.
- Twigg 2006*: Twigg J. The body in health and social care. — New York: Palgrave Macmillan, 2006. — 240 p.
- Van Dantzig 2009*: Van Dantzig S. Mind the Body: Grounding Conceptual Knowledge in Perception and Action. — Rotterdam: Erasmus University, 2009. — 156 p.
- Varela et.al. 1992*: Varela F. J., Thompson E. T., Rosch E. The embodied mind: Cognitive Science and human experience. — USA: Massachusetts Institute of Technology, 1992. — 310 p.
- Weingart & Stehr 2000*: Weingart P., Stehr N. Practising Interdisciplinarity. — Toronto: University of Toronto Press, 2000. — 296 p.
- Woolf 2012*: Woolf V. On being ill. — Ashfield, Massachusetts: Paris Press. — 2012. — 124 p.
- Wylde et.al. 2014*: Wylde V., Wells V., Dixon S., Gooberman-Hill R. The colour of pain: can patients use colour to describe osteoarthritis pain? // Musculoskeletal Care, 2014. — 12(1). — P. 34–46.

Список принятых в работе сокращений

- КРЯ** — Национальный корпус русского языка. —
Режим доступа: www.ruscopora.ru
- BNC** — British National Corpus. —
Режим доступа: www.natcorp.ox.ac.uk
- COCA** — Corpus of Contemporary American English. —
Режим доступа: corpus.byu.edu/coca/
- LDAE** — Longman Dictionary of American English. —
NY: Addison Wesley Longman, 1997. — 934 p.
- MEDAL** — Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. —
Oxford: Bloomsbury Publishing Plc., 2002. — 1690 p.
- NOAD** — New Oxford American Dictionary. —
Oxford: Oxford University Press, 2010. — 2096 p.
- OALD** — Oxford Advanced Learner's Dictionary. —
Oxford: Oxford University Press, 2008. — 1580 p.
- MW** — Merriam Webster. — Режим доступа:
www.merriam-webster.com/dictionary/pound